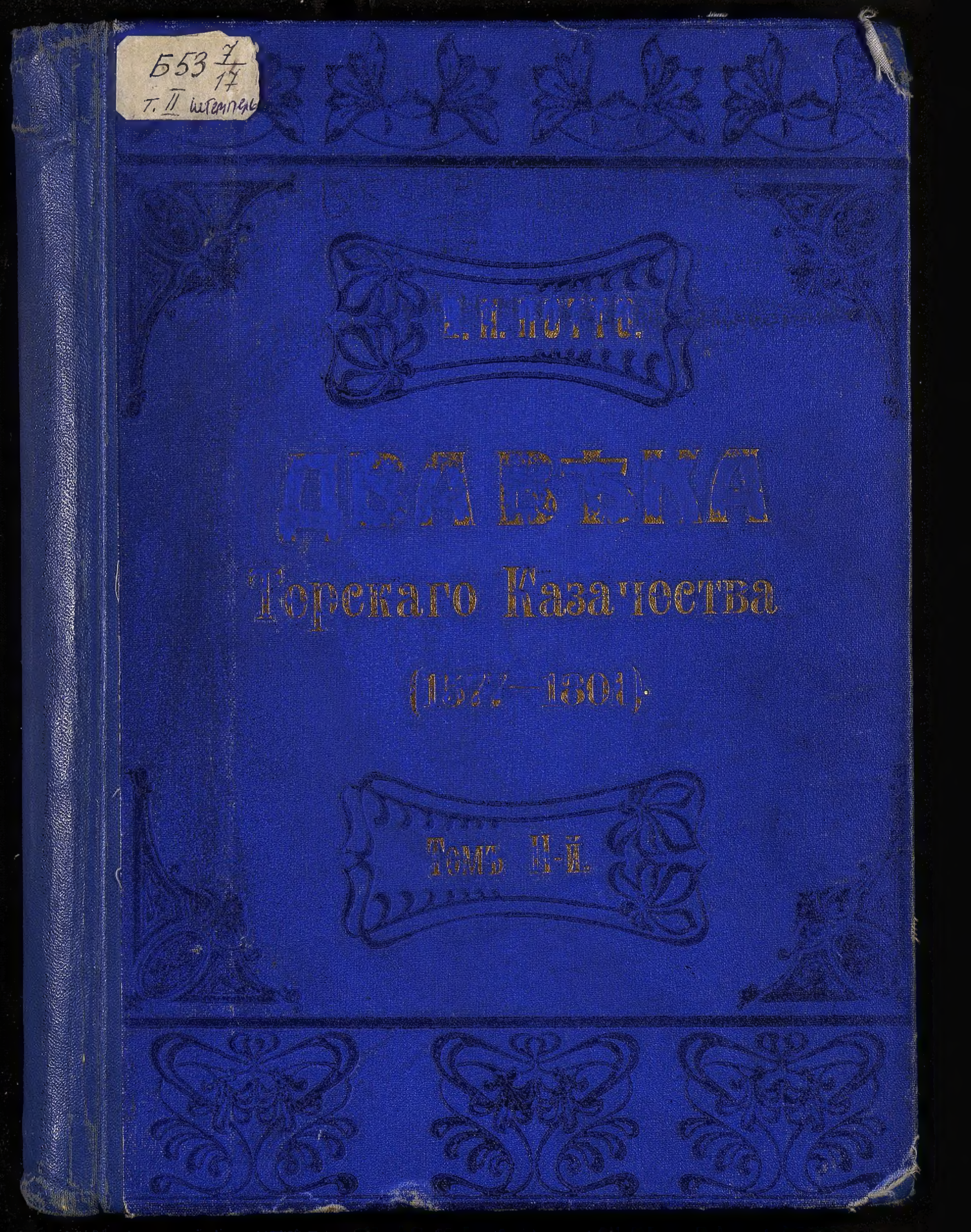
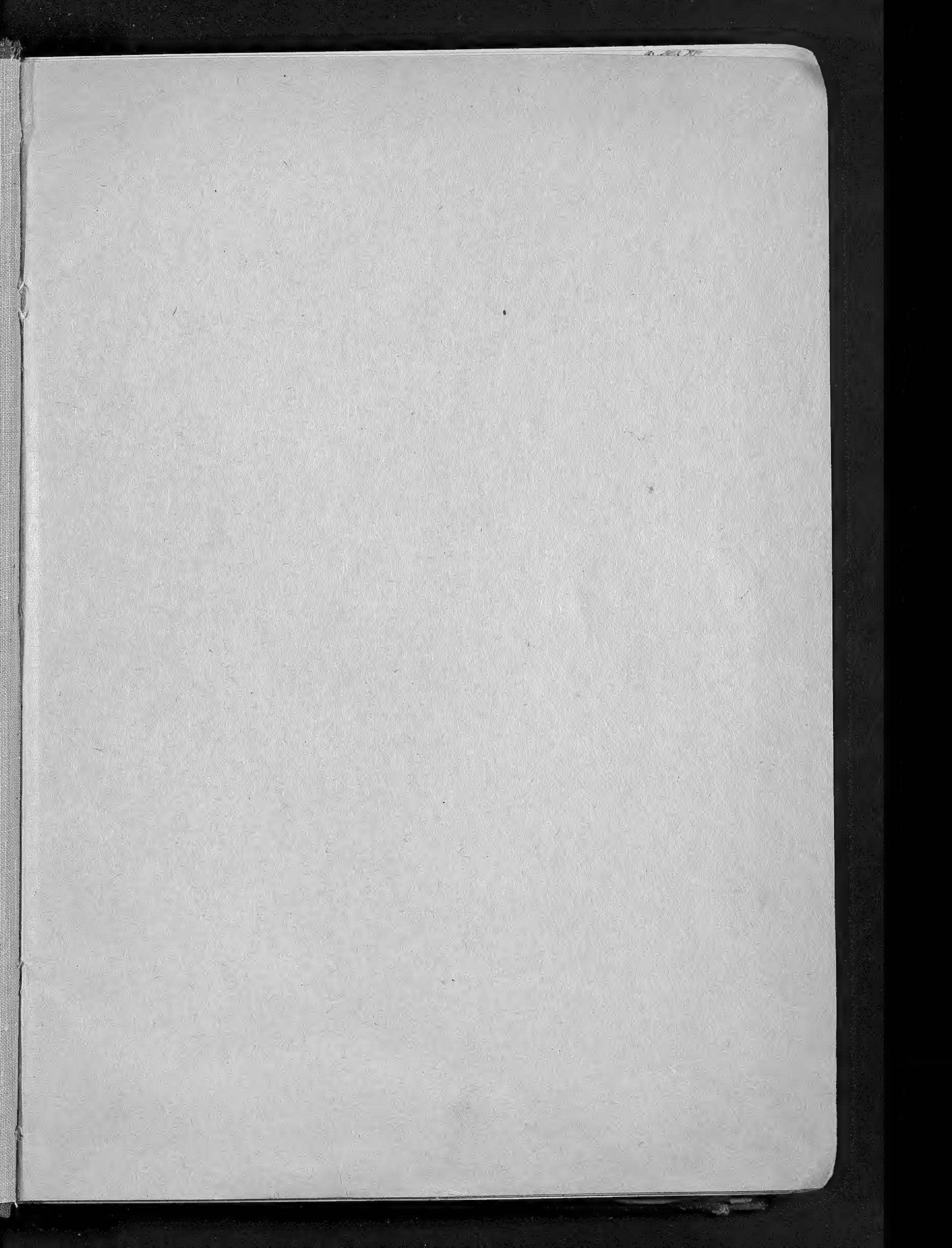


В. А. Потто.

Два вѣка Терскаго Казачества

(1577—1801).

Томъ II-й.



В. А. ПОТТО.

ДВА ВѢКА
Терскаго Казачества
(1577—1801).

Томъ II-й.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Электропечатня Типографіи Терскаго Областного Правленія.
1912.

Оглавленіе II-го тома.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

ственная зима 1725 года.—Страшная смертность въ казачьихъ городкахъ.—Милости Екатерины I Аграханскимъ казакамъ.—Пожалованіе казачьимъ войскамъ первыхъ знаменъ.—Какія изъ этихъ знаменъ дошли до нашего времени.

Глава IV.

Князь Василій Долгоруковъ въ роли командира Низоваго корпуса.—Посѣщеніе имъ крѣпости Святаго Креста и казачьихъ городковъ.—Объѣздъ края.—Мнѣніе его о казакахъ.—Прибавка содержанія.—Воцареніе Петра II и отозваніе князя Долгорукова ко двору.—Войска въ Дагестанѣ подчиняются генералу Румянцеву.—Продолженіе военныхъ дѣйствій.—Заботы правительства объ усиленіи казачьихъ войскъ на Сулакѣ и Аграхани.—Переговоры съ Персіей.—Императрица Анна Ивановна уступаетъ шаху всѣ завоеванныя персидскія провинціи.—Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій.—Нашествіе Крымцевъ и бой 11 іюля.—Блистательная побѣда принца и необъяснимое отступленіе его въ крѣпость Святаго Креста.—Отозваніе принца и назначеніе на мѣсто его Левашова.—Прибытіе его въ Дагестанъ и инструкція, данная имъ казакамъ.—Миръ съ Персіею.—Русская граница переносится опять на Терекъ.

Глава V.

Основаніе Кизляра взамѣнъ крѣпости Святаго Креста.—Легенда о происхожденіи его имени.—Новые обитатели Кизляра.—Переселеніе съ Сулака обратно на Терекъ Терскаго и Аграханскаго казачьихъ войскъ.—Переименованіе послѣдняго въ Терско-Семейное войско.—Численность этихъ войскъ и мѣста, занятыя подъ ихъ поселенія.—Что встрѣтили казаки при переселеніи ихъ къ Кизляру.—Бѣдственное положеніе ихъ семей и первая помощь, оказанная правительствомъ Терско-Семейному войску.—Новая война съ Турціей 1736 года.—Участіе въ ней Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ.—Гребенской атаманъ Данило Аука.—Осада Азова.—Дѣйствія на Кубани Калмыцкаго хана вмѣстѣ съ Гребенскими и Терскими казаками.—Перерывъ военныхъ дѣйствій.—Зимняя экспедиція и страшный разгромъ Закубанцевъ калмыками и казаками.

Глава VI.

Зима на 1737 годъ.—Тревоги на Терекѣ.—Гребенскіе и Терскіе казаки въ летучемъ отрядѣ капитана Лопухина.—Взятіе ими города Темрюка и дѣйствія противъ Некрасовцевъ.—Возвращеніе на линію.—Бѣлградскій миръ 1739 года, по которому Кабарда признана независимой отъ Россіи.—Что происходило въ то время на линіи.—Калмыцкія неурядицы.—Посольство Надиръ-Шаха въ Россію. Походъ его въ Дагестанъ, и слухи о готовящемся нападеніи на Кизляръ.—Мѣры, принятыя для обороны границы.—Ожиданіе нашествія персидскаго шаха.—Соединеніе Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ въ одно войско.—Неурядица среди казаковъ и обратное раздѣленіе войскъ.—Обычная возня съ Чеченею.—Не состоявшійся походъ Терско-Кизлярскаго войска въ Пруссію въ 1760 году.—Кончина Императрицы Елизаветы.—Кратковременное царствованіе Петра III.—Участіе, принятое Гребенскими и Терскими Семейными казаками въ возведеніи на престолъ Императрицы Екатерины II.

Глава VII.

Какъ шло казачье хозяйство на Гребняхъ и на Терекѣ.—Главныя отрасли его: хлѣбопашество, винодѣліе и рыболовство.—Своеобразный кодексъ морского права, выработанный Терскими казаками.—Кизляръ и его климатическія условія по свидѣтельству доктора Девита.—Введеніе откупной системы и вліяніе ея на казачье хозяйство.—Прекращеніе свободной продажи вина.—Стѣсненія рыболовства.—Вмѣшательство въ это дѣло военной коллегіи.—Возстановленіе Сенатомъ казачьихъ привиллегій.—Шелководство и добываніе марены.—Охота, какъ особая повинность Гребенскихъ казаковъ.—Обложеніе казаковъ земскими повинностями. Учрежденіе таможенъ и стѣсненіе въ мѣновой торговлѣ съ затеречными жителями.—Контрабанда, какъ слѣдствіе этихъ стѣснительныхъ мѣръ.

Глава VIII.

Старообрядство въ Гребенскомъ войскѣ.—Гребенцы передъ судомъ Петра Великаго.—Взглядъ Петра на старообрядство и высокое покровительство, оказанное имъ Гребенскимъ казакамъ.—Учрежденіе Кизляра и особаго въ немъ духовнаго правленія.—Отношеніе его къ Гребенскому казачеству.—Борьба за религіозныя обрядности.—Епископъ Илларіонъ и его распоряженія.—Отпаденіе Гребенцовъ отъ православной церкви.—Особый характеръ Гребенского раскола.

Глава IX.

Отношенія Екатерины Великой къ Кавказу.—Заложеніе Моздока.—Претензіи кабардинцевъ на Моздокъ и отклоненіе домогательствъ.—Набѣгъ на Кизляръ въ 1765 году.—Начало Турецкой войны.—Генералъ Медемъ.—Мѣры, принятыя для охраны края.—Прибытіе на Кавказъ части Волжскихъ казаковъ съ походнымъ атаманомъ Савельевымъ.—Пораженіе Калмыцкимъ ханомъ Кабардинцевъ и Закубанскихъ черкесъ.—Движеніе Медема на соединеніе съ Калмыцкимъ ханомъ.—Первая боевая служба Волжскихъ казаковъ на Кавказѣ.—Бой 6 іюня 1769 года въ ущельяхъ Подкумка.—Покореніе Кабарды и учрежденіе Кабардинскаго приставства.—Походъ на Кубань.—Подвиги Гребенскихъ и Волжскихъ казаковъ.—Второй набѣгъ на Кизляръ въ отсутствіе Медема.—Возвращеніе Медема и его репресаліи.—Третій набѣгъ на Кизляръ въ 1770 году.—Учрежденіе Моздокскаго полка изъ Волжскихъ казаковъ.—Прошлое Волжскаго войска.—Какъ оно учредилось и какую несло службу.—Поселеніе Моздокскаго полка и первый командиръ его полковникъ Савельевъ.

Глава X.

Турецкая кампанія 1771 года.—Своевольный набѣгъ на Кубань калмыковъ.—Неудовольствіе между Медемомъ и Калмыцкимъ ханомъ.—Измѣна калмыковъ.—Какимъ образомъ отразилась эта измѣна на нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ.—Домашняя смута въ казачьихъ городкахъ.—Казакъ Терско-Семейнаго войска Емельянъ Пугачевъ.—Попытка его сдѣлаться войсковымъ атаманомъ, арестъ его и бѣгство на Яикъ.—Новые споры съ Кабардинцами изъ-за Моздока и ингушей, желавшихъ принять русское подданство.—Вредная уступ-

чивость нашей политики.—Турція поднимаетъ противъ насъ Кабарду, Чечню и Кумыковъ.—Двукратное нападеніе на Калиновскую станицу.—Тяжелое положеніе Моздокскаго полка.

Глава XI.

Начало 1774 года.—Пугачевъ провозглашаетъ себя Императоромъ Петромъ III.—Слухи о его дѣйствіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ.—Появленіе его на Волгѣ.—Волжское войско переходитъ на сторону самозванца.—Мѣры охраны, принятыя на Терекѣ.—Прокламація Астраханскаго губернатора Кречетникова, обнародованная въ казачьихъ городкахъ.—Успѣхи самозванца.—Пораженіе и гибель его.—Дѣйствія Крымскихъ татаръ до появленія ихъ въ Кабардѣ.—Сборъ русскаго отряда у Пятигорья.—Прискорбный эпизодъ съ ложнымъ извѣтомъ на Гребенское войско.—Движеніе непріятеля къ Моздоку.—Истребленіе казачьихъ городковъ.—Геройская защита Наурской станицы.—Наурская казачка.—Пораженіе Чеченцевъ полковникомъ Савельевымъ.—Окончаніе Турецкой войны.

Глава XII.

Участіе Моздокскаго полка въ покореніи Дербента въ 1775 году.—Отозваніе генерала Медема.—Подчиненіе всѣхъ казачьихъ войскъ свѣтлѣйшему князю Потемкину.—Характерныя свѣдѣнія, доставленныя ему о состояніи казачьихъ войскъ на Волгѣ и Терекѣ.—Назначеніе Якоби Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ и соединеніе въ рукахъ его военнаго и гражданскаго управленія Кавказскимъ краемъ.—Проектъ князя Потемкина о заселеніи Сѣвернаго Кавказа крестьянами.—Необходимость прикрыть отъ нападенія горцевъ пустынныя Ставропольскія степи.—Новая Азовско-Моздокская линія и сформированіе двухъ новыхъ казачьихъ полковъ Хоперскаго и Волжскаго.—Тяжелый походъ этихъ полковъ лѣтомъ 1777 года на Кавказскую линію.

Глава XIII.

Поселеніе Волжскихъ и Хоперскихъ казаковъ на новой линіи.—Регаліи, принесенныя съ собою Волжскимъ полкомъ.—Невыясненная исторія съ ихъ знаменами.—Тяжелыя условія пограничной службы.—Военныя дѣйствія съ начала 1799 года.—Бой, возгорѣвшійся разомъ по всему протяженію Моздокской линіи.—Двукратное нападеніе кабардинцевъ на лагерь Якоби и на Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, слѣдовавшихъ съ Кавказской линіи.—Геройская оборона Волжскихъ казаковъ въ Марьевской крѣпости.—Пораженіе кабардинцевъ и участіе въ этомъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ.—Временное затишье на линіи.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ августѣ и серьезное положеніе дѣлъ въ окрестностяхъ Георгіевска.—Вызовъ Моздокскаго полка.—Прибытіе изъ Россіи новыхъ войскъ съ генераломъ Фабриціаномъ.—Полный разгромъ кабардинцевъ 29 сентября на Малкѣ.—Тяжелыя условія, предписанныя имъ генераломъ Якоби.—Начало колонизаціи края русскимъ населеніемъ.—Назначеніе на мѣсто Якоби генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина.

Глава XIV.

Новыя задачи Россіи на Кавказѣ.—Положеніе, въ которомъ Потемкинъ нашелъ Кавказскую линію.—Экспедиція въ Чечню полковника Кека и участіе въ ней линейныхъ каза-

ковъ.—Принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи.—Разработка дороги черезъ главный Кавказскій хребетъ.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Тифлисъ.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Персіи, въ Турціи и среди Кавказскихъ горцевъ.—Вторичная экспедиція въ Чечню Потемкина.—Устройство новой линіи отъ Моздока до подножія Кавказскаго хребта. Заложеніе Владикавказа.—Линейные казаки въ Грузіи.—Дѣятельность Потемкина, какъ колонизатора, края и учрежденіе Кавказскаго намѣстничества.—Причины, замедлившія открытіе его.—Появленіе въ Чечнѣ Шихъ-Мансура и ученіе его о газаватѣ.—Истребленіе Мансуромъ отряда полковника Пьери.—Нападеніе чеченцевъ на Кизляръ и взрывъ Каргинскаго редута.—Неудача Мансура и его отступленіе.—Осада имъ Григоріополиса.—Вторичный набѣгъ на Кизляръ.—Геройская защита Гребенскихъ казаковъ съ войсковымъ атаманомъ Сехинымъ и Терскихъ съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ.—Дѣйствія полковника Савельева.—Послѣдній бой съ Мансуромъ у Татартуба и бѣгство его за Кубань.

Глава XV.

Открытіе Кавказскаго намѣстничества.—Екатерининская станица Волжскаго войска наименовывается областнымъ городомъ Екатериноградомъ.—Подданство Шамхала Тарковскаго.—Преддверіе Турецкой войны.—Шихъ-Мансуръ поднимаетъ противъ насъ все Закубанье.—Гибель трехъ Донскихъ казачьихъ полковъ.—Старинная пѣсня.—Попытка обратить кабардинцевъ въ поселенное войско.—Кабардинская милиція.—Вторая Турецкая война и экспедиція Потемкина за Кубань.—Отозваніе Потемкина въ главную дѣйствующую армію.—Заботы Потемкина о колонизаціи края.—Какъ отразилось учрежденіе намѣстничества на благосостояніи казачьихъ войскъ.—Нарушеніе старинныхъ казачьихъ привиллегій.—Захватъ кабардинцами русскихъ земель.—Гребенцы теряютъ право на владѣніе правымъ берегомъ Терека, который заселяется чеченцами.—Новыя земскія повинности и налоги.—Откупная система и стѣсненіе всѣхъ отраслей казачьяго хозяйства.

Глава XVI.

Назначеніе на мѣсто Потемкина генерала Текелли.—Донесеніе его о состояніи, въ которомъ онъ нашелъ войска послѣ Потемкина.—Мѣры къ приведенію ихъ въ порядокъ.—Экспедиція за Кубань осенью 1787 года.—Рескриптъ Императрицы.—Набѣгъ Кабардинской милиціи и мнѣніе о немъ самаго Текелли.—Чеченскіе набѣги.—Подвигъ Гребенцовъ близъ Щедринской станицы.—Перенесеніе областного города изъ Екатеринограда въ Георгіевскъ.—Приготовленіе къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.—Экспедиція 1788 года.—Гребенскіе и Терскіе казаки въ бою на Урухѣ.—Текелли подъ стѣнами Анапы.—Бой на р. Абинѣ.—Послѣднія распоряженія Текелли.

Глава XVII.

Назначеніе на мѣсто Текелли графа Салтыкова.—Кратковременное его управленіе.—Отозваніе графа Салтыкова для командованія войсками въ Финляндіи.—Бѣдственный походъ Бибикова подъ Анапу.—Полное разстройство Кавказскаго корпуса.—Назначеніе на мѣсто Бибикова графа Де-Бальмена.—Переходъ турокъ въ наступленіе.—Блистательная побѣда генерала Германа надъ сераскиромъ Баталъ-пашею.—Участіе въ этомъ дѣлѣ Волжскихъ и Хоперскихъ казаковъ.

Глава XVIII.

Гудовичъ въ роли главнокомандующаго.—Походъ его къ Анапѣ.—Участіе линейныхъ казаковъ въ дѣлахъ 11 и 13 іюня.—Гребенцы, Семейные казаки, Волжцы и Хоперцы на штурмѣ Анапы.—Окончаніе 2-й Турецкой войны.—Новое устройство Кавказской линіи.—Лестный отзывъ Гудовича о Гребенскихъ казакахъ.—Проектъ его о поселеніи на Кубани новыхъ казачьихъ станицъ.—Мятежъ среди Донскихъ казаковъ.—Усмиреніе бунта и образованіе изъ Донцовъ новаго Кубанскаго Линейнаго казачьяго полка.—Савельевъ въ роли его устроителя.—Переселеніе на Кавказъ Черноморскаго казачьяго войска, съ подчиненіемъ его Херсонскому генералъ-губернатору.—Извѣстіе о разгромѣ Тифлиса персіянами.—Приготовленія къ войнѣ съ Персіей.

Глава XIX.

Начало Персидской войны.—Главнокомандующій графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ.—Блокада Дербента Савельевымъ.—Прибытіе къ Дербенту главнаго корпуса.—Линейные казаки въ составѣ дѣйствующей арміи.—Взятіе Дербента.—Побѣдоносное наступленіе русскихп войскъ.—Переправа черезъ Самуръ.—Покореніе Кубы и Баку.—Бѣгство изъ отряда Шихъ-Али-хана Дербентскаго.—Возмущеніе въ Кубинскомъ ханствѣ.—Набѣгъ на селеніе Череке.—Кровавый бой подъ Алпанами.—Занятіе русскими войсками Казикумыкскаго ханства, Шемахи и Ганжи.—Дальнѣйшія предположенія графа Зубова.—Внезапная вѣсть о кончинѣ Императрицы Екатерины.—Конецъ Персидской войны.

Глава XX.

Бѣдственное возвращеніе русскихъ войскъ изъ Персіи.—Тяжелыя потери ихъ.—Какъ объяснили это внезапное отступленіе персидскіе историки.—Императоръ Павелъ и его реформы.—Милости Императора Донскому войску и ходатайства о томъ же Волжскихъ и Моздокскихъ казаковъ.—Частая смѣна начальниковъ линіи.—Кратковременная дѣятельность графа Моркова и его опала.—Генералъ Кноррингъ.—Его распоряженія о защитѣ границъ.—Безпрерывныя тревоги на линіи.—Вступленіе въ Тифлисъ 17 Егерскаго полка генерала Лазарева.—Команда Гребенскихъ казаковъ, составляющая личный конвой генерала.—Кончина Грузинскаго царя Георгія и упраздненіе Грузинскаго престола.—Присоединеніе къ Россіи Грузіи.—Необходимость усиленія русскихъ войскъ. Кноррингъ предназначаетъ въ Грузію пятисотенный Линейный казачій полкъ.—Внезапная кончина Императора Павла I.—Новая эра въ жизни Кавказа.

Глава I.

Съ единодержавіемъ Петра Великаго, на самой зарѣ XVIII вѣка, начинается новая исторія Россіи и новая эра въ исторіи нашего казачества, которое отнынѣ должно было войти въ общій составъ вооруженныхъ силъ Россіи.

До Петра Великаго служба правительству, совмѣстно съ его войсками, входила въ расчетъ вольнаго казачества въ общемъ и главномъ—по свойству его русской природы, исповѣданію православной вѣры и тяготѣнію къ своему царю и отечеству, а въ частности—по столько, по сколько интересовало его царское жалованье или возможность поживиться въ походѣ добычей. Но съ воцареніемъ Петра, при быстромъ ходѣ и внѣшнихъ войнъ, и внутреннихъ реформъ, одни за другими безслѣдно стали исчезать старинные порядки, а вмѣстѣ съ ними безповоротно уходило въ область преданій и время вольнаго казачества. Наступалъ періодъ безусловнаго повиновенія царю. Изрѣдка вспыхивали еще то здѣсь, то тамъ казацкія волненія, поднимались Донцы, бунтовала Астрахань, стрѣльцы и раскольники вели отчаянную борьбу за свое существованіе, но подъ желѣзною рукою Петра всѣ эти мятежи, козни и внутреннія безурядицы угасали также быстро, какъ и возникали. Терцы и Гребенцы, повидимому, поняли это раньше другихъ и воздержались отъ прямого участія въ извѣстномъ Астраханскомъ бунтѣ 1705 года.

Угадывая съ удивительною проницательностью всѣ тѣ задачи, которыя предстояли Россіи по ея географическому положенію и по историческому прошлому, Петръ поручилъ особому вниманію новаго Казанскаго губернатора Петра Матвѣевича Апраксина далекую Кавказскую окраину, раскидывавшую передъ нимъ, пока еще въ туманной дали, широкія перспективы не только военнаго, но и торговаго могущества Россіи на ближнемъ Востокѣ. И вотъ, еще начиная великую Сѣверную войну съ тѣмъ, чтобы прорубить окно въ Европу, Петръ не упускалъ изъ виду и сосѣдняго намъ Кавказа, какъ преддверія Азіи, предвидя ту громадную роль, которую придется играть здѣсь въ будущемъ Россійской Имперіи. Тамъ, на Кавказскомъ перешейкѣ, протянувшемся между морями Каспійскимъ и Чернымъ, сталкивались интересы трехъ большихъ государствъ—Россіи, Турціи и Персіи,—и не въ видахъ Петра было дозволить утвердиться

тамъ мусульманскому вліянію, въ ущербъ христіанскимъ народамъ, съ которыми Россія поддерживала сношенія чуть ни со времень татарскаго ига. Когда, по заключеніи Прутскаго мира съ Оттоманскою Портой въ 1711 году, Россія вынуждена была уступить обратно туркамъ Азовъ,—этотъ ключъ къ Черному морю, завѣтные помыслы Петра переносятся къ Каспійскому побережью, гдѣ шла мелкая, но безконечная, не перерывавшаяся война.

Правда, тамъ не было разгрома и увода въ плѣнъ цѣлыхъ селеній, какъ въ южной украйнѣ, но одиночныя убійства, разбои, воровскіе набѣги, дерзкіе грабежи и кражи шли непрерывною цѣпью, заставляя казака день и ночь не выпускать изъ рукъ оружія. Ему приходилось смотрѣть на двѣ стороны, чтобы охранить себя, свою семью и свои табуны, поля, сады и виноградники. Малѣйшая оплошность влекла за собою чью-нибудь смерть или плѣнъ, или разореніе хозяйства. Спереди были чеченцы и шамхальскіе кумыки, сзади—не менѣе хищные, но еще болѣе дерзкіе, ногаи и калмыки. При такихъ условіяхъ никакая культура не могла развиваться въ краѣ, и Петръ рѣшилъ привлечь къ охранѣ нашихъ границъ Большую Кабарду съ тѣмъ, чтобы противопоставить этотъ воинственный народъ хищнымъ сосѣдямъ и въ особенности закубанскимъ горцамъ. Мысль эта принадлежала князю Александру Бековичу-Черкасскому, и на него же Петръ возложилъ исполненіе этой важной миссіи.

Бековичъ былъ самъ кабардинецъ, Жамбулатова рода, изъ фамиліи князей Бекъ-Мурзиныхъ. Настоящее имя его было Девлетъ-Гирей. Потомокъ знаменитаго Каспулата, о которомъ уже было сказано, онъ въ дѣтствѣ принялъ св. крещеніе съ именемъ Александра. Названіе Черкасскаго осталось за нимъ, вѣроятно, потому, что Кабарда въ то время извѣстна была у насъ подъ именемъ «Черкасской земли»; фамилія же Бековичъ показывала высокое происхожденіе его отъ древнихъ бековъ. Петръ обратилъ вниманіе на способности молодого человѣка и отправилъ его за границу для изученія наукъ и въ особенности мореплаванія. Оставшись доволенъ пріобрѣтенными имъ успѣхами, онъ приблизилъ его къ себѣ, способствовалъ женитьбѣ его на княжнѣ Маріи Борисовнѣ Голициной, дочери своего воспитателя, и затѣмъ, съ чиномъ капитана гвардіи, сталъ употреблять его для сношеній съ азіатскими народами ([1]). Князь Бековичъ прибылъ въ Кабарду въ 1714 году, собралъ кабардинскихъ князей и, прочтя передъ ними царскую грамоту, началъ склонять ихъ на службу Великому Государю; нѣкоторые согласились и дали присягу «по ихъ вѣрѣ», но большинство колебалось, такъ какъ въ то же время турецкіе эмиссары наводнили страну, стремясь подвести «подъ руку султана всѣ кавказскіе народы вплоть до персидской границы». И если это намѣреніе осуществится, доносилъ Черкасскій Петру, то, въ случаѣ новой войны, мы бу-

демъ имѣть противъ себя лучшіе воинственные народы, достоинства которыхъ въ бою могутъ превысить развѣ только регулярныя войска. Черкасскій прибавлялъ при этомъ, что кабардинскіе и кумыкскіе князья издревле, еще со временъ Ивана Грознаго, были подвластны Россіи и давали въ Терки своихъ аманатовъ. Обычай этотъ, преслѣдовавшій важные государственные интересы, вывелся впослѣдствіи, только благодаря неискусству или незнанію нашихъ воеводъ; аманаты были ими распущены, а кабардинскіе и кумыкскіе князья, воспользовавшись этимъ, стали считать себя независимыми и вольными. Дѣйствовать на кабардинцевъ и кумыковъ, писалъ Черкасскій, надо теперь же, и какъ можно скорѣй и рѣшительнѣе; иначе, когда турки здѣсь утвердятся, будетъ уже поздно (²).

Миссія Черкасскаго на этотъ разъ не имѣла успѣха. Правда, Большая Кабарда, желая сохранить свою независимость, отвергла всѣ предложенія турецкихъ эмиссаровъ; но большинство кумыкскихъ князей и часть кабардинцевъ, прельстившихся обѣщаннымъ жалованьемъ, приняли ихъ сторону. Разномысліе на этой почвѣ заставило обѣ стороны взяться за оружіе,—и въ странѣ началась междоусобица, вмѣшиваться въ которую намъ было неудобно. Черкасскій отозванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ возложилъ на него еще болѣе важное порученіе—изслѣдовать восточный берегъ Каспійскаго моря, а для сношенія съ народами Кавказскаго перешейка назначенъ былъ другой, болѣе искуссный и счастливый дѣятель—Артемій Волынскій.

Обзоръ прибрежныхъ пунктовъ Каспійскаго моря, порученный князю Черкасскому, былъ лишь первымъ шагомъ къ тому, чтобы осуществить завѣтныя желанія Петра—сдѣлать Россію торговымъ рынкомъ европейскихъ товаровъ для Азіи и азіатскихъ для Европы. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство: въ сѣверо-восточной части Каспійскаго моря, на Мангишлакскомъ полуостровѣ, есть мысъ Тюпъ-Караганъ, издавна посѣщаемый астраханскими жителями для торговли съ туркменами. И русскіе, и татары ѣздили туда на малыхъ судахъ цѣлыми компаніями.

Однажды, въ 1714 году, съ одною изъ такихъ компаній прибылъ въ Астрахань знатный туркменъ Хаджи-Нефесъ и объявилъ, что имѣетъ открыть Русскому Государю дѣло великой государственной важности. Его отправили въ Петербургъ, и онъ сообщилъ Петру, что въ странѣ, лежащей при Аму-Дарьѣ, добывается песочное золото и что рѣка эта впадала прежде въ Каспійское море, но, ради безопасности отъ русскихъ, отведена хивинцами въ Аральское. Если же перекопать плотину, то можно эту величайшую въ средней Азіи рѣку обратить въ прежнее русло и, такимъ образомъ, черезъ Каспійское море установить по ней удобный торговый путь до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Индіи.

Предварительная рекогносцировка Черкасскаго, произведенная въ 1715 году, убѣдила всѣхъ, что проектъ Нефеса заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и Петръ, не любившій откладывать дѣло въ долгій ящикъ, рѣшилъ тотчасъ снарядить экспедицію въ Хиву, начальникомъ которой и назначилъ князя Бековича-Черкасскаго.

Осенью 1716 года въ Астрахани собраны были три пѣхотныхъ полка при 22 орудіяхъ и два полка драгунъ маіора Фонъ-Фалленберга и сводный, въ которомъ одинъ эскадронъ весь составленъ былъ изъ плѣнныхъ шведовъ, добровольно изъявившихъ желаніе участвовать въ экспедиціи. Къ нимъ должны были присоединиться еще 15 сотенъ Яицкихъ казаковъ, а съ Кавказа указомъ Правительствующаго Сената 14 марта 1716 года назначенъ былъ конный пятисотенный полкъ Гребенскихъ казаковъ ([3]). Во главѣ его сталъ самъ войсковой атаманъ Баскаковъ, а за нимъ слѣдовали войсковой писарь, два есаула, пять хорунжихъ (знаменщиковъ) и 490 отборныхъ казаковъ со своими старшинами ([4]). Приготовленія къ походу начались тотчасъ послѣ святой недѣли. Казаки брали съ собою лучшую одежду, заготовляли провіанта на три мѣсяца и закупали для перевозки его лошадей. Обозъ, такимъ образомъ, сформировался вьючный. Тогда же объявлено было казакамъ и царское жалованье: атаману 40 руб. въ годъ; войсковому писарю, есауламъ и знаменщикамъ по 15 руб., а казакамъ, не исключая старшинъ, по 10 руб. каждому ([5]).

Такъ наступилъ августъ мѣсяцъ, когда Гребенцы, простившись со своими родными городками, выступили въ походъ и черезъ пустынныя заволжскія степи двинулись къ Астрахани. Тамъ имъ пришлось простоять довольно долго. Пока сплавляли провіантъ, заготовляемый въ Казани для экспедиціоннаго отряда, пока покупали верблюдовъ, собирали арбы и формировали колесный и вьючный обозы,—князь Бековичъ съ тремя пѣхотными полками (за исключеніемъ двухъ ротъ), съ однимъ спѣшеннымъ драгунскимъ полкомъ и большею частью артиллеріи сѣлъ на суда и отправился выбирать опорные пункты на восточномъ берегу моря. Такъ были заложены и снабжены имъ достаточными гарнизонами три укрѣпленія въ мѣстахъ, наиболѣе удобныхъ для сообщенія съ Астраханью: первое—Св. Петра у Тюпъ-Караганскаго мыса, второе—Александровское (Александръ-Бай) при заливѣ Бахтиръ-Лиманъ и третье—Красноводское у Балаханскаго залива, куда, по мнѣнію Бековича, впадала прежде Аму-Дарья. Только утвердившись такимъ образомъ на берегу Каспія, Бековичъ возвратился назадъ и одинъ безъ войскъ прибылъ въ Астрахань въ февралѣ 1717 года. Въ это время всѣ приготовленія къ походу были уже окончены; ожидали только появленія въ степи подножнаго корма, чтобы двинуться въ далекій невѣдомый путь. Въ Астрахани встрѣтили Пасху, и въ концѣ апрѣля 1717 года весь отрядъ передвинулся изъ Астрахани къ Гурьеву

городку, лежавшему въ землѣ Яицкихъ казаковъ, при самомъ устьѣ Яика. Отсюда и долженъ былъ начаться трудный степной походъ.

Въ ожиданіи, пока подойдутъ послѣднія запоздавшія части и сформируется особый транспортъ, предназначенный играть роль купеческаго каравана, войска расположились лагеремъ и простояли у Гурьева городка около мѣсяца. Здѣсь стали приходить недобрыя вѣсти. Калмыцкій ханъ писалъ между прочимъ Черкасскому: «Знаемъ мы, что царскіе служилые люди идутъ въ Хиву, и слышно намъ, что тамошніе народы—хивинцы, киргизы и каракалпаки собираются вмѣстѣ и хотятъ на тѣхъ царскихъ людей идти боемъ; слышно также, что въ тѣхъ краяхъ и воды нѣтъ, и травы нѣтъ, а только пески сыпучіе,—такъ чтобы худа какого не было государевымъ людямъ». Предупрежденіе это сдѣлано было во время. Прошло лишь нѣсколько дней, какъ въ отрядѣ ночью поднялась тревога. Конная шайка какихъ то кочевниковъ внезапно бросилась на казачій табунъ, пасшійся въ степи, отогнала часть его, захватила 60 оплошныхъ казаковъ и, подобно налетѣвшему вихрю, скрылась съ своею добычей. Гребенцы и Яицкіе казаки, однако же, быстро вскочили на коней и, пустившись въ погоню, настигли партію; табунъ былъ отбитъ, плѣнные возвращены, и казаки привели съ собою еще шесть захваченныхъ каракалпаковъ. Отъ нихъ узнали, что хивинцы, озлобленные постройкой нашихъ береговыхъ укрѣпленій, рѣшили не впускать Бековича въ свои предѣлы, такъ какъ, очевидно, онъ шелъ не съ тѣмъ, чтобы установить торговлю со среднею Азіей, какъ писалъ въ своихъ прокламаціяхъ, а съ цѣлью просто на просто захватить Хиву и овладѣть ея богатствами. Съ этихъ поръ предосторожности въ отрядѣ были усилены и бекеты, разставленные кругомъ, зорко стали всматриваться въ эту безграничную, какъ море, степь, не имѣвшую, казалось, ни конца, ни предѣловъ. Никто изъ отряда, кромѣ Хаджи Нефеса, никогда не бывалъ въ этихъ степяхъ, и только Яицкіе казаки знали объ нихъ кое-что изъ разсказовъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Но эти разсказы, переходившіе изъ рода въ родъ, были не таковы, чтобы поддерживать увѣренность въ успѣхѣ экспедиціи. Хива, говорили старики,—страна подъ заклятіемъ, и взять ее никакъ невозможно. Предки наши, т. е. Яицкіе казаки, въ старые годы пытались подбираться къ ней, да ни одинъ изъ нихъ назадъ не возвращался; тамъ и доселѣ, чай, еще бѣлѣютъ разбросанныя кругомъ казацкія косточки. Таково было народное повѣрье, распространенное тогда по всему Яику, и надо сказать, что повѣрье это покоилось на строгихъ историческихъ фактахъ. Давнымъ давно, лѣтъ двѣсти тому назадъ, когда на Яикѣ появились первые казаки,—разсказывали старые люди,—любили они погулять по Каспійскому морю, гдѣ разбивали купеческіе караваны, да грабили прибрежные персидскіе города. Во время одного изъ такихъ набѣговъ случи-

лось имъ захватить какихъ то купцовъ, отъ которыхъ впервые узнали о существованіи богатой Хивинской земли. Казаки были тогда люди вольные, царскихъ указовъ не получали, а потому, собравъ казачій кругъ, вызвали охотниковъ и отправили ихъ по невѣдомымъ степямъ воевать Хиву. Дошли-то туда они дошли, разбили даже главный хивинскій городъ Ургенчъ, взяли тысячу женщинъ, нагрузили болѣе тысячи телѣгъ богатою добычею, но на обратномъ пути были настигнуты хивинцами. Отрѣзанные отъ воды, казаки бились нѣсколько дней, утоляя жажду свѣжею кровью убитыхъ, но наконецъ почти всѣ были перебиты, только сто человѣкъ, пробившись къ Аму-Дарьѣ, укрылись въ ея камышахъ, но убѣжище ихъ скоро было открыто, и ни одному изъ нихъ не удалось вступить на родную землю.

Нескоро оправились казаки послѣ такой катастрофы, но когда оправились, то снова пошли на Хиву въ числѣ 500 человѣкъ, съ атаманомъ Нечаемъ. Набѣгъ былъ удаченъ, но, отступая съ тяжелымъ обозомъ, казаки были опять настигнуты хивинцами при переправѣ черезъ Сыръ-Дарью и истреблены всѣ поголовно, такъ что вѣсть о ихъ гибели доставлена была войску уже сосѣдними киргизами.

Третій походъ, предпринятый атаманомъ Шемаемъ, окончился еще неудачнѣе. Казаки сбились съ дороги и вмѣсто Хивы попали на берегъ Аральскаго моря, а тутъ подоспѣла зима, начались морозы, зашумѣли бураны, и казакамъ нечѣмъ было питаться. Сперва они убивали другъ друга, чтобы есть мертвечину, но подъ конецъ, обезсилѣвъ совершенно, призвали къ себѣ хивинцевъ и добровольно отдались имъ въ рабство.

«Теперь пойдемъ въ четвертый разъ», говорили казаки, «да вернется ли кто-нибудь, Господь вѣдаетъ».—Да вѣдь вы ходили то горсточками, возражали имъ скептики,—да еще самодурью, а теперь пойдете по указу самого Петра Перваго, пойдете съ царскою ратью, да съ пушками и всякимъ воинскимъ снарядомъ. «Такъ-то оно такъ», отвѣчали казаки, покачивая головами, «а все-жъ опасаемся—не было бы какого худа».

Къ этой народной молвѣ прибавилось событіе, вызвавшее новые загадочные толки въ отрядѣ и отразившееся сильнымъ душевнымъ разстройствомъ на самомъ Бековичѣ. Это была потрясающая вѣсть, полученная имъ въ Гурьевѣ-городкѣ о гибели всего его семейства въ самый день отплытія его изъ Астрахани. Онъ выѣхалъ оттуда, спустя нѣсколько дней послѣ выступленія отряда, и отправился моремъ; жена его (урожденная княжна Голицина) съ двумя дѣтьми проводила его на самый корабль и отправилась назадъ на той же лодкѣ, которая доставила ее сюда. Ночь была тихая, лунная, но вдругъ поднялся вѣтеръ, налетѣлъ шквалъ, и лодка опрокинулась. Гребцы, жена Бековича, дѣти его —всѣ пошли ко

дну и потонули въ Волгѣ. Печальный случай этотъ заставилъ призадуматься даже скептиковъ. Въ недобрый часъ, видно, выѣхалъ князь, толковали они между собою, предвидя въ будущемъ еще большія бѣдствія. Случилось и другое зловѣщее явленіе. Однажды среди яснаго солнечнаго дня, въ самый полдень, когда на небѣ не было ни единаго облачка, солнце, дотолѣ лучезарное, вдругъ стало меркнуть, закрываясь какою-то густою черною тѣнью, и скоро отъ его диска виднѣлся только одинъ край, наподобіе народившагося мѣсяца. Солнечное затмѣніе, въ такомъ лунообразномъ видѣ, было истолковано, какъ явное знаменіе торжества луны надъ христіанствомъ, и навело уныніе на русскихъ людей, и безъ того склонныхъ къ различнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ. При такихъ то условіяхъ наступило время Хивинской экспедиціи, напоминавшей по своимъ смѣлымъ замысламъ извѣстный походъ Аргонавтовъ въ невѣдомую имъ Колхиду за золотымъ руномъ.

Окончательный составъ экспедиціоннаго отряда былъ слѣдующій:

Двѣ роты пѣхоты, посаженныя на лошадей, всего .	300	чел.
Драгунскій полкъ Фонъ-Фалленберга	600	»
Три полка Яицкихъ казаковъ	1400	»
Гребенской казачій полкъ	500	»
Конныхъ ногайскихъ татаръ	500	»
Калмыковъ, присланныхъ Аюкъ-Ханомъ, вмѣсто ожидаемаго вспомогательнаго войска	32	»
Черкасскихъ узденей, прибывшихъ съ братьями Бековича Сіюнчъ и Акъ-Мурзою	22	»

Всего 3454 человѣка, при шести полевыхъ орудіяхъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллерійской прислуги. Кромѣ того при войскахъ состоялъ еще купеческій караванъ и провіантскій транспортъ, всего 200 верблюдовъ и 300 аробъ, при которыхъ находилось 35 русскихъ, армянскихъ и бухарскихъ купцовъ и 190 человѣкъ прислуги, погонщиковъ и прочихъ вольныхъ людей. Продовольствія взято было на весь отрядъ на три мѣсяца ([6]).

Такимъ образомъ, въ вѣдомости, составленной Бековичемъ, совсѣмъ не упоминается о Терскихъ казакахъ, а между тѣмъ есть одинъ документъ, правда, относящійся къ позднѣйшему времени, но основанный на показаніяхъ стариковъ, помнившихъ еще Петровское время, который свидѣтельствуетъ, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть Терскихъ казаковъ также приняла участіе въ Хивинскомъ походѣ. Излагая въ короткихъ чертахъ историческое прошлое Терцевъ, войсковой атаманъ этого войска въ рапортѣ своемъ къ инспектору Кавказской линіи писалъ между прочимъ слѣдующее: «Въ 1707 году, когда Кубанскій Каибъ-Солтанъ, пришедшій съ величайшимъ войскомъ, собраннымъ изъ зарѣчныхъ

народовъ, напалъ нечаяннымъ образомъ въ ночное время на нашъ Копайскій городокъ, то предковъ нашего войска многихъ побилъ и, пожегши форштадтъ, немалое число отвелъ въ плѣнъ; оставшееся же количество оружейныхъ казаковъ, ушедши въ крѣпость, хотя сдѣлали знатную вылазку и того Каибъ-Солтана, поймавши, отправили къ начальству, но при всемъ томъ учиненное разореніе и пожегъ домовъ сдѣлало столь великое опустошеніе, что предки наши переселились къ морю въ городъ, называвшійся Редутъ, откуда съ княземъ Бековичемъ ходили подъ Хиву, гдѣ всѣ лишились жизни» (7). Остается предположить, не подразумѣвали ли они тѣхъ черкесскихъ узденей, которые съ братьями Бековича служили при Терскомъ войскѣ охоченцами и дѣйствительно вошли въ составъ Хивинскаго отряда, или это было какое дополненіе на пути отряда, не вошедшее въ составленную въ началѣ похода вѣдомость.

Наконецъ, всѣ сборы были окончены, и отрядъ въ началѣ іюня мѣсяца, слѣдовательно, въ самое знойное время выступилъ изъ Гурьева въ этотъ исторически баснословный походъ. Оставивъ въ сторонѣ большую караванную дорогу, по которой ходили караваны въ Хиву, Бековичъ направился, «для ради конскихъ кормовъ и воды», малою новою дорогою, которая шла по близости морскаго берега. Труденъ былъ этотъ походъ. Повсюду встрѣчались песчанныя пространства, лишенныя всякой растительности, обширные солончаки и озера съ водой, негодною для употребленія. Лѣтнія жары достигали въ раскаленныхъ пескахъ до 50° по Р. и производили солнечные удары. Но было бы еще хуже, если бы походъ состоялся зимою, когда стоятъ сорокаградусные морозы, и снѣжные бураны бываютъ такъ сильны, что заносятъ сугробами жилища кочевниковъ и истребляютъ цѣлые стада и табуны, ходящіе на тебеневкахъ.*) Опасаясь, чтобы не выгорѣли послѣдніе остатки подножнаго корма, Бековичъ шелъ безъ дневокъ, усиленными переходами и на десятый день дошелъ до степной рѣчки Эмбы, отличающейся горько-соленою водою. Переправа черезъ нее заняла два дня, а затѣмъ поднялись на Усть-Уртъ—плоскую возвышенность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Лѣтомъ еще здѣсь кочуютъ киргизы, но зимою, вслѣдствіе полной безкормицы и страшныхъ бурановъ, Усть-Уртъ не обитаемъ. Отсюда двинулись дальше и черезъ шесть недѣль похода, сдѣлавъ 1460 верстъ, достигли, наконецъ, озеръ, образуемыхъ плотинами Аму-Дарьи. Здѣсь остановились и по плану, предначертанному Петромъ Великимъ, должны были построить крѣпость. Исполнить это, однако же, не удалось. Надо сказать, что еще съ

---

*) Зимній походъ въ Хиву былъ предпринятъ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ зимою 1839 года. Но этотъ отрядъ не дошелъ даже до Хивы и вернулся назадъ, потерявъ безъ боя, одними замерзшими и умершими отъ болѣзней болѣе 900 человѣкъ.

дороги Бековичъ послалъ увѣдомить хана, что идетъ на Хиву не войною, а царскимъ посломъ, и о цѣли своего посольства объявитъ при личномъ свиданіи съ ханомъ. Повѣрилъ ли этому ханъ или нѣтъ—неизвѣстно; но вслѣдъ затѣмъ изъ отряда бѣжалъ караванъ-баши, вмѣстѣ со всѣми калмыками, присланными Аюкъ-Ханомъ, и, пробравшись въ Хиву, сообщилъ объ истинномъ намѣреніи русскихъ. Бѣжалъ затѣмъ и Хаджи-Нефесъ, настоящій виновникъ Хивинской экспедиціи. Ханъ поспѣшилъ собрать войска, и едва нашъ отрядъ подошелъ къ плотинамъ Аму-Дарьи, какъ передъ нимъ появилась уже хивинская конница. Гребенскіе и Яицкіе казаки управились съ нею быстро, но вслѣдъ за этими толпами подошелъ самъ Ширгази-ханъ съ многочисленной «конною и пѣшею ратью и началъ биться пищальнымъ и лучнымъ боемъ». Бой продолжался три дня, а по словамъ другихъ, цѣлыхъ пять дней. Казаковъ за окопами побито было не болѣе десяти человѣкъ, а нападавшихъ хивинцевъ, вмѣстѣ съ киргизами и туркменами, полегло болѣе тысячи, благодаря удачному дѣйствію нашей артиллеріи, которой у хивинцевъ не было. На пятыя или шестыя сутки ханъ вступилъ въ переговоры, стараясь оправдаться тѣмъ, что бой произошелъ въ его отсутствіи и безъ его вѣдома. Обѣ стороны, какъ водится, обмѣнялись подарками и заключили миръ, причемъ ханъ клялся на коранѣ, что Черкасскому, какъ царскому послу, нечего опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны хивинцевъ. На слѣдующій день, по приглашенію хана, Бековичъ, въ сопровожденіи семисотъ человѣкъ конницы, въ томъ числѣ было триста Гребенскихъ казаковъ, отправился въ хивинскій станъ, гдѣ принятъ былъ съ подобающими почестями. При приближеніи посла ханское войско, сидѣвшее на коняхъ, раздвинулось и пропустило его конвой черезъ свою середину. Въ лагерѣ для Бековича былъ приготовленъ особый шатеръ, возлѣ котораго расположился и русскій отрядъ. Послѣ торжественной аудіенціи, послѣдовавшей на другой же день, ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся обратно въ Хиву, пригласивъ слѣдовать за собою и князя Бековича вмѣстѣ съ его конвоемъ. За ними двинулся и весь отрядъ, оставшійся подъ командою драгунскаго майора Фонъ-Фалленберга. На пути ханъ говорилъ, что Хива—городъ небольшой, что расквартировать и довольствовать въ немъ такое значительное число войскъ невозможно, а потому просилъ раздѣлить отрядъ на нѣсколько небольшихъ колоннъ и направить ихъ въ ближайшія селенія. Въ этомъ то и заключался вѣроломный планъ хана, расчитывавшаго уничтожить русскій отрядъ по частямъ. Трудно объяснить, какимъ образомъ Черкасскій, офицеръ достаточно опытный, поддался на такую простую ловушку и, не предвидя злыхъ умысловъ хана, согласился на его предложеніе. Современники полагаютъ, что разгадку этого надо искать въ душевныхъ потрясеніяхъ, испытанныхъ самимъ Бековичемъ. Семейное горе, труды

степного похода и вѣчное опасеніе за судьбу отряда настолько разбили нервную систему его, что по временамъ онъ впадалъ въ состояніе, близкое къ психическому разстройству. Можно предположить, что въ одну изъ такихъ то несчастныхъ минутъ онъ и сдѣлалъ свое распоряженіе, погубившее цѣлый отрядъ.

Майоръ Фалленбергъ, которому приказаніе объ этомъ доставлено было ханскимъ узбекомъ, отвѣтилъ съ достоинствомъ, что онъ никогда его не исполнитъ, такъ какъ русскимъ отрядомъ командуетъ не ханъ, а князь Бековичъ-Черкасскій. Три раза самъ Бековичъ повторялъ ему свои приказанія, и три раза упрямый Фалленбергъ отказывался ихъ исполнить, требуя предварительно личнаго свиданія съ княземъ; наконецъ, уже четвертый приказъ, заключающій въ себѣ угрозу военнымъ судомъ, заставилъ его подчиниться и предать судьбу отряда на волю Божію. Войска раздѣлены были на части, и ханскіе уздени развели ихъ по разнымъ селеніямъ. Только этой минуты и ожидали хивинцы. Они вѣроломно набросились на русскихъ въ подавляющемъ числѣ и истребили всѣхъ до послѣдняго человѣка. Самъ Бековичъ-Черкасскій былъ схваченъ въ то время, когда слѣзалъ съ коня возлѣ ханскаго дома, и искупилъ свой грѣхъ мучительною смертью: съ него живого сняли кожу и, сдѣлавъ изъ нея чучело, какъ трофей побѣды, выставили надъ городскими воротами.

Гарнизоны, оставленные по крѣпостямъ, узнавъ о бѣдственной участи отряда, покинули свои посты и моремъ отступили въ Астрахань. Но и здѣсь не обошлось безъ тяжкой потери: флотилія, вышедшая изъ Красноводскаго залива, была застигнута бурей, причемъ 400 человѣкъ утонуло, а остальные занесены были къ устью Куры, гдѣ провели бѣдственную зиму и только весною 1718 года возвратились въ Астрахань.

Такъ закончилась эта злополучная Хивинская экспедиція, оставившая послѣ себя въ народѣ пословицу: «Пропалъ какъ Бековичъ» ([8]). Пятьсотъ отборныхъ Гребенскихъ бойцовъ, участвовавшихъ въ походѣ, погибли тогда въ рукахъ дикихъ варваровъ или подъ ударомъ предательскаго ножа, или въ цѣпяхъ тяжелаго рабства. Сотни семей осиротѣли на Терекѣ, и памятникомъ этого остаются въ гребенскихъ городкахъ донынѣ своеобразныя фамиліи, данныя тогда оставшимся при вдовахъ мальчикамъ по именамъ ихъ отцовъ: Семенкины, Федюшкины и т. п. ([9]). Прошло послѣ того много лѣтъ; повысохли вдовьи и сиротскія слезы, поперемерли старики; дѣти, бѣгавшія тогда въ рубашонкахъ, стали взрослыми мужами, и даже молодое, вновь народившееся поколѣніе сидѣло уже на коняхъ и несло царскую службу, когда на Терекѣ вдругъ появились два Гребенца, пришедшіе сюда словно изъ царства тѣней, такъ какъ родные давно уже служили по нимъ панихиды. Это были участники Хивинскаго похода Червленнаго городка казакъ Иванъ Демушкинъ и Щедринскаго Петръ Стрѣл-

ковъ. Послѣдняго до самой его смерти казаки звали «хивинцемъ», и это прозвище унаслѣдовали даже его дѣти. Оба они выступили съ Бековичемъ молодыми, крѣпкими парнями и вернулись согбенными, сѣдыми стариками. Много-много пережито было ими въ Хивинской землѣ. Они захвачены были въ плѣнъ изъ конвоя Бековича и если избѣгли смерти, то благодаря заступничеству за нихъ хивинскаго ахунда (главное духовное лицо). Когда плѣнныхъ до сорока человѣкъ вывели на площадь для позорной казни, онъ съ мужествомъ объявилъ хану, что русскій отрядъ уничтоженъ и взятъ въ плѣнъ клятвопреступленіемъ и что не слѣдуетъ увеличивать тяжкаго грѣха новыми безполезными казнями, противными даже корану. Смущенный ханъ отмѣнилъ приговоръ, и плѣнные розданы были въ рабство. Долго переходили они путемъ продажи отъ одного хозяина къ другому, потомъ попали въ Персію и оттуда выбѣжали уже на Терекъ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ несчастномъ походѣ Демушкинъ ([10]).

Какъ только подошли къ Аму-Дарьѣ, говорилъ онъ, хивинцы, киргизы и трухмены сдѣлали на насъ два большихъ нападенія, да мы ихъ оба раза, какъ мякину, по степи разсѣяли. Яицкіе казаки даже дивились, какъ мы супротивъ ихъ длинныхъ киргизскихъ пикъ въ шашки ходили. А мы какъ понажмемъ поганыхъ халатниковъ да погонимъ ихъ пока-бардинскому, такъ они и пики свои по полю разбросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками да послѣ на дрова ихъ рубимъ, да кашу на нихъ варимъ.

За одинъ переходъ до Хивы ханъ, наконецъ, замирился и просилъ остановить наши войска, а самого князя звалъ въ гости въ свой ханскій дворецъ. Собравшись ѣхать къ хану, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человѣкъ, у коихъ кони были получше, и мы отправились, прибравшись въ новые чекмени и бешметы съ галунами, а коней посѣдлали съ наборною сбруею. Хива городъ большой, обнесенный стѣной и каланчами, да только улицы въ ней очень уже тѣсныя. У воротъ насъ встрѣтили знатнѣйшіе хивинскіе вельможи; они низко кланялись князю, а намъ говорили: «Черкесъ-казакъ якши, рака*) будешь кушай» и, справивъ почетную встрѣчу, повели въ городъ, а тамъ у нихъ положены были двѣ засады за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и извивалась, какъ змѣя, такъ что мы проѣзжали по два, да по три коня, и заднимъ совсѣмъ не было видно переднихъ за этими кривулями. Какъ только миновали первую засаду, обѣ они поднялись и, запрудивъ дорогу, начали палить изъ пищалей. Наши остановились и не знаютъ, впередъ ли,

*) Родъ особенной водки.

назадъ ли имъ дѣйствовать, а въ это время показались новыя орды съ боковъ и давай въ насъ жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ и изъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились. И не приведи Господи, какое тутъ началось побоище! Пули, стрѣлы и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, и даже пиками трехсаженными донимали насъ, вотъ какъ рыбу, что багрятъ зимой на Яикѣ. Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: «Съ коней долой, ружья въ руки», а потомъ всѣ подаютъ уже голосъ: «Въ кучу, молодцы, въ кучу». А куда въ кучу, коли двумъ-тремъ человѣкамъ съ лошадьми и обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые, и тѣ отбивались лежачіе, не желая отдаваться въ полонъ хивинцамъ. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ проклятой трущобы: всѣ тамъ полегли, и хивинцы издѣвались даже надъ казацкими тѣлами, отрѣзывали головы и, вздѣвши на длинныя пики, носили по базарамъ. Самого Бековича схватили раненаго и поволокли во дворецъ, гдѣ, надо думать, вымучили у него приказъ остальному отряду, чтобы расходились малыми частями по разнымъ ауламъ. А когда войска разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, то въ тѣ поры хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыри. Съ самого Бековича, послѣ лютыхъ мукъ, сняли съ живого кожу, приговаривая: «Не ходи, Девлетъ, въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарьи, не ищи золотыхъ песковъ». Такъ разсказывалъ о злополучномъ, но безпримѣрно смѣломъ походѣ одинъ изъ его участниковъ и очевидцевъ. Народная легенда прибавляетъ, что Терекъ-Горыновичъ, слушая простодушный разсказъ вернувшагося изъ плѣна Гребенца, вдался въ порывъ отчаянной горести. По комъ плачетъ Терекъ-Горыновичъ? «По гребенскимъ моимъ по казаченькамъ. Какъ-то буду я за нихъ отвѣтъ держать передъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ» ([11]).

А между тѣмъ, пока Гребенцы ходили въ Хиву, кумыки и чеченцы, подстрекаемые турецко-крымскими эмиссарами, воспользовались отсутствіемъ казаковъ и производили въ ихъ городкахъ по Тереку страшныя опустошенія. Для усмиренія ихъ были присланы Донцы и калмыки, которые многихъ чеченцевъ, жившихъ по Аргуну, побили, разорили ихъ главныя селенія Гюли и Чеченъ, но и сами понесли немалую потерю, особенно въ Атагинскомъ ущельи.

Послѣ того Гребенцы долго не могли поправиться въ численномъ отношеніи, и служилый составъ ихъ въ теченіи всего XVIII и даже XIX вѣка никогда не выходилъ изъ нормы 500 человѣкъ.

Глава II.

Неудача Хивинской экспедицiи не отвратила однако видовъ Царя отъ Каспiйскаго бассейна. Правда, война со Швецiей, поглощавшая всѣ силы государства, отвлекла его на нѣкоторое время отъ отдаленной Кавказской окраины, но едва заключенъ былъ миръ, и спорное Балтiйское море осталось за нами, какъ Петръ началъ уже готовиться къ новому походу въ Персiю. Поводовъ къ разрыву съ нею накопилось достаточно.

Еще въ 1710 году, съ цѣлью поднять и развести культуру въ окрестностяхъ Терки, Петръ вызвалъ изъ Карабага армянина Сафара Васильева и далъ ему разрѣшенiе устроить на Терекѣ вблизи казацкихъ городковъ заводъ для выдѣлки шелка-сыровца, а равно отвесть ему удобныя земли для сѣянiя сарачинскаго пшена и хлопчатой бумаги. Сафаръ избралъ себѣ мѣсто на Терекѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Терской крѣпости, гдѣ находилось урочище Кизляръ, издавна посѣщаемое его одноземцами, персидскими армянами, для мѣновой торговли съ ногайцами (1). Такимъ образомъ, Сафаръ Васильевъ является первымъ колонистомъ въ этой глухой, заброшенной мѣстности и въ качествѣ плантатора-шелкозаводчика привлекаетъ сюда массу рабочихъ рукъ изъ армянъ, тезиковъ и даже черкесъ. Но заводъ еще не былъ поставленъ, мастера и рабочiе еще только что набирались, когда событiя въ самой Персiи заставили Сафара прiостановить на нѣкоторое время свою колонизаторскую дѣятельность.

Надо сказать, что послѣ великаго Шахъ-Аббаса, Персiя, видимо, стала клониться къ упадку, и современникъ Петра, Шахъ-Гуссейнъ, сдавшiй все управленiе страною на руки алчныхъ министровъ, вызвалъ тѣмъ цѣлый рядъ возстанiй въ Хороссанѣ, Гератѣ и Кандагарѣ, объявившихъ себя независимыми. Даже Дагестанъ не остался спокойнымъ. Простой татаринъ Дербентскаго улуса, по имени Даутъ, побывавшiй въ Меккѣ и потому носившiй титулъ хаджи, принялъ на себя званiе бека (князя), собралъ разбойничью партiю въ тысячу человѣкъ и, соединившись съ извѣстнымъ дагестанскимъ владѣльцемъ Сурхай-ханомъ, двинулся въ 1712 году опустошать сѣверныя провинцiи Персiи. Особенно пострадала тогда Шемаха, взятая Даутомъ приступомъ. Всѣ русскiе купцы, издавна торговавшiе въ этомъ городѣ, были перебиты, а имущество ихъ, какъ доносилъ Астра-

ханскій губернаторъ, разграблено на сотни тысячъ рублей (2). Петру, занятому войною со Швеціей и Турціей, пришлось ограничиться одними дипломатическими нотами, но шахъ, опасаясь справедливаго мщенія русскихъ за шемахинскій грабежъ, самъ поспѣшилъ выслать посольство съ порученіемъ заключить въ Петербургѣ дружественный и торговый договоръ между двумя государствами. Тогда Петръ въ свою очередь отправилъ въ Персію Волынскаго, и въ 1715 году ему удалось составить трактатъ, клонившійся къ обоюдной выгодѣ обѣихъ сторонъ. Персія обязалась предоставить русскимъ купцамъ свободную торговлю во всей странѣ — и приняла на себя охрану имущества ихъ отъ грабежей и разбоевъ. Петръ даровалъ широкія привиллегіи персидскимъ и джульфскимъ армянамъ, но съ тѣмъ, чтобы весь безъ изъятія персидскій шелкъ направлялся ими въ одну Россію, пользуясь для этого воднымъ путемъ до самаго Петербурга, что было, конечно, выгоднѣе, чѣмъ отправлять караваны на верблюдахъ черезъ турецкія области. Трактатъ этотъ былъ ратификованъ обоими монархами, но провести его въ жизнь было труднѣе, чѣмъ подписать конвенцію. Началось съ того, что жадные къ наживѣ армяне на первыхъ же порахъ обманули всѣ расчеты Петра. Они широко воспользовались своими привиллегіями, но шелкъ доставляли не въ одну Россію, а въ Турцію и другія страны; кромѣ того, вмѣсто оптовой торговли, они разсыпались по городамъ, гдѣ завели свои лавочки и занялись розничною продажею.

Съ другой стороны Персія находилась въ такомъ расшатанномъ положеніи, что не имѣла никакихъ средствъ выполнить свои обязательства. Власть шаха была до того ничтожна, что, по выраженію Волынскаго, онъ былъ скорѣе подданнымъ своихъ подданныхъ, нежели шахомъ. Мало было мѣстъ въ Персіи, гдѣ не происходило бы волненій и бунтовъ; всѣ торговые пути были заняты разбойничьими шайками, и о движеніи карава- новъ нечего было думать. Снова появился Даутъ-Бегъ вмѣстѣ съ Сурхаемъ Казикумыкскимъ и, вновь опустошивъ Ширванское ханство, 7 августа 1720 года подошелъ къ Шемахѣ. Городъ былъ взятъ и вторично сожженъ и разграбленъ. Сначала русскіе купцы оставались спокойными, обнадеженные самимъ Даутъ-Бегомъ, что ихъ не будутъ грабить, но въ тотъ же день вечеромъ кумыки и лезгины, въ числѣ семисотъ человѣкъ, напали на русскій гостиный дворъ, купцовъ перебили, а товаръ ихъ разграбили болѣе чѣмъ на полъ милліона рублей (3). Волынскій въ это время уже вернулся изъ Персіи и былъ губернаторомъ въ Астрахани. Онъ писалъ Петру, что лучшаго предлога къ войнѣ и болѣе благопріятнаго времени для нашихъ успѣховъ сыскать нельзя. Теперь нужно оставить политику и дѣйствовать оружіемъ. Персія ослаблена, Кандагаръ объявилъ себя независимымъ, авганцы заняли уже Испагань, турки угрожаютъ захватить Дербентъ... И если бы послѣднее совершилось, то Каспійское мо-

ре надолго останется для насъ закрытымъ, ибо кто владѣетъ Дербентомъ, тотъ будетъ владѣть и всѣмъ побережьемъ ([4]). Война со Швеціей къ этому времени уже окончилась; войска были свободны, и Петру ничто не мѣшало обратить свое вооруженіе на берега Каспія. Онъ сознавалъ необходимость предупредить намѣреніе турокъ и приказалъ Волынскому торопиться съ приготовленіями къ походу. Портѣ сообщено было между тѣмъ, что войска идутъ въ Персію не для завоеваній, а для усмиренія бунтовщиковъ, грозившихъ цѣлости Персидскаго государства.

Въ Астрахани закипѣла работа: строились суда, заготовлялся провіантъ, формировались различные транспорты и мало-помалу подходили войска.

Терскимъ и Гребенскимъ казакамъ приказано было на время похода оставаться въ своихъ домахъ, чтобы охранять кордонную линію въ случаѣ нападенія на нее дагестанскихъ народовъ. На ближайшихъ сосѣдей также положиться было нельзя. Вопросъ о Кабардѣ стоялъ открытымъ еще со времени послѣдняго пріѣзда сюда князя Черкасскаго, а андреевскіе и другіе кумыки участвовали во всѣхъ похожденіяхъ Даута и Сурхая. Чтобы положить конецъ такому неопредѣленному положенію вещей, Волынскій самъ прибылъ въ верхніе гребенскіе городки и вызвалъ для свиданія съ собою кабардинскихъ князей изъ лучшихъ почетнѣйшихъ фамилій. Они съѣхались. Но сколько было князей, говоритъ Волынскій ([5]), столько же было и партій, постоянно враждовавшихъ между собою. Ему удалось, однако же, склонить ихъ на подданство русскому государю и въ знакъ покорности взять аманатовъ. Любопытна характеристика, сдѣланная имъ при этомъ кабардинскому народу въ донесеніи его Петру Великому. «Вся Кабарда», писалъ онъ, «находится теперь подъ рукою Вашего Величества, только не знаю, будетъ ли отъ того какая-нибудь польза, ибо между ними и во вѣки миру не бывать. Житье у нихъ самое звѣрское, и не только посторонніе, но и родные другъ дружку за бездѣлицу рѣжутъ, и, чаю, такого удивительнаго дѣла, чтобы сыскался виновный, никогда не бывало, да и праваго нѣтъ никого; а за что первая началась ссора, то уже изъ памяти у всѣхъ вышло. И такъ, за что дерутся и рѣжутся, того истинно сами не знаютъ, а только вошло у нихъ это въ обычай, что и перемѣнить невозможно. Приводитъ ихъ къ этому еще такая нищета, что нѣкоторые князья для того ко мнѣ не ѣдутъ, что не имѣютъ платья, а въ овчинной шубѣ ѣхать стыдятся; купить же негдѣ и не на что, понеже у нихъ монеты нѣтъ никакой, а лучшія богатства ихъ— стада и табуны разобраны крымцами, такъ что кормятъ ихъ даже ихъ же уздени, но всего мерзкаго житья ихъ и описать невозможно. Одно только можно похвалить, что всѣ такіе воины, какихъ въ здѣшнихъ странахъ не обрѣтается, и гдѣ татаръ и кумыковъ нужна тысяча, тамъ

черкесовъ довольно двухсотъ». Такимъ образомъ, линія съ этой стороны хотя до нѣкоторой степени была обезпечена. Но что касается до кумыковъ, доносилъ Волынскій, то они попрежнему держатъ руку Крымскаго хана, и надо сказать, что андреевскихъ и аксаевскихъ владѣльцевъ всего семь человѣкъ, но всѣ они отличаются чисто звѣрскимъ разбойничьимъ характеромъ, и жестокое наказаніе ихъ было бы полезно для внушенія страха какъ имъ, такъ и сосѣднимъ народамъ.

Петръ разрѣшилъ сдѣлать экспедицію. Но такъ какъ Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ для этого было слишкомъ недостаточно, то Волынскій потребовалъ еще казаковъ съ Дона и Яика. Но изъ этого требованія да изъ самой экспедиціи ничего не вышло. «Писалъ я многократно», доносилъ онъ Петру, «въ Яицкое и Донское войско, чтобы выслали казаковъ, но Яицкіе совсѣмъ не пошли, а Донскіе хотя и были, токмо иного ничего не сдѣлали, кромѣ пакости. Оставя прямыхъ непріятелей—андреевскихъ владѣльцевъ, они разбили ногайскій аулъ Султана Махмута, зѣло ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ потребнаго, и тѣмъ весьма его озлобили, а потомъ по призыву братьевъ покойнаго Бековича-Черкасскаго пошли въ Кабарду, понеже у нихъ существуютъ двѣ враждебныя партіи, и тамо у стороны, противной Бековичамъ, разбили нѣсколько деревень, а также скотъ отогнали, чѣмъ привели ихъ только въ большую ссору между собой, и въ томъ ихъ оставя, и себя не обогативъ, ушли самовольно на Донъ» ([6]). Одни Гребенцы, не оправившіеся еще послѣ Хивинскаго погрома, и Терскіе казаки сдѣлать ничего не могли и такимъ образомъ экспедиція принесла болѣе вреда, нежели пользы. Есть свѣдѣнія, что 4 февраля 1721 года Терскіе казаки имѣли довольно жаркое дѣло на старомъ Терекѣ, при урочищѣ Вербники, причемъ одинъ мурза Черкасскій и Шамурза Шейдяковъ съ 9 казаками были убиты, а сотникъ Усикъ и 21 казакъ были ранены ([7]). Дерзость андреевцевъ дошла до того, что въ слѣдующемъ 1722 году, во время похода Петра въ Дагестанъ, они напали на его конницу, бывшую подъ начальствомъ Ветерани, и нанесли ей чувствительное пораженіе. Къ числу другихъ подготовительныхъ мѣръ къ походу надо отнести также распоряженіе, коснувшееся непосредственно Гребенского войска, которое указомъ Правительствующаго Сената 3 марта 1721 года было изъято изъ вѣдѣнія Московскаго посольскаго приказа и для лучшаго устройства подчинено военной коллегіи, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Астраханскаго губернатора ([8]).

Въ то же время опредѣлено было впервые Гребенскимъ казакамъ постоянное денежное и хлѣбное жалованье по строевому составу въ 500 человѣкъ. Денежнаго жалованья полагалось въ годъ: войсковому атаману 30 руб., войсковому есаулу 20, войсковому дьяку (бывшему писарю) 19 и хорунжему (знаменщику) 18 руб. Станичнымъ: атаманамъ по 17, есауламъ

по 16, сотникамъ по 15, писарямъ по 14, хорунжимъ по 13 и казакамъ по 12 рублей каждому. Хлѣбное жалованье отпускалось въ слѣдующемъ размѣрѣ: войсковому атаману муки въ годъ 21 четверть; есаулу и дьяку по 12-ти, а хорунжему 11 четвертей. Затѣмъ станичнымъ атаманамъ и сотникамъ по 10, есауламъ по 9, писарямъ по 8, хорунжимъ по 7 и казакамъ по 6 четвертей каждому. Кромѣ того, всѣмъ чинамъ отъ войскового атамана до рядового казака полагалось по 3 четверика крупъ, по шести четвериковъ овса и по 48 фунтовъ соли. Съ этихъ поръ Гребенскіе казаки начинаютъ жить общею жизнію съ государствомъ, принимающимъ на себя заботы объ ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ нуждахъ.

А приготовленія къ походу, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ, и съ открытіемъ навигаціи весною 1722 года пѣхота, артиллерія и транспорты, собранные въ Астрахани, отправлены были моремъ, а конница пошла сухимъ путемъ черезъ Заволжскія степи прямо къ Теркамъ. 18 іюля самъ Петръ сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ Императрицей и отплылъ вслѣдъ за своей эскадрой. И вотъ, по горамъ Кавказа пронеслась молва, что Русскій Царь идетъ въ Дагестанъ съ войсками, что имя тому царю «Петръ Грозныя очи», и рати его нѣтъ числа, что она тянется на коняхъ степью, а пѣшіе люди плывутъ моремъ на корабляхъ, что бѣлый царь хочетъ наказать дагестанцевъ за ихъ разбои и добраться до самаго Персидскаго шаха. Весь Дагестанъ замеръ въ ожиданіи—что будетъ. Петръ между тѣмъ прибылъ къ устьямъ Терека и, высадившись на берегъ, прежде всего отправился въ Терки. Крѣпость онъ нашелъ въ исправности, а городомъ остался недоволенъ. Терки уже пережили свое счастливое время, когда въ XVII вѣкѣ здѣсь были обширные караванъ-сараи, торговые ряды, базары, таможенный и мѣновой дворы, соборный храмъ, церкви и даже монастырь, въ которомъ крестили иновѣрцевъ. Самый городъ былъ тогда деревянный, небольшой, но застроенный хорошими зданіями. За рѣчкой были расположены три большихъ слободы, сообщавшихся съ городомъ деревяннымъ мостомъ, построеннымъ на козлахъ и поднятымъ надъ водою такъ высоко, что подъ нимъ свободно проходили большія парусныя лодки. Такое описаніе Терки оставилъ намъ Московскій купецъ Федоръ Афонасьевичъ Котовъ, ѣздившій въ Персію въ 1623 году, за сто лѣтъ до Петра Великаго. Тогда и Терское войско, обитавшее вокругъ него, и слободы Черкасская, Окуцкая и новокрещенныхъ черкесъ были многолюдны и жили привольно. Но скоро для воеводскаго города настали тяжелые дни: пожары, наводненія и другія стихійныя бѣдствія заставили перенесть его на новое мѣсто, болѣе глухое и отдаленное. Съ тѣхъ поръ Терки уже не поднимались, и изъ бывшаго величія Петръ нашелъ въ нихъ только башенные часы съ колоколами, считавшіеся по тогдашнему времени чрезвычайною рѣдкостью. Новый городъ стоялъ на небольшомъ островѣ

между двумя рукавами Терека, а вокругъ него тянулись сплошныя болота и, на сколько могъ видѣть глазъ, все былъ камышъ и камышъ. Непривѣтливо смотрѣла эта приморская глушь, и не весело жилось здѣсь казакамъ среди болотъ и камышей, наполненныхъ комарами и лихорадочными міазмами. Упадокъ города естественно вызвалъ упадокъ и Терскаго войска, числительность котораго настолько порѣдѣла, что ко времени прибытія Петра въ войскѣ было не болѣе двухсотъ человѣкъ, изъ которыхъ цѣлая треть инородцевъ. Въ многолюдной нѣкогда слободѣ Окуцкой осталось только 16 человѣкъ охоченцевъ или черкесъ магометанскаго исповѣданія; остальные или перемерли, или, покинувъ свои дома, разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Послѣднему обстоятельству Петръ не придалъ особаго значенія, расчитывая на новый приливъ охотниковъ изъ Кабарды, а пока приказалъ перевести сюда изъ города всѣхъ служилыхъ людей изъ числа новокрещенцевъ. Въ то же время казацкія головы, какъ въ Терскомъ войскѣ издавна назывались старшины въ подражаніе стрѣлецкимъ полкамъ,—получили повелѣніе называться впредь ротмистрами. Дѣти же этихъ старшинъ стали съ тѣхъ поръ именоваться дѣтьми боярскими, или дворянами, съ положеннымъ для нихъ особеннымъ штатомъ (9).

Чѣмъ болѣе взглядывался Петръ въ расположеніе города, тѣмъ болѣе убѣждался въ его непригодности во всѣхъ отношеніяхъ. Правда, мѣстность была труднодоступная для непріятеля, но зато не менѣе трудная и для развитія въ ней какой бы то ни было культурной жизни. Даже предпріимчивый армянинъ Сафаръ, поставившій наконецъ свой заводъ въ 1718 году, поселился не здѣсь, а на Кизлярскомъ урочищѣ, гдѣ занялся выдѣлкою шелка и разведеніемъ рисовыхъ и бумажно-хлопчатыхъ плантацій. Какъ ни интересовала Петра столь важная отрасль хозяйства, но онъ не имѣлъ времени посѣтить заводъ и выѣхалъ изъ Терки, чтобы выбрать другое, болѣе удобное мѣсто для высадки дессанта. Съ собой онъ взялъ только нѣсколько Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ, оставшихся при немъ во все время похода, а остальнымъ приказалъ оставаться въ своихъ домахъ и сторожить линію. Мѣсто, выбранное Петромъ, находилось у Аграханскаго залива, въ песчаныхъ буграхъ, ближе къ устьямъ Койсу, и сюда же онъ приказалъ направить дессантную флотилію. Многочисленная эскадра подошла 27 іюля и стала на якорь. Это былъ день Гангудской побѣды,—день, чествуемый всегда Императоромъ, а потому на флотѣ вездѣ служились молебствія. Едва провозгласилось многолѣтіе, какъ вся эскадра мгновенно окуталась бѣлыми облаками пороховаго дыма, и пустынная окрестность дрогнула отъ грохота русскихъ пушекъ, разнесшихъ вѣсть о вступленіи Русскаго Императора въ Дагестанскую землю. И вотъ пошли опять новые слухи, смѣнявшіеся съ неимовѣрной быстро-

той одни другими. Разсказывали, что кумыки, осмѣлившіеся сопротивляться Царю, были жестоко наказаны; главный ихъ аулъ Эндери (Андреева деревня), заключавшій въ себѣ болѣе тысячи домовъ, обращенъ былъ въ пепелъ и не менѣе того пострадали аксаевскіе владѣльцы. Самъ Шамхалъ, трепетавшій при имени Петра, не только пропустилъ русскихъ чрезъ свои владѣнія, но встрѣтилъ Царя колѣнопреклоненный и, поцѣловавъ край его одежды, предложилъ къ услугамъ его все свое войско, которое Царь, однако, не принялъ. «Своего довольно», отвѣтилъ онъ коротко Шамхалу. Лихіе наѣздники Сурхая и Даутъ-Бега, вмѣстѣ съ Утемишскимъ султаномъ, были разбиты на голову и укрылись въ горахъ, какъ шакалы, изъ страха быть выданными Русскому Царю. Самъ Петръ въ шутливомъ письмѣ своемъ къ Сенату такъ описываетъ это обстоятельство: «Когда мы вошли во владѣніе Султана Махмуда Утемишскаго, то оный къ налъ ничѣмъ не отозвался, и того ради мы августа 19-го по утру отправили къ нему съ письмомъ трехъ Донскихъ казаковъ, а въ три часа пополудни того же дня сей господинъ изволилъ самъ внезапно атаковать насъ, чая застать неготовыми. Гостю сему мы зѣло были рады, особливо ребята, которые свиста пуль еще не слыхали, и, принявъ его какъ должно, проводили до самаго его жилища, отдавая ему контръ-визитъ; побывъ же тамъ нѣкоторое время, для увеселенія ихъ сдѣлали изъ владѣнія его фейерверкъ, а именно сожжено въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, до 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ сожгли по сторонамъ. Сказываютъ, что ихъ было десять тысячъ, но такое число не его одного, а многихъ владѣльцевъ подъ его именемъ, и чуть не половина пѣхоты, изъ которой около 600 человѣкъ отъ нашихъ побиты, да взято въ плѣнъ 30 человѣкъ; съ нашей стороны убито 5 драгунъ и 7 казаковъ, а пѣхотѣ ничего не досталось—ни урону, ни находки, понеже конница ее не дожидалась».

Затѣмъ прошла молва, что неприступный Дербентъ палъ передъ Царемъ безъ боя, и что народъ, вынеся священное знамя Алія, повергъ его къ стопамъ Императора. Вѣстовщики прибавляли, что когда Государь подъѣхалъ къ воротамъ, случилось сильное землятресеніе, и Петръ, обращаясь къ встрѣчавшимъ его старшинамъ, сказалъ: «Сама природа дѣлаетъ мнѣ торжественный пріемъ и колеблетъ стѣны города передъ моимъ могуществомъ». Надо знать страсть Кавказскихъ горцевъ ко всякаго рода новостямъ, надо знать ихъ суевѣріе, чтобы понять, съ какою жадностью эти извѣстія выслушивались и съ какою быстротою они передавались. Съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя ворота Дербента, запиравшія путь въ Персію, растворились настежъ передъ Царемъ какъ бы сами собою, фигура Петра выросла въ воображеніи горцевъ до размѣровъ мифическаго титана, сокрушающаго всѣ препоны и преграды. «Самъ шахъ», говори-

ли они, «дрожалъ на своемъ золотомъ престолѣ». Страхъ сковалъ даже обычныя разбойничьи шайки, изъ которыхъ ни одна не осмѣливалась за все это время приближаться къ русской границѣ. На Терекѣ было тихо, и спокойствіе казацкихъ городковъ не нарушалось ни единымъ выстрѣломъ. Много содѣйствовалъ этому и калмыцкій ханъ Аюкъ, вторгнувшійся по приказанію Петра за Терекъ съ своими ордами. Рядъ кургановъ понынѣ обозначаетъ путь, по которому слѣдовали его полчища, а въ двухъ верстахъ отъ крѣпости Внезапной показываютъ большой насыпанный холмъ, гдѣ стояла ставка Аюкъ-хана. Внутри одной изъ котловинъ Большой Чечни на Мичикѣ есть также остатки укрѣпленій калмыцкаго повелителя. И Терцы, и Гребенцы радостно внимали всѣмъ этимъ извѣстіямъ, и печалились только о томъ, что не могли раздѣлить славу Петровскаго похода вмѣстѣ съ Донскими и Яицкими казаками.

Покореніемъ Дербента закончилось, впрочемъ, побѣдоносное шествіе русскаго войска. Страшная буря, разбившая на морѣ русскую флотилію съ провіантомъ, разстроила всѣ предположенія Петра и положила въ этомъ году конецъ нашимъ успѣхамъ. Страна не могла продовольствовать своими средствами такого огромнаго количества войскъ, и Петръ, приказавъ оставить въ Дербентѣ сильный гарнизонъ, самъ съ остальными войсками двинулся въ обратный путь и на Койсу (нынѣшній Сулакъ) приказалъ заложить новую сильную крѣпость. Это была крѣпость Святаго Креста, сыгравшая впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, такую крупную роль въ исторической жизни Терскаго войска. Отсюда Петръ ѣздилъ въ Брагуны, урочище, лежавшее на правомъ берегу Терека, немного выше Щедринскаго городка, и лично изслѣдовалъ цѣлебное свойство тамошнихъ горячихъ минеральныхъ источниковъ. Тутъ же въ Брагунахъ, какъ говорятъ народныя преданія, къ Петру являлись Гребенскіе старики, и Царь жаловалъ ихъ «за многія службы двуперстнымъ крестомъ и старою вѣрою». Преданіе это передается теперь въ различныхъ варіантахъ, но въ основѣ его лежитъ достовѣрный фактъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи. Изъ Брагуновъ Петръ возвратился на Койсу и, осмотрѣвъ еще разъ строившуюся крѣпость, отплылъ обратно въ Астрахань, поручивъ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ краѣ генералу Матюшкину.

Глава III.

Съ возведеніемъ новой крѣпости, заложенной Петромъ Великимъ на Сулакѣ, Терки и терскую кордонную линію предположено было упразднить, а для лучшаго закрѣпленія вновь завоеванныхъ мѣстъ границу передвинуть на Сулакъ и здѣсь же образовать новыя казачьи поселенія. Такимъ образомъ, старая терская черта, намѣченная еще Иваномъ Грознымъ, передвигалась впередъ на Сулакъ, и дряхлѣвшія среди болотъ Терки замѣнялись новою крѣпостью, предназначавшеюся служить болѣе надежной охраной для нашихъ сообщеній между Дербентомъ и Астраханью. Стратегическое положеніе этого пункта дѣйствительно было очень важно, ибо давало возможность наблюдать одновременно и за безпокойными кумыками, и за шамхальствомъ, а въ то же время прикрывало нашъ тылъ и служило базой для будущихъ наступательныхъ дѣйствій. Съ упраздненіемъ Терки все вооруженіе ея перевезено было частію въ Дербентъ, а частію въ новую крѣпость. Но чтобы не оставить и устье Терека безъ должной обороны, заложенъ былъ верстахъ въ шести отъ старой крѣпости новый Терскій редутъ на 200 человѣкъ пѣхоты и вооруженъ 12 пушками и одной мортирой; въ гарнизонъ его высылалась изъ крѣпости Святаго Креста рота регулярной пѣхоты и часть Гребенскихъ казаковъ, которые перемѣнялись черезъ каждые три мѣсяца.

Какъ ни торопились съ крѣпостными работами, они подвигались, однако же, медленно, потому что весь строительный матеріалъ заготовлялся въ приволжскихъ городахъ и оттуда сплавлялся уже моремъ, а казармы строились въ Теркахъ и потомъ въ разобранномъ видѣ доставлялись на мѣсто. Хотя берега Сулака и Аграхани были покрыты сплошными лѣсами, но лѣсъ этотъ по своей кривизнѣ не годился для построекъ, а Петръ между тѣмъ приказалъ беречь его, какъ зеницу ока, понимая, что съ истребленіемъ лѣсовъ могутъ обмелѣть и самыя рѣки.

Осенью 1724 года крѣпость Святаго Креста была окончена. Это была солидная крѣпость о шести бастіонахъ, обращенная фронтомъ на югъ, гдѣ горизонтъ замыкался скалистыми горами Дагестана. На сѣверъ и востокъ вдали то тихо плескалось, то грозно ревѣло древнее Хвалынское море, а за нимъ тянулись безбрежныя степи. Самое мѣсто крѣпости бы-

ло возвышенное и, по заключенію врачей, если не совсѣмъ здоровое, какъ на всемъ Каспійскомъ побережьи, то во всякомъ случаѣ гораздо здоровѣе, чѣмъ въ Теркахъ, въ Дербентѣ или Баку.

Съ окончательнымъ упраздненіемъ Терки, всѣ жители ея были переведены въ крѣпость Святаго Креста. Туда же перевезены были, какъ рѣдкость, знаменитые часы съ башеннымъ боемъ; ихъ помѣстили на соборной церкви, а впослѣдствіи, когда крѣпость Святаго Креста была упразднена,—отправили въ Астрахань къ епископу Илларіону (¹). Пронырливые армяне, грузины и персидскіе тезики тотчасъ занялись постройкой домовъ на новыхъ мѣстахъ, завели лавки и даже открыли караванъ-сараи. Заводъ Сафарова былъ также упраздненъ, и рабочіе переведены въ новую крѣпость. Но продолжали ли они свою плантаторскую дѣятельность на берегахъ Сулака, а если продолжали, то на какихъ мѣстахъ поставленъ былъ заводъ и гдѣ разводились плантаціи,—свѣдѣній не имѣется.

Первымъ комендантомъ кр. Святаго Креста назначенъ былъ подполковникъ Леонтій Соймоновъ, а первый гарнизонъ составленъ былъ изъ регулярной пѣхоты, изъ тысячи Донскихъ и пятисотъ Яицкихъ казаковъ, смѣнявшихся здѣсь ежегодно. На вооруженіе крѣпости, на ея шести бастіонахъ, стояло 35 мѣдныхъ и чугунныхъ орудій, грозно смотрѣвшихъ изъ своихъ амбразуръ на дороги, по которымъ промышляли дагестанскіе разбойники. Въ полуверстѣ отъ крѣпости расположилась слободка, населенная черкесами, пожелавшими остаться въ магометанствѣ. Въ Теркахъ, при посѣщеніи Петра, ихъ было только 16 человѣкъ, но теперь насчитывалось уже до трехсотъ фамилій. Передъ самымъ походомъ, когда Царь не переходилъ еще Сулака, къ нему явились два кабардинскихъ владѣльца—изъ Большой Кабарды князь Эльмурза, младшій братъ Александра Бековича, погибшаго въ Хивѣ, а изъ Малой—князь Асламбекъ Келеметовъ, изъ рода Таусултанова. Оба они явились съ своими уорками и узденями, участвовали съ Петромъ при взятіи Дербента, а по возвращеніи его въ Россію осѣли около крѣпости Святаго Креста и назвали новое свое поселеніе Окоцкой слободою, также, какъ она называлась въ Теркахъ. Всѣ они подчинены были Эль-Мурзѣ, который изъявилъ желаніе навсегда остаться въ русской службѣ и былъ пожалованъ за то чиномъ подполковника. Никакого денежнаго и хлѣбнаго жалованья отъ казны черкесы не получали, но за каждый «нарочитый поискъ надъ непріятелемъ» Петръ опредѣлилъ выдавать имъ небольшое денежное вознагражденіе, съ предоставленіемъ въ ихъ пользу и всей добычи, «какую возьмутъ» (²). Самое населеніе кр. Святаго Креста быстро росло, благодаря все прибывавшимъ и прибывавшимъ сюда армянамъ, принятымъ Петромъ подъ особое покровительство. «Понеже»,—писалъ онъ генералъ-маіору Кропотову, «народъ армянскій проситъ, дабы мы оный въ протекцію приняли и для поселенія удобныя мѣста въ нашихъ

персидскихъ провинціяхъ отвести повелѣли, того ради, когда изъ того армянскаго народа какіе въ крѣпость Креста пребудутъ, то селить ихъ по рѣкамъ Сулаку, Аграхани и Тереку и содержать тебѣ оныхъ въ крѣпкомъ охраненіи, понеже мы оный армянскій народъ въ особливую нашу императорскую милость и протекцію приняли» (3). Такъ началось заселеніе армянами крѣпости Святаго Креста, а потомъ Кизляра. Сюда же къ крѣпости прикочевали татарскіе аулы, сидѣвшіе съ давнихъ поръ около Терки, и малые ногаи, кочевавшіе въ степяхъ между Аксаемъ и Сулакомъ. Всѣ они, въ числѣ около 20 тысячъ кибитокъ, силою уведены были калмыками, возвращавшимися изъ дербентскаго похода, въ свои улусы, и тамъ разобраны по рукамъ разными владѣльцами, отъ которыхъ долгое время испытывали «скорбь и утѣсненія». Вызволенные русскимъ правительствомъ изъ этой неволи, они возвратились на Сулакъ, гдѣ къ нимъ присоединились и другіе ногайцы, подвластные Шамхалу Тарковскому. Ихъ всѣхъ подчинили также Эль-Мурзѣ Черкасскому, но пользы отъ нихъ, въ смыслѣ обороны края, было не много. Впрочемъ, за ними за самими надо было смотрѣть въ оба, такъ какъ помимо природной склонности этого народа къ хищничеству, они укрывали въ своихъ кочевкахъ дагестанскихъ наѣздниковъ и, вообще въ политическомъ отношеніи, какъ показало ближайшее будущее, были не надежны. Такова была обстановка, въ которой находилась новая крѣпость.

Теперь возвратимся къ нашему казачеству.

Вслѣдъ за переселеніемъ жителей, тронулось въ походъ и Терское войско, обитавшее въ предмѣстьяхъ стараго города. Терекъ потерялъ уже значеніе государственной границы, и Петръ приказалъ перевесть на новую линію какъ Терскихъ, такъ и Гребенскихъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы заполнить ихъ поселеніями пустое, тридцативерстное пространство, отдѣлявшее крѣпость отъ берега моря; тамъ воздвигался портъ, тамъ строились пристани для разгрузки приходившихъ судовъ, и кордонная линія была намѣчена именно для прикрытія этихъ сооруженій. Въ то же время съ Дона вызвана была тысяча семей изъ числа «сказочныхъ (т. е. внесенныхъ въ списки), а не набродныхъ казаковъ», изъ которыхъ половина предназначалась для водворенія на Сулакѣ и Аграхани отдѣльными станицами, а другая цѣликомъ поступала въ Гребенское войско, сильно порѣдѣвшее послѣ того, какъ лучшіе представители его погибли въ Хивинскомъ походѣ (4).

Терцы безпрекословно исполнили повелѣніе Государя, но среди Гребенцовъ произошла смута, принявшая видъ такого единодушнаго отпора, что правительство сочло за лучшее отказаться отъ своего намѣренія. Дѣло въ томъ, что Гребенцы въ короткое время переселялись съ мѣста

на мѣсто уже въ четвертый разъ, что, конечно, не могло не отзываться на благосостояніи ихъ хозяйства, находившагося всецѣло, по старымъ, еще кабардинскимъ обычаямъ, на рукахъ женщинъ. Женщины и запротестовали первыми. Слухъ о волненіи въ гребенскихъ городкахъ быстро дошелъ до Нижней Кубани, гдѣ сидѣли наши раскольники-Некрасовцы, давно отдавшіеся въ подданство Турецкаго султана. Имъ это было на руку. Смутьяны ихъ тотчасъ явились къ Гребенцамъ и принялись раздувать только что начинавшійся еще пожаръ. Онъ вспыхнулъ бы съ новою силой. Надо сказать, что Гребенцы до сихъ поръ никогда не якшались съ Игнашкой Некрасовымъ и даже бились съ нимъ, когда онъ ходилъ войной на кабардинцевъ. Но разъ, когда, израненный, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ кабардинцами, Гребенцы, почитая въ немъ храбраго казака, тайно вызволили его изъ неволи и дали возможность бѣжать на Кубань. Теперь, подъ видомъ благодарности, онъ и предлагалъ имъ гостепріимство въ своей обѣтованной землѣ-Палестинѣ. Правда, въ этой Палестинѣ неладно жилось и самимъ Некрасовцамъ, изнемогавшимъ отъ болотныхъ лихорадокъ, но тѣмъ не менѣе, уставщики и начетчики ихъ твердили съ рѣдкимъ упорствомъ: «Добро намъ здѣсь быти». Гребенцамъ они сулили золотыя горы. Передъ вопросомъ, затрогивавшимъ самые близкіе жизненные интересы, да еще подъ вліяніемъ женъ и матерей, поколебалась стойкость Гребенцовъ, и они едва-едва не поддались на льстивыя рѣчи Игнашки. Къ счастію, Петръ самъ разобралъ претензію Гребенцовъ и, отмѣнивъ свое рѣшеніе, приказалъ имъ попрежнему оставаться на Терекѣ въ своихъ городкахъ. Переселилось одно только Терское войско. Гребенцамъ же приказано было беречь Терскую линію отъ Червленнаго городка вплоть до самаго моря, гдѣ былъ поставленъ редутъ, и даже наряжать отъ себя команды въ самый редутъ для его защиты. Въ наказаніе же за ихъ упорство Петръ лишилъ ихъ обѣщанной помощи, и тѣ 500 донскихъ семействъ, которыя предназначались для ихъ усиленія, прошли стороной мимо ихъ городковъ прямо на Аграхань (5). При малочисленности Гребенского войска, задача, возложенная на него Петромъ, потребовала напряженія всѣхъ наличныхъ силъ, и въ очередь включены были даже старики и малолѣтки. И тѣмъ не менѣе Гребенцы охотно несли эту тяжелую службу, довольные тѣмъ, что остались на Терекѣ и избѣжали печальной участи, постигшей Терцевъ и Донцовъ на непривѣтливыхъ берегахъ Сулака.

Терцы подошли къ крѣпости Святаго Креста въ октябрѣ 1724 года, въ числѣ пятисотъ конныхъ и пятисотъ пѣшихъ казаковъ, и тотчасъ поставили свои городки по рѣкѣ Аграхани. Слѣдомъ за ними сюда же стала подходить и та тысяча семей, которая назначена была съ Дона. Оживленную картину представляли собою весной придонскія и моздокскія

степи, когда по нимъ изо дня въ день двигались огромные обозы переселенцевъ, направлявшiеся изъ Донецкихъ, Бузулукскихъ, Хоперскихъ, Медвѣдинскихъ и Донскихъ городковъ за Терекъ, чтобы стать лицомъ къ лицу съ непрiятелемъ, образовавъ новое порубежное казачество. Каждая семья обязана была выставить по одному исправному конно-вооруженному всаднику. Были здѣсь старые, закаленные въ бояхъ казаки, были молодые безусые парни, были домовитые хозяева, были и такiе, которые не имѣли никакихъ обезпеченныхъ средствъ къ существованiю. Можно было встрѣтить здѣсь и такихъ, которые шли подъ видомъ охотниковъ, а на самомъ дѣлѣ выселялись по тайнымъ приговорамъ обществъ, какъ люди порочные или безпокойные, отъ которыхъ кромѣ конокрадства и другихъ вольныхъ промысловъ ничего ожидать было нельзя.

По сторонамъ обоза толпами шли бабы и дѣвки, а на возахъ, запряженныхъ волами крупной черкасской породы и до верху нагруженныхъ различнымъ скарбомъ, сидѣли дѣти, или болтались клѣтки съ домашнею птицей; за нѣкоторыми возами шли привязанныя дойныя коровы, а въ сторонѣ, поднимая пыль, тянулись стада рогатаго скота, овецъ и свиней. Переселенцы двинулись изъ своихъ городковъ 14 мая, когда степи покрыты были еще густою травой, доставлявшей обильный подножный кормъ, а потому каждый старался забрать съ собою какъ можно болѣе скота, да и всякой утвари, зная, что на новыхъ мѣстахъ ничего не достанешь. Правительство отпустило на подъемъ по 4 руб. на каждую семью, а затѣмъ путевое довольствiе, устройство жилищъ и домашняго хозяйства отнесено было уже на средства самихъ казаковъ. Труденъ былъ этотъ дальнiй пятимѣсячный путь по мѣстамъ, далеко не безопаснымъ отъ нападенiя непрiятеля. Думалось, что вотъ-вотъ нагрянутъ татары, и тогда все добро, съ которымъ переселенцы тащились сотни верстъ, пойдетъ прахомъ и дымомъ. Конечно, тысяча казаковъ служилаго состава представляла собою надежную охрану, но и горцевъ могло собраться въ этихъ мѣстахъ до 10 тысячъ и болѣе. Примѣръ Ветерани, понесшаго здѣсь пораженiе, былъ еще въ свѣжей памяти, а казаки шли по маршруту именно шляхомъ Ветерани. Ничего подобнаго, однако, не случилось, и переселенческiе обозы благополучно достигли крѣпости Святаго Креста. Мѣста для ихъ водворенiя уже были указаны, а потому казаки поставили свои пять городковъ по южной границѣ крѣпостного района, чтобы прикрыть его со стороны дагестанскихъ народовъ. А такъ какъ отъ крѣпости до моря въ этомъ направленiи было всего 20 верстъ, то одинъ городокъ пришлось поставить въ самомъ углу, гдѣ Аграхань отдѣлялась отъ Койсу, а остальные четыре расположить уже въ двѣ линiи: два по среднему Койсу и два по южному Сулаку, въ 10-верстномъ разстоянiи одинъ отъ другого*).

*) Г. А. Ткачевъ. «Гдѣ было древнее Аграханское войско».

Такъ образовалось на Кавказѣ новое казачье войско, названное Петромъ Аграханскимъ и подчиненное имъ во всѣхъ отношеніяхъ генералу Матюшкину, командовавшему тогда Персидскимъ корпусомъ ([6]). Это былъ, можно сказать, первый опытъ принудительной колонизаціи Кавказа русскимъ элементомъ,—опытъ, оказавшійся, однако, весьма печальнымъ по результатамъ. Мѣста для поселенія казачьихъ городковъ были выбраны крайне неудачно, отчасти на каменистой, отчасти на болотистой и притомъ совершенно безлѣсной мѣстности. Какъ Терекъ, такъ и Сулакъ и отдѣлившаяся отъ него Аграхань, подобно всѣмъ горнымъ рѣкамъ, по выходѣ на плоскость и приближеніи къ морю, сильно замедляетъ свое теченіе, и потому въ низовьяхъ, благодаря отлогимъ берегамъ и сильнымъ періодическимъ разливамъ, образуютъ обширныя болота, поросшія камышемъ, —картина, которая наблюдалась нами и въ покинутыхъ Теркахъ.

На новыхъ мѣстахъ казаки, разумѣется, не нашли для себя ничего приготовленнаго. Прежде всего они для безопасности окопались земляными валами и стали за ними гадать и думать, какъ имъ устроиться на зиму. Самая крѣпость и войсковыя казармы возводились, какъ мы уже знаемъ, изъ матеріаловъ, заготовляемыхъ въ приволжскихъ городахъ и оттуда сплавляемыхъ моремъ; о казакахъ тогда не подумали, и теперь подъ рукой у нихъ не было даже строительнаго матеріала. Пришлось копать землянки и въ нихъ проводить довольно суровую зиму. Вотъ эти-то подземныя кротовины, сырыя и лишенныя солнечнаго свѣта, въ связи съ лишеніями всякаго рода и послужили причиной заразныхъ болѣзней, приведшихъ оба войска въ совершенное разстройство. Смертность въ первую же зиму была такъ велика, что изъ каждыхъ трехъ человѣкъ выбывалъ одинъ, а нѣкоторыя семьи вымирали поголовно ([7]). Къ этому бѣдствію прибавились начавшіяся военныя дѣйствія. Еще задолго до появленія нашихъ казаковъ на Сулакѣ, Матюшкинъ, оставшійся послѣ отъѣзда Петра главнымъ начальникомъ войскъ въ Дагестанѣ, началъ готовиться къ занятію Баку и къ покоренію прибрежныхъ персидскихъ владѣній. Самъ Петръ по возвращеніи въ Астрахань назначилъ для послѣдней цѣли особый отрядъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Шипова. Шиповъ, однако же, просилъ у Царя подкрѣпленія.—«Не дамъ», лаконически отвѣчалъ Петръ, «Стенька Разинъ съ пятью стами казаковъ не боялся персіянъ, а я тебѣ даю два баталіона регулярныхъ». Въ ноябрѣ 1722 года Шиповъ съ небольшею флотиліей вышелъ въ Энзелійскій заливъ и занялъ囗ештъ, главный городъ Гилянской провинціи. Въ то же время Матюшкинъ овладѣлъ Баку, а затѣмъ пали: Ширванское ханство и персидскія провинціи Мазандеранъ и Астрабадъ. Поздравляя Матюшкина съ такими успѣхами, Петръ писалъ, что болѣе всего доволенъ пріобрѣтеніемъ Баку, «понеже оная составляетъ всему нашему дѣлу

ключъ». Всѣ эти дѣла были дѣйствительно громкія въ военномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, не оставлявшія послѣ себя никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ завоеванномъ краѣ. Слишкомъ мало было войскъ, чтобы удерживать за собою пройденныя пространства, и персіяне, разбитые въ одномъ мѣстѣ, свободно собирались въ другомъ, заставляя насъ отбиваться иногда разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда казаки пришли на Сулакъ и поставили свои городки. Но не прошла еще первая бѣдственная зима, какъ пришла роковая вѣсть, что Императоръ Петръ Первый «отъ сего свѣта отъиде». «Приумолкла, приуныла россейская армеюшка», какъ говоритъ одна изъ пѣсенъ о кончинѣ Петра, но возликовали враги ея и дерзко подняли головы, не сдерживаемые больше желѣзной волей того, кого называли «Петръ грозныя очи». Опасность угрожала намъ со всѣхъ сторонъ. Въ Гилянахъ русскіе по своей малочисленности не только не могли имѣть вліянія внутри страны, но съ трудомъ удерживались въ занятыхъ позиціяхъ: изъ Сальянской области и съ береговъ Куры, гдѣ при сліяніи ея съ Араксомъ предполагалось воздвигнуть крѣпость, русскіе войска отозваны были назадъ; персіяне въ огромныхъ силахъ шли на Баку, чтобы, засѣвъ у нефтяныхъ источниковъ, держать городъ въ постоянной блокадѣ. Горцы угрожали Дербенту, а самъ Шамхалъ, давно замышлявшій измѣну, вмѣстѣ съ Каракайтачскимъ уцміемъ, Казикумыкскимъ ханомъ и эндерійскими кумыками двинулся на Сулакъ, чтобы разорить ненавистную ему Сулакскую линію. «И не только казацкіе городки и другія укрѣпленія, но и самая крѣпость Святаго Креста», доносилъ Матюшкинъ, «находятся отъ него въ великомъ утѣсненіи» ([8]).

Казалось, что обстоятельства создали для русскихъ такое положеніе, изъ котораго не было выхода. Но никогда пословица: «Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ»—не оправдывалась на дѣлѣ такъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Вся 25-тысячная армія Шамхала, столпившись на Сулакѣ, не могла одолѣть одного ничтожнаго Аграханскаго редута, защищаемаго 50-ю солдатами и сотней Терскихъ казаковъ, подъ командой подполковника Маслова. Отчаянная защита этого гарнизона, дѣлавшаго даже смѣлыя вылазки, и понынѣ живетъ въ памяти горцевъ ([9]). Еще большую неудачу Шамхалъ потерпѣлъ при попыткѣ овладѣть крѣпостью Святаго Креста, и отбитый штурмъ стоилъ горцамъ такъ дорого, что они, перессорившись между собою, разошлись по домамъ. Шамхалъ остался одинъ съ своимъ трехтысячнымъ войскомъ. Правда, къ нему присоединились еще измѣнившіе намъ ногайцы, но они приносили ему больше вреда, нежели пользы.

Опасность, угрожавшая намъ съ той стороны, разсѣялась, но посту-

покъ Шамхала, конечно, не могъ остаться безнаказаннымъ. Самъ Матюшкинъ прибылъ въ крѣпость Святаго Креста и приказалъ генералъ-маіору Кропотову идти въ шамхальскія владѣнія, жечь и истреблять аулы, отгонять скотъ и «всячески трудиться, что бы его, Шамхала, добыть въ свои руки». За голову его Матюшкинъ обѣщалъ отъ двухъ до пяти тысячъ рублей серебромъ, смотря потому, живого ли его привезутъ къ нему или мертваго. Кропотовъ въ точности исполнилъ приказанія, разогналъ ногайцевъ, жестоко наказалъ аксаевскихъ и эндерійскихъ кумыковъ и сжегъ всѣ аулы, которые помогали Шамхалу. Осенью экспедицію повторилъ полковникъ Еропкинъ, который разгромилъ уже самые Тарки, вмѣстѣ съ шамхальскимъ дворцомъ, истребилъ болѣе шести тысячъ домовъ въ окрестностяхъ, а самого Шамхала загналъ въ суровыя, безплодныя Дагестанскія горы. Тогда князь Эль-Мурза Черкасскій и князь Асланбекъ Келеметовъ, проживавшіе въ Окуцкой слободкѣ, вызвались ѣхать къ Шамхалу, чтобы уговорить его явиться добровольно съ повинною головою. Шамхалу, лишенному всего состоянія, и не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ покориться. Онъ явился въ лагерь Еропкина, стоявшаго у Кумтеръ-кале, былъ арестованъ, судимъ, какъ государственный измѣнникъ, и кончилъ свои дни въ заточеніи въ гор. Колѣ Архангельской губерніи. Самое званіе шамхала тогда же было уничтожено, и отправленіе его обязанностей возложено на генерала, командовавшаго войсками въ Ширвани, причемъ доходы, получаемые съ его владѣній, обращены были въ пользу его сыновей и нѣкоторыхъ старшинъ, оставшихся намъ вѣрными.

Какое участіе во всѣхъ этихъ событіяхъ принимали Терскіе и Аграханскіе казаки, до насъ, къ сожалѣнію, не дошло ни оффиціальныхъ свѣдѣній, ни даже народныхъ преданій. Имена казацкихъ героевъ, честно сложившихъ свои кости на защитѣ новыхъ рубежей отечества, безслѣдно прошли для потомства; но что герои эти были, что они участвовали во всѣхъ походахъ Кропотова и Еропкина и достойно украшали собою страницы исторіи, можно судить по тѣмъ тяжкимъ потерямъ, которыя пришлось пережить за это смутное время и Терцамъ, и Аграханцамъ ([10]). Довольно сказать, что, когда крѣпость Святаго Креста находилась, по словамъ Матюшкина, «въ величайшемъ утѣсненіи», Аграханскіе казаки отъ безпрерывныхъ и жестокихъ нападеній горцевъ три раза должны были переносить свои городки съ мѣста на мѣсто, и что отъ непривычки къ климату и частыхъ сраженій съ непріятелемъ число ихъ уменьшилось на столько, что изъ пяти городковъ Аграханскаго войска пришлось образовать только три, названныхъ Каменкой, Прорвой и Кузьминкой. Терскіе же городки и совсѣмъ опустѣли ([11]).

Съ разсѣяніемъ скопищъ Шамхала волненія мало-помалу улеглись, и

край успокоился. Но чтобы не дать возможности повторяться подобнымъ событіямъ, Аграханскій редутъ, важный по своему положенію на пути къ Астрахани, былъ занятъ батальономъ пѣхоты и четырмя стами Гребенскихъ казаковъ, а къ крѣпости Святаго Креста придвинуты семь драгунскихъ полковъ, расположившихся въ окрестностяхъ въ видѣ подвижного кавалерійскаго резерва. Серьезныхъ военныхъ дѣйствій въ шамхальствѣ болѣе не предвидѣлось; но казакамъ, державшимъ кордонныя линіи, отъ этого служба не уменьшилась, такъ какъ съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей имъ приходилось вести борьбу уже съ одиночными хищниками, которыхъ было столько же, сколько считалось въ горахъ населенія. Между тѣмъ наступила ненастная погода и приближалась зима. При такихъ условіяхъ, когда все мужское населеніе стояло подъ ружьемъ, и въ городкахъ оставались однѣ женщины, никакого правильнаго хозяйства, разумѣется, завести было нельзя; дома не были построены; поля лежали невспаханными; тѣ скудные достатки, съ которыми переселенцы прибыли съ Дона, были израсходованы, а новаго хлѣба не было, да и покупать его было негдѣ и не на что. Тяжелую зиму съ 1725 на 26-й годъ пришлось проводить опять въ тѣхъ же сырыхъ зараженныхъ міазмами землянкахъ, и смертность съ каждымъ днемъ увеличивалась. Чтобы сколько нибудь облегчить бѣдственное положеніе переселенцевъ съ Дона, Императрица Екатерина Первая указомъ Правительствующему Сенату 5 ноября 1725 года повелѣла: 1) для новости мѣстъ и нынѣшнихъ неспокойствъ опредѣлить Аграханскому войску изъ доходовъ Астраханской губерніи денежное жалованье противъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, съ излишкомъ пяти рублей на каждаго человѣка. 2) Хлѣбнаго жалованья отпускать на семью по шести четвертей муки, по три четверика крупъ и овса, а соли по 48 фунтовъ въ мѣсяцъ. У кого же есть дѣти, то прибавлять провіанта по четверику и по два, смотря по семьѣ. Кромѣ того: для отпору отъ непріятельскихъ людей отпустить старыя сабли изъ имѣющихся въ оружейной палатѣ, а порохъ, свинецъ и пушки для вооруженія ихъ городковъ изъ средствъ Персидскаго корпуса,—и выдать изъ конторы военной коллегіи два большіе и десять малыхъ знаменъ, изъ числа старыхъ, бывшихъ уже въ употребленіи въ нерегулярныхъ, т. е. въ стрѣлецкихъ полкахъ, какія обыкновенно жаловались въ то время казачьимъ войскамъ. Въ то же время указано было со всякими ходатайствами и просьбами, а также за полученіемъ войскового жалованья отправлять, по примѣру другихъ казачьихъ войскъ, въ Петербургъ по 10 человѣкъ войсковыхъ представителей, которымъ на проѣздъ отпускалось особое жалованье и прогоны. Такія поѣздки казаковъ назывались зимовыми станицами. Кромѣ того посылались еще легкія станицы, отличавшіяся отъ зимовыхъ меньшимъ числомъ войсковыхъ представителей; въ нихъ по большей части

назначалось по четыре человѣка. При поѣздкахъ зимовыхъ и легкихъ станицъ обыкновенно отправлялся самъ войсковой атаманъ и съ нимъ другія лица, занимавшія въ войскѣ почетныя должности. Всѣ эти привиллегіи, надо сказать, дарованы были Аграханскому войску еще Петромъ Великимъ, указомъ его 25 ноября 1724 года, но за послѣдовавшею вскорѣ его кончиною не были приведены въ исполненіе. Императрица Екатерина Первая только подтвердила и узаконила то, что было уже сдѣлано ея почившимъ супругомъ. Когда именно доставлены были въ войско пожалованныя ему знамена, свѣдѣній не имѣется, также какъ не имѣется на нихъ и никакихъ документовъ или ВЫСОЧАЙШИХЪ грамотъ. Кравцовъ въ своемъ очеркѣ о началѣ Терскаго казачьяго войска говоритъ, однако, что сохранилась копія съ грамоты Екатерины I-й, озаглавленной: «На Аграхань Войсковому Атаману Антону Андрееву и всему Аграханскому войску». Въ этой грамотѣ, подтверждавшей всѣ привиллегіи, дарованныя войску Петромъ Великимъ, сказано между прочимъ: «да вамъ же указано выдать въ Москвѣ изъ конторы военной коллегіи изъ старыхъ нерегулярныхъ знаменъ, каковыя даны и Яицкимъ казакамъ, большихъ на войско 2 да малыхъ 10, а всего 12 знаменъ». Нельзя не пожалѣть, что эти памятники глубокой старины, свидѣтели первыхъ лѣтъ существованія войска, не дошли до нашего времени, не сохранились въ числѣ почетныхъ войсковыхъ регалій. Даже въ оффиціальной вѣдомости знаменамъ, имѣвшимся въ Терско-Семейномъ (бывшемъ Аграханскомъ) войскѣ въ 1801 году, показано ихъ уже не 12, а только пять, да двѣ хоругви, безъ оговорки, когда и откуда послѣднія появились ([12]). Вотъ какъ въ означенной вѣдомости описаны эти знамена:

Первое знамя коричневой цвѣтной комчи, обшитое кругомъ каймой изъ голубой цвѣтной же комчи; изображенія на нихъ слѣдующія: въ срединѣ двуглавый орелъ съ тремя коронами; внизу у орла мѣсяцъ, орелъ держитъ въ лапахъ въ правой скипетръ, а въ лѣвой державу, сверху орла образъ св. Троицы и святаго благовѣрнаго великаго князя Всеволода, во святомъ крещеніи Гавріила, Псковскаго чудотворца. На поляхъ въ шести мѣстахъ солнца, а вокругъ нихъ по двѣ звѣзды; около орла въ четырехъ мѣстахъ печати; съ правой стороны: «Божіею милостію царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ». Съ лѣвой: 7201 года (1695) Марта 1-го. Построены сіи знамена при державѣ пресвѣтлѣйшихъ державнѣйшихъ великихъ государей. Внизу подъ ними надписи:- справа: «Строилъ сіи знамена стольникъ и полковникъ Иванъ Михайловичъ Кокошкинъ, псковскихъ стрѣльцовъ 1-го полку». Слѣва: «При бытности въ Псковскомъ Государствѣ ближняго окольничьяго и воеводы и намѣстника Нижегородскаго Петра Матвѣевича Апраксина съ товарищами». Третью и

четвертую надписи за ветхостію описать не можно. Второе и третье знамя одинаковыя изъ красной цвѣтной комчи; по всѣмъ четыремъ угламъ змѣйки изъ желтой комчи; въ серединѣ на голубомъ полѣ изображенъ государственный гербъ, но за ветхостію вензелей описать не можно. Четвертое знамя изъ желтой цвѣтной комчи; по угламъ змѣйки изъ комчи красной; въ серединѣ онаго государственный гербъ, но за ветхостію описать не можно. Пятое знамя изъ комчей цвѣтныхъ: черной, красной и голубой крестообразно; на черной каймѣ вверху изображенъ золотой крестъ со сплетенными внизу лаврами.

Первая хоругвь одноконечная изъ желтой комчи, вокругъ кайма изъ голубой цвѣтной комчи; въ серединѣ съ обѣихъ сторонъ изображеніе св. Георгія.

Вторая хоругвь такая же, коричневой комчи; въ срединѣ изображенъ въ кругу двухглавый орелъ, а вокругъ надписи, которыхъ разобрать не можно.

Судя по нѣкоторому сходству въ описаніи этихъ знаменъ съ тѣми, которыя находятся нынѣ въ атаманскомъ домѣ, а прежде были въ церкви Дубовской станицы, поставленной Аграханскимъ войскомъ при самомъ переселеніи его изъ крѣпости Святаго Креста на Терекъ, можно сказать утвердительно, что эти-то знамена и есть первыя войсковыя регаліи, пожалованныя еще Императрицей Екатериной І-й ([13]).

Въ томъ же 1726 году зимовыя станицы Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, отправленныя въ Петербургъ, ходатайствовали передъ военной коллегіей о дарованіи и имъ тѣхъ же милостей, которыя оказаны были Аграханцамъ. Ходатайство это было удовлетворено, и 20 марта 1727 года послѣдовалъ указъ Императрицы отпустить Терскимъ и Гребенскимъ казакамъ по числу наличныхъ людей тысячу сабель изъ старыхъ, имѣвшихся въ оружейной палатѣ, и знаменъ изъ старыхъ же (стрѣлецкихъ)—одно большое и 4 малыхъ на каждое войско. Тогда же по челобитью тѣхъ же зимовыхъ станицъ повелѣно жалованье Терскимъ и Гребенскимъ казакамъ «для излишнихъ ихъ противъ прежнихъ лѣтъ труда и службъ увеличить по одному рублю на человѣка въ годъ, пока въ Низовомъ корпусѣ будутъ продолжаться военныя дѣйствія». Но вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было впредь о нуждахъ своихъ бить челомъ командующему Низовымъ корпусомъ, а для челобитья въ Петербургъ нарочныхъ не посылать. Послѣднее распоряженіе держалось однако недолго; и вскорѣ эта старая казачья привиллегія была опять возстановлена Императрицею Елисаветой.

Такимъ образомъ, Терцы и Гребенцы получили первыя царскія знамена, положившія начало длинному ряду ихъ по слѣдующихъ войсковыхъ ре-

галій. Два изъ нихъ, несомнѣнно, были стрѣлецкія. Оба они изъ шолковой розовой матеріи, съ изображеніемъ въ срединѣ герба Новогородской губерніи, представляющаго золотое кресло въ серебряномъ полѣ съ подушкой, на которой поставлены крестообразно съ правой стороны скипетръ, а съ лѣвой крестъ; на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами, а по сторонамъ два стоящіе медвѣдя. Надписей не сохранилось; но, судя по гербу, можно думать, что они принадлежали новогородскимъ стрѣльцамъ и были переданы Гребенскому войску, подобно тому, какъ знамя псковскихъ стрѣльцовъ, о которомъ мы уже говорили, пожаловано было Аграханцамъ.

На третьемъ знамени посрединѣ изображенъ черный двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди его разбросанными литерами надписи: «За вѣрность»; остальныхъ вензелей на груди орла по ветхости разобрать нельзя ([14]).

Почти одновременно съ удовлетвореніемъ просьбъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ послѣдовала грамота Императрицы Екатерины и на имя войскового атамана Аграханскаго казачьяго войска Антона Андреева, въ которой говорилось, что, нисходя къ челобитью Аграханскихъ казаковъ, Императрица повелѣла построить въ одномъ изъ ихъ городковъ деревянную церковь и выслать въ нее изъ Москвы иконостасъ, церковную утварь отъ 100 до 156 рублей и четыре колокола, въ 15 пудовъ вѣса. При той же грамотѣ были присланы войску печать по образцу донской, только меньшаго размѣра, *) а войсковому атаману, какъ знакъ его власти, деревянную, оправленную съ обоихъ концовъ въ серебро, насѣку([15]).

Это была послѣдняя милость, оказанная казакамъ Императрицей Екатериной I-й. Грамота подписана была въ апрѣлѣ 1727 года, а 6-го мая государыня скончалась. На престолъ вступилъ Императоръ Петръ II-й.

*) На печати была надпись «Аграханское казачье войско». Императрица Елисавета замѣнила эту надпись другою: «Терско-Семейное казачье войско».

Глава IV.

Военныя дѣйствія между тѣмъ продолжались въ краѣ своимъ чередомъ. Еще за годъ до кончины Императрицы Екатерины, вскорѣ по усмиреніи шамхальскаго бунта, доблестный вождь Низоваго корпуса, генералъ Матюшкинъ, долженъ былъ покинуть свой постъ вслѣдствіе тяжкой болѣзни и съ разрѣшенія Императрицы отправился въ Москву. Долго искали въ Петербургѣ достойнаго ему преемника, и только послѣ многихъ совѣщаній выборъ Екатерины остановился на одномъ опальномъ вельможѣ Петровскаго времени. Это былъ генералъ аншефъ и кавалеръ Александровскаго ордена князь Василій Владимировичъ Долгорукій, извѣстный въ русской исторіи усмиреніемъ на Дону булавинскаго бунта.

По пріѣздѣ въ край, весною 1726 года, новый главнокомандующій остановился въ крѣпости Святаго Креста и прежде всего посѣтилъ казачьи городки. Онъ нашелъ ихъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Къ тяжелымъ экономическимъ и климатическимъ условіямъ прибавилась еще какая то эпидемическая болѣзнь, свирѣпствовавшая среди туземнаго населенія. Губительная зараза, шедшая полосою съ юга на сѣверъ, въ конецъ опустошила казачьи городки, и едва ли оставалась здоровою десятая часть населенія. Кладбища сдѣлались до того обширными, что издали представлялись городками, а казачьи городки смотрѣли кладбищами, до того они казались безлюдными. Причину страшной смертности князь Долгорукій относилъ не къ однимъ климатическимъ условіямъ, на которыя привыкли ссылаться, но главнымъ образомъ къ отсутствію докторовъ, лекарствъ и санитарнаго надзора. Это и былъ настоящій бичъ, преслѣдовавшій наши войска. «Къ Сулаку, въ крѣпость Святаго Креста», писалъ онъ Императрицѣ, «присылаютъ больныхъ изъ Баку и Дербента, а тутъ всего одинъ лекарь. Какъ же можно ему одному вездѣ смотрѣть? Лучше людей жалѣть, нежели денегъ на лекарей и лекарства».

Желая ближе ознакомиться съ своими войсками и дѣйствительнымъ положеніемъ страны, князь Долгорукій изъ крѣпости Святаго Креста отправился въ Дербентъ, а оттуда въ Баку и далѣе, въ Персидскія провинціи, не моремъ, какъ дѣлывалось прежде, а сухимъ путемъ, чтобы показать персіянамъ фактическое подчиненіе намъ и воды, и суши. Почти семидесяти-

лѣтній старецъ, онъ, не смотря ни на какую погоду, все время ѣхалъ верхомъ, ночуя въ палаткахъ и имѣя при себѣ «покалмыцки» только одни походные вьюки. «Отъ роду не видывалъ», писалъ онъ впослѣдствіи одному пріятелю, «чтобы кто въ мои лѣта началъ жить калмыцкимъ манеромъ».

Поѣздка князя Долгорукаго принесла огромную пользу для края. Онъ видѣлъ войска и убѣдился въ полномъ матеріальномъ разстройствѣ Низоваго корпуса. Жалованье давно уже не выдавалось, и офицеры пришли въ такую бѣдность, что продавали свои серебрянные знаки и шарфы. Солдаты питались только хлѣбомъ и водою. «Товарищи ихъ на Украйнѣ», доносилъ онъ Императрицѣ, «служатъ спокойно, а содержаніе получаютъ равное. Но что на Украйнѣ купишь на рубль, здѣсь и за десять рублевъ того не сыщешь». Онъ настаивалъ на прибавкѣ войскамъ содержанія, особенно казакамъ. «Въ здѣшнихъ мѣстахъ», писалъ онъ въ другомъ донесеніи, «есть двѣ иностранныя роты—армянская и грузинская, изъ которыхъ каждая получаетъ казенное содержаніе; русскимъ же казакамъ не даютъ ничего, а между тѣмъ они служатъ больше и непріятелю страшнѣе. Я опредѣлилъ имъ также денежную выдачу по 10 рублей, ибо, по моему мнѣнію, лучше платить своимъ, нежели чужимъ. Правда, армяне и грузины служатъ изрядно, однако же казаки дѣйствуютъ гораздо отважнѣе».

Улучшая насколько возможно экономическое положеніе войскъ, онъ въ то же время являлся строгимъ и требовательнымъ во всемъ, что касалось службы, особенно въ военное время. Многіе начальники и офицеры, не понимавшіе характера здѣшней войны и потому не соотвѣтствовавшіе своему назначенію, по его настояніямъ вынуждены были удалиться съ Кавказа, но зато остальнымъ, не ожидая разрѣшенія изъ Петербурга, удвоилъ раціоны, приказалъ выдать жалованье изъ мѣстныхъ сборовъ персидскою монетою, а по недостатку лекарствъ велѣлъ покупать вино, уксусъ и другіе продукты на счетъ медицинской канцеляріи ([1]). Относительно казаковъ дѣло было нѣсколько сложнѣе. Но Долгорукій и здѣсь добился, что Сенатъ указомъ 30 апрѣля 1730 года постановилъ Аграханскимъ казакамъ увеличить денежное жалованье, «ради ихъ нуждъ», до 12 рублей на годъ, а хлѣбное давать по прежнему указу ([2]). Войсковой атаманъ Аграханскаго войска Зотъ Кипріяновъ вошелъ однако въ военную коллегію съ новою просьбою, «чтобы для непрестанныхъ командированій» прибавить имъ овса Военная коллегія согласилась прибавить по двѣ четверти, чтобы каждому казаку отпускалось уже не по три, а по пяти четвертей на годъ, «понеже прежней дачей овса лошадь содержать не можно, а у казаковъ обыкновенно бываетъ по двѣ и по три лошади, которыхъ и пятью четвертями содержать трудно. Такую прибавку Сенатъ самъ собою учинить не могъ, и дѣло разрѣшилось уже только въ царствованіе Анны Іоанновны, когда на докладѣ Сената, 26 февраля 1733

года, послѣдовала Высочайшая резолюція: «Учинить по сему». Впослѣдствіи милость эта распространена и на Гребенскихъ и на Терскихъ казаковъ.

По отношенію къ военнымъ операціямъ князь Долгорукій настаивалъ на необходимости наступательныхъ, а не оборонительныхъ дѣйствій, не только противъ персіянъ, но и противъ турокъ, «этихъ мнимыхъ пріятелей», которыхъ прежде всего надо было выжить изъ Персіи. Съ ничтожными средствами онъ съумѣлъ поддержать достоинство русскаго оружія и присоединилъ къ Россіи Кергерудскую область, Астару, Ленкорань, Кизилъ-Агачъ и другія земли, лежавшія по морскому берегу между Баку и Гиляномъ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ князь Долгорукій приказалъ поставить укрѣпленія «въ страхъ непріятелямъ, чтобы не думали о нашей слабости». Къ сожалѣнію, онъ оставался на Кавказѣ недолго. Произведенный въ фельдмаршалы при самомъ вступленіи на престолъ Петра II-го, онъ былъ отозванъ ко двору, но сохранилъ за собою званіе главнокомандующаго въ Персіи. Уѣзжая въ Петербургъ въ началѣ 1728 года, онъ раздѣлилъ войска на двѣ самостоятельныя части: въ персидскихъ провинціяхъ остался командовать генералъ Левашевъ, выдающійся сподвижникъ Петровскихъ походовъ, а въ Дагестанъ, въ составъ котораго входила и крѣпость Святаго Креста, назначенъ генералъ-лейтенантъ Румянцевъ, отецъ знаменитаго героя Кагула и Ларги. Серьезныя военныя дѣйствія происходили тогда главнымъ образомъ въ Гилянской провинціи у Левашева. Отъѣздъ Долгорукаго и строгія приказанія изъ Петербурга воздерживаться отъ наступательныхъ дѣйствій настолько ободрили нашихъ враговъ, что они въ персидскихъ провинціяхъ сами перешли въ наступленіе. Тамъ начались жестокія битвы; но пока сотни русскихъ людей громили десятки тысячъ персіянъ и авганцевъ, турки воспользовались столь благопріятнымъ для нихъ оборотомъ дѣлъ, сами захватили часть Персіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, вытѣснивъ русскихъ, завладѣть и берегомъ Каспійскаго моря. Передовыя войска ихъ стояли уже въ 27 верстахъ отъ Астары. У насъ готовились къ новой войнѣ съ Турціей. Къ счастію, персіяне сами нанесли туркамъ жестокое пораженіе и, такимъ образомъ, опасность войны съ двумя противниками на этотъ разъ миновала.

Въ Дагестанѣ у Румянцева было также не совсѣмъ спокойно. Горскіе набѣги не прекращались, и если суровыя репрессіи задерживали ихъ на нѣкоторое время, то совершенно искоренить не могли. Сами старшины, являясь къ Румянцеву, говорили ему наивно: «Ты требуешь невозможнаго. Когда здѣсь не было васъ, мы ходили на вашу сторону или воевали между собою. Наѣздничество, которое вы называете грабежомъ и разбоемъ,—наше занятіе, также какъ ваши—соха и торговля. Грабежомъ

жили наши отцы и дѣды, и если мы оставимъ ихъ ремесло, то будемъ вынуждены погибнуть отъ голоду. Вотъ чѣмъ угрожаютъ намъ русскіе порядки».

Реляціи того времени нигдѣ не упоминаютъ о походахъ Терцевъ и Аграханцевъ. Да врядъ-ли они по своей малочисленности и могли принимать тогда какое-либо участіе въ дальнихъ набѣгахъ; ихъ даже не доставало для охраны собственныхъ городковъ, хотя заботы объ усиленіи обоихъ войскъ не покидали правительства. Такъ князю Бековичу Черкасскому повелѣно было употребить все свое вліяніе, чтобы усилить населеніе Окуцкой слободы конными грузинами, армянами, черкесами и другими горскими народами, «которые къ войнѣ были бы обычны и во всемъ исправны», обѣщая каждому жалованья по 15 рублей въ годъ и даже болѣе. Положено было также убѣдить Донскихъ атамановъ Ивана Матвѣевича Краснощекова и Данилу Ефремова, чтобы они подговорили двѣ или три тысячи Донскихъ казаковъ и съ ними поселились около крѣпости Святаго Креста по Сулаку и Аграхани. Краснощекову обѣщали жалованья по тысячѣ рублей и обнадеживали, что онъ надъ этими казаками будетъ войсковымъ атаманомъ. Но ни Краснощековъ, ни князь Эль-Мурза не имѣли успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Охотниковъ не было и казачьи городки попрежнему стояли запустѣлыми ([8]). Въ 1729 году скончался Императоръ Петръ II-й, не оставивъ послѣ себя наслѣдника, и престолъ нѣкоторое время оставался празднымъ. Этимъ обстоятельствомъ поспѣшила воспользоваться Швеція и, какъ доносилъ русскій посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ, вошла въ соглашеніе съ Портой, чтобы одновременно напасть на Россію съ юга и сѣвера. Король указывалъ турецкому послу, что наступившее междуцарствіе представляется лучшимъ моментомъ для открытія военныхъ дѣйствій, что, при несогласіи партій, кому предоставить русскій престолъ, несомнѣнно произойдетъ народный бунтъ, и Порта, пользуясь этимъ, можетъ легко завладѣть всею Украйной, а Швеція возвратитъ назадъ всѣ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области. Въ Петербургѣ поняли серьезность положенія дѣлъ, и указомъ военной коллегіи въ томъ же году было предписано: «Всѣмъ служилымъ людямъ, Запорожскому войску, гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра Скоропадскому со всѣми маллороссійскими казаками и слободскими полками, а также всѣмъ Донскимъ, Яицкимъ, Гребенскимъ и Терскимъ казакамъ быть въ полной готовности къ походу, куда укажетъ надобность».

Указъ этотъ привелъ нашихъ казаковъ, и безъ того стоявшихъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, въ нѣкоторое смущеніе. Въ самомъ дѣлѣ, при своей малочисленности могли-ли они думать о дальнихъ заграничныхъ походахъ, когда не на кого было оставить защиту своихъ семей и своего хозяйства, покидаемаго на берегахъ Сулака, Аграхани и Терека.

Чѣмъ выразился протестъ казаковъ да и былъ ли онъ,—неизвѣстно, но Румянцевъ писалъ къ князю Долгорукому, что оставить безъ обороны передовыя линіи невозможно, такъ какъ всѣ они неминуемо сдѣлаются добычею горцевъ. Долгорукій самъ понималъ отлично положеніе казаковъ и явился за нихъ усерднымъ ходатаемъ. А тутъ на престолъ вступила Императрица Анна Іоанновна; грозовыя тучи разсѣялись сами собою, и наши казаки остались на мѣстѣ.

Но съ воцареніемъ новой Императрицы послѣдовали на Кавказѣ тотчасъ-же и новыя перемѣны въ начальствующихъ лицахъ. Фельдмаршалъ князь Василій Владимировичъ Долгорукій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ и одинъ изъ рѣдкихъ супротивниковъ Петра Великаго, подвергся опалѣ и былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Непричастный ни къ какимъ олигархическимъ замысламъ своихъ родныхъ, гордый и честный, онъ не пошелъ также на сдѣлку съ нѣмецкимъ правительствомъ, окружившимъ тогда Императрицу, и поплатился за это свободою. Съ паденіемъ Долгорукаго нашли неудобнымъ оставлять на Кавказѣ двухъ начальниковъ, а потому Румянцева отозвали, а главное начальство поручили одному Левашеву. Но Императрица видимо уже тяготилась персидскою войною, которая стоила дорого, а между тѣмъ, повидимому, не приносила никакой пользы. Насколько поверхностно смотрѣли тогда правительственныя сферы на эту войну, можно судить уже потому, что сначала больше всего опасались турецкихъ успѣховъ, а потомъ стали бояться ихъ неудачъ, расчитывая, что Персія, управившись съ турками, обратитъ противъ Россіи всѣ свои силы. Результатомъ такихъ колебаній явился, наконецъ, трактатъ 21 января 1732 года, по которому Императрица возвратила Персіи всѣ завоеванныя у нея города и области, за исключеніемъ лишь Дагестана, т. е. пространства, лежавшаго между Курою и Терекомъ. Левашевъ перенесъ главную квартиру въ Баку и, отправивъ всѣхъ находившихся въ нашей службѣ армянъ и грузинъ въ крѣпость Святаго Креста, остальныя войска расположилъ такъ, «чтобы къ оборонѣ во всякой безопасности быть и Куру содержать въ своемъ владѣніи». Это были послѣднія распоряженія Левашева. Отличный боевой генералъ, дѣльный администраторъ, хорошо знакомый съ мѣстными условіями края, онъ долженъ былъ уступить свой постъ генералъ-лейтенанту принцу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому, котораго выдвигала нѣмецкая партія, старавшаяся вездѣ, гдѣ было можно, оттѣснять русскихъ людей, особенно сподвижниковъ Петра. Вмѣстѣ съ принцемъ прибылъ генералъ-маіоръ графъ Дугласъ и вступилъ въ командованіе войсками на Сулакѣ и въ крѣпости Святаго Креста. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій пріѣхалъ на Кавказъ весною 1732 года, въ самое тревожное время, когда оставленіе нами персидскихъ провинцій естественно возбудило и въ гор-

цахъ желаніе отдѣлаться отъ русской опеки. Въ горахъ стали ходить турецкія прокламаціи, приглашавшія весь Дагестанъ къ единодушному возстанію противъ русскихъ; десять тысячъ чеченцевъ собирались въ кумыкскомъ аулѣ Эндери, угрожая вторженіемъ въ русскія границы. Командовавшій войсками на Сулакѣ графъ Дугласъ, не имѣя понятія о лѣсной войнѣ, отправилъ противъ нихъ небольшой отрядъ въ 500 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Коха, тоже человѣка неопытнаго, привезеннаго сюда принцемъ. Кохъ вдался въ дремучіе лѣса и потерпѣлъ такое пораженіе, что едва успѣлъ отступить, оставивъ на мѣстѣ болѣе двухсотъ человѣкъ одними убитыми.

Эта неудача отразилась на общемъ положеніи дѣлъ тѣмъ тяжелѣе, что въ это самое время Турція видимо искала разрыва съ Россіей и, не обращая никакого вниманія на наши протесты, отправила въ Персію 25-тысячный корпусъ кратчайшимъ путемъ черезъ Дагестанъ, гдѣ были наши владѣнія. Командовавшему этимъ корпусомъ Фети-Гирей Султану было приказано, не смотря на мирный трактатъ, существовавшій между обѣими державами, въ случаѣ встрѣчи съ русскими войсками, нападать на нихъ, какъ на непріятелей, и силою оружія открыть себѣ дорогу въ Персію. Порта не признавала нашего владычества ни въ Кабардѣ, ни въ Дагестанѣ. «Кабарда», писалъ верховный визирь, «всегда принадлежала Крымскимъ ханамъ, а дагестанскіе народы были вольными».

Обстоятельства осложнялись тѣмъ, что въ самой Кабардѣ шла ожесточенная междоусобная война: князья Джембулатова рода, подъ предводительствомъ Росланбека Кайтукина составили партію, враждебную Россіи, и передались Крымскому хану. Князья Мисостовы и Атажукины остались намъ вѣрными и, укрѣпившись на Баксанѣ, избрали предводителемъ князя Бамата Кургокина. Долго и съ успѣхомъ отражали они нападенія и джембулатовцевъ, и крымскихъ татаръ; но когда въ Кабарду вступила армія Фети-Гирей Султана, и Росланбекъ соединился съ турками, дѣло приняло иной оборотъ: Баксанскія партіи были разбиты и жилища ихъ подверглись грабежу и опустошенію. Небольшой русскій отрядъ полковника Еропкина, стоявшій въ то время у гребенскихъ городковъ, не могъ подать имъ помощи, такъ какъ самъ озабоченъ былъ нашествіемъ непріятеля. Фети-Гирей, однако, не пошелъ на гребенскіе городки, чтобы не встрѣтиться съ русскими войсками, а переправился черезъ Терекъ выше и двинулся правымъ берегомъ его къ Сунжѣ. Тамъ, за Сунжей, соединился онъ съ чеченцами и расположился станомъ у аула Большой-Чеченъ. Тогда Еропкинъ, усиливъ свой отрядъ частью Гребенскихъ казаковъ, отошелъ отъ городковъ и также сталъ на Сунжѣ при впаденіи въ нее рѣчки Бѣлой. Сюда же прибылъ и принцъ Гессенъ-Гомбургскій въ іюнѣ 1733 года, съ частью пѣхоты, съ Терскими и Аграханскими казаками и кон-

ницей изъ крѣпости Святаго Креста ([4]). Теперь намъ оставалось одно—защищать свои границы оружіемъ, и принцъ раздѣлилъ свои войска на три колоны, изъ которыхъ двѣ (Еропкина и князя Волконскаго) прикрывали дороги, ведущія отъ Сунжи къ горячимъ источникамъ, а третья, подъ начальствомъ самого принца, оставалась въ резервѣ. Нѣкоторое время обѣ стороны стояли въ бездѣйствіи, какъ бы наблюдая другъ за другомъ. Но вотъ, 11-го іюля 1733 года вся турецкая армія двинулась отъ аула Большой Ченчень и всѣми силами ударила на отрядъ князя Волконскаго.

Въ настоящее время трудно опредѣлить то мѣсто, гдѣ происходила битва, но полагаютъ, что это или Горячеводскъ близъ крѣпости Грозной, или Истису, бывшее укрѣпленіе на Кумыкской плоскости. Волконскій защищался упорно, но послѣ долгаго неравнаго боя уже былъ близокъ къ пораженію, когда къ нему подоспѣли на помощь Еропкинъ и принцъ съ своими отрядами. Замѣтивъ ихъ приближеніе и не давая времени построиться, турки сдѣлали новый, отчаянный натискъ и опрокинули нашъ лѣвый флангъ. Въ пылу рукопашной свалки Еропкину разрубили лицо, а принцъ былъ окруженъ и спасся отъ плѣна, только благодаря быстротѣ своей лошади. Казалось, побѣда окончательно склонилась на сторону турокъ, но въ эту минуту выдвинули впередъ артиллерію, и картечный огонь смѣшалъ непріятеля. Войска оправились и послѣ отчаянныхъ усилій вырвали наконецъ побѣду изъ рукъ противника. Разбитыя скопища Фети-Гирея бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ 12 знаменъ, которыя принцъ поспѣшилъ отправить въ Петербургъ, и тамъ съ большою торжественностью они были повергнуты къ стопамъ Императрицы. И такъ 2500 человѣкъ русскихъ разбили 25-тысячный корпусъ. И тѣмъ не менѣе принцъ не сумѣлъ воспользоваться плодами блестящей побѣды. Дождавшись ночи, онъ приказалъ войскамъ поспѣшно отступить за Сулакъ и, безъ всякой нужды запершись въ крѣпости Святаго Креста, пропустилъ непріятеля внутрь Дагестана. Конечно, ни одинъ изъ предшественниковъ нѣмецкаго принца—ни Матюшкинъ, ни Румянцевъ, ни Левашовъ не прибѣгли бы къ подобной крайности, а напротивъ, не дали бы татарамъ опомниться и горячимъ преслѣдованіемъ разсѣяли бы ихъ совершенно. Но теперь вышло иное. Пока русскіе сидѣли въ крѣпости, разбитые нами крымскіе татары бросились на гребенскіе городки, разорили ихъ и плѣнили сотни русскихъ людей, а самъ Фети-Гирей взбунтовалъ весь южный Дагестанъ и даже пытался овладѣть Дербентомъ. Три дня главныя силы его бились подъ стѣнами этого города съ небольшимъ отрядомъ полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись къ Шемахѣ, въ персидскія владѣнія.

Что сталось съ гребенскими городками? Какія потери понесли казаки? Объ этомъ не дошло до насъ извѣстій, и единственнымъ документомъ

служитъ письмо вице-канцлера графа Остермана къ верховному визирю 12 апрѣля 1736 года, въ которомъ говорится между прочимъ, «что Фети-Гирей, идя въ Дагестанъ, не только въ тамошнихъ новыхъ персидскихъ, но и въ древнихъ россійскихъ провинціяхъ и въ гребенскихъ городкахъ многія тысячи людей, подданныхъ россійскихъ, полонилъ и неисчислимые приключилъ убытки и разоренія» (5).

Обремененные добычей татары отъ гребенскихъ городковъ не пошли вслѣдъ за Фети-Гиреемъ, а отправились обратно въ Крымъ и на пути у нынѣшнихъ Маджаръ, на берегу Кумы, столкнулись съ Краснощековымъ, который велъ на Сулакъ тысячу пятьсотъ Донскихъ казаковъ. На помощь къ крымцамъ подоспѣли 10 тысячъ калмыковъ, некрасовцевъ и закубанскихъ черкесъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ Краснощековъ устроилъ вагенбургъ и засѣлъ въ осаду. Бой длился двое сутокъ, а на третій на помощь къ намъ подошли двѣ тысячи кабардинцевъ съ Баматомъ Кургокинымъ. Не смотря на недавнее разореніе Фети-Гиреемъ, кабардинцы Баксанской партіи остались вѣрными долгу,—и ихъ появленіе открыло Краснощекову свободный путь на Сулакъ. Но едва кабардинцы вернулись домой, какъ пришло извѣстіе, что самъ Крымскій ханъ идетъ съ 80-тысячною арміею. О сопротивленіи нечего было думать, и Баматъ Кургонинъ вмѣстѣ съ другими вынужденъ былъ выѣхать къ нему навстрѣчу съ изъявленіемъ покорности. Ханъ принялъ ихъ, какъ своихъ подвластныхъ, и приказалъ отправить кабардинскую конницу, подъ предводительствомъ одного изъ владѣтельныхъ князей, къ Дербенту, куда намѣревался пройти черезъ чеченскую землю. Чеченцы, одинаково ненавидѣвшіе какъ русскихъ, такъ и татаръ, встрѣтили его однако враждебно, и въ одномъ изъ лѣсистыхъ ущелій нанесли имъ такое пораженіе, что цѣлый отрядъ татаръ былъ истребленъ совершенно. Въ память этой побѣды чеченцы поставили въ ущельѣ каменную башню, назвавъ ее Ханъ-Кале, т. е. Ханская крѣпость, отчего и самое ущелье получило названіе «Ханкальскаго».

Послѣ этого кроваваго боя татары вынуждены были разбиться на части, но такъ какъ ворота въ Дагестанъ попрежнему были открыты, то по слѣдамъ первой пробившейся туда партіи продолжали двигаться все новыя и новыя толпы, направившіяся мимо Дербента въ Ширванское ханство. Со стороны принца не было даже попытки остановить эти вторженія, и весь Дагестанъ, такимъ образомъ, былъ занятъ татарами. Императрица, встревоженная этимъ и не довѣрявшая больше военнымъ способностямъ принца, отозвала его назадъ и приказала отправить на смѣну его какъ можно скорѣе опять Левашева. Онъ прибылъ осенью 1733 года и убѣдился, что мы фактически владѣемъ въ Дагестанѣ только городами Баку и Дербентомъ да крѣпостью Святаго Креста. Кругомъ кипѣло народное возмущеніе. Приходилось начинать войну съизнова, а средствъ

для этого не было, и Левашеву на первыхъ порахъ пришлось ограничиться тѣмъ, чтобы обезопасить наши войска въ самомъ расположеніи ихъ отъ внезапныхъ нападеній горцевъ. Въ Кабарду онъ писалъ Бамату Кургокину, что вполнѣ понимаетъ вынужденную необходимостью покорность Крымскому хану, но просилъ не отправлять къ нему свою конницу, обнадеживая за то милостями Императрицы и обѣщая, въ случаѣ надобности, выслать къ нему на помощь триста Гребенскихъ казаковъ. Гребенцамъ въ свою очередь приказано было держать въ Червленномъ городкѣ конный трехсотенный полкъ въ ежеминутной готовности къ выступленію. Относительно Терскихъ и Аграханскихъ казаковъ онъ издалъ тогда же особую инструкцію, сообщенную для руководства какъ ихъ войсковымъ атаманамъ, такъ и коменданту крѣпости. «Понеже, какъ всѣмъ извѣстно», писалъ онъ, «что между всѣми горскими народами имѣется обычай, кто у кого украдетъ лошадей, или скотъ отгонитъ, или человѣка въ полонъ возьметъ, тогда обиженные къ оборонѣ своей трудятся, и въ отмщеніе чинятъ баранту. По прибытіи моемъ въ крѣпость Святаго Креста нашелъ я, что невѣдомо отъ кого та баранта съ нашей стороны была запрещена и сколько бы нашимъ казакамъ обидъ чинено ни было, отыскивать свои обиды не позволено. Усмотря такое состояніе и сожалѣя, что горскіе люди надъ нашими людьми корыстаются напрасно, приказываю помянутую баранту попрежнему возобновить, отчего горскіе народы тотчасъ смирнѣе станутъ, только строжайше воспрещается быть начинателями обидъ, но своего отнюдь не упущать» ([6]). Казаки, воспрянувшіе духомъ, въ короткое время, по словамъ Левашева, возвратили нѣсколько сотъ лошадей и скота, а горцы почувствовали, что съ этихъ поръ ни одно нападеніе не будетъ проходить имъ даромъ. Въ Дагестанѣ все присмирѣло. Такъ наступилъ 1734 годъ, когда Надиръ-Шахъ, объединившій подъ своею властью всю Персію, разгромилъ всѣ турецкія полчища и, заключивъ съ Портою миръ, потребовалъ, чтобы и русскіе очистили Дагестанскую область. Императрица Анна Іоанновна изъявила на это согласіе, и результатомъ явился Ганжинскій трактатъ 10 марта 1735 года, по которому Россія возвратила Персіи всѣ города и земли, завоеванныя у нея Петромъ Великимъ. Русская граница отодвинулась теперь на Койсу. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Баку и Дербентъ вступили персидскія войска, а весь Низовой корпусъ сосредоточился въ крѣпости Святаго Креста, которая также, какъ находившаяся на правомъ берегу Сулака, предназначалась къ упраздненію и послѣднимъ срокомъ для ея очищенія назначенъ былъ октябрь 1735 года, когда предполагалось окончить работы по возведенію новой крѣпости на Терекѣ взамѣнъ крѣпости Святаго Креста и упраздненной Терки.

Глава V.

Въ то время, какъ полки Низового корпуса весною 1735 года постепенно сходились къ крѣпости Святаго Креста и располагались вокругъ нея бивуакомъ, самъ Левашевъ отправился на Терекъ, чтобы выбрать мѣсто для новой крѣпости, долженствовавшей замѣнить собою старые, упраздненные Терки. Онъ остановилъ свое вниманіе на урочищѣ Кизляръ, гдѣ издавна шла мѣновая торговля съ затеречными народами, а потомъ образовался цѣлый поселокъ при шелковомъ заводѣ Сафарова. Этотъ поселокъ постепенно увеличивался вновь прибывавшими сюда грузинами и армянами, занимавшимися шелководствомъ и разведеніемъ виноградныхъ садовъ, а потому носилъ въ себѣ уже тогда зачатки будущей культурной жизни и развитія въ краѣ осѣдлаго населенія. Самое названіе Кизляръ или вѣрнѣе «Кызларъ» не лишено было поэтическаго сказанія. Кызъ по-татарски значитъ дѣвица, а ларъ частица, обозначающая множественное число—дѣвицы. Преданіе говоритъ, что въ старые годы, когда въ Астрахани сидѣли еще татары, вся мѣстность, предназначавшаяся для сооруженія крѣпости, обладала необычайно плодородною почвой и была усѣяна множествомъ разнородныхъ цвѣтовъ, служившихъ приманкой для молодыхъ дѣвицъ, любившихъ собирать ихъ. Однажды, въ какой-то праздничный день, когда дѣвушекъ собралось особенно много, вдругъ нагрянула татарская партія. Видя, что спасенія нѣтъ, дѣвушки предпочли смерть позору ожидавшей ихъ жизни и, бросившись въ Терекъ, тогда чрезвычайно глубокій,—всѣ утонули. При этомъ видѣ озадаченные, растерявшіеся татары подняли крикъ: кызларъ! кызларъ! т. е. дѣвицы, дѣвицы!—и это невольно вырвавшееся у нихъ восклицаніе обратилось въ названіе цѣлаго урочища.

Къ постройкѣ крѣпости приступили весной, а къ осени она уже имѣла видъ правильнаго пятиугольника о пяти бастіонахъ и трехъ равелинахъ, съ тремя крѣпко запиравшимися воротами; кромѣ того, крѣпость была обнесена высокимъ землянымъ валомъ и глубокимъ рвомъ, а впереди ея, на рѣчкѣ Кергисѣ, устроенъ былъ сильный форпостъ, при которомъ впослѣдствіи учреждена была и таможня. Терскій редутъ или фельдшанецъ остался на прежнемъ мѣстѣ; но такъ какъ всѣ продовольствен-

ные запасы изъ бывшихъ магазиновъ въ Персіи перевезены были въ этотъ редутъ, то укрѣпленія его значительно усилены, и онъ пріобрѣтаетъ съ тѣхъ поръ особое важное значеніе, какъ главный складочный пунктъ для довольствія нашихъ войскъ на Кавказѣ. Одновременно съ крѣпостью, подъ защитою ея валовъ, строился и новый городъ, долженствовавшій стать центромъ торгово-промышленной дѣятельности края. Левашевъ позаботился и о скорѣйшей постройкѣ православной церкви во имя св. Георгія, а вслѣдъ затѣмъ уже за крѣпостными стѣнами возникъ и Крестовоздвиженскій монастырь, основанный вышедшимъ изъ Грузіи архимандритомъ Даніиломъ. Хотя оба эти сооруженія и не имѣли прямого вліянія на военныя и гражданскія дѣла на Сѣверномъ Кавказѣ, но тѣмъ не менѣе они являлись какъ бы знаменіемъ, предвѣщавшимъ, что разъ утвердившееся здѣсь православіе уже не покинетъ этой страны. И если въ первое время результаты дѣятельности иноковъ не были особенно замѣтны, то все же въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ существованія монастыря, какъ видно изъ отчетовъ, имъ обращено было въ лоно православной церкви около двухъ тысячъ душъ. Иначе обстояло дѣло съ нашими сектантами, но въ этомъ вина ложилась уже не на монастырскую братію, а на общія распоряженія астраханскаго епархіата, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Но было и еще одно обстоятельство, укрѣплявшее въ народѣ вѣру и симпатіи къ этой обители: ея золоченый крестъ, далеко видимый изъ-за Терека, служилъ какъ бы спасительнымъ маякомъ и путеводною звѣздою для всѣхъ выбѣгавшихъ изъ плѣна или искавшихъ нашего покровительства.

Такъ возникла новая крѣпость и при ней цѣлый городъ, для управленія которыми учреждены двѣ канцеляріи: гарнизонная и гражданская; но какъ въ той, такъ и въ другой вершили дѣла военные офицеры, назначаемые по выбору своихъ товарищей. Всѣ дѣла кончались словеснымъ или, по мѣткому выраженію современниковъ, скорорѣшительнымъ судомъ, и только въ важнѣйшихъ случаяхъ прибѣгали къ письменному производству ([1]). Но это-то отсутствіе письменныхъ памятниковъ и оставляетъ одну изъ тѣхъ причинъ, по которымъ историку трудно нарисовать картину тогдашней казачьей жизни въ ея деталяхъ и характерныхъ эпизодахъ. Старики сходили въ могилы и уносили съ собою свои воспоминанія, не закрѣпляя въ памяти потомства ни именъ, ни событій. Такое управленіе продолжалось въ Кизлярѣ вплоть до 1785 года, когда на Кавказѣ учреждено было намѣстничество.

Когда крѣпость была готова, въ нее вступили два батальона Тенгинскаго полка и составили ея гарнизонъ, а первымъ комендантомъ, по личному выбору Левашева, назначенъ былъ полковникъ Красногорцевъ, подчиненный въ свою очередь Астраханскому губернатору. Послѣднему, впро-

чемъ, вмѣнено въ обязанность не вмѣшиваться во внутренніе распорядки и самоуправленіе казачьихъ войскъ, а вѣдать только уголовными преступленіями да служебными нарядами.

Осенью 1735 года крѣпость Святаго Креста окончательно срыта, казачьи городки снесены, и громадные обозы, оставляя за собою пустынныя оголенныя степи, потянулись на Терекъ, перевозя тяжелую артиллерію, запасы и имущество жителей. Вмѣстѣ съ послѣдними двинулись въ походъ и остатки Терскаго и Аграханскаго казачьихъ войскъ. Это были остатки въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Изъ тысячи человѣкъ, которые составляли Терское войско, ко дню переселенія осталось въ живыхъ только сто человѣкъ, да въ Окоевской слободкѣ 8 татарскихъ мурзъ, 24 новокрещенца и 18 охоченъ, т. е. инородцевъ, оставшихся при исповѣданіи магометанской религіи. Левашевъ соединилъ ихъ всѣхъ въ одно Терско-Кизлярское войско и создалъ новое положеніе, на основаніи котораго полагалось:

При Терскихъ казакахъ:

Ротмистръ 1. Ему жалованья въ годъ 50 руб., а муки и овса 25 четвертей.

Есаулъ 1. Жалованья 17 руб., а муки и овса 8½ четвертей.

Сотникъ 1.
Хорунжій 1.
Писарь 1.
Дворянъ 8. } Имъ жалованья по 15 руб., а муки и овса по 7½ четвертей.

Казаковъ 100. Жалованья каждому по 12 руб., муки 6 четвертей, крупъ 3 четверика и овса по 5 четвертей.

При татарскихъ мурзахъ:

Маіоръ 1. Ему жалованья въ годъ по 200 руб., а муки и овса по сто четвертей.

Ротмистръ 1. Жалованья 65 руб., а муки и овса 32 четверти.

Мурзъ 6. Изъ нихъ двумъ по 45 руб. и по 22½ четвертей муки и овса, двумъ по 35 руб. и по 17½ четвертей и двумъ по 25 руб. и по 12½ четвертей.

При новокрещенцахъ:

Ротмистръ 1. Жалованья 40 руб., а муки и овса 20 четвертей.

Есаулъ 1. Жалованья 17 руб., а хлѣба 8½ четвертей.

Сотникъ 1.
Хорунжій 1.
Писарь 1. } Имъ жалованья по 15 руб., а муки и овса по 7½ четвертей.

Новокрещенцевъ 24. Изъ нихъ тремъ по 14 руб. и по 7 четвертей муки и овса, семи человѣкамъ по 13 руб. и по 6½ четвертей и четырнадцати по 12 рублей и 6 четвертей.

При околенцахъ:

Ротмистръ 1. Жалованья и хлѣба по 40 рублей и по 20 четвертей.

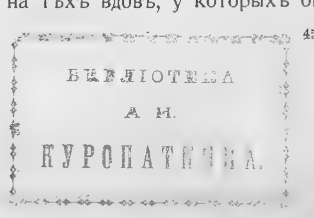
Околенцевъ 18. Изъ нихъ тремъ по 14 руб. и по 7 четвертей, пяти по 13 руб. и по 6½ четвертей и десяти по 12 руб. и по 6 четвертей (2).

Все это миніатюрное Терско-Кизлярское войско, разноплеменное и разноязычное, замѣчательное многочисленностью своихъ чиновниковъ, поселено было при самомъ Кизлярѣ, въ его предмѣстьи, и подчинено на правахъ войскового атамана полковнику Эль-Мурзѣ Бековичу Черкасскому, при которомъ состоялъ также одинъ маіоръ въ качествѣ его помощника.

Положеніе Аграханскаго войска было не многимъ лучше. Изъ тысячи семей, переселенныхъ сюда Петромъ Великимъ, уцѣлѣло меньше половины, именно 452 семьи, по числу которыхъ составленъ былъ новый штатъ войска, названнаго теперь Терско-Семейнымъ. Экономическое положеніе его было совершенно разстроено.

Вотъ какъ описываетъ положеніе казаковъ зимовая станица ихъ, отправленная въ Петербургъ зимою съ 1735 на 1736 годъ.

«По поселеніи насъ на Сулакѣ и Аграхани мы, вслѣдствіе непріятельскаго разоренія, три раза были переводимы съ мѣста на мѣсто и нынѣ вновь переведены на Терекъ, выше Кизлярской крѣпости, гдѣ кромѣ земляного вала и огорожи, которые для осторожности отъ непріятеля мы же сами сдѣлали, никакихъ городковъ и домовъ еще не построено, отчего всѣ мы пришли въ крайнее убожество и живемъ съ семьями въ землянкахъ; построиться же намъ нечѣмъ, да и некогда, такъ какъ всѣ мы по разставлены по заставамъ по Тереку на бродахъ, содержимъ разъѣзды въ степяхъ и безпрерывно командируемся въ разныя партіи, отчего лошади падаютъ, а непріятельскіе конные люди казачьи табуны отгоняютъ»(3). Зимовая станица просила, чтобы казакамъ выдано было денежное пособіе на строеніе дворовъ, по примѣру казаковъ, переведенныхъ въ 1733 году съ Дона на Волгу, по 12 рублей на семью. Сенатъ нашелъ жалобу казаковъ справедливою, но тѣмъ не менѣе постановилъ: выдать имъ по 10 рублей, а за недостаткомъ нынѣ денежной казны и чтобы не остановить самонужнѣйшихъ расходовъ, отпустить нынѣ же на наличное число семей по 5 рублей въ мѣсяцъ на каждую, а остальные пять рублей ассигновать въ будущемъ 1737 году (4). Кромѣ того, вдовамъ и сиротамъ положено продолжать дачу провіанта соразмѣрно числу и возрасту душъ; но правило это распространялось только на тѣхъ вдовъ, у которыхъ бы-



ли подростки или малолѣтніе сыновья, способные впослѣдствіи стать казаками, если же въ семьѣ не было мальчиковъ, то такихъ вдовъ, буде не пожелаютъ выйти замужъ за казаковъ же, приказано было отправлять обратно на Донъ, въ мѣста прежняго жительства. Самое войско, по прибытіи на Терекъ, поселено было на лѣвомъ берегу его, выше Кизляра, верстахъ въ 18 отъ крѣпости, и поставило три городка: Бороздинскій, Дубовской и Каргалинскій, примыкавшіе въ свою очередь къ городкамъ Гребенского войска. Сохранилось даже преданіе, откуда произошли эти новыя имена городковъ, взамѣнъ старыхъ, покинутыхъ на Аграхани. Такъ — Каргалинская получила свое названіе отъ рѣки Каргалинки, Бороздинская отъ находившейся вблизи глубокой борозды (лощины) и Дубовская отъ громаднаго вѣкового дуба, росшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ казаки поставили свой городокъ ([5]). Что касается Гребенцовъ, то они остались при старыхъ штатахъ и попрежнему выставляли конный пятисотенный полкъ, но подчинялись уже во всемъ Кизлярскому коменданту.

Такимъ образомъ черта, занятая Кавказскою линіею, начиналась Кизляромъ и оканчивалась Червленнымъ городкомъ Гребенского войска, на протяженіи около семидесяти верстъ. Отъ Кизляра же внизъ до самаго фельдшанца или Терскаго редута на берегу моря содержались посты, какъ для сообщенія съ этимъ укрѣпленіемъ, такъ и для предосторожности отъ перелазовъ дагестанскихъ горцевъ.

Но едва наши казаки прибыли на новыя мѣста, какъ пришло повелѣніе всѣмъ тремъ войскамъ готовиться снова къ далекому походу въ такомъ числѣ, какое будетъ указано. Но на этотъ разъ походъ предстоялъ уже не къ сторонѣ знакомаго имъ Каспійскаго моря, а къ берегамъ Чернаго моря. Начиналась турецкая война.

Мы видѣли, что царствованіе Императрицы Анны Іоанновны началось уступкою всѣхъ пріобрѣтеній ея великаго дяди въ Персіи, но теперь являлась надежда вознаградить себя за эти уступки пріобрѣтеніемъ отъ Турціи того, что въ свою очередь было уступлено ей Петромъ по несчастному Прутскому миру. Походъ Фети-Гирея и Крымскаго хана черезъ наши владѣнія въ 1733 году и разореніе ими казачьихъ городковъ служили достаточною причиной для объявленія войны,—и война должна была начаться именно со взятія Азова, этого гнѣзда, откуда производились опустошительные набѣги на Донъ и Малороссію. Но Азовъ, теперь ничтожный заштатный городишко, тогда былъ грозною турецкою крѣпостью, державшею въ страхѣ всю южную окраину Россіи. Гарнизонъ ея былъ невеликъ, но крѣпость опиралась на силы сосѣднихъ татарскихъ народовъ, которые видѣли въ ней выгодный для себя невольничій рынокъ и готовились помогать ей всѣми своими средствами. Поэтому вмѣстѣ съ

осадою Азова, русскимъ приходилось занять Перекопъ и производить усиленные поиски въ татарскіе улусы, наполнявшіе широкую Азовско-Кубанскую степь и Закубанскіе предгорья. Военныя дѣйствія начались подъ Азовомъ въ мартѣ 1736 года, и фельдмаршалъ графъ Минихъ, имѣвшій высокое мнѣніе о Гребенскихъ казакахъ, но знавшій и немноголюдность этого войска, писалъ непосредственно къ войсковому атаману Данилѣ Ефимовичу Аукѣ, «чтобы онъ выслалъ въ Кубанскій походъ посильное число казаковъ, если сможетъ, въ примѣръ Гусарскаго полка—сотни четыре» ([6]). Здѣсь будетъ кстати сказать, что Данило Ефимовичъ Аука былъ однимъ изъ лучшихъ представителей современнаго ему казачества, и фельдмаршалъ Минихъ, человѣкъ заносчивый и гордый, не даромъ относился къ нему съ такимъ уваженіемъ, что писалъ ему письма въ собственныя руки. Правда, писемъ этихъ Данило Ефимовичъ самъ никогда не читывалъ, а приказывалъ, что бы челъ ихъ войсковой дьякъ, который также не любилъ читать бѣгло, а все съ растановкой, да съ откашливаніемъ,—и, не смотря на то, дѣла шли наилучшимъ порядкомъ. Чтобы вести войско такъ, какъ велъ его Данило долгіе годы, мало быть храбрымъ, требовались умъ, сообразительность, вѣрное пониманіе дѣлъ и людей, и этими качествами несомнѣнно обладалъ Аука.

Получивъ послѣднее письмо Миниха, Данило Ефимовичъ объявилъ его казакамъ, и Гребенцы изъявили желаніе идти поголовно, т. е. въ полномъ пятисотенномъ составѣ полка. Въ тоже время Левашевъ, находившійся тогда въ Кизлярѣ, назначилъ къ походу и неразлучныхъ спутниковъ ихъ Терскихъ казаковъ и кабардинцевъ, а съ Волги двинулась сорока-тысячная конница калмыковъ, подъ личнымъ предводительствомъ ихъ воинственнаго хана Дондукъ-Омбо. Къ этой то грозной силѣ и должны были присоединиться наши Кавказскіе казаки. Предупреждая объ этомъ Данила Ауку, графъ Минихъ просилъ его поддерживать дружеское согласіе съ Дондукъ-Омбо и съ кабардинскими владѣльцами, но подданныхъ Оттоманской Порты Кубанскихъ татаръ, некрасовцевъ и другихъ обитателей нижне-кубанскихъ болотъ и Кавказскихъ предгорій, разорять и искоренять до основанія. Такого рода дѣйствія были съ руки нашимъ казакамъ, а потому и сборы ихъ въ походъ были крайне непродолжительные: 11-го марта получено было первое письмо графа Миниха, а 10 апрѣля казаки уже были въ походѣ. Не помогли на этотъ разъ даже ярые протесты казачекъ, опасавшихся, что съ уходомъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ, Крымскій ханъ нагрянетъ на Терекъ съ великою ордою и заполонитъ ихъ со всѣми городками и даже съ самимъ Кизляромъ, которому тогда не устоять. Такіе слухи дѣйствительно пущены были изъ Крыма, но Левашевъ не придалъ имъ особаго значенія и только приказалъ, чтобы въ случаѣ дѣйствительной опасности всѣ казаки и жители сбирались въ

Кизляръ, гарнизонъ котораго былъ достаточно силенъ, чтобы отразить нападеніе, да и Крымскому хану, угрожаемому съ двухъ сторонъ, были бы пожалуй и не подъ силу такіе далекіе походы.

Какъ снаряжались къ военнымъ дѣйствіямъ собственно Терскіе казаки, въ архивахъ свѣдѣній не сохранилось, но походныя Гребенскія сотни, въ числѣ 500 конныхъ казаковъ, были раздѣлены на двѣ станицы; надъ одной изъ нихъ принялъ начальство самъ войсковой атаманъ Данило Аука, а другая поручена была имъ Ивану Петрову, одному изъ заслуженныхъ старшинъ, облеченному въ званіе походнаго атамана. Обоимъ имъ выдано отъ казны на содержаніе въ походѣ казаковъ пять тысячъ рублей да на зимовую стоянку 400; двѣнадцати же старшинамъ, т. е. есауламъ, сотникамъ и хорунжимъ на подъемъ отпущено 70 рублей и, по всей вѣроятности, такое же содержаніе опредѣлено было и Терцамъ ([7]). Изъ отрывочныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ Ставропольскомъ архивѣ, можно заключить, что изъ Терско-Семейнаго войска участвовало въ походѣ 150 человѣкъ, но о числѣ Кизлярцевъ, выступившихъ въ походъ вмѣстѣ съ ними подъ общимъ начальствомъ полковника Росланбека Шейдякова, нигдѣ не упоминается. Семейные казаки не захотѣли однако быть подъ командой чужаго человѣка и выбрали походнаго атамана изъ своей среды Тихона Иванова, выговоривъ у Левашева право дѣйствовать самостоятельно, отдѣльно отъ Кизлярцевъ, какъ бывало прежде. На Малкѣ къ казачьему отряду присоединилось еще кабардинское ополченіе въ 190 человѣкъ, поступившихъ также подъ начальство Росланбека. Это были изъ Большой Кабарды—Баматъ Мисостовъ и Малой—Кильчукъ Таусултановъ съ ихъ узденями. Ополченіе было небольшое, но составленное изъ отборныхъ панцырниковъ.

Азовъ въ это время былъ уже осажденъ, и передовыя укрѣпленія его взяты. Но вскорѣ фельдмаршалъ Минихъ выѣхалъ на Днѣпръ, откуда предполагались большія военныя дѣйствія противъ Крыма, а осаду Азова взялъ на себя фельдмаршалъ Ласси. Калмыцкій ханъ въ это время былъ уже на Кубани и тамъ, въ верховьяхъ Урупа, напалъ на ногайцевъ наурузовскаго племени. Ихъ было до пяти тысячъ кибитокъ. Не смотря на крѣпкую мѣстность, становище ихъ взято было штурмомъ, и ханъ распорядился съ плѣнными своимъ калмыцкимъ обычаемъ: всѣ мущины, въ числѣ шести тысячъ, были вырѣзаны, а 20 тысячъ женъ и дѣтей отправлены на рѣчку Егорлыкъ въ русскіе предѣлы. Это былъ первый набѣгъ Дондукъ-Омбо, распространившій страхъ къ его имени по всему Закубанью. Дѣйствительно, маленькіе, черномазые, ловкіе какъ черти, не уступавшіе въ наѣздничествѣ адыгамъ, но далеко превосходившіе ихъ жестокостью и жадностью къ крови, калмыки наводили суевѣрный ужасъ на жителей

прикубанскихъ равнинъ, спѣшившихъ укрыться отъ нихъ въ мѣста, недоступныя для конницы. А ханъ тѣмъ временемъ отошелъ къ верховьямъ Егорлыка и сталъ въ привольныхъ степяхъ, ожидая прибытія къ нему казаковъ съ Дона и Терека.

Это было въ половинѣ апрѣля мѣсяца. Казаки еще были далеко, а между тѣмъ развѣдочныя партіи дали знать, что десять тысячъ ногайскихъ кибитокъ солтанъ-аульскаго рода уходятъ въ горы, къ вершинамъ рѣчки Теръ-Зеленчукъ. Ханъ тотчасъ погнался за ними со своей конницей и скоро настигъ ихъ. Не рискуя, однако, штурмовать ногайцевъ, засѣвшихъ въ тѣсномъ ущельѣ, онъ обложилъ ихъ станъ и 37 дней держалъ въ осадѣ. Ногайцы терпѣли страшный голодъ, когда 20 мая къ калмыкамъ подошли наконецъ наши казаки съ Терека, а вслѣдъ за ними и самъ атаманъ Краснощековъ съ Донцами. Солтанъ-аульцы увидѣли невозможность дальнѣйшей обороны и, чтобы спасти себѣ жизнь, отдались въ русское подданство и были отправлены въ мѣста, назначенныя имъ для кочеванья по Кумѣ, Малкѣ и Тереку. Калмыки остались весьма недовольны такимъ исходомъ осады, лишившимъ ихъ богатой добычи; но такъ какъ дѣлать было нечего, и русскихъ подданныхъ вырѣзывать не приходилось, то Дондукъ-Омбо съ своими калмыками, кабардинцами и казаками двинулся дальше, внизъ по Кубани, и нашимъ Гребенцамъ и Терцамъ пришлось опустошать не только берега Кубани, но и побывать даже въ горахъ, гдѣ жили черкесскія племена темиргоевцевъ и бесленеевцевъ. Подробностей объ этихъ поискахъ въ реляціяхъ нѣтъ, но надо полагать, что разгромъ былъ полный, такъ какъ офиціальное извѣстіе заканчивалось слѣдующими словами: «И по такимъ счастливымъ прогрессамъ уповать можно, что вся Кубань скоро покорена будетъ, яко уже и нынѣ всѣмъ кубанцамъ не токмо дорога къ Азову для секурса пресѣчена, но паче они въ крайнемъ утѣсненіи обрѣтаются». Наступившая осень и непогоды пріостановили на нѣкоторое время дѣйствія нашего летучаго отряда.

Между тѣмъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій Азовъ былъ взятъ, и фельдмаршалъ Ласси, простоявъ въ окрестностяхъ его до наступленія осени, отвелъ войска на зимовыя квартиры по Донцу, около Изюма. Одновременно съ тѣмъ, какъ велась осада Азова, другой фельдмаршалъ, графъ Минихъ, съ 50-тысячной арміей вступилъ въ Крымъ, овладѣлъ перекопскою линіей и сжегъ Бахчисарай вмѣстѣ съ великолѣпнымъ ханскимъ дворцомъ. Крымъ былъ опустошенъ, но русскія войска побѣдоносныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ голодныя и изнуренныя, потерявшія почти двѣ трети людей отъ губительнаго климата, не могли удержать за собой своихъ завоеваній и вынуждены были, очистивъ Крымъ, возвра-

титься назадъ и зимовать въ южной полосѣ Россіи. Остался одинъ Дондукъ-Омбо, который, переждавъ осенніе разливы рѣкъ, снова пошелъ на Кубань, и на этотъ разъ въ 14 дней, съ 1-го по 15-е декабря, наши Гребенскіе и Терскіе казаки прошли пространство отъ верховьевъ этой рѣки до самаго впаденія ея въ Черное море. Повелѣніе фельдмаршала Миниха разорить тамошнихъ обывателей, «такъ чтобы не скоро могли оправиться», было исполнено ими съ буквальною точностью. Прежде всего какъ только развѣдчики дали знать, что сильная едишкульская орда, которая одна могла выставить въ поле до 20 тысячъ конницы, спустилась съ горъ и пасетъ лошадей на правомъ берегу Кубани, Дондукъ-Омбо тотчасъ выслалъ впередъ всѣхъ казаковъ подъ общимъ начальствомъ атамана Краснощекова, а за ними двинулся и самъ со всѣми калмыками. Казаки днемъ высмотрѣли расположеніе непріятеля и нашли, что всѣ узкіе проходы, которые намъ миновать было нельзя, сильно укрѣплены, а главный постъ охраняется тысячною партіею, стоявшею, однако, въ полномъ расплохѣ. Краснощековъ дождался ночи и, вдругъ бросившись на главный постъ, сразу отогналъ всѣхъ лошадей, ходившихъ на пастьбѣ. Татары остались пѣшими и, не имѣя возможности бѣжать отъ конницы, дрались отчаянно, но всѣ поголовно были изрублены. Изъ тысячи человѣкъ казаки даровали жизнь только одному, котораго привели съ собой для допроса. Добившись такимъ образомъ свѣдѣнія, гдѣ и какъ расположены едишкульцы, Дондукъ раздѣлилъ свою конницу на нѣсколько партій и въ туже ночь атаковалъ орду со всѣхъ сторонъ. Застигнутые врасплохъ и разбитые на голову, едишкульцы бросились въ разныя стороны, но едвали десятая часть спаслась отъ погони. Далѣе, по пути къ Черному морю, стоялъ турецкій городокъ Копылъ, расположенный на Кара-Кубанскомъ островѣ, между рѣкою Кара-Кубанью и ногайскою рѣчкою Жигранъ. Это была резиденція Кубанскаго сераскира Бахты Гирея, а потому городъ былъ обнесенъ высокой каменной стѣною съ бойницами и башнями. Дондукъ взялъ его штурмомъ и сжегъ до основанія; затѣмъ всѣ остальные города, становища, аулы, были истреблены, и вся страна до береговъ Чернаго и Азовскаго морей превращена въ пустыню. Досталось при этомъ мимоходомъ и нашимъ некрасовскимъ раскольникамъ. Гребенцы послали къ нимъ сначала нѣсколько человѣкъ съ увѣщаніемъ не служить царю иноземному и возвратиться въ отечество, но, когда Некрасовцы не приняли ихъ посланныхъ и бѣжали въ горы, тогда казаки сами переправились вплавь черезъ Кара-Кубань и въ наказаніе пожгли ихъ городки. Одинъ очевидецъ похода говоритъ, что когда Дондукъ-Омбо возвращался назадъ, то оставилъ позади себя болѣе 30 тысячъ труповъ, которые валялись по полямъ, потому что убирать ихъ было некому; до 15 тысячъ татаръ и горцевъ потоплены въ Кубани, 10 тысячъ женъ и дѣтей взяты въ плѣнъ,

а лошадей, рогатаго скота и овецъ отбито десятки тысячъ головъ (8). Зимою, въ началѣ 1737 года, наши Гребенцы и Терцы возвратились домой съ такою огромной добычей, какой никогда еще не пріобрѣтали (9). Что они застали у себя дома, мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь будемъ продолжать разсказъ о ихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Глава VI.

Зима 1737 года наступила полная тревоги. Въ казачьи городки на Терекѣ то и дѣло приходили слухи, что татары на Днѣпрѣ жгутъ русскія села, забираютъ полонъ и простираютъ свои набѣги почти до самой Полтавы. Кавказская линія ежеминутно могла ожидать такихъ вторженій, а потому Кизляръ поспѣшно укрѣпляли, а въ городкахъ держались усиленные форпосты, «дабы отъ непріятельскихъ людей никому не было учинено какой либо пакости». Съ весной начались снова военныя дѣйствія. Днѣпровская армія Миниха пошла осаждать турецкія крѣпости, а Ласси долженъ былъ дѣйствовать противъ Крымскаго хана, чтобы удержать его отъ помощи туркамъ. Всѣ казаки, сидѣвшіе на Терекѣ, оставлены были въ своихъ домахъ на случай защиты линіи, но имъ приказано быть въ полной готовности къ походу по первому требованію. Этотъ моментъ наступилъ уже осенью, когда русскія войска, опять не удержавшись въ Крыму, отступили и стали на зимовыя квартиры. На этотъ разъ, чтобы отвлечь вниманіе Крымскаго хана и заставить его думать болѣе о защитѣ своихъ владѣній, чѣмъ о русскихъ границахъ, рѣшено было прибѣгнуть къ старому способу—пустить летучій отрядъ на Кубань громить и жечь татарскіе улусы.

И вотъ, въ ноябрѣ 1737 года съ Волги двинулся опять калмыцкій ханъ Дондукъ-Омбо съ своею страшною конницей, а съ Терека пошли Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки вмѣстѣ съ кабардинцами, подъ начальствомъ Преображенскаго полка капитана поручика Андріяна Лопухина. Кто былъ этотъ Лопухинъ, какъ онъ попалъ на Терекъ и почему онъ, а не войсковые атаманы, повелъ нашихъ казаковъ, объ этомъ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Бутковъ говоритъ, что Лопухинъ находился еще въ званіи «дворянина» въ свитѣ Волынскаго, посланнаго Петромъ къ Персидскому шаху для установленія торговаго трактата въ 1715 году, а потомъ, по вступленіи Петра въ Дагестанъ, отправленъ былъ къ Шамхалу Тарковскому для врученія ему Императорскаго манифеста и для распространенія его среди жителей Дербента, Шемахи и Баку. Такимъ образомъ, обѣ эти миссіи носили чисто дипломатическій характеръ; но надо думать, что Лопухинъ не былъ чуждъ и боевымъ заслугамъ, такъ какъ

чинъ гвардіи капитанъ-поручика считался въ то время весьма значительнымъ.

2-го декабря Кавказскіе казаки прибыли на рѣчку Ею и здѣсь соединились съ калмыками Дондукъ-Омбо и съ казаками, пришедшими съ Волги и съ Дона, подъ общимъ начальствомъ Донского атамана Ефремова. Отсюда пришлось идти уже усиленными маршами по сто и болѣе верстъ въ сутки, чтобы какъ можно скорѣе миновать выжженныя татарами степи, гдѣ не было конскихъ кормовъ, и выйти къ устью Кубани. Здѣсь Лопухинъ съ Гребенскими и Терскими казаками отдѣлился отъ главныхъ силъ и 8 декабря, съ большимъ трудомъ переправившись на островъ Мунтани, напалъ на ногайское кочевье Мамай-Мурзы, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ кибитокъ. Кочевье было разбито и разграблено дочиста. Самъ Мамай успѣлъ ускакать, но жены его найдены въ числѣ убитыхъ. Затѣмъ, соединившись съ остальною конницей, наши казаки участвовали во взятіи двухъ большихъ городовъ—Темрюка и Ачуева. Послѣдній, лежавшій на одномъ изъ острововъ Азовскаго моря и окруженный крѣпкими деревянными стѣнами, не отстоялъ себя даже пушечнымъ огнемъ, и янычары, составлявшіе его гарнизонъ, были вырѣзаны. Три дня опустошали казаки окрестности этихъ городовъ, много разъ держали потомъ денные пикеты по курганамъ будущей земли Черноморскихъ казаковъ, дѣлали ночные разъѣзды по берегамъ Кубани и два раза переправлялись по ея тонкому льду, образовавшему огромныя полыньи, сперва подъ начальствомъ князя Эль-Мурзы Бековича, а потомъ полковника Росланбека Шейдякова, доходили даже до самаго Чернаго лѣса, гдѣ разгромили всѣ черкесскіе аулы и отогнали ихъ конскіе табуны. Пытались они проникнуть даже въ горы, но наступила оттепель, ледъ, сковывавшій горныя рѣчки, началъ таять, и переправъ не было; не было также и конскихъ кормовъ, такъ какъ вся степь отъ Кубани до самыхъ предгорій была выжжена татарами. Тогда Гребенцы и Терцы повернули назадъ и навѣстили еще разъ свою заблудшую братію—Некрасовцевъ, успѣвшихъ поставить четыре городка, прикрытыхъ водяными заливами у Ахтанизовскаго лимана; но казаки переправились вплавь, и лучшій изъ ихъ городковъ Ханъ-Тюбе былъ взятъ и разрушенъ до основанія; нѣсколько Некрасовцевъ было убито, а остальные загнаны въ невылазныя плавни. Такъ какъ на Кубани, за уничтоженіемъ всего живого, дѣлать больше было нечего, то казаки 15 декабря отпущены были домой и, какъ говоритъ реляція, «въ свои жилища благополучно и съ побѣдой возвратились» ([1]).

Не дѣлая никакихъ сравнительныхъ выводовъ, нельзя однако не сказать, что калмыцкій ханъ и казачьи атаманы, руководившіе этими набѣгами, лучше нашихъ фельдмаршаловъ поняли духъ и тактику нашихъ противниковъ и потому-то безъ артиллеріи и рогатокъ, безъ обоза и

провіанта, съ одною только конницею сдѣлали больше, чѣмъ сдѣлали въ Крыму наши регулярныя арміи. Къ тому же потери казаковъ и калмыковъ при смѣлыхъ и быстрыхъ налетахъ считались десятками, тогда какъ Минихъ потерялъ въ Крыму изъ 54 тысячъ около 30 тысячъ солдатъ. Императрица такъ была довольна службою калмыцкаго хана, что прислала ему въ даръ богатую соболью шубу и драгоцѣнную саблю ([2]).

Въ то время, какъ наши казаки, оторванные отъ своихъ жилищъ, ходили почти за тысячу верстъ на Кубань, и Терская линія стояла почти безъ охраны, кабардинцы Баксанской партіи взяли на себя охрану русскихъ границъ и не пропускали татаръ чрезъ свои владѣнія. Правда, не многіе изъ кабардинцевъ согласились идти въ далекій походъ, но зато сторожевая служба тѣхъ, которые остались на родинѣ, обезпечила намъ полное спокойствіе Кизлярскаго края, и дороги къ Астрахани были вполнѣ безопасны. Но это была и послѣдняя услуга, оказанная намъ кабардинцами. По Бѣлградскому миру, заключенному съ Турціей 7-го сентября 1739 года и далеко не соотвѣтствовавшему успѣхамъ нашего оружія, Кабарда признана была вольною, отъ насъ независимою, и составила какъ бы барьеръ между двумя государствами—Россіей и Турціей. Съ этихъ поръ русское вліяніе въ Кабардѣ начинаетъ слабѣть и замѣняется турецкимъ, которое мало помалу и поставило вѣрныхъ сторонниковъ Московскихъ царей въ явно враждебныя къ намъ отношенія. Бѣлградскій миръ вообще не доставилъ нашимъ Кавказскимъ владѣніямъ никакихъ выгодъ, и границей его со стороны Кубани осталась попрежнему рѣка Калаусъ, до которой, начиная отъ Волги и Маджаръ на Кумѣ, простирались кочевья калмыцкаго народа.

Въ послѣдніе два года турецкой войны ни Гребенскимъ, ни Терскимъ казакамъ не довелось принимать въ ней непосредственнаго участія. У нихъ много было дѣлъ и у себя дома. Малочисленные, окруженные хищническими народами, они день и ночь должны были стоять на стражѣ русской границы и не допускать у себя того же, что творилось тогда на Украйнѣ, гдѣ мирный поселянинъ ни на одинъ часъ не могъ считать себя въ безопасности. Излишняя ли щепетильность, боязнь ли нарушить какіе то международные права, которыхъ никто, кромѣ насъ, признавать не хотѣлъ, простой ли страхъ, оковывающій нашу дипломатію до настоящаго времени, стѣсняли всѣ наши дѣйствія въ явный ущербъ русскимъ государственнымъ интересамъ. Фельдмаршалъ Минихъ жаловался на это Императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ. Онъ писалъ, «что туркамъ, крымскимъ татарамъ и закубанцамъ позволено своимъ правительствомъ, хотя и не гласно, грабить наши предѣлы, а нашимъ казакамъ, не знаю по какой причинѣ, на такихъ разбойниковъ ходить и за границу ихъ преслѣдовать запрещено даже подъ смертною казнію. Вслѣдствіе сего Ваше Величество

потеряли многія тысячи подданныхъ, которые умножаютъ собою число турецкихъ рабовъ и, понуждаемые неволей, противъ насъ же самихъ будутъ дѣйствовать. Тяжкій отвѣтъ должны дать Богу и Вашему Величеству генералы—князь Шаховской и Таракановъ за то, что во время ихъ управленія народъ въ Украйнѣ до конца разоренъ,—и сіе въ государствованіи великодушнѣйшей Императрицы, неусыпно пекущейся о благѣ подданныхъ» ([3]). То, что было на Украйнѣ, въ свое время было и на Кавказѣ, пока не явился здѣсь генералъ Левашевъ, смѣлый, энергичный, талантливый, не стѣснявшійся брать все на личную отвѣтственность.

Еще съ самаго начала поселенія казаковъ у Кизляра онъ приказалъ имъ чинить безпощадныя репрессаліи тѣмъ, кто осмѣлится вторгаться въ наши границы, какъ это было указано имъ еще въ крѣпости Святаго Креста. «Самимъ не нападать, но казачьи потери возмѣщать старицей»—вотъ та инструкція, которою должны были руководиться и Гребенцы, и Терцы ([1]). Запрещалось только ходить черезъ Кабарду въ турецкія владѣнія и брать баранту и подданныхъ Оттоманской Порты, «дабы за малое дѣло между цѣлыми государствами ссоры или самой войны не учинилось» ([4]). Но война, какъ мы уже говорили, началась и безъ нашихъ репрессій. Въ мартѣ 1736 года Левашевъ вызванъ былъ подъ Азовъ, за нимъ ушли казаки, и Терская линія осталась безъ обороны. Кизлярскому коменданту пришлось наряжать въ помощь казакамъ для охраны ихъ городковъ, на случай нападенія калмыковъ или затеречныхъ народовъ, небольшія команды солдатъ, которыя, не подчиняясь однако казачьимъ атаманамъ, оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи самаго коменданта. Казаки въ свою очередь закладывали по лѣвому берегу Терека въ мѣстахъ, гдѣ были перелазы, секреты или залоги, а многіе изъ нихъ, сохранившіе старыя связи съ чеченцами, отправлялись въ ихъ землю и тамъ вывѣдывая все, что замышляли горцы, предупреждали о томъ своихъ станичниковъ. Эта готовность казаковъ къ отпору и страхъ ихъ репрессалій, всегда кровавыхъ и безпощадныхъ, сдерживалъ горцевъ, и никакихъ покушеній противъ казацкихъ городковъ не было. Собирались иногда небольшія партіи, человѣкъ въ 10—15 отчаянныхъ головорѣзовъ, которыя, перебираясь за Терекъ, сами устраивали засады, снимали оплошные бекеты, хватали одиночныхъ людей, отгоняли табунъ и съ этою добычей спѣшили убираться домой по добру по здорову. Но и подобныя предпріятія удавались имъ рѣдко. Набатный колоколъ будилъ сосѣдніе городки и, за отсутствіемъ служилаго состава, старые старики и молодые подростки—всѣ летѣли во всѣ повода къ мѣсту, откуда начался «сполохъ». Погоня продолжалась по чеченской землѣ, и если казаки не всегда возвращались съ отбитыми чужими табунами, то во всякомъ случаѣ настигнутая ими партія истреблялась уже поголовно. И это выраженіе не метафорическое.

Плѣнныхъ тогда не брали, потому что дѣваться съ ними было некуда, а разгромивъ по пути какой нибудь подвернувшійся подъ руку аулъ, казаки не любили объ этомъ разсказывать, а напротивъ тщательно старались еще скрыть слѣды слишкомъ ретиваго боя. Надо еще удивляться, какъ эта горсть людей держалась противъ сравнительно сильныхъ вооруженныхъ и притомъ воинственныхъ народовъ.

Къ этимъ, такъ сказать, домашнимъ дѣламъ скоро прибавились и внѣшнія событія. Еще за долго до Бѣлградскаго мира въ 1738 году начались безпорядки въ степи, гдѣ кочевали калмыки. Законный наслѣдникъ Дондука-Омбо, старшій сынъ его Галданъ-Норма возсталъ противъ отца и пытался низложить его, чтобы захватить въ свои руки ханскую власть. Безпорядки эти скоро прекращены были войсками, прибывшими съ Волги, но результаты ихъ успѣли сказаться тѣмъ, что болѣе 700 кибитокъ солтанъ-аульскихъ ногайцевъ, которыхъ наши казаки еще недавно, во время кубанскихъ походовъ, заставили принять русское подданство, —теперь воспользовались общимъ замѣшательствомъ и бѣжали обратно за Кубань; остальные также готовились къ побѣгу, а потому ихъ и перевели къ Кизляру и заставили кочевать въ пространствѣ между устьями Терека и Сулака. Мѣра эта легла новымъ бременемъ на службу нашихъ Линейныхъ казаковъ, которымъ приходилось удвоить бдительность, чтобы уберечь себя отъ хищничества новыхъ сосѣдей и вмѣстѣ съ тѣмъ не допустить ихъ до побѣга. Въ это то тревожное время, въ началѣ 1740 года, умеръ Дондукъ-Омбо, и среди калмыковъ возникла страшная междоусобица, въ которой погибли и законный наслѣдникъ ханства Галданъ-Норма, и его ближайшіе родственники. Вдова Дондукъ-Омбо Ханша Джана, урожденная кабардинская княжна, бѣжала въ Кабарду со всѣми своими улусами. Терскіе и Семейные казаки, поднятые по тревогѣ, успѣли, однако, пересѣчь ей путь на Кумѣ и заставили вернуться обратно (5), а вскорѣ она вмѣстѣ съ дѣтьми отправлена была въ Петербургъ. Намѣстникомъ ханства назначенъ былъ нашимъ правительствомъ Дондукъ-Даши, внукъ знаменитаго Аюкъ-хана, современника Петра Великаго. Волненія затихли, но для наблюденія за калмыками тогда же построена была на правомъ берегу Волги Енотаевская крѣпость.

Едва управились съ калмыками, какъ гроза стала надвигаться со стороны персидской границы. Причиною новой тревоги былъ Шахъ-Надиръ, который, утвердившись на персидскомъ престолѣ, простеръ свои честолюбивые замыслы и на всѣ сосѣдніе народы. Турки изгнаны были имъ изъ всѣхъ персидскихъ владѣній, Хива и Бухара покорены, великій Моголъ Индійскій, вздумавшій помогать авганцамъ въ борьбѣ съ персіянами, былъ разбитъ на голову: столица его Дэли взята, и шахъ обогатился несмѣтными сокровищами. Теперь взоры его обратились на Россію. Въ Петер-

бургъ отправлено было посольство, сопровождаемое 16-тысячнымъ войскомъ при 50 орудіяхъ. Конечно, ни одно посольство никогда не являлось еще ко двору дружественной державы съ такой значительной вооруженной силой. Въ Кизлярѣ дѣйствительно забили тревогу. На Волгу поспѣшно двинуты были пять пѣхотныхъ и 6 драгунскихъ полковъ, расположившихся лагеремъ передъ Астраханью. Послу дали знать, что персидское войско черезъ границу пропущено быть не можетъ, да и кормить его въ пути будетъ нечѣмъ, а потому совѣтовали или возвратиться назадъ, или распустить войско. Переговоры поэтому поводу длились долго и только въ іюлѣ мѣсяцѣ окончились тѣмъ, что Надиръ уступилъ, и посолъ двинулся въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи двухтысячной свиты, за которой вели 14 слоновъ, предназначенныхъ въ даръ юному Императору. (*) Посольство однако не имѣло успѣха. Домогательство Надира получить руку цесаревны Елизаветы Петровны съ тѣмъ, что онъ введетъ въ своемъ государствѣ христіанскую религію, показалось нашему кабинету «сумнительнымъ» и было отклонено. Отклонены были и другія домогательства шаха ([5]). Такимъ образомъ, возникло крайне натянутое положеніе между двумя государствами. Войны еще не было, но не было и мира, и русскія войска, собранныя подъ Астраханью, почти два года стояли на готовѣ, съ ружьемъ у ноги. Такъ наступилъ 1742 годъ, когда внезапное появленіе Надира въ Дагестанѣ и слухъ о его приближеніи къ нашимъ границамъ породили въ Петербургѣ новыя серьезныя опасенія. Въ Астрахани спѣшно принялись за постройку новаго флота, заброшеннаго по смерти Петра Великаго. Кизляръ укрѣпляли; въ самую крѣпость вступилъ генералъ-лейтенантъ Таракановъ съ трехтысячнымъ войскомъ, прибывшимъ съ Царицынской линіи. А персидскія полчища продолжали между тѣмъ надвигаться и стояли уже въ 20 верстахъ отъ Койсу. Шахъ, вопреки существующимъ трактатамъ, не хотѣлъ признавать эту рѣку границею Россіи и считалъ кумыковъ своими подвластными. Онъ простиралъ свои виды даже на Терекъ и говорилъ, что Кизляръ, какъ мѣсто, въ древнія времена, по мнѣнію его, принадлежавшее Персіи, должно войти въ составъ его владѣній. У насъ болѣе всего опасались, чтобы на сторону шаха не передавались народы Сѣвернаго Кавказа, а «наипаче сильнѣйшіе изъ нихъ—кабардинцы. Года за два передъ тѣмъ, когда кубанскій сераскиръ угрожалъ Кабардѣ, у насъ «не разсуждено было за благо защищать ихъ, и если бы даже кабардинцы сами просили о войскахъ, то уклоняться молчаніемъ и разными причинами». Теперь наоборотъ, туда былъ посланъ полковникъ Кнутовъ «съ лучшими» изъ Гребенскихъ казаковъ, «чтобы всемѣрно стараться удержать кабардинцевъ отъ пересы-

*) Тогда царствовалъ малолѣтній Иванъ Антоновичъ подъ опекой Анны Леопольдовны, герцогини Брауншвейгской.

локъ съ шахомъ». Къ чеченцамъ и кумыкамъ также посланы были прокламаціи. Шахъ между тѣмъ ожидалъ, когда утвердится ледъ, чтобы овладѣть Кизляромъ, а затѣмъ перейти на Волгу и возстановить Казанское и Астраханское царства. На чемъ основывалъ онъ такіе широкіе замыслы, мы сказать не можемъ, но, по всей вѣроятности, историческій походъ въ Индію заставилъ его увѣровать въ свою счастливую звѣзду, и борьбу съ Россійскою Имперіею онъ считалъ не трудною.

И вотъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1743 года, когда стояли жестокіе морозы, шахъ двинулъ главныя силы противъ кумыковъ, а передъ Кизляромъ оставилъ только 12-тысячный корпусъ съ 35 орудіями и 15 мортирами, расчитывая, что къ нему присоединятся всѣ салтанъ-аульцы и даже ногайцы, кочевавшіе по Тереку. Такъ какъ салтанъ-аульцы, дѣйствительно готовились къ измѣнѣ, то для обезпеченія казачьихъ городковъ часть ихъ немедленно роздана была по калмыцкимъ улусамъ, а остальныхъ отправили сначала въ Астрахань, а потомъ перевели въ Казань, гдѣ ихъ перемѣшали съ тамошними татарами; персидскіе купцы, проживавшіе въ Кизлярѣ, также высланы были изъ города. Въ то же время передовые отряды выдвинуты были въ Эндери и Костекъ для защиты кумыкскихъ селеній; часть Гребенцовъ оставалась въ Кабардѣ, а всѣ остальные служилые и неслужилые казаки вызваны уже поголовно и поставили длинную непрерывную цѣпь форпостовъ, по всему лѣвому берегу Терека отъ Червленнаго городка вплоть до самаго моря; конные разъѣзды ихъ ходили по затеречной сторонѣ и слѣдили за непріятелемъ. Въ городкахъ оставались только женщины да такіе старики и дѣти, которые не могли сѣсть на коней. Трудна и разорительна была эта служба, длившаяся не мѣсяцы, а цѣлые годы; но казаки, проникнутые сознаніемъ долга, несли ее безропотно и съ полнымъ забвеніемъ личныхъ своихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, когда обѣ стороны готовы были къ открытію военныхъ дѣйствій, и столкновеніе противниковъ казалось уже неизбѣжнымъ, Шахъ Надиръ вдругъ получилъ извѣстіе о возстаніи внутри самой Персіи, о мятежѣ сосѣднихъ народовъ и приближеніи турецкихъ войскъ къ его границамъ и, повернувъ назадъ, ушелъ изъ Дагестана съ такою поспѣшностью, что 20 марта былъ уже на Муганской степи ([7]). Успѣхи повсюду сопровождали оружіе Надира, а потому Кавказская линія еще нѣсколько лѣтъ стояла въ полной боевой готовности, ожидая ежеминутно возвращенія его въ Дагестанъ и только внезапная смерть воинственнаго шаха, убитаго въ маѣ 1747 года близъ Мешеда, окончательно развязала намъ руки. Войска были распущены, и защита границы возложена опять на однихъ казаковъ.

Теперь намъ нужно упомянуть объ одномъ эпизодѣ въ исторической

жизни Кавказскаго казачества, послѣдовавшемъ именно въ это тяжелое время. Изыскивая мѣры къ лучшей оборонѣ границъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая облегчить наряды казаковъ на службу, Кизлярскій комендантъ, бригадиръ князь Оболенскій, остановился на мысли ввести въ составъ Гребенского войска всѣхъ Терско Семейныхъ казаковъ, которые хотя и составляли отдѣльное войско, но по своей малочисленности обитали въ трехъ небольшихъ городкахъ. Проектъ былъ представленъ въ Петербургъ и въ 1745 году ([8]) окончательно утвержденъ Императрицей. Упущено было изъ виду только то, что между Гребенцами, стародавними обитателями Кавказа, и Аграханцами, не задолго передъ тѣмъ переселенными съ Дона, не было никакой внутренней связи ни по характеру, ни по духу самого населенія, а потому и мѣра эта, быть можетъ, сама по себѣ вполнѣ цѣлесообразная, не принесла тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали. Войска соединились, такъ сказать, механически, но общей нравственной спайки между ними не было, и каждое изъ нихъ, подъ вліяніемъ прежней своей автономіи и корпоративнаго духа, продолжало жить своею особливою жизнію, хотя и носили одно общее имя Гребенского войска. Правда, обѣ стороны, при посредствѣ Кизлярскаго коменданта, сдѣлали взаимныя уступки и раздѣлили власть между собой полюбовно: изъ среды коренныхъ гребенцовъ былъ выбранъ войсковой атаманъ Иванъ Борисовъ и одинъ старшина Иванъ Петровъ, а отъ Терцевъ старшинъ было двое—Максимъ Татариновъ и Дементій Моисеевъ. Выборы сдѣланы были при общемъ собраніи обоихъ войскъ. Затѣмъ 24 мая 1748 года послѣдовало повелѣніе, чтобы войсковая канцелярія состояла изъ атамана, одного старшины и дьяка, внутреннія дѣла, судъ и расправу чинить по древнему казачьему обычаю въ кругу и только тѣ дѣла, которыя въ кругу рѣшать невозможно, представлять коменданту, а въ важныхъ случаяхъ прямо въ военную коллегію ([9]). Но не смотря на всѣ эти правила, не смотря на смѣшанный составъ войскового ареопага, дѣло все таки не ладилось, и два войска никакъ не могли слиться въ одно. Войсковое представительство тянуло въ разныя стороны, и войсковой кругъ постоянно волновался раздорами. Такъ продолжалось цѣлыхъ девять лѣтъ, когда новый комендантъ Кизляра генералъ-маіоръ Фрауендорфъ донесъ наконецъ, что вѣчная неурядица и распри среди казаковъ не только ослабляютъ духъ войскъ, но отражаются и на самой защитѣ границъ. Военная коллегія уважила ходатайство Фрауендорфа, и Императрица Елизавета Петровна указомъ Правительствующему Сенату въ 1754 году повелѣла разъединить оба войска и каждому изъ нихъ быть попрежнему самостоятельнымъ ([10]).

Едва разсѣялись тучи, надвигавшіяся со стороны Персіи, какъ въ 1747 году началась опять междоусобная война въ Большой Кабардѣ, про-

изведшая на этотъ разъ такое смятенiе въ народѣ, что влiятельнѣйшiе вожди преданной намъ Баксанской партiи изгнаны были изъ отечества и вынуждены искать убѣжища въ Кизлярѣ. Одновременно съ этимъ поднялась и Чечня. Подвластные дотолѣ кумыкскимъ и кабардинскимъ князьямъ, считавшiеся въ русскомъ подданствѣ, чеченцы возстали противъ своихъ владѣльцевъ, и началась упорная, жестокая борьба между ними, кумыками и кабардинцами, естественно отражавшаяся и на спокойствiи линiи. Болѣе всего, по словамъ Буткова, терпѣли Гребенскiе казаки, «которымъ чеченцы причиняли обиды, грабежи, смертоубiйства и прочiя злодѣянiя». Объ отвѣтныхъ репрессалiяхъ со стороны казаковъ нѣтъ никакихъ свѣдѣнiй,—и не къ этому ли времени относится намекъ Фрауендорфа объ ослабленiи казачьяго духа и слабой охранѣ ими нашихъ границъ. Однако въ Кизлярскомъ архивѣ сохранилось одно коротенькое извѣстiе, что команда Терско-Семейныхъ казаковъ въ 60 человѣкъ, посланная съ ротмистромъ Шейдяковымъ на развѣдки о табунахъ, отбитыхъ татарами, настигла хищниковъ, отбила табуны назадъ и пригнала ихъ въ Кизляръ(11). Но никакихъ другихъ мѣръ къ прекращенiю все разгоравшагося броженiя у насъ принимаемо не было, и въ 1757 году Чечня, объятая уже общимъ пожаромъ, объявила себя отъ насъ независимой. Только тогда пришло, наконецъ, повелѣнiе наказать чеченцевъ и силою оружiя вернуть ихъ въ подданство. Въ маѣ 1758 года калмыки, Гребенскiе казаки съ своимъ атаманомъ Иваномъ Ивановымъ и Терско-Семейные съ атаманомъ Ковалевымъ, подъ общимъ начальствомъ маiора Фрауендорфа сдѣлали большой набѣгъ, отбили множество скота, вытоптали посѣянный хлѣбъ и сожгли ихъ жилища. Но и изъ числа казаковъ много было убито, многiе потеряли лошадей и вернулись пѣшими. Во всякомъ случаѣ надо полагать, что дѣйствiя ихъ были весьма успѣшны, такъ какъ обоимъ атаманамъ—Иванову *) и Ковалеву пожалованы были золотыя медали съ портретами Императрицы, «а жалованья имъ вдвое противъ прежняго» (12).

Одновременно съ тѣмъ, какъ на Кавказѣ ожидали нашествiя персидскаго шаха и возились съ чеченцами, Россiя вела тяжелую, но побѣдоносную войну съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Великимъ. Что это была за война,—объ этомъ лучше всего говоритъ старинная солдатская пѣсня, отразившая собой впечатлѣнiя, которыя вынесли русскiя войска изъ кровавыхъ битвъ и тяжелыхъ походовъ семилѣтней войны.

И мы ходили то, солдаты, поколѣнъ въ крови,
И мы плавали солдаты, на плотахъ—тѣлахъ,

*) Фамилiя Ивановыхъ замѣчательна въ Гребенскомъ войскѣ тѣмъ, что дѣдъ, сынъ и внукъ послѣдовательно были выбираемы войсковыми атаманами и оставались въ этомъ званiи до самой смерти.

И ручьемъ кровь да туда—сюда разливается,
И наше храброе сердце да разгорается,
Тутъ одна рука не можетъ—другая пали,
Тутъ одна нога упала—другая стои.
И раззудилось плечо, да расходилося,
А бурлацкое сердце, вѣдь, не устерпчиво,
И гдѣ пулей не имемъ, тамъ грудью беремъ,
А гдѣ грудь не бере—душу Богу отдаемъ......

Вотъ въ такой то войнѣ едва-едва не пришлось участвовать и нашимъ Кавказцамъ. Волжскіе и Донскіе казаки давно уже были въ Персіи, когда Императрица Елизавета Петровна пожелала имѣть при заграничной арміи и Кавказскую конницу. Къ походу назначены были Терско-Кизлярское войско, часть кабардинцевъ, аульные ногаи и команда калмыковъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора князя Бековича Черкасскаго. Гребенское и Терско-Семейное войска оставлены были на линіи. Летучій отрядъ выступилъ съ Терека въ 1761 году и миновалъ уже Черкасскъ на Дону, какъ получилъ извѣстіе о кончинѣ Елизаветы Петровны и повелѣніе новаго Императора Петра III возвратиться назадъ ([13]). Такъ и не удалось нашимъ Кавказцамъ помѣряться силами съ прославленною прусскою конницей Цетена и Зийдлица. Остается добавить, что на обратномъ пути большая часть аульныхъ ногайцевъ бѣжала за Кубань, а по возвращеніи домой примѣру ихъ послѣдовали и всѣ остальные. Кратковременное царствованіе Петра III не оставило никакихъ слѣдовъ въ исторіи нашего казачества. Но Терцамъ и Гребенцамъ пришлось быть участниками государственнаго переворота, совершившагося 28 іюня 1762 года, когда гвардія провозгласила Императрицей Екатерину Вторую. Въ Петербургѣ въ то время находились легкія станицы отъ Гребенского и Терско-Семейнаго казачьихъ войскъ. По первой тревогѣ они примкнули къ Сводному казачьему полку *) и вмѣстѣ съ нимъ отъ лица своихъ войскъ принесли присягу на вѣрность новой Государынѣ. Затѣмъ, какъ извѣстно, послѣдовалъ походъ въ Петергофъ, но наши легкія станицы въ немъ не участвовали, ибо, какъ говоритъ офиціальный документъ, сколько ни старались, не могли раздобыть себѣ лошадей и остались въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе Императрица оцѣнила ихъ вѣрность и въ память этого дня пожаловала шестерымъ изъ нихъ массивныя золотыя медали. Это были Гребенского войска атаманъ Филиппъ

---

*) Одинъ англичанинъ, современникъ событія (исторія Екатерины II Бильбасова), говоритъ, что полкъ этотъ составленъ былъ изъ казаковъ Донскихъ, Яицкихъ и Гребенскихъ. Никакихъ офиціальныхъ свѣдѣній о назначеніи въ этотъ полкъ Гребенцовъ, однако, не имѣется. Да врядъ ли оно и могло быть по самой малочисленности войска и трудной службѣ его на границѣ.

Ивановъ, есаулъ Михайло Золотухинъ и писарь Афонасій Ивановъ; отъ Семейнаго войска атаманъ Василій Севостьяновъ, есаулъ Михайло Ивановъ и писарь Игнатій Григорьевъ ([14]). По возвращеніи ихъ домой къ присягѣ присоединились Гребенское, Семейное и Терско-Кизлярское войска. Началось царствованіе Екатерины Великой. Но прежде, чѣмъ говорить о немъ, скажемъ нѣсколько словъ объ экономическомъ бытѣ самихъ казаковъ и тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивалось ихъ домашнее хозяйство,—этотъ важнѣйшій факторъ и боевой, и нравственной силы всякаго казачьяго войска.

Глава VII.

Казачья пословица: «Хорошъ казакъ на гумнѣ, хорошъ и на войнѣ» сложилась старыми людьми недаромъ, ибо военныя качества войска всегда находились и будутъ находиться въ тѣсной зависимости отъ его домашняго хозяйства. Жилъ казакъ въ достаткѣ—и подъ нимъ былъ отличный конь, да и въ запасѣ ихъ было по нѣскольку, ходившихъ въ табунахъ или стоявшихъ у него на конюшнѣ. На плохомъ конѣ да еще съ плохимъ оружіемъ и лучшій казакъ становился плохимъ наѣздникомъ. Вотъ почему и оружіе у старыхъ казаковъ всегда отличалось высокими качествами, и какая-нибудь стамбульская семигранная винтовка, шашка «Гирла» или «Волчокъ», добытая въ бою или пріобрѣтенная дорогою цѣной, составляли предметъ не только щегольства, но фамильной гордости, служа казаку какъ бы наружною выставкой его собственнаго достоинства. А за этою вывѣской опять таки скрывалось все то же его домашнее благосостояніе, откуда онъ черпалъ все, что было ему нужно для войны.

Посмотримъ же, какими средствами располагали для того въ домашнемъ быту наши гребенскіе казаки.

Какъ жили они на Гребняхъ, объ этомъ подробныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ; но, переселившись на лѣвый берегъ Терека, Гребенцы остались хозяевами обоихъ береговъ рѣки Сунжи. Право на владѣніе этими угодьями въ то время не оспаривалось у нихъ ни чеченцами, ни кумыками, ни кабардинцами, изъ которыхъ многіе арендовали ихъ затеречныя земли на условіяхъ, продиктованныхъ казачьимъ кругомъ и закрѣпляемыхъ контрактомъ. Казаки зорко оберегали свое достояніе, и если случалось, что чеченцы безъ позволенія, самовольно ставили свои кутаны или поселки гдѣ-нибудь на Сунжѣ въ укромныхъ мѣстахъ по лѣсамъ или балкамъ, то Гребенцы жгли ихъ жилища, отгоняли скотъ, уводили плѣнныхъ. Отсюда и начинается вѣковая вражда чеченцевъ съ гребенскими казаками.

Съ самаго начала казаки переселились только налегкѣ, оставивъ всѣ домашнія обзаведенія на правомъ берегу; но затруднительность безпрестанныхъ переправъ черезъ Терекъ заставила ихъ вскорѣ перенести ви-

ноградныя лозы и тутовыя насажденія, требовавшія особаго ухода, на лѣвый берегъ, къ своимъ городкамъ; а на правомъ остались только сѣнокосы да распашки хлѣба (1).

Еще живя на Гребняхъ, присматриваясь къ сосѣдямъ кабардинцамъ, Гребенскіе казаки замѣтили разумную постановку у нихъ земледѣлія: кабардинцы пашутъ легкимъ плугомъ, не забирая глубоко; сѣютъ зерно близко къ поверхности, нагрѣваемой солнцемъ, и почти не знаютъ неурожаевъ. Все это усвоили себѣ и наши гребенцы, но земледѣліе и скотоводство на Гребняхъ не было у нихъ особенно развито. Для этого не хватало простора, а удаляться отъ своихъ городковъ было не безопасно. Не развились эти отрасли хозяйства у нихъ и впослѣдствіи по сю сторону Терека, такъ какъ узкая полоса земли, тянувшаяся по берегу, не представляла для того существенныхъ удобствъ, почва была иловатая, прорѣзана мѣстами пескомъ и солончаками, а въ противоположную сторону, верстахъ въ 12-ти отъ городковъ, начинались песчанные барханы, не производившіе ничего, кромѣ колючки, пригодной только для верблюдовъ. Тѣмъ не менѣе казаки сѣяли на зиму рожь и пшеницу, а изъ ярового хлѣба—ячмень и просо; но земля скудно вознаграждала труды земледѣльца и не производила ни рослаго стебля, ни добраго зерна въ колосьяхъ.

За недостатокъ пахотныхъ земель Гребенцовъ сторицею вознаграждали ихъ виноградные сады, которые доставляли значительный доходъ, такъ какъ красное вино (чихирь) расходилось по всей Астраханской губерніи, а виноградная водка была въ большой цѣнѣ въ самой Россіи; продажа вина у казаковъ шла вольная, безпошлинная, и каждый изъ нихъ бѣдно-бѣдно выручалъ за свой садъ отъ четырехсотъ до восьмисотъ рублей, а многіе брали по тысячѣ и по двѣ, смотря по количеству добываемаго вина. Доходность отъ этой статьи была бы еще значительнѣе, если бы казаки не передавали водочное производство въ руки наѣзжихъ армянъ, которые устраивали при городкахъ небольшіе заводы; они скупали у казаковъ молодое вино, платя за сорокаведерную бочку отъ 40 до 42 рублей, а нерѣдко брали на откупъ и цѣлые сады. Такимъ образомъ, главная прибыль переходила къ стороннимъ людямъ, но удержать эту прибыль за собою казаки не могли по неимѣнію свободныхъ рукъ, вѣчно занятыхъ службою (2).

Не маловажнымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ быту служило также рыболовство, изстари производившееся казаками въ Терекѣ и Сунжѣ, а также торговля лѣсомъ, который продавали на мѣстѣ пріѣзжимъ покупателямъ, или же сплавляли внизъ въ воеводскій городъ, всегда нуждавшійся въ дровахъ среди безлѣсныхъ низовій Терека (3).

Не менѣе зажиточно жило и Терское войско до переселенія своего на берега Аграхани. Среди терскихъ болотъ и камышевыхъ зарослей не было ни тутовыхъ деревъ, ни виноградныхъ садовъ или другихъ культурныхъ произростаній, но зато былъ богатый уловъ рыбы и, главное, морской тюленій промыселъ, обезпечивавшій не только домашній бытъ, но служившій источникомъ выгодной продажи и обогащенія многихъ. Все пространство отъ устья Терека, вмѣстѣ съ морскими островами Чеченскимъ, Тюленевымъ и другими, составляло владѣніе Терскихъ казаковъ и никогда у нихъ не оспаривалось. Эти же угодья оставались за ними даже послѣ переселенія ихъ въ Дагестанъ и долго потомъ носили названіе «Терскія дачи» (4).

Былъ у нихъ еще одинъ промыселъ, котораго по своей отдаленности отъ моря лишены были Гребенскіе казаки, но этотъ промыселъ слишкомъ уже смахивалъ «на старинное молодечество» и никакъ не укладывался въ рамки новой государственной жизни. Это былъ выработанный самими Терцами своеобразный кодексъ морского права, по которому все, что выбрасывалось моремъ на берегъ послѣ кораблекрушенія, а также все, найденное ими въ морѣ, хотя бы то была покинутая экипажемъ купеческая буса съ товарами, считалось безспорнымъ призомъ нашедшаго, а отсюда было недалеко уже до морского пиратства и разбойныхъ дѣлъ, кормившихъ вольное казачество въ героическій періодъ его существованія.

Повидимому, этотъ прибыльный промыселъ служилъ главнымъ источникомъ для ихъ обогащенія; по крайней мѣрѣ покупатели не одинъ разъ обращались къ казакамъ съ просьбой тѣхъ или другихъ товаровъ иноземной выдѣлки и никогда не получали отказа. До насъ дошло письмо нѣкоего Михайла Тюхина, проживавшаго въ Астрахани, который писалъ въ Терки, къ знакомому ему стрѣлецкому головѣ, чтобы тотъ купилъ для него у Терскихъ казаковъ нѣсколько золотыхъ парчей, да сафьянныхъ юфтей. Понятно, что такая безпошлинная торговля заграничными товарами, производимая притомъ по неимовѣрно низкимъ цѣнамъ, сильно подрывала торговлю индійскихъ, бухарскихъ и персидскихъ купцовъ, жившихъ въ Теркахъ, и возбуждала съ ихъ стороны безпрерывныя жалобы (5).

Къ этому надо прибавить, что досуга у казаковъ было немало, потому что кордонная служба въ то время не была особенно обременительна; Терцевъ ограждали неприступныя болота, а Гребенцамъ помогали отбывать линейную службу мирные кабардинцы, арендовавшіе у нихъ затеречныя земли. Такъ шло до заложенія Кизляра въ 1735 году, когда подчиненіе всѣхъ казаковъ Кизлярскому коменданту во многомъ измѣнило ихъ жизнь и измѣнило далеко не въ ихъ пользу.

Съ учрежденіемъ Кизлярскаго края имъ прежде всего пришлось познакомиться съ земскими повинностями, о которыхъ они до тѣхъ поръ ничего не слыхали. Ихъ было немало: квартирная, дорожная, подводная, почтовая, береговая и нѣкоторыя другія. Свободные казаки, не знавшіе доселѣ ничего, кромѣ своего прямого казачьяго дѣла да домашняго хозяйства, теперь обязывались встрѣчать и провожать проходившіе черезъ ихъ городки войска, отводить имъ безплатныя помѣщенія, давать подводы для перевозки ихъ имущества, исправлять дороги, строить мосты, а для переправы черезъ Терекъ держать въ постоянной готовности паромы и каюки; на нихъ же возлагалась почтовая гоньба по всему протяженію терской линіи, на разстояніи почти 150-ти верстъ, и даже хлѣбное жалованіе приходилось принимать самимъ на пристаняхъ Каспійскаго моря, а потомъ собственными же средствами доставлять ихъ въ свои городки. Не всегда эти средства находились у казака подъ рукой, и приходилось часто нанимать ногайцевъ, отдавая имъ половину хлѣба, какъ перевозную плату. Но если случалось, что и ногайцы не могли выставить нужнаго числа арбъ, тогда картина перевозки провіанта, какъ говоритъ извѣстный докторъ Девитъ, представляла собою уже настоящій сколокъ съ волжскаго бурлачества ([6]). Сначала, по его словамъ, казакамъ приходилось перегруживать доставляемый изъ Астрахани провіантъ съ морскихъ судовъ на рѣчныя барки, что требовало пребыванія ихъ цѣлыми часами въ водѣ, а затѣмъ нужно было тянуть нагруженныя барки вверхъ по Тереку бичевой, идя по поясъ въ рѣкѣ, накалывая босыя ноги острыми камышинками или камнями, а лямкой—надрывая грудь и спину. «Обидно было смотрѣть», говоритъ онъ, «какъ эти прирожденные воины превращались въ простыхъ бурлаковъ, довольствуясь въ пути только рыбой, которую сами же ловили въ Терекѣ, а лѣтомъ арбузами и огурцами, за неимѣніемъ другой домашней провизіи». Дурное питаніе, при чрезмѣрныхъ непривычныхъ трудахъ, особенно въ холодное осеннее время, развивало сильную болѣзненность, а никакихъ медицинскихъ пособій въ краѣ не было. До самыхъ временъ Ермолова, т. е. до двадцатыхъ годовъ уже XIX столѣтія, въ казачьихъ городкахъ не было ни одного врача, ни одного фельдшера, ни одной аптеки. Казаки, какъ доносилъ Ермоловъ, обращаются обыкновенно къ знахарямъ или къ старымъ бабамъ, выдающимъ себя за лекарокъ, которыя почти всегда умножаютъ ихъ страданія, а нерѣдко причиняютъ и самую смерть ([7]).

Если принять во вниманіе, что всѣ три войска по своей малочисленности съ трудомъ выставляли въ поле 1000—1200 всадниковъ, что прироста населенія ожидать было нельзя, такъ какъ изъ податныхъ сословій и бѣглыхъ принимать было не велѣно, а татары, аульные ногайцы и горскіе народы вовсе не шли въ казачью службу, то станетъ понятно, ка-

кимъ тяжелымъ гнетомъ ложились на казачество всѣ эти повинности, особенно при усилившихся служебныхъ нарядахъ, когда со дня на день ожидали вторженія Персидскаго шаха. Случалось такъ, что казаковъ не хватало даже на посты и пикеты, и тогда земскія повинности отправлялись по наряду бабами. Докторъ Девитъ говоритъ, что нерѣдко можно было видѣть казачку, которая везла курьера, или дѣвку, сопровождавшую подводу, нагруженную солдатскими вещами ([8]).

Малочисленному Терскому войску жилось еще хуже въ Кизлярѣ, гдѣ смертность достигала ужасающей цифры. Въ Кизлярѣ были доктора и въ числѣ ихъ даже одинъ ученый специалистъ, изучившій во всѣхъ подробностяхъ климатическія условія Кизлярскаго края,—докторъ Девитъ, но и его познанія и дѣятельность ничего не могли сдѣлать при полнѣйшемъ отсутствіи санитарнаго надзора въ крѣпости. Изъ его въ высшей степени любопытныхъ и интересныхъ донесеній мы узнаемъ, что причиною смертности служилъ не самый Кизляръ, окрестности котораго вовсе не были заражены никакими вредными міазмами; большія тинистыя болота, заросшія камышемъ, начинаются отъ него въ верстахъ 50-ти по направленію къ морскому берегу и, слѣдовательно, не могли вліять на развитіе болѣзненности; воздухъ былъ чистый и положительно здоровый; туманы, державшіеся весною и осенью по нѣскольку сутокъ къ ряду, были безвредны; Терекъ доставлялъ прекрасную питьевую воду, и не было надобности рыть колодцы, гдѣ вода была соленая, негодная для употребленія. Дѣйствительно, въ первыя 10—12 лѣтъ существованія Кизляра никакихъ жалобъ на климатическія условія его мы и не встрѣчаемъ; здоровье войскъ было вполнѣ удовлетворительно. Но это продолжалось только до 1749 года, когда, вопреки протестамъ Девита, разрѣшено было частнымъ лицамъ рыть у себя во дворахъ колодцы и разводить сарачинское пшено и сѣять табакъ почти подъ самыми стѣнами крѣпости. Подобныя плантаціи, требующія большой поливки, всегда служили источникомъ болотныхъ лихорадокъ—и болѣзненность въ Кизлярскомъ гарнизонѣ сразу поднялась настолько, что въ первый же годъ по заведеніи плантацій въ полковыхъ лазаретахъ было уже 1369 человѣкъ, а къ лѣту слѣдующаго 1851 года цыфра ихъ возрасла до 1800. Картина будетъ полная, если къ этому прибавить, что изъ числа заболѣвшихъ въ одномъ Тенгинскомъ полку умерло 323, а въ Самарскомъ 293 человѣка,—и это при среднемъ составѣ полковъ въ 800 штыковъ. Закаленная желѣзная натура казаковъ еще упорно боролась со смертью, но солдатъ хоронили сотнями.

Развитію эпидемій способствовало, по свидѣтельству Девита, и дурное состояніе казармъ или—правильнѣе—мазанокъ, въ которыхъ жили солдаты и казаки. Эти мазанки, выстроенныя на спѣхъ изъ сырого, плохо

высушеннаго кирпича, уходили въ землю по самыя окна, были низки, не пропускали свѣта, а при разливахъ Терека землянные полы ихъ покрывались водою на цѣлую четверть аршина ([9]).

Эти разливы, повторявшіеся періодически, налагали на Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ новую обязанность—защищать отъ наводненій не только свои городки и поля, но и большую Астраханскую дорогу. Съ самаго начала ихъ водворенія повинность эта не была особенно обременительна, такъ какъ большихъ разливовъ не было. Густые прибрежные лѣса охраняли Терекъ отъ заносовъ пескомъ, и рѣка, широко разливаясь по степи, спокойно несла свои волны въ Каспійское море. Не даромъ народная фантазія, въ одной изъ своихъ поэтическихъ легендъ, говоритъ устами Терека Горыныча: «Всуе нищая и голодная степь астраханская силилась придвинуться ко мнѣ и заморить меня своими песками и солонцами, что сдѣлала она, шелудивая, съ молочною Кумою-рѣкой. Да я ей не Кума-рѣка. Я ставилъ противъ ея подкоповъ мои лѣса Моздокскіе, мое войско древесное и не далъ ей изгрызть, источить мою равнинную волость ([10]).

Но по мѣрѣ того, какъ стали истребляться лѣса, и засорялись пескомъ рѣчныя устья Терека, наводненія стали повторяться чаще и скоро превратились въ своего рода стихійныя бѣдствія. Первое чрезвычайное наводненіе, нанесшее чувствительный ударъ казацкому хозяйству, довѣрчиво расположившемуся надъ самою рѣкою, случилось въ ночь на 10-е іюля 1764 года. Когда набатный колоколъ поднялъ на ноги все населеніе городковъ, борьба съ разсвирѣпѣвшимъ Терекомъ оказалась уже невозможною. Прорвавъ слабыя загражденія, противопоставленныя ему казаками, затопилъ дома, затянулъ глубокою тиной виноградники, уничтожилъ сады, истребилъ посѣвы и унесъ съ собою накошенное и заготовленное на зиму сѣно. Убытки были громадные ([11]). Астраханскій губернаторъ Бекетовъ, получивъ объ этомъ донесеніе, писалъ, что для поданія помощи онъ никакихъ средствъ не имѣетъ, и рекомендовалъ Кизлярскому коменданту «во избѣжаніи впредь, чего Боже сохрани, такого же несчастнаго случая постараться общенародно укрѣпить берега въ пристойныхъ мѣстахъ хорошимъ порядкомъ и къ тому приложить единожды навсегда общественный трудъ» ([12]). Трудъ былъ приложенъ и съ тѣхъ поръ повисъ навсегда на плечахъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ.

Для слабаго числомъ прибрежнаго казачества повинность эта являлась тяжелымъ бременемъ, такъ какъ каждому городку въ своемъ юртѣ приходилось возвышать лѣвый берегъ Терека земляными насыпями, укрѣплять его фашинами и толстыми сосновыми сваями, которыя потому только не вымывались быстро несущимся Терекомъ, что забивались на двѣ и на

три сажени въ землю. Выходила нескончаемая сизифова работа, ибо нерѣдко то, что сооружалось сегодня, завтра уничтожалось Терекомъ, и работу приходилось начинать сначала. Особенно тягостны и убыточны были лѣтніе разливы, вслѣдствіе таянія снѣговъ въ горахъ, въ самую горячую рабочую пору, когда приходилось бросать жатву и уборку зрѣющихъ хлѣбовъ, чтобы спѣшить на борьбу съ потопомъ, насылаемымъ Казбекомъ. И вся эта египетская работа, за отсутствіемъ большинства казаковъ на кордонахъ, выпадала преимущественно на женщинъ да сѣдыхъ стариковъ, которымъ усердно помогали малолѣтки. Масса степныхъ кочевниковъ, грузины и армяне, проживавшіе въ Кизлярѣ, не принимали никакого участія въ удержаніи рѣки въ берегахъ. Правительство также ничѣмъ не помогало, и только разъ, и то уже гораздо позднѣе,—именно въ эпоху отечественной войны 1812 года, въ Кизляръ было прислано множество плѣнныхъ солдатъ наполеоновской арміи, и ихъ то руками были сдѣланы тогда на значительномъ протяженіи берега высокія и крѣпкія насыпи ([13]).

Наконецъ была еще одна повинность, которая возлагалась, впрочемъ, только на однихъ Гребенскихъ казаковъ,—повинность своеобразная, которою казаки не тяготились, которую даже любили, потому что она отвѣчала ихъ природнымъ склонностямъ и представлялась скорѣе спортомъ, хотя и сопряженнымъ съ опасностями. Дѣло въ томъ, что Императрица Анна Ивановна изъ доклада своего оберъ-егермейстера Волынскаго, не разъ посѣщавшаго Терскую линію еще при Петрѣ Великомъ, узнала, что около гребенскихъ городковъ на Гребняхъ и по лѣсамъ водятся дикіе кабаны, дикія кошки и козы, а изъ птицъ—косные пѣтушки-фазаны и журавлики малые, именуемые Терскими, у которыхъ спереди половина шеи и зобы сизые, а по сторонамъ головы два бѣлые хохлика. Она пожелала имѣть ихъ у себя, и Астраханскому губернатору указомъ Правительствующаго Сената повелѣно было обязать Гребенскихъ казаковъ, чтобы они тѣхъ звѣрей и птицъ ловили живыми и доставляли въ Астрахань для дальнѣйшаго отправленія ихъ въ столицу, въ дворцовую менажерею. Туда же требовались олени, подобные нѣмецкимъ, и штейнбоки, которыхъ около гребенскихъ городковъ не водилось, и Гребенцамъ приходилось добывать ихъ въ далекихъ кабардинскихъ и дагестанскихъ горахъ ([14]), гдѣ казакамъ не одинъ разъ приходилось встрѣчаться съ горскими разбойниками. Долго ли лежала на казакахъ эта обязанность, насколько удачно шла самая охота, какія приключенія случались съ ними въ горныхъ трущобахъ, куда они отправлялись небольшими партіями, объ этомъ не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній ни въ оффиціальныхъ документахъ, ни въ устныхъ разсказахъ, ни въ народныхъ пѣсняхъ. А что они были

—это не подлежитъ сомнѣнію, потому что народъ не даромъ называлъ такихъ предпріимчивыхъ, смѣлыхъ охотниковъ словомъ «отвага».

Таковы были земскія и другія повинности, налагаемыя на казаковъ. Теперь посмотримъ на оскудѣніе ихъ хозяйства.

По мѣрѣ того, какъ вольная казацкая жизнь, съ ея правами и привиллегіями, отходила въ область преданій, уступая мѣсто общимъ государственнымъ интересамъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, новые порядки не могли не стѣснять все болѣе и болѣе казацкаго хозяйства,—этотъ живой источникъ, откуда черпалась казачествомъ его боевая сила.

Прежде всего подверглась ограниченію одна изъ важнѣйшихъ отраслей его - винодѣліе, а затѣмъ и рыболовство. Обѣ онѣ были подавлены введенною тогда системой казенныхъ откуповъ, которые доставляли крупные доходы государству, но въ тоже время совершенно убивали всякую частную производительность. Казакамъ воспрещено было продавать виноградное вино, добываемое изъ собственныхъ ихъ садовъ, по вольнымъ цѣнамъ, а требовалось сбывать этотъ продуктъ исключительно садовой астраханской конторѣ, которая пріобрѣтала его весьма низкой принудительной цѣною. Одного этого было уже достаточно, чтобы разорить винодѣловъ. Водочные заводы, не выдерживая различныхъ стѣснительныхъ мѣръ со стороны откупщиковъ, стали закрываться. Цѣна на кизлярскую водку до того упала, что, вмѣсто прежнихъ 40--42 рублей, казаки вынуждены были отдавать ее по 8 и даже по 4 рубля за бочку. Это не вознаграждало расходовъ по виноградникамъ, и сады стали переходить въ руки богатыхъ и предпріимчивыхъ армянъ.

Та же участь постигла и рыболовство, этотъ завѣтный прадѣдовскій промыселъ, которымъ кормились казачьи войска. Со введеніемъ откупа и въ эту промышленную область, все, чѣмъ владѣли съ давнихъ поръ Терскіе казаки по взморью и по морскимъ островамъ, сдѣлалось достояніемъ откупщиковъ, да и въ самомъ Терекѣ, въ этой пограничной рѣкѣ, казакамъ дозволялось ловить рыбу только для домашняго обихода, а продавать могли только однимъ откупщикамъ, назначавшимъ минимальныя цѣны ([15]). Чѣмъ же оставалось жить казакамъ, поддерживать себя, снаряжать на службу своихъ сыновей? Очень можетъ быть, что казаки въ концѣ концовъ и сошли бы совсѣмъ на-нѣтъ, если бы не явился у нихъ добрый геній въ лицѣ военной коллегіи, представившей Сенату всю несообразность подобной монополіи именно въ казачьихъ войскахъ, которыя несутъ трудную пограничную службу не на казенномъ, а на собственномъ иждивеніи. Сенатъ согласился, и 4 августа 1759 года послѣдовалъ указъ, въ которомъ говорилось, что «рыбную ловлю, отданную на откупъ, воз-

вратить за вѣрныя службы нашимъ казачьимъ войскамъ Гребенскому и Терско-Семейному безъ платежа денегъ, и откупщикамъ не быть, какъ напередъ сего происходило, а буде что за домашнимъ довольствіемъ останется, то повольно имъ гдѣ и кому похотятъ продавать». Такимъ образомъ монополія была уничтожена въ пограничной рѣкѣ, и казакамъ предоставленъ свободный ловъ рыбы въ своихъ рѣчныхъ дачахъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы мѣшечная икра и клей, добываемые изъ красной рыбы, продавались откупщикамъ ([16]).

Мѣра эта не на много улучшила казачье рыболовство. Откупщики, владѣвшіе каспійскими водами, нашли способъ обойти новый законъ, лишавшій ихъ значительной прибыли, и, заградивъ рѣчныя устья, пропускали въ Терекъ лишь мелкую рыбицу, не доставлявшую казакамъ особенной выгоды. Только зимніе уловы лосося, водившагося исключительно въ Терекѣ, и давали казакамъ возможность заработать кое-какую копѣйку. Но и тутъ встрѣчалось затрудненіе въ добываніи соли, необходимой для заготовленія рыбы впрокъ. Прежде казаки безвозмездно пользовались солью изъ близъ лежащихъ соляныхъ казенныхъ озеръ, но впослѣдствіи на эти озера наложенъ былъ запретъ, и казаки должны были покупать соль въ Кизлярскихъ магазинахъ; но бѣда была въ томъ, что продажной соли въ этихъ магазинахъ часто не было совсѣмъ, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Попко, канцелярская переписка по этому дѣлу была гораздо сложнѣе, чѣмъ самая операція,—и въ результатѣ масса рыбы погибала даромъ.

Спустя два года послѣ уничтоженія монополіи на рыбную ловлю, по ходатайству той же военной коллегіи, снято было запрещеніе и съ вольной продажи винограднаго вина изъ собственныхъ казачьихъ садовъ, причемъ сбытъ его въ Астрахани на самомъ выгодномъ и бойкомъ рынкѣ допускался лишь мѣрами не менѣе ведра и даже бочками, дабы, какъ сказано было въ указѣ, черезъ продажу большими мѣрами искоренить шинкарство ([17]).

Были у казаковъ еще двѣ отрасли промышленности, на которыя почему то не посягала администрація. Это была продажа собираемаго въ Гребенскихъ городкахъ красильнаго корня марены, безъ котораго въ Кизилбашахъ, какъ мы видѣли, ни одна шелковая ткань не могла получить окраски. Его поступало въ продажу ежегодно до 700 пудовъ, стоимостью по 6 и 7 рублей за пудъ. Замѣчательно, что правительство отнеслось къ этому промыслу съ полнымъ равнодушіемъ и не облагало его никакими налогами.

Другою свободною отраслью было шелководство. Подъ него всѣмъ желающимъ отводились безвозмездно даже казенные участки земли, но

именно эта мѣра и была причиной упадка шелководства въ казачьихъ городкахъ. Желающихъ воспользоваться казенными участками явилось много изъ постороннихъ людей, обладавшихъ и капиталами для найма рабочихъ, и другими средствами для лучшей выдѣлки шелка. Такимъ образомъ, казаки, безпрерывно отрываемые службой, не могли конкурировать съ ними, какъ по числу рабочихъ рукъ, такъ и по примитивнымъ способамъ выдѣлки шелка, унаслѣдованнымъ ими отъ предковъ. И казачій шелкъ по добротѣ далеко уступалъ иногороднимъ заводчикамъ ([18]).

Говоря о стѣсненіяхъ, которыми регулировалась экономическая, до той поры совершенно патріархальная, жизнь линейныхъ казаковъ, нельзя умолчать объ учрежденныхъ въ краѣ таможняхъ, которыя совершенно убили мѣновую торговлю казаковъ съ обитателями праваго берега Терека. Мѣновая торговля, конечно, обусловливалась обоюдными выгодами. Казаки промѣнивали затеречнымъ сосѣдямъ соль, произведеніе своихъ садовъ и гончарныя издѣлія, искусной выдѣлкой которыхъ особенно славились гребенскія казачки. Отъ нихъ они получали одежду, бурки, мѣдную посуду, барановъ и, главное, готовыя арбы, которыхъ сами выдѣлывать не умѣли. Съ учрежденіемъ въ Кизлярѣ таможни мѣновая торговля помимо таможенныхъ досмотровъ и сопряженныхъ съ нею пошлинъ производиться уже не могла. Дошло до того, что казаки отказались отбывать подводную повинность за неимѣніемъ арobъ, такъ какъ кабардинцы отказались доставлять ихъ черезъ таможенныя заставы, вслѣдствіе ихъ отдаленности и высокой пошлины. Дѣло дошло до Сената, который рѣшилъ, что лучше снабдить казаковъ казенными телѣгами, чѣмъ для таковой малости измѣнять таможенныя установленія ([19]).

Другимъ вопросомъ, важнымъ для казака уже въ его служебномъ положеніи, былъ запретъ на мѣновую торговлю верховыми лошадьми. До учрежденія таможни казаки обыкновенно покупали за безцѣнокъ калмыцкихъ лошадей и затѣмъ мѣняли ихъ на кабардинскихъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ казачьему сѣдлу и порубежной службѣ. Теперь, чтобы пріобрѣсть кабардинскаго коня, надо было платить за него большія деньги, а, за неимѣніемъ ихъ, приходилось довольствоваться невзрачными и неуклюжими калмыцкими скакунами. Съ этимъ казаки примириться уже не могли, и желаніе добыть боевого коня толкнуло ихъ на старый, хорошо знакомый имъ путь молодечества. Собиралась обыкновенно партія удалыхъ казаковъ и, сговорившись заранѣе, съ своими и затеречными кунаками, которыхъ у каждаго изъ нихъ было не мало, пускались въ ногайскія степи. Въ темную ночь налетали они на оплошный, заранѣе намѣченный табунъ, отхватывали его съ такою ловкостью, которой позавидовали бы самые дерзкіе абреки, и гнали его за Терекъ. На той сторонѣ

ихъ уже ждали кунаки съ кабардинскими конями, перехватывали калмыцкій табунъ, и начиналась широкая мѣна. Такая же контрабанда шла и съ другими предметами, чтобы избѣжать ненавистной пошлины. Обязанность ловить контрабанду лежала на постовыхъ казакахъ, но эта стража, повидимому, мирволила своимъ станичникамъ, и контрабанда, начавшаяся въ половинѣ XVIII столѣтія, процвѣтала даже до Воронцовскихъ временъ.

Глава VIII.

Если тяжело переживались Гребенцами невзгоды, подтачивавшія ихъ домашнее хозяйство, то еще тяжелѣе была для нихъ нравственная борьба, начатая изъ-за религіозныхъ обрядовъ. Гребенцы, какъ мы говорили, были послѣдователями старой вѣры, держались старинныхъ обрядовъ, но они никогда не были раскольниками, т. е. врагами православной церкви и государства. Съ этими отцовскими завѣтами жили они на своихъ далекихъ Гребняхъ, съ ними перешли на Сунжу и затѣмъ перебрались на лѣвый берегъ Терека. Но родина встрѣтила своихъ зарубежныхъ дѣтей, вернувшихся въ отчее лоно, не съ миромъ и любовью, какъ это бы подобало, а съ явною враждой со стороны соборнаго духовенства города Терки. Началось съ мелкихъ придирокъ и притѣсненій, а кончилось тѣмъ, что, когда Петръ Великій посѣтилъ воеводскій городъ въ 1722 году, это духовенство попыталось обнести и очернить передъ нимъ это искони храброе, искони вѣрное Гребенское войско, какъ пребывающее въ явномъ расколѣ, въ отчужденіи отъ нашей святой православной церкви. Жалоба эта могла имѣть тяжелыя послѣдствія для Гребенцовъ, но, къ счастію, взгляды Петра на это дѣло были совсѣмъ иные, нежели взгляды терскаго духовенства. Замѣчательна та ясность мысли, съ которою Петръ различалъ два дѣла, одинаковыя по внѣшнему виду, но столь различныя по своему существу—это расколъ и старообрядство. Въ послѣднемъ Петръ видѣлъ простое заблужденіе темныхъ, не просвѣщенныхъ наукою людей, придававшихъ слишкомъ преувеличенное значеніе наружной обрядности, затрагивавшей ихъ совѣсть и внутреннія убѣжденія; но онъ понималъ, что само по себѣ старообрядство ничего опаснаго и вреднаго для государства не представляетъ. Совершенно иное дѣло—расколъ. Это было открытое враждебное возстаніе не только противъ церкви, но противъ самой царской власти,—дѣло, близко граничившее съ измѣной отечеству, грозившее ему цѣлымъ рядомъ внутреннихъ смутъ и потрясеній. И Петръ сознавалъ, что государство, въ смыслѣ своей самозащиты, должно было идти на расколъ войною и побороть его, какъ врага, болѣе опаснаго, чѣмъ Крымскій ханъ и другіе наши украинскіе сосѣди. Духовенство никакъ не могло понять этихъ цѣлей Петра, повсемѣстно преслѣдовавшаго раскольниковъ не за двуперстный крестъ или сугубую аллилуію, а за нѣчто важ-

нѣйшее, а потому и Петръ, въ свою очередь, не понялъ жалобы духовенства. «Если Гребенское войско», отвѣтилъ онъ, «покорствуетъ церкви и служитъ мнѣ, Государю, вѣрно и безъ измѣны, то все остальное—и двуперстное сложеніе, и хожденіе по солнцу, и борода, и платье—дѣло маломочное, и не въ этомъ заключается сила раскола»... «Скорѣе надо удивляться», прибавилъ Государь, «какъ это малолюдное войско съумѣло удержать у себя православіе среди сильнѣйшихъ его магометанскихъ народовъ»... И Петръ приказалъ оставить Гребенцовъ и не тревожить ихъ старыхъ вѣрованій.

Отсюда и идетъ народное преданіе, что Царь Петръ Алексѣевичъ, въ бытность свою въ Теркахъ, жаловалъ свое вѣрное Гребенское войско крестомъ и бородою,—преданіе, какъ видимъ, основанное на точныхъ историческихъ данныхъ.

Но мудрые слова Великаго Монарха скоро были забыты, и не прошло 10—12 лѣтъ со времени его кончины, какъ на Гребенское войско начались настоящіе религіозные походы, не обѣщавшіе въ своихъ результатахъ ничего хорошаго ни ему, ни государству, ни самому ополчившемуся духовенству. Надо сказать, что послѣ основанія Кизляра, замѣнившаго старинные Терки, Гребенское войско подчинено было въ церковныхъ дѣлахъ особому духовному правленію, учрежденному въ новой крѣпости; подъ предсѣдательствомъ архимандрита и особаго «закащика», понынѣшнему, благочиннаго, попа Ѳедора Иванова. Отъ нихъ то и начались первые нападки и гоненія. И что прискорбнѣе всего, то, надо полагать, что въ основѣ ихъ лежала не усердіе или «ревность по вѣрѣ», а просто-напросто житейскіе расчеты—обратить Гребенское войско въ доходную статью для своего благоденствія. Долго терпѣли Гребенцы различныя стѣсненія, но наконецъ не выдержали, и 18 мая 1738 года подали жалобу самому преосвященному Илларіону, епископу астраханскому и ставропольскому. Мы приведемъ ее вкратцѣ.

«Когда блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императоръ Петръ первый», писалось въ этой жалобѣ, «слѣдовалъ изъ Россіи въ Дербентъ и изъ Дербента пошелъ обратно, тогда на насъ, нижайшихъ, всякое поносили люди, что мы съ бородами и въ своемъ платьѣ и двоеперстнымъ крестомъ молимся, и въ другомъ протчемъ, и его императорское величество сказалъ имъ, что дѣло это маломочное, ибо-де ихъ самихъ имѣется всего съ горсть, а живутъ-де они въ пограничномъ мѣстѣ, и какъ только Богъ управляетъ ихъ отъ непріятелей,—а служатъ-де мнѣ, государю, въ вѣрности и безъ измѣны. И по отшествіи его императорскаго величества отъ временныя жизни къ вѣчной присланъ былъ къ намъ въ гребенскіе городки полковникъ Василій Ивановичъ Чириковъ, который и приводилъ насъ къ при-

сягѣ за второго Императора такожде двоеперстнымъ крестомъ, и нынѣ вашего архипастырскаго благословенія всепокорно просимъ о томъ же, ибо отъ находящагося въ Кизлярской крѣпости господина закащика попа Θеодора Иванова, а наипаче отъ сына его попа Афонасія Θедорова имѣется налога, какъ всему войску, такъ и нашимъ священникамъ, въ крестѣ и молитвѣ, и въ томъ, что попы наши ходятъ въ служеніи и въ бракахъ и въ крещеніи по солнцу, а мы, нижайшіе, какъ отцы наши и дѣды жили въ православной вѣрѣ, такъ и мы въ томъ же стоимъ, не прибавляемъ и не убавляемъ, о томъ и ваше архипастырское благословеніе самъ извѣщенъ».

На такую покорную просьбу отъ епископа Илларіона послѣдовалъ 27 іюня 1738 г. указъ Гребенскому войску, крайне неблагопріятнаго для него содержанія. Прежде всего требовалось полагать крестное знаменіе тремя перстами. «А, что вы пишите», говорилось далѣе въ указѣ, «что присягали двоеперстнымъ крестомъ, то по воинскому уставу, какимъ образомъ присягу чинить отъ генераловъ и до фендриковъ, повелѣно: положить лѣвую руку на евангеліе, а правую поднять вверхъ съ простертыми двумя большими перстами, а солдатамъ (понеже ихъ множество) правую только руку поднять передъ предлежащимъ евангеліемъ, и то не ради крестнаго знамени, а поднятіе двухъ перстовъ знаменуетъ такую силу: первое—присягаю какъ Богу, такъ и государю, а второе—присягаю вѣрою и правдою». Затѣмъ требовались отъ атамана и всѣхъ казаковъ подписки въ томъ, что они будутъ поступать во всемъ согласно указу. А такъ какъ во всемъ Гребенскомъ войскѣ была въ то время одна только церковь во имя святаго Николая въ городкѣ Курдюковскомъ, а въ остальныхъ четырехъ имѣлись только молитвенные дома безъ алтарей, то предписывалось ко всѣмъ молитвеннымъ домамъ пристроить алтари, и попамъ совершать литургіи, а казакамъ говѣть и пріобщаться. Указъ оканчивался словами, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, «попы ихъ за означенную святой церкви противность, по жестокомъ наказаніи, имѣютъ быть разстрижены и отосланы въ каторжную работу».

Казаки было заволновались, но тѣмъ не менѣе рѣшили алтари къ молитвеннымъ домамъ пристроить и тотчасъ же принялись заготовлять строительный матеріалъ, а между тѣмъ въ Астрахань отправили депутацію, которая заявила епископу, что войско исполнитъ всѣ правила и таинства православной церкви, но только проситъ освободить его отъ троеперстнаго сложенія. Епископъ не хотѣлъ обострять дѣло до послѣдней крайности да и самъ онъ, подобно прежнимъ астраханскимъ архипастырямъ, повидимому, не придавалъ особеннаго значенія отсталости гребенскихъ священниковъ и ихъ паствы въ обрядовой практикѣ, а потому, послѣ нѣкотораго колебанія, уступилъ и 24 ноября 1738 года далъ слѣдующій указъ

войску: «И мы, преосвященный Илларіонъ, епископъ Астраханскій и Ставропольскій, нынѣ вамъ въ двоеперстномъ крестѣ уступаемъ, а о томъ Святѣйшему Правительствующему Синоду со своимъ мнѣніемъ представимъ, ибо онаго мнѣ самому учинити невозможно».

Уступка церковной власти внушила казакамъ такую ревность къ церковному благоустройству, что вмѣсто пристроекъ къ молитвеннымъ домамъ они принялись строить новыя большія церкви. Но ревность ихъ скоро была охлаждена новымъ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода, который не согласился съ уступкой мѣстнаго архіерея и настаивалъ на упраздненіи двуперстнаго сложенія. Епископу пришлось подчиниться, но положеніе его было крайне затруднительное. Онъ рѣшилъ избрать среднюю мѣру и еще разъ отправить въ гребенскіе городки искуснаго священника, чтобы путемъ увѣщаній, бесѣдъ и наставленій склонить Гребенцовъ добровольно отказаться «отъ ихъ раскольничьихъ суевѣрій и заблужденій». «А поступать тебѣ», сказано было въ наказѣ этому священнику, «съ кротостью и терпѣливымъ духомъ, не искать своихъ, си есть временныхъ корыстей, но съ искреннею Бога и ближняго любовью сохранять при томъ всякое благочиніе, не употребляя никакихъ сваръ или раздоровъ». Такимъ образомъ, епископская миссія имѣла вполнѣ миролюбивый характеръ и не должна была идти дальше увѣщаній; но или священникъ былъ человѣкъ не искусный, или же и его одолѣли «си есть временныя корысти», только миссія его произвела совершенно обратное дѣйствіе: казаки ожесточились и бросили постройку церквей, сооруженіе которыхъ приходило уже къ концу. Это случилось въ 1740 году. Тогда епархіальное начальство вынуждено было перейти къ репрессивнымъ мѣрамъ: всѣ священники изъ казачьихъ городковъ указомъ 8 января 1741 года были вызваны въ крѣпость Кизляръ, подъ видомъ наученія ихъ правильному совершенію обрядовъ, и тамъ задержаны, а казакамъ объявлено, что ихъ попы до тѣхъ поръ не будутъ выпущены изъ крѣпости, пока церкви въ городкахъ не будутъ достроены. Легко себѣ представить, какое дѣйствіе произвела эта крутая мѣра на нравственное состояніе военнаго братства, которое изстари служило и прямило и добра желало своей родинѣ. «Во своя пріиде и свои его не пріяше», писали огорченные священники; но еще громче и сильнѣе выражали казаки свое негодованіе. Новый войсковой атаманъ Иванъ Петровъ, принявшій атаманскую насѣку отъ Данилы Аука, былъ человѣкъ вліятельный и пользовался общимъ уваженіемъ въ обществѣ. Онъ видѣлъ пропасть, разверзавшуюся подъ ногами его родного войска, видѣлъ тѣ темныя силы, которыя манили и звали Гребенцовъ въ объятія раскола и, чтобы удержать ихъ въ лонѣ православной церкви, рѣшился сдѣлать еще одну послѣднюю попытку къ примиренію. Благодаря его вліянію и доброму усердію благоразумныхъ старшинъ, дѣло доведено

было до желаемаго конца. Казаки мало-помалу успокоились, и церкви были достроены. Тогда войсковой атаманъ обратился къ астраханскому владыкѣ «съ рабскою» просьбой, «дабы повелѣно было милостивымъ архипастыремъ», какъ писалъ онъ, «отпустить изъ Кизлярской крѣпости нашихъ поповъ въ казачьи городки, понеже мы имѣемъ въ томъ великую нужду и живемъ безъ поповъ, аки скоты безъ пастыря». На этотъ разъ просьба была исполнена, священники отпущены, и церкви освящены съ подобающею торжественностію. Народъ усердно наполнялъ новые храмы, но молился двумя перстами. Владыко смотрѣлъ на это сквозь пальцы, довольный тѣмъ, что дѣло устроилось путемъ того самаго компромиса, который послужилъ впослѣдствіи основаніемъ такъ называемаго единовѣрія. Началась тихая, спокойная, безмятежная жизнь. Прискорбная распря изъ-за двуперстнаго и трехъ-перстнаго сложенія начала уже забываться, какъ вдругъ въ 1744 году астраханская консисторія опять была завалена новыми доносами, и, что удивительнѣе всего, доносы шли уже не со стороны православнаго духовенства, а со стороны самихъ же гребенскихъ священниковъ, выдержанныхъ въ Кизлярѣ на искусѣ. Что ихъ толкнуло на этотъ скользкій путь– прямыхъ указаній нѣтъ, но можно предположить, что причиною ихъ были какія-нибудь частныя неудовольствія, такъ какъ въ доносахъ болѣе всего обвинялся самъ войсковой атаманъ Иванъ Петровъ и старшины, якобы покровительствовавшіе расколу. Что оставалось дѣлать астраханскому владыкѣ? Если бы доносы шли со стороны, а не отъ самого гребенскаго духовенства, которому ближе было извѣстно положеніе паствы, онъ, можетъ быть, еще и потушилъ бы дѣло, такъ какъ и самъ не видѣлъ въ двуперстномъ крестѣ настоящаго раскола. Но теперь положеніе его, какъ епископа, было другое. Надъ нимъ самимъ висѣли домокловымъ мечемъ синодскіе указы, и дѣлу пришлось дать надлежащій ходъ. Снова полетѣлъ указъ изъ консисторіи отъ 24 декабря 1744 года съ требованіемъ отстать отъ раскола подъ угрозой уже не однихъ духовныхъ, но и гражданскихъ наказаній. Это было послѣднею каплей, переполнившей чашу, и Гребенцы на этотъ разъ отвѣтили категорически, что раскола у нихъ не было и нѣтъ, а отъ двуперстнаго креста они не отступятъ, имѣя на то разрѣшительный указъ самаго епископа Илларіона. Въ то же время войсковой атаманъ писалъ кизлярскому коменданту князю Оболенскому, что дѣло казаковъ украйное, что онъ, войсковой атаманъ, и всѣ станичные атаманы и старшины имѣютъ великое опасеніе въ томъ, «что люди не вытерпятъ, и какъ бы не разбрелись отъ великой налоги». Надо припомнить, что все это происходило весною 1745 года, когда на линіи съ тревогой ожидали персидскаго завоевателя Шахъ-Надира, стоявшаго уже на Муганской степи, и колебаніе, а можетъ быть и измѣна такого войска, какъ Гребенское, естественно могло повлечь за собою неисчисли-

мо тяжелыя послѣдствія. Примѣръ донскихъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ горы, за Кубань и въ католическую Польшу въ Вѣтку и въ Стародубье, былъ у всѣхъ передъ глазами. Люди эти, основавшись въ мѣстахъ, для насъ не доступныхъ, сдѣлались врагами государства, врагами русскаго народа, усвоивъ себѣ, подъ вліяніемъ чуждыхъ намъ государствъ, іезуитскій принципъ, по которому цѣль освящаетъ всѣ средства. Гребенское войско доселѣ чуждалось раскола, боролось съ нимъ, отвращалось отъ него до послѣдней возможности, но теперь распря, поднятая только изъ-за двуперстнаго сложенія,—дѣла, по словамъ Великаго Петра, маломочнаго,—толкала и ихъ въ ту же бездонную пропасть.

Получивъ донесеніе атамана, Кизлярскій комендантъ сильно встревожился. Онъ уже имѣлъ весьма неблагопріятныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ гребенскихъ городкахъ и теперь съ часу на часъ могъ ожидать катастрофы. Не имѣя права вмѣшиваться въ церковно-религіозные вопросы, онъ тѣмъ не менѣе счелъ долгомъ предупредить о томъ епископа и 10 мая 1745 года писалъ, что если въ Астрахани нѣтъ такого ученаго духовника, который могъ бы словомъ убѣжденія отвратить Гребенцовъ отъ раскола, то не лучше-ли будетъ вовсе не насылать консисторскихъ указовъ, «чтобы тѣмъ наибольше не привесть казаковъ въ развращеніе и въ дальные замыслы».

Епископъ понялъ всю силу этого короткаго намека и нашелъ въ себѣ рѣшимость и мужество поступить вопреки синодальнымъ указамъ. Онъ категорически предписалъ всѣмъ священникамъ, чтобы они «въ изображеніи троеперстнаго сложенія креста принужденія и нападковъ не чинили и взятокъ бы съ казаковъ никакихъ не брали, понеже у нихъ, кромѣ креста, иного раскола нѣтъ, да и въ двуперстномъ сложеніи расколъ не великій». Къ сожалѣнію, распоряженіе это пришло слишкомъ поздно. Пошатнувшаяся глыба, говоритъ Попко, покатилась подъ гору, и остановить ее было нельзя—не было почвы для примиренія, съ тѣхъ поръ, какъ священники, эти выборные члены общества, пошли противъ общественныхъ интересовъ и, «ради страха іудейска», отдѣлили свои взгляды отъ взглядовъ цѣлаго войска, казаки отъ нихъ отшатнулись, а съ потерей мира и добраго согласія между прирожденными пастырями и паствою послѣдняя, въ силу самихъ вещей, стала обращаться къ чужимъ, самозваннымъ пастырямъ, которые не дверью входятъ во дворъ овчій, а перелѣзаютъ индѣ, какъ тати и разбойники. Такихъ людей, называвшихъ себя поапостольски «ловцами человѣкъ», много скиталось тогда по кумскимъ и терскимъ лѣсамъ. Это были тоже русскіе люди, но измѣнившіе отечеству, нашедшіе себѣ пріютъ у нашихъ исконныхъ враговъ въ Крыму и въ Польшѣ. Быть можетъ, поэтому-то они и воспитали въ себѣ ничѣмъ необъяснимую ненависть къ родинѣ, какъ бы стараясь этою враждою заглушить укоры

просыпавшейся совѣсти. Съ Кубани выходили разбойники злѣе татаръ, съ Вѣтки, Стародубья и Бѣлой Криницы насылались проповѣдники, вносившіе въ отечество религіозную смуту, невѣжество и грубое суевѣріе. Были между ними расколоучители и записные начотчики,—эти своего рода схоластики и софисты, мученики своихъ убѣжденій, были простые бродяги, и попадалось не мало преступниковъ, натворившихъ множество неправедныхъ дѣлъ и теперь скитавшихся подъ скромнымъ именемъ «старцевъ». Пока Гребенское казачье войско стояло на стражѣ православной церкви, они, какъ хищныя ночныя птицы, боявшіяся дневного свѣта, гнѣздились въ своихъ лѣсныхъ трущобахъ и выходили на ловитву втихомолку, улавливая въ свои раскинутыя сѣти лишь одиночныхъ людей, да и то слабовольныхъ или погрязшихъ въ порокахъ; жатва для нихъ была необильная. Но едва глухой, безпросвѣтный мракъ ночи охватилъ гребенскіе городки, какъ среди нихъ тотчасъ-же явились, взамѣнъ настоящихъ священниковъ, «ловцы человѣкъ» въ видѣ расколоучителей, старцевъ и начотчиковъ.

Въ древнемъ, искони русскомъ, славномъ Гребенскомъ войскѣ водворился расколъ.

Старое войсковое право самимъ выбирать церковнослужителей казаки удержали за собою, но только теперь стали выдвигать людей уже не изъ своей среды, а изъ числа нахожихъ уставщиковъ, невѣдомыхъ епархіальному начальству. Новые попы, никѣмъ нерукоположенные, часто простые бродяги, самовольно облачавшіеся, «ради мирской выгоды», въ монашескій клобукъ и мантію, тотчасъ принялись устраивать въ лѣсныхъ дачахъ гребенскихъ городковъ скиты и при нихъ молельни, гдѣ ставили восьми-конечные кресты, иконы только стараго письма, гдѣ читали и пѣли по старопечатнымъ книгамъ, ходили по солнцу и молились двумя перстами. Эти скиты, напоминавшіе нашъ монастырь, обносились кругомъ, какъ бы въ огражденіе ихъ отъ соблазновъ міра, высокимъ тыномъ съ одною узкою калиткой, гдѣ стоялъ привратникъ, не допускавшій внутрь никого изъ непосвященныхъ въ тайны раскола. Монашествующей братіи не было, а спасались въ нихъ какіе то «старцы» и «старицы», жившіе однако, какъ убѣждаютъ преданія, не всегда «по-Божьему».

Православное духовенство, видя отпаденіе отъ церкви цѣлаго войска, сознавало въ душѣ, что нѣсколько переусердствовало, но такъ какъ поправить дѣло было нельзя, то сложило оружіе и пребывало въ безмолвіи. Только разъ духовная консисторія отнеслась въ Кизлярское комендантское управленіе съ промеморіей о преслѣдованіи въ войскѣ раскола, ссылаясь на указы Петра Великаго и Анны Іоановны, но комендантская канцелярія не сочла удобнымъ вчинать преслѣдованіе, указавъ на то, что ка-

заки живутъ въ пограничномъ мѣстѣ и могутъ разбѣжаться, а потеря цѣлаго храбраго войска была совсѣмъ не въ интересахъ государства. Такимъ образомъ, никакихъ военныхъ репрессій противъ Гребенцовъ предпринято не было. Комендантъ съ своей стороны высылалъ и въ кумскіе и въ терскіе лѣса драгунскія команды, которыя ловили пришлыхъ раскольниковъ, какъ людей опасныхъ въ пограничномъ краѣ, и если драгуны разоряли при этомъ скиты и молельни, то только потому, что они являлись притонами для всякаго сброднаго люда. Но раскольники также держались на сторожѣ, и когда «антихристовы дѣти» раскидывали свои сѣти по Тереку, они уходили на Куму, а когда очередь доходила до Кумы, перебѣгали на Терекъ. Скиты послѣ драгунскихъ разгромовъ также возникали, какъ фениксы изъ пепла, благодаря быстро возраставшему къ нимъ сочувствію въ Гребенскомъ населеніи, а впослѣдствіи они заводились уже открыто при самыхъ городкахъ. Такимъ образомъ православіе угасало съ каждымъ годомъ, деревянныя церковныя зданія пустѣли, ветшали и не поддерживались; выбывавшіе священники не замѣщались. Послѣднимъ православнымъ человѣкомъ въ Старогладковскомъ городкѣ оставался дьяконъ Иванъ Ивановичъ Томазинъ, который, видя, что ему нечего больше дѣлать, пошелъ туда же, куда и всѣ. Онъ былъ переименованъ въ старообрядческіе станичные уставщики и проходилъ это служеніе все остальное время своей долгой жизни. Ему наслѣдовалъ сынъ его Филиппъ Ивановичъ Тамазинъ, который прослужилъ въ званіи уставщика слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ и умеръ уже въ наше время, въ 1850 году. Онъ слылъ лучшимъ знатокомъ родной старины, но, къ сожалѣнію, устные разсказы его о самомъ отдаленномъ періодѣ существованія Гребенского войска не были въ свое время записаны и пропали для исторіи.

Въ заключеніе остается сказать, что расколъ, захватившій Гребенское войско, не былъ тѣмъ суровымъ расколомъ, который гналъ людей изъ отечества и заставлялъ ихъ служить слѣпымъ орудіемъ враждебныхъ замысловъ противъ Россіи. Ни хулы на православную церковь, ни противленія священной власти царя, ни ученія о государственномъ гербѣ, какъ о печати антихриста(*)—ничего подобнаго не было въ Гребенскомъ войскѣ. Оно просто отошло отъ церкви, въ силу печально сложившихся для него обстоятельствъ, но сохранило неизмѣнную вѣрность родинѣ и своимъ государямъ. Никакіе расколоучители не могли сбить Гребенцовъ съ этого пути, завѣщаннаго имъ предками, и они, какъ въ старые годы, такъ и теперь, высоко держатъ все то же русское знамя. Расколъ отразился только на нѣкоторыхъ чертахъ ихъ домашняго быта; замкнувъ Гребенское вой-

(*) По ученію расколоучителей, двуглавый орелъ служилъ эмблемою демона, ибо всѣ люди, звѣри и птицы имѣютъ по одной головѣ, а двѣ главы у одного только дьявола.

ско въ узкій кругъ міровоззрѣнія, привилъ къ нимъ много суевѣрныхъ понятій, разобщилъ ихъ отъ остального русскаго общества; но онъ не сталъ на пути ихъ движенія впередъ, не создалъ рутины, не заглушилъ нравственнаго чувства гражданскаго долга.

Не даромъ Великій Петръ выразилъ свое удивленіе и сочувствіе къ этой горсти людей, съумѣвшей сохранить свою національность, въ лучшихъ ея проявленіяхъ, среди многочисленныхъ хищныхъ, иноязычныхъ и иновѣрныхъ народовъ. И Гребенцы, какими были во дни Великаго Петра, такими же остались и въ расколѣ.

Все это мы увидимъ дальше изъ разсказовъ о доблестной службѣ Гребенцовъ своей родинѣ, а теперь вернемся къ описанію дальнѣйшаго хода историческихъ событій.

Глава IX.

Во время вступленія на престолъ Екатерины Великой положеніе Россіи на Сѣверномъ Кавказѣ далеко было еще не упрочено. Въ послѣднія двадцать лѣтъ послѣ кончины Анны Ивановны всѣ дѣйствія русскихъ на Кавказѣ ограничивались исключительно защитою Терской линіи. И въ Петербургѣ мало интересовались тѣмъ, что происходитъ на этой отдаленной границѣ, оберегаемой только Гребенскими, Кизлярскими и Терско-Семейными казаками.

А между тѣмъ нужны были безумная отвага и нечеловѣческія усилія, чтобы этимъ тремъ слабымъ казачьимъ войскамъ, выставлявшимъ въ сложности не болѣе одной тысячи всадниковъ, бороться противъ соединенныхъ силъ цѣлыхъ народовъ—тавлинцевъ, чеченцевъ, кумыковъ и кабардинцевъ. Каждый шагъ надо было занимать и отстаивать кровью, и не мало этой казацкой крови было пролито тогда въ неравныхъ бояхъ на защитѣ родного рубежа.

По восшествіи своемъ на престолъ Екатерина Великая скоро обратила вниманіе на эту горсть геройски бившихся казаковъ и, въ видѣ усиленія ихъ оборонительныхъ средствъ, приказала генералъ-маіору Потапову, бывшему тогда комендантомъ въ Кизлярѣ, укрѣпить на Терекѣ урочище Моздокъ. Поводомъ къ этрму послужило слѣдующее обстоятельство.

Постоянныя кровавыя междоусобицы, не прекращавшіяся среди кабардинцевъ, раздѣлили народъ на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ большая домогалась покровительства Крымскаго хана, а меньшая стремилась подъ защиту Россіи. Одинъ изъ князей, принадлежавшихъ къ послѣдней партіи, Коргока Кончокинъ, владѣлецъ Малой Кабарды, находился въ Петербургѣ въ качествѣ депутата при воцареніи Екатерины II-й и принялъ живое участіе въ государственномъ переворотѣ. Императрица наградила его золотою, а бывшихъ съ нимъ узденей серебрянными медалями. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Кончокинъ просилъ позволенія переселиться съ своими подвластными, около сорока дворовъ, на лѣвый берегъ Терека и служить на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ служили охоченцы и новокрещенные татары при Терско-Кизлярскомъ войскѣ. Онъ

обѣщалъ склонить къ тому же другіе народы, а въ доказательство искренности своихъ намѣреній принялъ святое крещеніе вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Такъ какъ желаніе Кончокина совпало какъ разъ съ видами русскаго правительства, стремившагося усилить оборону Терской линіи, то ему разрѣшено было выбрать на лѣвомъ берегу любое урочище, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы оно было удобно какъ для большого поселенія, такъ и для постройки крѣпости. Кончокинъ выбралъ урочище Моздокъ, (Мезъ-догу, т. е. крупный лѣсъ) и на первый разъ поселился на немъ съ десятью дворами своихъ подвластныхъ (1). Императрица пожаловала ему чинъ подполковника (съ немалымъ жалованьемъ) и титулъ князя Андрея Черкасскаго-Кончокина, а для поощренія желающихъ принять святое крещеніе и поселиться въ Моздокѣ повелѣла выдавать изъ доходовъ Кизлярскаго края узденямъ по 10 рублей, простымъ людямъ по пяти, а холостымъ «вполы противъ того» (2). Благодаря этой мѣрѣ, число выбѣгавшихъ изъ горъ стало быстро рости, и въ слѣдующемъ году въ Моздокѣ считалось уже болѣе двухсотъ душъ новокрещеныхъ переселенцевъ. Изъ нихъ то и была образована такъ называемая Горско-Моздокская казачья команда.

Самая постройка поселенія и на первый случай небольшого форпоста поручена была инженеръ-полковнику Гаку, который немедленно приступилъ къ работамъ, и въ слѣдующемъ 1763 году мы видимъ уже построенными форпостъ и тутъ же подъ защитою его появилось селеніе съ небольшой деревянною церковью, которой суждено было впослѣдствіи играть такую важную роль въ нашей миссіонерской дѣятельности на Кавказѣ. Недостроенный форпостъ еще не былъ занятъ войсками, а потому положеніе Кончокина съ его маленькой Горской командой было крайне опасно, и для огражденія его отъ набѣговъ съ кубанской стороны пришлось учредить еще два поста: одинъ при Прѣсныхъ водахъ, другой на Кумѣ, возлѣ развалинъ древнихъ Моджаръ. Въ первое время, какъ на этихъ постахъ, такъ и въ самомъ форпостѣ, службу пришлось отбывать Гребенскимъ и Терско-Семейнымъ казакамъ, подкрѣпленнымъ частями Кизлярскаго гарнизоннаго баталіона.

Дальнѣйшая постройка Моздока, однако же, нѣсколько замедлилась вслѣдствіи неожиданныхъ претензій, предъявленныхъ со стороны кабардинцевъ. Дѣло въ томъ, что русское правительство считало Моздокское урочище внѣ кабардинскихъ владѣній, основываясь на Бѣлградскомъ договорѣ съ Турціей, а кабардинцы присваивали его себѣ. Въ свою очередь Турція была встревожена слухомъ, что въ Моздокѣ заложена новая крѣпость, и дѣло доходило до дипломатической переписки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ, употребляя всѣ способы успокоить Турцію, въ то же время секретно предписывала Кизлярскому коменданту укрѣплять Моздокъ какъ можно скорѣе и, произведя работы съ большою осторожностью, отклады-

вать ненужныя до удобнѣйшаго времени. Подполковникъ Гакъ принялся за дѣло съ такой энергіей, что къ 1765 году успѣлъ перестроить Моздокскій форпостъ въ значительную для Кавказа крѣпость, а самый форштатъ, гдѣ жили крещенные горцы, окопалъ валами. Сюда же стали переселяться изъ Кизляра армяне и грузины съ чисто коммерческими цѣлями, и скоро населеніе его достигло такихъ размѣровъ, что въ 1765 г. моздокское поселеніе переименовано было въ городъ.

Такимъ образомъ, Екатерина съ самыхъ первыхъ дней своего царствованія начинаетъ уже серьезно заниматься Кавказскими дѣлами, и то, что было сдѣлано ею въ Моздокѣ, было только началомъ той великой программы, на выполненіе которой потребовалось цѣлое столѣтіе и милліоны матеріальныхъ жертвъ и нравственныхъ усилій. Первоначальная идея, такъ счастливо и во время подсказанная Кончокинымъ, съ теченіемъ времени развилась до колоссальныхъ размѣровъ и при основаніи Моздока едва-ли кто подозрѣвалъ, что мы кладемъ краеугольный камень завоеванію Кавказа. Между тѣмъ и Порта, и Крымскій ханъ, одинаково опасавшіеся чрезмѣрнаго усиленія Россіи на Кавказѣ, употребили всѣ мѣры, чтобы поднять Кабарду, и кабардинцы дѣйствительно усмотрѣли въ Моздокскомъ укрѣпленіи нетолько стѣсненіе своихъ земельныхъ угодій, но и своей свободы, дарованныхъ имъ Бѣлградскимъ договоромъ. Дѣло въ томъ, что близость Моздока давала полную возможность зависимымъ сословіямъ, рабамъ и плѣнникамъ бѣжать отъ своихъ владѣльцевъ подъ защиту русской крѣпости, гдѣ послѣ святого крещенія они становились людьми вольными, ни отъ кого независимыми. Переспектива была слишкомъ заманчива, чтобы не соблазнять неимущіе классы народа. Правда, на первый разъ число подобныхъ бѣглецовъ было ограничено, но никто не могъ поручиться за будущее. Кабардинскіе князья имѣли полное основаніе опасаться, что при такихъ условіяхъ они рискуютъ потерять половину своихъ подвластныхъ, но не видя ничего, кромѣ платоническаго участія и подстрекательства со стороны Оттоманской Порты, рѣшились обратиться непосредственно къ русской Императрицѣ. Съ этою цѣлью въ 1764 году они отправили въ Петербургъ депутатами князя Кайтуко Кайсынова, владѣльца Большой Кабарды, и одного изъ почетнѣйшихъ узденей—Шабазъ Гирея Куденетова ([3]). Депутаты жаловались на стѣсненіе, дѣлаемое имъ постройкою Моздока, основывая права свои на это урочище тѣмъ, что они издавна пользовались тамъ лѣсомъ и пастбищами. Имъ отвѣчали категорически, что это доказываетъ только снисходительность русскаго правительства, дозволявшаго кабардинцамъ пасти свой скотъ не только въ этомъ урочищѣ, но по Кумѣ и даже по Тереку, вплоть до гребенскихъ городковъ; что Моздокъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки тамъ же, гдѣ находятся всѣ русскія поселенія, и, слѣдовательно, ни въ чемъ не можетъ стѣснять кабардинскія земли,

находящіяся по ту сторону Терека. Но чтобы смягчить хотя нѣсколько рѣзкость такого отказа, Императрица повелѣла освободить кабардинцевъ отъ всякихъ пошлинъ какъ при продажѣ собственныхъ произведеній, такъ и при покупкѣ товаровъ въ Кизлярѣ, а депутатамъ вручили въ знакъ Императорской милости три тысячи рублей для раздачи ихъ въ общемъ собраніи народовъ въ награду тѣмъ владѣльцамъ и узденямъ, которые оказывали намъ помощь при усмиреніи чеченцевъ въ 1757 году (4). Раздраженные отказомъ кабардинцы не приняли денегъ и на общемъ собраніи рѣшили взяться за оружіе, чтобы силой добиться того, чего не могли достигнуть путемъ переговоровъ. Нужно сказать, что попытки къ этому прорывались и раньше, еще до пріѣзда депутатовъ; одна изъ кабардинскихъ партій вторглась въ наши предѣлы и разбила большой купеческій караванъ въ степи между Кизляромъ и Астраханью. Ни Гребенскіе, ни Терскіе казаки не могли за отдаленностью разстоянія поспѣть на тревогу, и партія ушла съ большою добычею. Кизлярскій комендантъ генералъ-маіоръ Потаповъ, послѣ тщетной переписки съ Константинопольскимъ дворомъ, съ Крымскимъ ханомъ и Кубанскимъ сераскиромъ, самъ рѣшился наказать кабардинцевъ, и нѣсколько владѣтельныхъ князей ихъ были задержаны и арестованы въ Кизлярѣ (5). Это обстоятельство въ связи съ привезеннымъ отказомъ вызвало цѣлую бурю, и кабардинцы произвели цѣлый рядъ нападеній. Къ сожаленію, никакихъ подробностей объ этихъ нападеніяхъ въ архивахъ не сохранилось, но одно изъ нихъ—въ іюнѣ 1765 года—отличалось такимъ упорствомъ и дерзостью, что далеко выходило изъ рамокъ обычныхъ азіатскихъ набѣговъ. Вмѣстѣ съ черкесами, въ числѣ свыше 4-хъ тысячъ, нагрянули они на линію и шесть недѣль стояли подъ стѣнами Кизляра, грабя и опустошая окрестности. Ногаи, кочевавшіе близъ Кизляра и даже въ Калмыцкихъ улусахъ, намъ измѣнили и пристали къ горцамъ. Казачьи городки очутились въ блокадѣ и каждый изъ нихъ самъ долженъ былъ думать о собственной защитѣ. Въ крѣпости, кромѣ гарнизоннаго батальона, другихъ войскъ не было, и линіи пришлось пережить тяжелые и трудные дни. Наконецъ предводитель партіи, одинъ изъ Кубанскихъ мурзъ, по имени Аджи Росланбекъ Карамурзинъ, извѣстный по имени «Сакура», т. е. кривого, отважился на приступъ, но былъ отбитъ съ громадною потерею и, чтобы поправить свою репутацію, кинулся въ кочевья астраханскихъ татаръ, у которыхъ угналъ такое громадное количество лошадей, что въ цѣлой степи кромѣ небольшого числа овецъ да быковъ не осталось ни одной животины (6). Такъ какъ подобные случаи могли повторяться, то пришлось подумать о большей безопасности Кизлярскаго края. Сперва предполагали образовать охрану его изъ самихъ же кабардинцевъ и другихъ горскихъ народовъ, по примѣру Горско-Моздокской команды; но отъ этой мысли скоро пришлось отказаться. Коман-

да эта состояла всего изъ сотни всадниковъ, новыхъ выходцевъ не являлось, да и старые не обнаруживали особаго стремленія къ казачьей службѣ. Самая благонадежность ихъ подвергалась большому сомнѣнію по случаю нерѣдкихъ побѣговъ въ горы, и правительство обратилось тогда къ болѣе надежной мѣрѣ—къ заселенію Моздокской окраины русскими казаками. 2 іюля 1765 года послѣдовалъ именной указъ на имя графа Никиты Ивановича Панина о поселеніи между Моздокомъ и Кизляромъ 517 семействъ изъ числа Волжскаго казачьяго войска, исключительно изъ природныхъ Донцовъ, живущихъ около Дубовки. Но пока вопросъ этотъ разрабатывался въ различныхъ коллегіяхъ, Императрица, въ рассужденіи сомнительныхъ обстоятельствъ по Кабардинскимъ дѣламъ, повелѣла Астраханскому губернатору Бекетову отправить въ Моздокъ 500 Дубовскихъ и 500 Донскихъ казаковъ, а Калмыцкому хану приготовить къ походу сильный улусъ. Ханъ тотчасъ выставилъ тысячу всадниковъ, но предварительно приказалъ въ улусахъ переклеймить всѣхъ годныхъ лошадей особымъ тавромъ, изображавшимъ лукъ и стрѣлы, съ тѣмъ, чтобы калмыки не смѣли сбывать ихъ, а казакамъ и инородцамъ, живущимъ по линіи, строжайше было воспрещено покупать лошадей съ подобными таврами. Такимъ путемъ боевая готовность калмыцкой конницы была вполнѣ обезпечена. Съ Волги Дубовскіе казаки, предназначенные къ походу на Кавказскую линію, прибыли также въ исправномъ видѣ, хорошо снаряженные и на добрыхъ коняхъ. Они пришли однако только въ строевомъ составѣ налегкѣ, съ одними походными вьюками, и образовали конный пятисотенный казачій полкъ, подъ начальствомъ походнаго атамана маіора Савельева. ([7]) Сверхъ того, кромѣ Волжскихъ казаковъ, Императрица указомъ 23 іюля того же года повелѣла назначить въ распоряженіе Кизлярскаго коменданта еще 2500 Донцовъ, исключительно для наблюденія за движеніями кабардинцевъ. Внушительныя силы, стянутыя нами къ Моздоку, образумили наконецъ кабардинцевъ и заставили отказаться по крайней мѣрѣ отъ явныхъ нападеній. Но внутри Кабарды кипѣла страшная буря. Развѣдки, на которыя обыкновенно употреблялись казаки Терско-Кизлярскаг овойска, стали опасны. Развѣдчиковъ убивали или брали въ плѣнъ, а есаулъ Кузнецовъ вмѣстѣ съ тремя Терскими казаками даже пропалъ безвѣсти. ([8]) При малочисленности Терскаго войска, подобныя потери были весьма ощутительны. Тяжелымъ бременемъ ложился на казачьи семьи и выкупъ тѣхъ казаковъ, которые попадали въ плѣнъ при подобныхъ командировкахъ. Казна, выкупая солдатъ и гусаръ, мало заботилась о казакахъ, и только по настоятельнымъ представленіямъ Кизлярскихъ комендантовъ отпущена была, наконецъ, на этотъ предметъ необходимая сумма. Вмѣстѣ съ тѣмъ командиру было предписано, насколько возможно избѣгать подобныхъ командировокъ и довольствоваться свѣдѣніями, которыя будутъ доставляться от-

туда приверженными намъ людьми. Во главѣ ихъ стоялъ тогда узденъ Шабазъ-Гирей Куденетовъ, тотъ самый, который ѣздилъ депутатомъ въ 1764 году въ Петербургъ. Ему мы и были обязаны тѣмъ, что замыслы кабардинцевъ перегнать за Кубань всѣхъ ногаевъ, кочевавшихъ въ окрестностяхъ Кизлара, не удался. Новый мятежъ потушенъ былъ быстро, такъ какъ Гребенскіе и Терско-Семейные казаки внезапно нагрянули на нагайскія кочевья, обезоружили все населеніе, заарестовали весь скотъ и конскіе табуны, а главарей доставили въ Кизляръ, откуда они были сосланы въ глухія оренбургскія степи. ([9]) Въ такомъ положеніи находились наши пограничныя дѣла, когда началась война между Россіей и Турціей.

Въ это время впервые появляется у насъ мысль о возможности включить Кавказъ въ общій планъ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, съ цѣлью отвлечь турецкія силы отъ европейскаго театра войны. Первый опытъ освѣтилъ, такъ сказать, примѣненіе подобнаго образа дѣйствія на будущія времена, и съ тѣхъ поръ всѣ наши войны съ турками сопровождались дѣйствіями и со стороны Кавказскихъ границъ. Эти дѣйствія, оказывая болѣе или менѣе рѣшительное вліяніе на общій ходъ военныхъ событій, являлись настоятельною необходимостью, какъ единственное средство противодѣйствовать враждебной агитаціи турокъ среди мусульманскихъ племенъ Кавказа.

Отрядъ, назначенный для дѣйствій со стороны Кавказа, порученъ былъ генералъ-маіору Медему, командовавшему до того Оренбургскимъ корпусомъ. Въ составъ его вошли: рота Кизлярскаго гарнизоннаго баталіона, эскадронъ Грузинскаго гусарскаго полка, прибывшій изъ Симбирска, и два эскадрона Уфимскихъ драгунъ при четырехъ орудіяхъ; остальное дополнялось казаками: Донскихъ была тысяча, Яицкихъ 490, Волгскихъ, пришедшихъ съ атаманомъ Савельевымъ, 497; Гребенскихъ, Семейныхъ и Терскихъ 150 человѣкъ ([10]). Весь этотъ отрядъ не превышалъ трехъ тысячъ человѣкъ; но главную силу его должны были составлять 20 тысячъ калмыковъ подъ личнымъ начальствомъ хана Убаши, который хотя не подчинялся непосредственно Медему, однако же послѣднему поставлено было въ обязанность командовать ханомъ, но такъ, чтобы это командованіе ему не было примѣтно. Задача трудная, съ которою Медемъ, какъ увидимъ, не справился.

Вся зима прошла въ тревожномъ ожиданіи. Ходили слухи, что кабардинцы и закубанскіе народы собираютъ значительныя силы, чтобы напасть на Моздокъ. Медемъ, главная квартира котораго находилась въ Щедринской станицѣ Гребенского войска, съ своей стороны готовился къ наступательнымъ дѣйствіямъ. «Такъ какъ народы сіи»,—говорилось въ инструкціи, данной ему отъ двора,—«одинаково склонны къ хищеніямъ, ко-

варству и непостоянству, то нужно привести ихъ въ страхъ сильными пораженіями, и вы должны простирать дѣйствія свои сколь возможно далѣе по Кубани, дабы далѣе разнести страхъ русскаго оружія, и высокомѣрныхъ варваровъ паки принудить имѣть къ нашей сторонѣ почтеніе» ([11]).

Съ весною 1769 года начались и военныя дѣйствія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ только сошли снѣга, и показалась молодая травка, шесть тысячъ горцевъ, большею частью закованныхъ въ панцири, двинулись съ Кубани къ нашимъ предѣламъ, предводимые двумя крымскими султанами Максютъ и Арасланъ Гиреями. Извѣстія, доставленныя лазутчиками, о намѣреніяхъ непріятеля были различны. По свѣдѣніямъ однихъ, горцы, обманутые ложнымъ слухомъ, что большая часть калмыцкаго войска ушла за Дунай, вознамѣрились напасть на ихъ улусы и расчитаться съ ними за старые кубанскіе погромы. По другимъ источникамъ, горцы шли прямо въ наши предѣлы, чтобы уничтожить Моздокъ. Такъ или иначе, а ханъ Убаши, узнавъ о движеніи непріятеля, выступилъ изъ своихъ улусовъ со всею своей 20-тысячной конницей и сталъ на берегахъ Калауса. Куда бы теперь ни бросились горцы, къ Моздоку или калмыцкимъ улусамъ, онъ во всякую минуту могъ пересѣчь имъ дорогу. Съ разсвѣтомъ 29 апрѣля небольшая калмыцкая партія, посланная на развѣдки, встрѣтилась съ громаднымъ скопищемъ и стала отступать съ перестрѣлкой. Ханъ тотчасъ приказалъ одному изъ своихъ улусовъ скакать на помощь къ ней «во всю конскую мочь», а слѣдомъ за нимъ двинулся и самъ со всею остальною конницей. Приближеніе такой громадной массы всадниковъ, оглашавшихъ воздухъ дикимъ гикомъ, смутило черкесовъ. Гордые князья и уорки не хотѣли бѣжать и рѣшили биться до послѣдней крайности. Они спѣшились и, занявъ глубокій оврагъ, заросшій колючимъ кустарникомъ, приготовились къ оборонѣ. Между тѣмъ на помощь къ калмыкамъ подоспѣла часть Волжскихъ казаковъ. Кровавая схватка продолжалась недолго, и черкесы обращены были въ бѣгство, калмыки и казаки рубили ихъ, рѣзали, загоняли въ болота, топили въ Калаусѣ. Всѣ пять знаменъ, множество оружія и панцырей, пять тысячъ лошадей, обозъ и вьюки—все это осталось въ рукахъ Калмыцкаго хана. На самомъ мѣстѣ побоища Убаша велѣлъ тогда же насыпать курганъ и назвалъ его «Курганомъ побѣды», а на той сторонѣ Калауса, гдѣ кончилась битва,—другой курганъ, который былъ названъ имъ «Курганомъ пиршества» ([12]).

По первому извѣстію объ этомъ сраженіи, Медемъ соединился съ Калмыцкимъ ханомъ и сталъ у Бештовыхъ горъ, въ чертѣ Кабардинскихъ владѣній. Внезапное появленіе нашихъ войскъ отняло у кабардинцевъ всякую возможность къ сопротивленію,—и Кабарда покорилась. Только небольшая часть отвергла рѣшеніе народнаго собранія и, укрѣпившись въ сосѣднихъ горахъ, объявила, что встрѣтитъ русскихъ съ оружіемъ въ ру-

кахъ. «Дабы сихъ продерзновенныхъ людей образумить», писалъ Медемъ, «къ нимъ посланъ былъ парламентеръ, который возвратился съ отвѣтомъ, что они не желаютъ ни русскаго, ни турецкаго подданства и будутъ отстаивать свою независимость». Гордый отвѣтъ вызвалъ насъ къ дѣйствіямъ, и Медемъ отправилъ противъ нихъ Волгскій казачій полкъ Савельева, эскадронъ гусаръ и три тысячи калмыковъ съ двумя орудіями, подъ общимъ начальствомъ премьеръ-маіора Грузинскаго гусарскаго полка князя Ратіева. 6-го іюня въ ущельяхъ рѣчки Эшкакона, впадающей въ Подкумокъ, выше нынѣшняго Кисловодска, завязалось жаркое дѣло. Кабардинцы дрались отважно, но съ такою же отвагой нападали на нихъ и Волжскіе казаки, во главѣ съ атаманомъ Савельевымъ. Первая позиція была взята, но кабардинцы перешли на другую. Замѣчательно, что потеря наша оказалась при этомъ ничтожною: въ Волжскомъ полку, находившемся впереди всѣхъ, одинъ казакъ былъ убитъ и двое ранено. Нельзя не приписать этого обстоятельства благоразумнымъ распоряженіямъ Савельева, умѣвшаго вести бой съ наименьшею потерею въ людяхъ. Ночь прекратила битву, а на разсвѣтѣ 7-го іюня непріятель поднялъ бѣлое знамя и сдался безусловно. Только одинъ князь Мисостъ Баматовъ, младшій изъ всѣхъ князей по лѣтамъ, но превосходившій всѣхъ своимъ умомъ и храбростью, скрылся въ горахъ и успѣлъ собрать вокругъ себя значительную партію. Донося объ этомъ сраженіи Императрицѣ, Медемъ рекомендовалъ особенно казацкаго атамана Савельева за его безпримѣрную, отличную храбрость ([13]).

Такъ началась первая боевая служба Волжскихъ казаковъ на Кавказѣ,—служба, ознаменованная впослѣдствіи длиннымъ рядомъ подвиговъ, доставившихъ имъ почетное мѣсто среди немногочисленной еще тогда семьи нашего линейнаго казачества.

Съ Кабардою было покончено, надо было идти на Кубань; но Медемъ не хотѣлъ оставить въ тылу у себя народъ сомнительной преданности и предварительно рѣшилъ заняться устройствомъ кабардинскихъ дѣлъ. Всѣ кабардинцы, удалившіеся, при самомъ началѣ безпорядковъ, въ верховья Кумы, возвращены были обратно на прежнія мѣста по Баксану, народъ приведенъ къ присягѣ на подданство Русской Императрицѣ, и, согласно его желанію имѣть своимъ опекуномъ русскаго офицера, Медемъ назначилъ къ нимъ приставомъ секундъ-маіора Таганова,—внука извѣстнаго ногайскаго владѣтеля Муса Мирзы. Еще будучи ребенкомъ, Тагановъ отданъ былъ въ аманаты и жилъ въ Кизлярѣ, а когда Муса бѣжалъ за Кубань, молодого Таганова отправили въ Петербургъ и помѣстили въ кадетскій корпусъ. Тамъ онъ принялъ крещеніе и по окончаніи курса былъ выпущенъ поручикомъ въ калмыцкое войско. При выборѣ пристава Медемъ остановилъ свое вниманіе на немъ, какъ по совершенному знанію имъ ту-

земныхъ нарѣчій, такъ и по тому уваженію, которымъ пользовался древній родъ Тагановыхъ во всей Кабардѣ ([14]). «А дабы приставъ могъ безнужно себя содержать и кабардинцевъ, какъ нахальныхъ гостей, угощать, опредѣлено ему въ жалованье, на подарки и приласканіе кабардинцевъ по 1570 р. 11½ коп. въ годъ» ([15]). Только теперь, успокоившись на счетъ кабардинцевъ, Медемъ двинулся къ Кубани и 21-го іюня стоялъ уже на ея берегахъ. По правому берегу Кубани, ближе всѣхъ къ нашимъ границамъ, жили въ то время бѣжавшіе отъ насъ солтанъ-аульскіе ногаи, среди которыхъ еще живы были преданія о грозномъ нашествіи Дундукъ-Омбы. Солтанъ-аульцы избѣжали тогда бывшаго погрома, присягнувъ на подданство, но затѣмъ опять ушли на Кубань и теперь со страхомъ ожидали за это возмездія. Они уже давно слѣдили за тѣмъ, какое направленіе примутъ калмыки, и какъ только направленіе это обозначилось, все, что было живого на правомъ берегу Кубани, бросилось спасаться на лѣвую ея сторону. Но спасаться уже было поздно. Пять тысячъ калмыковъ, переправившись за ними вплавь, пересѣкли имъ путь и завязали дѣло. На помощь къ нимъ скоро подоспѣли Гребенскіе казаки, успѣвшіе перетащить съ собою и два легкихъ орудія. Поражаемый всюду непріятель вынужденъ былъ наконецъ укрыться на крутой горѣ, въ каменныхъ шанцахъ. Пока выбивали его оттуда артиллеріей, Волжскій казачій полкъ двинутъ былъ на каменный мостъ, находившійся въ верховьяхъ Кубани, близъ устья Тиберды. Но мостъ оказался занятымъ непріятелемъ. Савельевъ, не задумываясь, спѣшилъ 400 своихъ казаковъ и бросился на приступъ. Завязался горячій бой. Старый атаманъ, находившійся впереди, вскорѣ былъ раненъ, но мостъ былъ взятъ, и казаки, перейдя на лѣвый берегъ Кубани, въ пять дней покончили экспедицію. Въ этомъ походѣ казаки потеряли семь человѣкъ убитыми да ранеными: въ Волжскомъ полку шесть и въ Гребенскомъ три казака. Зато мы освободили немалое число плѣнныхъ, какъ русскихъ, такъ грузинъ и армянъ, взяли все имущество непріятеля, покинутое имъ въ домахъ, и отбили свыше 30 тысячъ головъ скота; но главнымъ результатомъ было то, что солтанъ-аульцы опять поступили въ русское подданство и были причислены къ кабардинскому приставству. Медемъ не замедлилъ опять обратить вниманіе Императрицы на атамана Савельева, отличившаго себя и на сей разъ храбростью и проворствомъ ([16]).

Продолжать дальнѣйшіе поиски за Кубанью было однако невозможно. Въ горахъ началось таяніе снѣговъ, рѣки разлились, переправы уничтожились. Но чтобы не оставаться безъ дѣла, Медемъ отправилъ 6-го іюля часть калмыцкаго войска, Волжскихъ и Гребенскихъ казаковъ подъ общимъ начальствомъ князя Ратіева, къ верховьямъ Кумы, гдѣ поселились бѣглые кабардинцы съ Мисостомъ Баматовымъ. Туда же нѣсколько ранѣе отправлено было съ Баксана и ополченіе вѣрныхъ намъ кабардинцевъ. Подроб-

ности объ этой экспедиціи не сохранились, но Броневскій въ своихъ неизданныхъ запискахъ говоритъ, что Ратіевъ, будучи встрѣченъ непріятелемъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе и кромѣ убитыхъ взялъ 270 человѣкъ обоего пола въ плѣнъ. Кабардинцы просили пощады и были переселены на Баксанъ, куда явился и Мисостъ Баматовъ. Насколько чистосердечно было его раскаяніе, объ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи. На этомъ и окончилась кампанія 1769 года.

Встревоженные быстрымъ и рѣшительнымъ успѣхомъ русскихъ войскъ турки усилили агитацію среди кавказскихъ племенъ, и первою жертвою враждебнаго намъ движенія сдѣлался Кизляръ. Воспользовавшись рабочею порою и тѣмъ, что Медемъ былъ за Кубанью, чеченское племя кистинъ сдѣлало нападеніе и захватило въ садахъ Кизляра множество жителей, занимавшихся уборкою винограда. Малочисленное и безъ того Терско-Кизлярское войско, ослабленное еще въ данную минуту различными командировками, естественно не могло дать серьезнаго отпора, и горцы ушли съ большою добычей ([17]). Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый рядъ мелкихъ нападеній. Команда Терско-Семейныхъ казаковъ, державшая караулъ на Сунжѣ, была внезапно атакована и разбита, и начальствовавшій ею войсковой писарь Мина Аверьяновъ раненъ двумя шашечными ударами. Отставной подполковникъ армянск. эскадр. Аввакумъ Шергиловъ, посланный къ кумыкамъ, былъ встрѣченъ на пути чеченскою шайкою, захваченъ въ плѣнъ и вскорѣ умеръ отъ ранъ и побоевъ ([18]). Были конечно и другіе случаи, не дошедшіе до насъ вслѣдствіе потери большей части тогдашнихъ архивовъ. Извѣстіе о возстаніи въ тылу чеченцевъ и донесеніе Таганова о неблагонадежности большей части кабардинцевъ заставили Медема прекратить экспедицію и поспѣшно возвратиться на линію.

Попытка образумить чеченцевъ путемъ переговоровъ не увѣнчалась успѣхомъ, и Медемъ въ февралѣ 1770 года самъ вступилъ въ чеченскую землю. Съ нимъ было три эскадрона гусаръ, Гребенскіе и Семейные казаки съ нѣсколькими орудіями. Жестоко наказанные чеченцы смирились, возвратили часть плѣнныхъ и дали аманатовъ. Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ эти аманаты бѣжали, а кистины сдѣлали новый набѣгъ ужаснѣе перваго, такъ какъ на этотъ разъ, ворвавшись въ Кизляръ, они не брали жителей въ плѣнъ, а убивали всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста ([19]). Безпорядки въ Чечнѣ, погромъ Кизляра, угрожающее положеніе—все это вызывало необходимость скорѣйшаго усиленія оборонительныхъ средствъ линіи, и этотъ вопросъ, поднятый еще въ 1765 году, теперь получилъ наконецъ окончательное рѣшеніе. Да и рѣшить его было нетрудно. Часть Волжскихъ казаковъ, вызванная на Кавказъ и блистательно зарекомендовавшая себя въ походахъ Медема, была налицо, и ей недоставало только семей, чтобы превратить свои бивачныя стоянки въ

прочные осѣдлые пункты, которые навсегда закрѣпили бы за нами занятое ими пространство. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ переселенiи, скажемъ нѣсколько словъ, что такое было Волжское войско, давшее основанiе новой боевой единицѣ нашего линейнаго казачества.

Еще при Петрѣ Великомъ, когда кубанскiе татары простирали свои набѣги до Волги и Дона, основана была въ 1717 году укрѣпленная Царицинская линiя, простиравшаяся отъ города Царицына до самаго Дона. Въ этомъ сравнительно небольшомъ шестидесятиверстномъ пространствѣ поставлены были четыре крѣпости, а для заселенiя его жителями, «обычными къ военному дѣлу», правительствомъ вызваны были вольные малороссiйскiе черкасы. Охотниковъ явилось однако немного, и къ концу царствованiя Петра ихъ насчитывалось всего 115 дворовъ. Дальнѣйшiй приливъ населенiя шелъ еще медленнѣе, а потому въ 1731 году правительство дозволило переходить на Царицынскую линiю Донскимъ казакамъ и людямъ прочихъ свободныхъ сословiй, кто пожелаетъ. Черезъ два года собралось уже 1057 семей, изъ которыхъ 520 были коренными уроженцами Дона, а остальные великоруссы и малороссiяне ([20]). Такое число признано было вполнѣ достаточнымъ, а потому повелѣно было остановиться и больше къ поселенiю никого не принимать ([21]).

Затѣмъ 15 января 1734 года послѣдовалъ указъ Сената, которымъ точно опредѣлились мѣста для поселенiя, порядокъ службы и внутреннее устройство войска. Такъ казаки могли селиться отъ Дона до владѣнiй пригорода Дмитрiевска, не касаясь рѣки Иловли, а затѣмъ по Волгѣ, гдѣ была Дубовка, а также по рѣкамъ Балыклеѣ и Камышинкѣ. Здѣсь казаки и поставили четыре городка: Дубовку, Балыклею, Караваинку и Антиповку; впослѣдствiи времени къ нимъ прибавилось еще двѣ станицы.

Тѣмъ же указомъ повелѣно было новымъ поселенцамъ именоваться Волжскимъ казачьимъ войскомъ и установлены его служебныя обязанности, состоявшiя, во первыхъ, въ охранѣ пограничной линiи на всемъ протяженiи Волги отъ Царицына вверхъ до Камышина отъ вторженiя непрiязненныхъ намъ башкиръ и киргизъ-кайсаковъ, а во вторыхъ—въ службѣ вмѣсто Донскихъ казаковъ при Саратовѣ, Астрахани и въ другихъ мѣстахъ по Волгѣ, гдѣ потребуетъ надобность. Что касается до охраны Царицынской линiи отъ кубанскихъ татаръ, то повелѣно высылать сюда ежегодно лѣтомъ 1200, а зимою 800 Донскихъ казаковъ. Во главѣ войска поставленъ былъ войсковой атаманъ Макаръ Персидскiй, а при немъ назначено состоять двумъ старшинамъ и одному есаулу, «которыхъ выбирать и перемѣнять погодно, а вѣчнымъ старшинамъ, по примѣру Донского войска, не быть и по прошествiи году въ старшины не производить, дабы съ умноженiемъ старшинъ простымъ казакамъ не было отягощенiя». Затѣмъ весь

внутренній укладъ казачьей жизни имѣть по донскому обычаю и по донскому-жъ обычаю производить судъ, а дѣла, которыхъ въ кругу рѣшать будетъ неможно, передавать Царицынскому коменданту, а въ случаяхъ важныхъ—военной коллегіи ([22]).

Атаману тогда же пожалованы были бунчукъ и насѣка въ серебряной оправѣ, какъ знакъ его атаманскаго достоинства, а войску,—Высочайшая грамота, войсковая печать, два большихъ знамени и десять сотенныхъ знаковъ. Спустя четыре года, къ этимъ регаліямъ присоединены были еще двѣ мѣдныя пушки съ надписью: «Волжскимъ казакамъ и атаману Григорію Дикову за вѣрныя ихъ службы». (Эти пушки, какъ памятники старины, и понынѣ стоятъ при атаманскомъ домѣ въ гор. Владикавказѣ).

Въ административномъ отношеніи Волжскіе казаки подчинялись Царицынскому коменданту, а затѣмъ Астраханскому губернатору, подъ главнымъ управленіемъ Государственной Военной коллегіи. На построеніе домовъ дано было на каждую казачью семью по 12 рублей и тогда же опредѣлено было жалованье и отпускъ хлѣба, пороха и свинцу. Грамота заканчивалась слѣдующими словами: «Во всѣхъ вашихъ казацкихъ поселеніяхъ казеннымъ кабакамъ не быть и содержать вамъ для себя и межъ собой на продажу вино и пиво; торгъ вамъ имѣть свободный, но только въ отвозъ вина и табаку въ другіе города и русскіе поселенія, гдѣ будутъ великорусскіе служилые люди, подъ штрафомъ не отвозить. Гдѣ вы поселены будете, тамъ въ рѣкахъ и озерахъ рыбу ловить вамъ безоброчно и откупамъ у васъ не быть такъ же, какъ и въ донскихъ казачьихъ городкахъ, а солью довольствоваться вамъ, откуда довольствуются и Донскіе казаки».

Такъ образовалось Волжское казачье войско. 15 іюля 1734 года новые переселенцы прибыли на мѣста, отведенныя для ихъ городковъ, и принялись за устройство своего хозяйства. Два года пользовались они льготой, не назначаясь ни въ какіе служебные наряды, но зато въ маѣ 1736 года, когда Донскіе полки распущены были по своимъ домамъ, изъ войска разомъ командированы были 200 казаковъ въ Астрахань, 300 въ Саратовъ, 100 на Царицынскую линію и 300 въ Уфимскую губернію, гдѣ начались Башкирскіе бунты, остальные 150 человѣкъ, вмѣстѣ съ Донцами, ушли на Кубань, гдѣ приняли участіе въ походахъ калмыцкаго хана Дондукъ-Омбо. Въ слѣдующемъ году ходили туда же 500 человѣкъ съ войсковымъ атаманомъ, и здѣсь то они впервые сражались рядомъ съ Гребенцами и Терцами, съ которыми судьба связала ихъ впослѣдствіи такими крѣпкими, неразрывными узами. Такимъ образомъ мы видимъ, что войско служило поголовно, и это тянулось изъ года въ годъ слишкомъ 30 лѣтъ, причемъ казаки не только не знали льготы, но даже не пользовались своевремен-

ною смѣною частей, которыя оставались по цѣлымъ годамъ въ глухихъ отдаленныхъ мѣстахъ, и хозяйство естественно приходило въ большее или меньшее разстройство. Затѣмъ въ 1765 году лучшій боевой элементъ ихъ въ числѣ 500 человѣкъ съ походнымъ атаманомъ командированъ былъ въ отдаленный Кизлярскій край и уже безсмѣнно служилъ тамъ четыре года къ ряду. Дошло до того, что когда, въ томъ же 1765 году, изъ Петербурга повелѣно было отправить 50 человѣкъ съ однимъ старшиною въ Саратовъ для охраненія отъ разбойниковъ селившихся тамъ иностранцевъ, войсковому атаману пришлось отписать, что за раскомандированіемъ всѣхъ казаковъ послать больше некого. Въ Петербургѣ удивились, но отвѣчали, чтобы команду отправить немедленно, какъ только казаки соберутся изъ командировокъ. Но изъ командировокъ никто невозвращался. Одинъ только разъ въ 1767 году изъ Кизлярскаго отряда спущено было 54 казака, но они даже не видѣли своихъ домовъ, а прямо съ похода, по распоряженію Астраханскаго коменданта, отправлены были на ломку дикаго камня, сплавляемаго тогда въ Астрахань на казенныхъ судахъ. Такъ и не состоялась командировка въ Саратовъ, по крайней мѣрѣ въ то время. Изъ военныхъ дѣйствій ихъ надо упомянуть походы на Кубань, участіе въ пораженіи закубанскихъ горцевъ Калмыцкимъ ханомъ Убаши на берегахъ Калауса, бытность ихъ въ Пруссіи и наконецъ дѣйствія въ отрядѣ Медема на Кавказской линіи,—вотъ все, чѣмъ исчерпывается ихъ боевая лѣтопись внѣ своего войскового раіона ([23]). Но и у себя дома на берегахъ Волги имъ дѣла было немало. Архивы не сохранили намъ подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности ихъ въ описываемую эпоху; но то, что извѣстно изъ исторіи вообще о развитіи въ то время разбоевъ, именно между Царицыномъ, Астраханью и Саратовомъ, о набѣгахъ башкиръ и киргизъ-кайсаковъ, могутъ дать ясное представленіе объ образѣ жизни тѣхъ, которымъ родина ввѣряла самые дорогіе свои интересы—охрану народа отъ лихихъ людей и злыхъ порубежныхъ сосѣдей.

Такъ наступилъ 1770 годъ, когда войско внезапно лишилось цѣлой половины своего лучшаго состава, переведеннаго съ береговъ безпокойной Волги на берега еще болѣе безпокойнаго Терека. 22-го января 1770 года послѣдовалъ слѣдующій указъ Импенатрицы Екатерины II-й ([24]).

Изъ числа Волжскаго войска, поселеннаго между Царицыномъ и Дмитріевскомъ, перевесть 517 семей по равному числу изъ каждой станицы и поселить около Моздока по рѣкѣ Тереку, внизъ между Моздокомъ и послѣднимъ Гребенскимъ городкомъ Червленнымъ, приказавъ тамошнему коменданту раздѣлить ихъ на пять станицъ и отвести имъ земли такимъ же образомъ, какъ прежде на Волгѣ, а затѣмъ дать всѣ тѣ выгоды и свободы, каковыми пользуются Гребенскіе и Терскіе казаки. На этомъ основаніи граница ихъ поселеніямъ положена по Тереку отъ Моздока до Черв-

ленной, а въ степь до рѣки Кумы; но пространство это не было разграничено какъ должно ни съ владѣніями калмыцкаго хана, ни съ кочевьями караногайцевъ.

Самый Моздокъ къ этому времени изъ слабаго форпоста превращенъ былъ уже въ сильную крѣпость, вооруженную сорока орудіями и занятую гарнизономъ съ особымъ комендантскимъ управленіемъ, по примѣру Кизлярской крѣпости. Весною прибыли къ нему съ Волги 517 казачьихъ семействъ, которыя и поселились въ одну линію по лѣвому берегу Терека пятью станицами между Гребенскимъ войскомъ и крѣпостью Моздокомъ, на протяженіи около 80 верстъ. Это были станицы: Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская. Въ виду враждебнаго настроенія кабардинцевъ имъ выдано было для охраны своихъ городковъ по четыре трехфунтовыхъ пушки на каждую. Это новое поселеніе сохранило внутренній урядъ и общественное управленіе своей метрополіи—Волжскаго войска, и образовало изъ себя самостоятельную казачью часть—Моздокскій полкъ, во главѣ котораго поставленъ былъ вмѣсто атамана полковой командиръ, тотъ-же полковникъ Савельевъ. Полкъ предположено было держать всегда въ полномъ комплектѣ, чтобы онъ ежеминутно могъ выступить въ походъ въ числѣ 500 всадниковъ. Для дѣйствія же при пушкахъ въ званіи канонировъ и для обороны станицъ, на случай выступленія въ походъ цѣлымъ полкомъ, вызвано было съ Дону изъ числа сказочныхъ казаковъ еще 250 семей, которыя и распредѣлены по 50 въ каждую станицу. Эти казаки, какъ пушкари, въ полковой составъ не включались, а потому имъ не полагалось имѣть лошадей, но требовалось, чтобы они имѣли винтовки или ружья, дабы кромѣ дѣйствія при орудіяхъ могли защищать станицы и ручнымъ огнестрѣльнымъ боемъ. Кромѣ означенныхъ 250 семей, съ Дону вытребовано тогда же еще 100 семействъ, которыя составили подъ самымъ Моздокомъ нынѣшнюю Луковскую станицу и были спеціально назначены служить прислугой при крѣпостныхъ орудіяхъ. Самый гарнизонъ Моздока составленъ былъ изъ гарнизоннаго баталіона, переведеннаго сюда изъ Астрахани, и къ нему же причислена была Моздокская горская команда изъ 104 всадниковъ ([25]).

Глава X.

Безпорядки въ Чечнѣ и заботы объ устройствѣ новаго Моздокскаго поселенія въ теченіи всей первой половины 1770 года удержали Медема на Линіи цѣлое лѣто. Между тѣмъ Калмыки, скучая бездѣйствіемъ, отправили сильную партію подъ начальствомъ Емечень-Убаши къ Копылу, который, послѣ разгрома его Дондукъ-Омбо, былъ перенесенъ на одинъ изъ острововъ, образуемыхъ быстрымъ теченіемъ Кубани. Съ нимъ были Волжскіе казаки въ отрядѣ подполковника Кишенскаго. Два дня скрывалась партія въ густомъ прирѣчномъ камышѣ, выжидая случая напасть на городъ врасплохъ, но такъ какъ горцы держались съ большою осторожностью, то Емечень потерялъ, наконецъ, терпѣніе и рѣшился дѣйствовать открыто. Вся партія его, раздѣвшись догола, переплыла верхомъ Кубань и кинулась на городъ съ саблями и пиками. Но здѣсь ихъ ожидало страшное разочарованіе: новый городъ оказался обнесеннымъ глубокимъ рвомъ и валомъ, уставленнымъ рогатками. Пока калмыки выбивали ворота руками и каменьями, со стѣнъ загремѣли пушки, и Емечень принужденъ былъ отступить. Этотъ набѣгъ и возможность вторичнаго нападенія вынудили многихъ кубанскихъ мурзъ начать переговоры о переходѣ въ русское подданство. Но это не избавило ихъ отъ Убаши, который, желая загладить первую неудачу, самъ двинулся въ походъ на берега Лабы и Урупа и, произведя погромъ въ обычномъ своемъ духѣ, 11-го августа вернулся на Калаусъ ([1]). Медемъ, узнавши объ этихъ экспедиціяхъ, былъ весьма недоволенъ преждевременнымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Подобные набѣги вовсе не входили въ его расчеты. За недостаткомъ войскъ онъ не могъ продолжать операцій на Кубани, расчитывая довольствоваться пока наружною покорностью горцевъ, а дѣйствія калмыковъ, наоборотъ, вызывали ихъ къ дѣйствіямъ и разрушали всѣ его планы. Чтобы удержать излишнюю ревность калмыковъ, Медемъ самъ выступилъ къ верховьямъ Калауса и, соединившись съ ханомъ, сдѣлалъ ему рѣзкое замѣчаніе. Ханъ оскорбился и, какъ лицо владѣтельное, не считавшее себя обязаннымъ повиноваться простому генералу, собралъ своихъ калмыковъ и ушелъ на Волгу. Слухъ о томъ, что калмыки ушли въ свои улусы, съ быстротою молніи облетѣлъ все Закубанье, и шесть тысячъ горцевъ, скрывавшихся дотолѣ въ горныхъ трущобахъ, собрались и двинулись къ нашимъ грани-

цамъ. Медемъ рѣшилъ предупредить непріятеля. Высланный впередъ отрядъ маіора Фронгольма—эскадронъ гусаръ, казаки и два орудія—встрѣтилъ передовыя партіи у Бештовыхъ горъ, разбилъ ихъ и гналъ до самой Кубани. Медемъ съ остальными войсками шелъ по слѣдамъ Фронгольма, и главныя непріятельскія силы, стоявшія уже на Кумѣ, поспѣшно повернули назадъ и скрылись за Кубанью (2). Этимъ и ограничились всѣ наши дѣйствія. Компанія 1770 года окончилась ничѣмъ, и Медемъ, простоявъ нѣсколько времени у Бештовыхъ горъ, распустилъ войска на зимовыя квартиры. Надо сказать, что ханъ Убаши хотя офиціально носилъ титулъ только намѣстника калмыковъ, но на самомъ дѣлѣ былъ вполнѣ самостоятельнымъ владыкой надъ своимъ народомъ. По праву наслѣдія по услугамъ, оказаннымъ Россіи его дѣдомъ, отцомъ и имъ самимъ, онъ имѣлъ право на большое уваженіе. Нельзя отрицать того громаднаго значенія, которое имѣли калмыки при нашихъ операціяхъ на Кубани. Мы дѣйствовали на Кавказскіе народы не численностью, а искуствомъ и авторитетомъ русскаго имени, калмыки же были страшны своею численностью и тою репутаціею неуязвимыхъ шайтановъ, которую они пріобрѣли своими безпощадными набѣгами на Кубань, Дагестанъ, Персію и Крымъ. Эта грозная сила, подобная стихіи, до сихъ поръ была направлена къ нашей пользѣ, но теперь результаты получились для насъ совсѣмъ нежелательные. Правда, многіе полагаютъ, что причину самовольнаго оставленія ханомъ театра войны нельзя искать только въ одной распрѣ его съ Медемомъ; вѣроятнѣе предположить, что въ поступкѣ русскаго генерала ханъ увидѣлъ стремленіе правительства обуздать его самовольное управленіе и что реформы, вводимыя тогда въ калмыцкихъ владѣніяхъ, истолковались имъ именно только, какъ ограниченіе его деспотической власти. При такомъ положеніи дѣла естественно могла возникнуть мысль уйти изъ Россіи, чтобы сохранить за собою вѣковыя права, и распря съ Медемомъ была только предлогомъ и благопріятнымъ случаемъ. Дѣйствительно, въ январѣ 1771 года 28 тысячъ калмыцкихъ кибитокъ разомъ поднялись съ своихъ зимовокъ и двинулись къ Яику. Яицкое войско, въ то время уже волновавшееся, ничего не сдѣлало для того, чтобы остановить побѣгъ, и ханъ безпрепятственно достигъ предѣловъ Китайской Имперіи. Съ уходомъ калмыковъ вся степь между Волгой и рѣкой Калаусомъ опустѣла до такой степени, что, когда Сокуръ Карамурзинъ, тотъ самый, который осаждалъ Кизляръ весною, сдѣлалъ набѣгъ, то черкесы безпрепятственно дошли до земли Донского войска, разорили тамъ Романовскую станицу и только уже на возвратномъ пути имѣли небольшую перестрѣлку съ гусарами, высланными изъ Моздока, которые преслѣдовали ихъ до Кубани (3). Медемъ скоро испыталъ всю невыгоду своего разлада съ ханомъ Убашею и, лишившись его содѣйствія при полномъ не-

достаткѣ войскъ, вынужденъ былъ перейти отъ наступательныхъ дѣйствій къ оборонительнымъ и цѣлые три года провелъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Приходилось заботиться только о безопасности Линіи, угрожаемой со всѣхъ сторонъ разбойничьими шайками. Гребенцамъ и Терцамъ такая жизнь была не въ диковинку, но Моздокскимъ казакамъ, только что начинавшимъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ, приходилось трудно. Правда, Гребенцы удѣляли въ помощь имъ часть своихъ силъ, и 50 казаковъ постоянно находились въ Моздокѣ, но ихъ было слишкомъ недостаточно, чтобы поспѣвать на всемъ 80-ти верстномъ пространствѣ, а потому Моздокцамъ то и дѣло приходилось бросать начатыя работы, чтобы садиться на коней, а вернувшись домой, снова приниматься за кирки и лопаты ([4]). При такихъ условіяхъ устройство поселеній не могло подвигаться слишкомъ успѣшно, а тутъ надъ новыми городками пронеслось еще легкое облачко смутъ и недоразумѣній.

Къ этому именно времени относится любопытный эпизодъ въ жизни нашего казачества—появленіе въ средѣ ихъ бѣглаго бродяги, имя котораго черезъ годъ небывалой грозою пронеслось по Русскому царству. Это былъ знаменитый впослѣдствіи Емельянъ Пугачевъ, Донской казакъ Зимовейской станицы. Онъ прежде служилъ въ казачьихъ полкахъ, съ которыми участвовалъ въ походахъ въ Пруссію, въ Крымъ и на Дунай. Что это былъ за казакъ, совершалъ ли онъ какія-нибудь отличія или нѣтъ, объ этомъ неизвѣстно, но служба, повидимому, скоро ему надоѣла. Онъ сталъ хлопотать объ отставкѣ и, не получивъ ее, бѣжалъ изъ полка, долго скитался по разнымъ раскольничьимъ скитамъ, былъ въ Польшѣ, на Дону и наконецъ пробрался на Терекъ, гдѣ рѣшилъ покончить съ своимъ безпокойнымъ бродяжничествомъ. Онъ явился къ войсковому атаману Павлу Татаринову и просилъ зачислить его казакомъ въ Терско-Семейное войско. Татариновъ записалъ его сначала въ Каргалинскій, а потомъ въ Дубовской городокъ, гдѣ станичный атаманъ Максимъ Макаровъ приходился ему сродни ([5]). Но Пугачеву на мѣстѣ не сидѣлось спокойно. Узнавъ, что въ войскѣ было немало людей, недовольныхъ правленіемъ Татаринова, онъ принялся среди нихъ агитировать съ цѣлью самому занять мѣсто войскового атамана и обѣщалъ казакамъ выхлопотать старинныя привиллегіи, утраченныя ими на Аграхани. Замѣтивъ, однако, неподатливость старыхъ казаковъ и что приверженцы Татаринова, которыхъ также было немало, начинаютъ слѣдить за нимъ, онъ взялъ трехнедѣльный отпускъ и верхомъ отправился во вновь строющуюся Ищерскую станицу Моздокскаго полка. Здѣсь агитація его имѣла полный успѣхъ среди сказочныхъ казаковъ, недавно переведенныхъ съ Дона для пушкарскаго дѣла, а къ нимъ скоро примкнули сказочные же казаки еще двухъ новыхъ станицъ—Наурской и Галюгаевской. Пугачевъ торжественно

обѣщалъ поѣхать въ Москву и выхлопотать имъ жалованье, провіантъ наравнѣ съ Терскими казаками, а казаки составили приговоръ отъ трехъ станицъ «быть ему у нихъ войсковымъ атаманомъ». На дорогу казаки вручили ему 20 руб.,—сумма даже для того времени незначительная. Побывать въ Москвѣ Пугачеву однако не удалось. Проѣздомъ черезъ Моздокъ онъ схваченъ былъ Моздокскими казаками 8-го февраля и отведенъ къ есаулу того же полка Устину Агафонову. При обыскѣ у него отобраны: шашка, свинцовая печать, якобы Донского войска, два проѣздныхъ билета—одинъ за подписью войскового атамана Татаринова, другой атамана Караглинской станицы Макарова, ходатайство трехъ новыхъ станицъ о прибавкѣ имъ жалованья, приговоръ объ избраніи его тѣми же станицами войсковымъ атаманомъ новаго казачьяго войска; оставшіеся неизрасходованными имъ 12 рублей 50 коп. и другія вещи, какъ то: бѣлый шелковый кушакъ, куница и лисій малахай. На допросѣ Пугачевъ показалъ, что подложная печать Донского войска сдѣлана двумя казаками изъ Ищерской станицы Ларіономъ Арбузовымъ и Петромъ Чумаковымъ и что про эту печать кромѣ названныхъ лицъ никто не знаетъ, что же касается до найденной у него «заручной бумаги» о бытіи «ему въ войскѣ атаманомъ», то таковая, по его словамъ, была написана казакомъ изъ Ищерской станицы Иваномъ Поповымъ «съ повелѣніемъ всѣхъ атамановъ и стариковъ трехъ названныхъ новыхъ станицъ» (6). Допросъ этотъ устанавливаетъ, между прочимъ, фактъ безграмотности Пугачева, такъ какъ заканчивался слѣдующею припискою: «къ сему допросу вмѣсто бѣглаго изъ Донского войска казака Емельяна Пугачева, за неумѣніемъ имъ грамотѣ, по его прошенію Моздокскаго казачьяго полка сотникъ Иванъ Сапроновъ руку приложилъ». Впрочемъ, безграмотность въ то время была явленіемъ не исключительнымъ даже среди казачьихъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ рапортъ есаула Агафонова къ Моздокскому коменданту тоже заканчивается словами: «вмѣсто есаула Устина Агафонова по его велѣнію подписалъ урядникъ Ларіонъ Григорьевъ». Къ этому допросу приложенъ интересный документъ съ описаніемъ наружности Пугачева: «роста онъ средняго, лицомъ смугловатъ, волосы стриженные, борода черная небольшая, но окладистая, одѣтъ въ синій китайчатый бешметъ, въ желтыхъ сапогахъ». Тотчасъ по окончаніи допроса Агафоновъ распорядился отправить Пугачева на крѣпостную гауптвахту, гдѣ его приковали къ стулу тяжелою желѣзною цѣпью съ замкомъ. Но не для того былъ рожденъ Пугачевъ, чтобы сидѣть колодникомъ. Черезъ нѣсколько дней онъ въ ночь съ 13-го на 14-е февраля 1772 года бѣжалъ вмѣстѣ съ караулившимъ его солдатомъ 1-й роты Моздокскаго гарнизоннаго баталіона Венедиктомъ Лаптевымъ и унесъ съ собой цѣпь съ замкомъ, оставивъ на стулѣ только нѣсколько звеньевъ.

Передъ нами возникаетъ, какъ живая, личность этого своеобразнаго политическаго пройдохи, сумѣвшаго не только ловко сыграть на слабой стрункѣ казаковъ, жаждавшихъ утраченныхъ вольностей и привиллегій, но умудрившагося въ критическую минуту подвинуть къ совмѣстному побѣгу часового, впервые въ своей жизни видѣвшаго Пугачева. Велико было, значитъ, его умѣнье улавливать умы и сердца людей, если онъ такъ легко осуществлялъ свои планы. Дѣйствительно, въ 1773 году онъ появляется на Яикѣ, гдѣ его ожидала историческая роль, поважнѣе, чѣмъ атаманство въ войскѣ, состоявшемъ изъ трехъ городковъ. Побѣгу Пугачева не было придано особаго значенія. Мало ли бѣгало тогда колодниковъ и шаталось бродягъ по русской землѣ. Никто не подозрѣвалъ въ этомъ сбѣжавшемъ казакѣ Терскаго войска будущаго грознаго самозванца, прошедшаго съ мечемъ и огнемъ по Волгѣ до самой Казани и поколебавшаго государство отъ предѣловъ Сибири до самой Москвы и Муромскихъ лѣсовъ. Плацъ-маіоръ Повѣскинъ, донося о происшествіи Моздокскому комендандату, останавливался болѣе на рядовомъ Венедиктѣ Лаптевѣ, котораго считалъ преступникомъ болѣе важнымъ, чѣмъ Пугачевъ; да, кажется, и самъ комендантъ былъ того же мнѣнія; по крайней мѣрѣ онъ донесъ начальству только спустя недѣлю, т. е. 20 февраля, прибавивъ однако, «что названный Пугачевъ въ воровствѣ и въ разбояхъ никогда не бывалъ, и что къ розыску его по здѣшнимъ мѣстамъ и среди сказочныхъ казаковъ публикація учинена» ([7]). Затѣмъ начались судъ и расправа надъ тѣми, кто выбиралъ его въ войсковые атаманы и подписывалъ прошеніе о прибавленіи провіанта и жалованья. Всѣ они были арестованы—одни въ Моздокѣ, а другіе по своимъ станицамъ и «при собраніи народа нещадно батожьемъ наказаны» ([8]). Этимъ исчерпывается все, что извѣстно о пребываніи Пугачева на Терекѣ ([9]). Какъ быстро появилась и пронеслась надъ Моздокскими станицами мимолетная тучка, такъ быстро и исчезла она, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Въ тяжелую годину, когда смута охватила половину государства, когда Яицкіе казаки и Волжское войско поголовно перешли на сторону самозванца, вѣрность Моздокскихъ, Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ ничѣмъ не была поколеблена. Медемъ, находившійся въ Щедринской станицѣ, повидимому, узналъ объ этихъ происшествіяхъ тогда, когда смута въ станицахъ была окончена, а потому мы не встрѣчаемъ съ его стороны никакихъ распоряженій къ подавленію безпорядковъ. Да ему было и не до мелкихъ казачьихъ распрей, съ которыми могъ управиться самъ полковой командиръ Савельевъ. Все вниманіе его было приковано тогда къ Кабардѣ, гдѣ открыто готовился новый мятежъ, размѣры котораго опредѣлить было нельзя, но который грозилъ перебросить пожаръ и на сосѣдніе народы.

Въ декабрѣ 1771 года, почти одновременно съ тѣмъ, какъ Пугачевъ

появился въ Терско-Семейномъ войскѣ, въ Кабарду возвратились Джанхотъ Сидяковъ и Коргоко Татархановъ, отправленные въ минувшемъ году въ Петербургъ депутатами, и привезли съ собою манифестъ Императрицы. Дѣло въ томъ, что депутаты предъявили въ Петербургѣ тѣ же пункты, какіе были предъявлены ими еще въ 1764 году, и, разумѣется, получили отказъ. «Заведенная въ Моздокскомъ урочища селеніе, Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество», писала Екатерина въ своемъ манифестѣ, «никогда уничтожить не согласимся, для того, что оное положеніе свое имѣетъ не на вашей Кабардинской землѣ. Если ни одна сосѣдняя держава не имѣетъ права препятствовать въ тѣхъ распоряженіяхъ, кои по Нашимъ повелѣніямъ при границахъ предпріемлются для лучшей оныхъ безопасностей и по другимъ полезнымъ намѣреніямъ, могутъ ли одни кабардинцы присваивать въ томъ себѣ преимущество, для всѣхъ прочихъ народовъ исключительное?» Но относительно другихъ пунктовъ правительство сдѣлало рядъ уступокъ, такъ какъ изъ доклада коллегіи иностранныхъ дѣлъ выяснилось дѣйствительно, что люди, выходящіе на нашу сторону для принятія большею частью изъ подлаго состоянія или преступники, избѣгающіе должнаго наказанія, или рабы для полученія одной только вольности ([10]). Поэтому Императрица конфирмовала: 1) подданныхъ холопей кабардинскихъ не принимать и возвращать ихъ обратно владѣльцамъ, но не какъ право ихъ требовать, а подъ видомъ снисхожденія съ нашей стороны. 2) за каждаго бѣжавшаго отъ нихъ христіанскаго плѣнника грузина или армянина платить по 50 рублей въ томъ уваженіи, что кабардинцы сами ихъ въ плѣнъ не берутъ, а покупаютъ въ Дагестанѣ или у кумыковъ, а освободившихся плѣнныхъ отсылать во внутреннія россійскія губерніи. 3) за русскихъ никому ничего не платить, и прежнее правило на этотъ счетъ остается во всей силѣ, т. е. ихъ должны были выкупать сами жители Моздока и Кизляра и затѣмъ держать ихъ у себя въ услугѣ, пока деньги, употребленные на ихъ выкупъ, ни будутъ выплачены работой, съ тѣмъ однако, чтобы самый выкупъ не превышалъ 150 руб. 4) кумыкамъ же, буде станутъ домогаться, чтобы ихъ уравняли въ правахъ съ кабардинцами, платить въ полы противъ того, т. е. по 25 руб. 5) узденей кабардинскихъ, яко не подданныхъ, а добровольно живущихъ при владѣльцахъ и имѣющихъ собственныхъ своихъ холопей, принимать, но съ тѣмъ, чтобы они навсегда лишались въ Кабардѣ своихъ имѣній и 6) природныхъ черкесъ, яко подданныхъ Турціи, принимать воспрещается» ([11]). Отказъ въ уничтоженіи Моздока вызвалъ опять общее негодованіе. Князь Касай Атажукинъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ Кабардѣ, заявилъ открыто, что если русскіе будутъ поступать съ кабардинцами такъ же, какъ съ калмыками, то имъ придется уйти за Кубань и искать турецкаго поддан-

ства ([12]). Все это можно было предвидѣть заранѣе. Коргоко Татархановъ, еще будучи въ Петербургѣ, предупреждалъ русскія власти, что какія бы ни были объявлены милости, кабардинцы ими не удовлетворятся, ибо многіе князья подкуплены турецкимъ правительствомъ и находятся въ тѣсной связи съ закубанскими народами. Онъ даже совѣтовалъ задержать Сидякова на возвратномъ пути въ Астрахани и указывалъ на него, какъ на главу опозиціи вмѣстѣ съ Мисостомъ Баматовымъ, родной братъ котораго Темрюкъ находится въ Константинополѣ при дворѣ Султана, и что, пока владѣльцы эти не будутъ изгнаны изъ Кабарды, спокойствія никогда не будетъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ заподозрила самого Татарханова въ преслѣдованіи имъ какихъ то личныхъ видовъ, а потому нашла, что изгнаніе изъ Кабарды сихъ знатныхъ владѣльцевъ можетъ возбудить еще сильнѣйшую ненависть къ намъ кабардинцевъ, а задержаніе Сидякова въ Астрахани вызоветъ ихъ даже на самыя отчаянныя предпріятія. Нельзя не замѣтить при этомъ, что мы примѣняли по отношенію къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ горцамъ крайне мягкую политику и этимъ постепенно пріучали ихъ къ той неустойчивости и къ постояннымъ колебаніямъ, съ какими эти народы относились къ намъ во всѣ послѣдующія времена. Безнаказанность за безпрерывныя измѣны, задабриваніе подарками и деньгами вліятельныхъ лицъ вызывали въ нихъ совсѣмъ обратныя чувства. Многіе считали жалованье наше обязательною данью Россіи, другіе видѣли въ нашей уступчивости предлогъ къ постояннымъ дальнѣйшимъ претензіямъ и при малѣйшемъ отказѣ поднимали оружіе. Генералъ Медемъ, хорошо изучившій эти народы, говорилъ о кабардинцахъ, что всѣ ихъ неудовольствія суть лишь придирки по ненависти ихъ къ Россіи, и что держать ихъ надо въ повиновеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его распоряженіи было слишкомъ мало войскъ, чтобы примѣнять свою систему, и приходилось поэтому дѣлать уступки въ тѣхъ случаяхъ, когда необходима была твердость. Волненіе, начавшееся въ Кабардѣ, до нѣкоторой степени открыло намъ глаза въ Петербургѣ на истинное положеніе дѣлъ, и Медему было предписано потребовать отъ Мисоста Баматова въ аманаты родного его сына, а въ случаѣ отказа склонить кабардинцевъ, чтобы они сами принудили его исполнить наши требованія; а когда и эта мѣра не предуспѣетъ, писала коллегія, то, какъ противника монаршей воли и возмутителя своего отечества, отдать его въ наши руки или выгнать его изъ Кабарды приговоромъ общаго собранія. Но Медемъ не могъ уже исполнить этого приказанія. Мятежъ дошелъ до такой степени, что, когда посланный къ нимъ съ увѣщаніемъ ротмистръ Батыревъ обратился къ старѣйшимъ владѣльцамъ, то получилъ въ отвѣтъ, что если онъ пріѣдетъ еще разъ, то, какъ шпіонъ, будетъ взятъ и отправленъ къ Крымскому хану. Самому Таганову грозили на каждомъ шагу такія опасности,

что Медемъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ отозвать его въ Моздокъ ([13]).

Къ счастью для насъ, все это время Чечня оставалась спокойною, а потому и въ Гребенскихъ и Терскихъ городкахъ жизнь протекала сравнительно тихо. Одни Моздокцы отбивались отъ безпрерывно налетавшихъ на нихъ мелкихъ разбойничьихъ шаекъ. Медемъ даже ходатайствовалъ о пожалованіи чеченцамъ Высочайшей грамоты, съ объявленіемъ имъ полнаго прощенія за прежнія злодѣянія. Но на это соизволенія Императрицы не послѣдовало. «Чеченцы», писано было по этому поводу Медему, «имѣютъ ту особенность, что прочіе народы хотя тоже злодѣйствуютъ, но по крайней мѣрѣ стараются скрывать сіе, а чеченцы дѣйствуютъ явно и даже кичатся своими разбоями и потому недостойны непосредственнаго обращенія къ нимъ Монархини». Медему впрочемъ данъ былъ рескриптъ, въ которомъ говорилось, что чеченцы были злодѣями и заслуживали крайняго наказанія, но что раскаяніе и монаршее великодушіе избавляютъ ихъ отъ такого несчастія въ надеждѣ на ихъ исправленіе. Рескриптъ этотъ читался во всѣхъ чеченскихъ аулахъ при собраніи старшинъ и народа ([14]).

Но Гребенцамъ и Терцамъ всетаки пришлось за это время сдѣлать походъ, по дорогѣ въ Грузію, въ Тагаурское ущелье, гдѣ въ 1772 году осетины задержали извѣстнаго ученаго путешественника, академика Гюльденштедта, возвращавшагося изъ Грузіи послѣ своихъ научныхъ изслѣдованій этого края. Медемъ послалъ для освобожденія его часть казаковъ и гусаръ, подъ командой маіора Криднера. Дѣло обошлось однако безъ кровопролитія, и Гюльденштедтъ былъ освобожденъ за 30 руб., но тагаурцы вынуждены были дать намъ аманатовъ. Въ этой экспедиціи вмѣстѣ съ Криднеромъ участвовали и ингуши, выставившіе въ помощь къ нему свою конницу. Это повидимому ничтожное обстоятельство повело однако къ новымъ осложненіямъ и было послѣдней каплей, переполнившей чашу вражды и ненависти къ намъ кабардинцевъ. Надо сказать, что незадолго передъ тѣмъ Карабулаки, жившіе въ Черныхъ горахъ, просили позволенія переселиться на плоскость, и Медемъ, приводя ихъ къ присягѣ на подданство, указалъ имъ мѣсто на урочищѣ Карасу-Яндаръ, тамъ, гдѣ Асса впадаетъ въ Сунжу, съ тѣмъ однако, чтобы безъ разрѣшенія никакихъ другихъ народовъ на сожительство съ ними не принимать. Примѣру карабулаковъ послѣдовали и ингуши, которые, ссылаясь на свое участіе въ отрядѣ Криднера, просили Медема принять ихъ подъ свое покровительство и защитить отъ притѣсненія кабардинцевъ. Но кабардинцы въ свою очередь заявили, что этого никогда не допустятъ, такъ какъ карабулаки съ давняго времени ихъ данники и подданные. При разборѣ этого дѣла ингуши заявили, что дѣйствительно платили дань по барану съ каждаго

двора, но подданными себя никогда не считали. Поставленный въ недоумѣнье, какъ поступить въ данномъ случаѣ, Медемъ донесъ обо всемъ въ Петербургъ и сталъ ожидать оттуда инструкціи. Между тѣмъ обстоятельства осложнялись тѣмъ, что значительная часть ингушъ приняла христіанство, а кабардинцы заняли своими разъѣздами всѣ дороги, ведущія въ Моздокъ, и не допускали ихъ къ церкви. Медемъ выслалъ казачьи патрули, которые захватили 12 кабардинцевъ и доставили ихъ въ Моздокъ арестованными. Это вызвало общій взрывъ въ Кабардѣ. На помощь къ нимъ явились закубанцы, и въ маѣ 1772 года свыше 25 тысячъ всадниковъ перешли Малку и стали въ 30 верстахъ отъ Моздока. Медемъ выступилъ къ нимъ навстрѣчу, собравъ все, что было возможно: гусаръ, Моздокскихъ, Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ, свободныя роты и четыре орудія; но это все не превышало 2350 человѣкъ. Обѣ стороны стояли другъ противъ друга, но ни та, ни другая не переходила въ наступленіе. Надо сказать, что Медемъ только что получилъ тогда отвѣтъ изъ Петербурга на свой запросъ, въ которомъ говорилось, чтобы всѣ наши военныя дѣйствія противъ кабардинцевъ, изъявившихъ неудовольствіе за принятіе ингушъ подъ покровительство Россіи, ограничить строгою обороной, а самихъ ингушъ отнюдь не отклонять отъ кабардинцевъ, такъ какъ ингуши сами признали себя данниками кабардинцевъ. При такихъ условіяхъ оставалось одно—начать переговоры. Они окончились тѣмъ, что Медемъ вынужденъ былъ возвратить кабардинцамъ 12 человѣкъ, задержанныхъ казачьими патрулями ([15]). Непріятель этимъ удовольствовался и отошелъ за Малку, но престижъ русскаго имени значительно былъ поколебленъ въ глазахъ азіатцевъ, и намъ впослѣдствіи пришлось расплачиваться за это тяжелыми жертвами.

Между тѣмъ на главномъ театрѣ войны кампанія 1772 года закончилась покореніемъ Крыма. Онъ былъ объявленъ независимымъ отъ Турціи, и на ханскій престолъ при нашемъ посредствѣ былъ избранъ Сагибъ-Гирей, заключившій въ гор. Карасу договоръ, въ которомъ было сказано, что всѣ бывшіе до настоящей войны въ подданствѣ Крыма татарскіе и черкасскіе народы, таманцы и некрасовцы попрежнему остаются подъ властью Крымскихъ хановъ; Большая же и Малая Кабарда состоятъ въ подданствѣ Россійской Имперіи. Турки этого договора не признали и съ своей стороны назначили ханомъ Девлетъ-Гирея, придавъ ему въ помощники, по обычаю Крымской страны, Калгу и Нурэддина,– двѣ высшія въ ханствѣ государственныя должности. Такимъ образомъ русскіе и турки хлопотали о Крымѣ съ равнымъ усердіемъ: русскіе желали отстоять свое завоеваніе, турки стремились во чтобы то ни стало возвратить потерянную ими область. Осенью 1773 года Девлетъ-Гирей съ девятитысячнымъ турецкимъ

корпусомъ высадился въ Сунджукъ-кале на берегу Чернаго моря и отсюда сталъ распространять свое вліяніе на Закубанье ([16]).

Подготовляя вторженіе въ Крымъ, онъ понималъ отлично, что прежде всего ему надо было отвлечь куда-нибудь часть русскихъ силъ, охранявшихъ Перекопъ, и въ этомъ случаѣ Донъ, какъ искупительная жертва честолюбивыхъ замысловъ, обреченъ былъ на гибель. Съ другой стороны онъ могъ опереться на закубанскіе народы и особенно на Кабарду, которая, не желая подчиниться условіямъ карасунскаго договора, призывала его къ себѣ, предлагая истребить Моздокъ и Кавказскую линію.

Два почтеннѣйшихъ кабардинца Мисостъ Баматовъ и Хамурза Асланбековъ отправились къ Девлету въ качествѣ народныхъ депутатовъ и нашли его у бесленеевцевъ. Отвѣтъ Девлетъ-Гирея былъ вполнѣ благопріятный, и кабардинцы гордо подняли головы. Надежда на успѣхъ турецкихъ операцій вызвала съ ихъ стороны усиленную дѣятельность, хотя эта дѣятельность выразилась въ первое время только усиленіемъ грабежей и разбоевъ по Моздокской линіи. Къ нимъ скоро присоединились чеченцы и кумыки. Большихъ массовыхъ вторженій не было, но мелкіе прорывы хищниковъ приняли такой эпидемическій характеръ, что сообщенія между Моздокскими станицами, особенно въ ночное время, совершенно прекратились или требовали наряда большихъ конвоевъ. Не было дня, чтобы не случилось какого-нибудь приключенія, и дѣло дошло наконецъ до того, что полковникъ Савельевъ вынужденъ былъ прекратить всякое сообщеніе казаковъ съ зарѣчными жителями и приказалъ стрѣлять по всѣмъ, покушавшимся на переправу.

Изъ множества происшествій мы приведемъ, какъ иллюстрацію къ описываемому времени, два случая, о которыхъ сохранились свѣдѣнія въ разрозненномъ Моздокскомъ архивѣ.

Такъ однажды, 25 октября 1773 года въ 10 часовъ утра, когда Донскіе казаки, отбывавшіе службу на форпостѣ, выпустили лошадей на пастьбу, партія кабардинцевъ внезапно налетѣла на табунъ съ гикомъ и выстрѣлами. Одна лошадь была убита, остальныя шарахнулись въ разныя стороны, и горцы отбили семь лошадей. Все это произошло такъ внезапно, что когда урядникъ Бѣляйкинъ бросился въ погоню съ 60-ю казаками, хищники были уже далеко за Бештамакомъ и скрылись за Малку. Въ другой разъ казачка Михайлова, возвращавшаяся изъ Моздока въ Науръ, схвачена была какою то партіей, устроившей засаду въ придорожныхъ кустахъ, и увезена за Терекъ; сопровождавшій же ее казакъ спасся только тѣмъ, что бросился въ густые камыши, покрывавшіе берегъ рѣки, гдѣ горцы, опасаясь тревоги, не стали его искать ([17]).

Къ кабардинскимъ разбоямъ скоро прибавились набѣги чеченцевъ и кумыковъ, отличавшіеся еще большимъ упорствомъ и дерзостью. Нападенія ихъ сначала по преимуществу грозили окрестностямъ Кизляра, а потому изъ 50 гребенскихъ казаковъ, державшихъ въ Моздокѣ форпосты, оставлено было только десять, знающихъ татарскій языкъ, «въ коихъ состоитъ здѣсь крайняя нужда; оные казаки употребляются за толмачей при заставахъ и карантинахъ»; остальные 40 человѣкъ отправлены въ Червленную для защиты тамошнихъ мѣстъ. Чтобы не обременять однако Моздокскій полкъ, приготовленный къ походу въ полномъ составѣ, форпостною службой, Медемъ на смѣну Гребенцовъ выслалъ изъ своего отряда 39 Донскихъ казаковъ и калмыковъ, которые прибыли въ исправномъ видѣ и всѣ о дву-конь. Но изъ всѣхъ нападеній, державшихъ въ постоянной тревогѣ старую Терскую линію,—два, и самыя сильныя, направлены были опять таки на Моздокъ къ Калиновской станицѣ.

13-го октября 1773 года, часу въ девятомъ вечера, когда уже было совершенно темно, партія человѣкъ въ 30 подъѣхала къ Калиновской станицѣ и, сдѣлавъ залпъ, вдругъ бросилась на казачій табунъ, ночевавшій въ полѣ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ часовыхъ. Часовые бодрствовали и даже окликнули подъѣзжавшихъ всадниковъ, но когда табунъ, испуганный выстрѣлами, бросился въ разныя стороны, они въ свою очередь кинулись скучивать лошадей, отстрѣливаясь въ то же время отъ нападавшихъ, а чеченцы, пользуясь тѣмъ временемъ суматохой, отхватили 55 лошадей и во весь опоръ умчались съ ними за Терекъ. Залпъ однако вызвалъ тревогу и самъ полковникъ Савельевъ съ частью полка пустился въ погоню; но лошади канули, какъ въ воду; захвачены были только на бараньихъ кошахъ, и то по подозрѣнію, семь человѣкъ, изъ которыхъ оказались два кабардинца и пять затеречныхъ чеченцевъ ([18]).

Не успѣла еще изгладиться изъ памяти эта тревога, какъ 25 января 1774 года партія уже въ 200 человѣкъ опять нагрянула на ту же Калиновскую станицу. Одинъ часовой, встрѣтившій ихъ выстрѣломъ, былъ тутъ же изрубленъ и весь табунъ въ 277 лошадей, спугнутый залпомъ, стремительно понесся прямо къ рѣкѣ. Впереди скакалъ чеченецъ вожакъ, управлявшій его движеніемъ; по сторонамъ неслись одиночные всадники, не давая табуну разсыпаться, пугая его пистолетными выстрѣлами и рѣзкимъ гикомъ; въ хвостѣ держалась остальная партія, перестрѣливавшаяся съ конными табунщиками, гнавшимися по слѣду. По своей малочисленности горсть казаковъ съ есауломъ Лизогубовымъ конечно могла только слѣдить за сакмою, видѣла, гдѣ горцы переправлялись, но врѣзаться въ двухсотную партію, чтобы попытаться отбить хоть часть лошадей, не рѣшилась. Въ это время появилась новая толпа чеченцевъ, которая, перехвативъ табунъ на самой переправѣ, заставила его съ размаху броситься

съ берега прямо въ Терекъ, а тамъ уже искать его было нечего ([19]). На этотъ разъ Савельевъ выступилъ за Терекъ съ цѣлымъ полкомъ, пробылъ тамъ до 23 февраля—почти цѣлый мѣсяцъ, но результатовъ никакихъ не добился. Чеченскіе владѣльцы отзывались безсиліемъ удержать своихъ подвластныхъ, а аксаевскіе князья, какъ писалъ Савельевъ, дѣлали пустыя отговорки и только распложали переписку. Вернувшись обратно, Савельевъ приказалъ устроить на Терекѣ ниже Калиновской станицы, гдѣ былъ удобный бродъ, чрезъ который оба раза горцы перегоняли нашихъ лошадей, особый постъ изъ 40 казаковъ; разъѣзды дѣлать днемъ по ту сторону Терека, а по ночамъ на лѣвомъ берегу закладывать секреты. Между станицами учреждены были также конные разъѣзды, а въ случаѣ появленія сильныхъ партій Гребенцамъ и Семейному войску повелѣно секурсировать Моздокцамъ. Тревога въ этомъ случаѣ возвѣщалась пушечными выстрѣлами, которые, передаваясь отъ станицы до станицы по промежуточнымъ постамъ, достигала до крайнихъ предѣловъ Линіи. Кромѣ того Гребенцы и Терцы должны были дѣлать и разъѣзды по дистанціямъ Моздокскаго полка, что значительно осложняло ихъ службу въ то время, когда и дома у нихъ было немало дѣла. Мѣры эти на нѣкоторое время сдержали разбои, но тѣмъ не менѣе уронъ, понесенный Моздокцами, могъ почитаться весьма значительнымъ и если бы въ полку каждый казакъ не имѣлъ по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ лошадей подъ сѣдло, то отгонъ слишкомъ 360 лошадей поставилъ бы ихъ въ невозможность нести дальнѣйшую службу. Но бѣда, какъ говоритъ пословица, одна не приходитъ. Смертоносная болѣзнь, поражавшая скотъ за Терекомъ въ кабардинскихъ аулахъ, не смотря на строгости карантинныхъ мѣръ, проникнула таки на нашу сторону и опустошила тѣ же Моздокскія станицы. Довольно сказать, что съ августа 1773 года, въ первые два мѣсяца 1774 года у казаковъ пало 400 лошадей, свыше 1800 головъ рогатаго скота и болѣе 700 овецъ. Между тѣмъ полкъ бѣдствовалъ безъ провіанта; въ Моздокскихъ магазинахъ никакихъ запасовъ не было, а послать подводы въ Кизляръ за страшнымъ падежомъ скота было неначемъ. Савельевъ, какъ видно изъ его донесеній, опасался даже за здоровье людей и вынужденъ былъ просить помощи у своихъ сосѣдей. Медемъ распорядился, чтобы Гребенцы, Терцы и аульные ногайцы доставили провіантъ въ Моздокъ на своихъ подводахъ ([20]).

Глава XI.

Такъ наступилъ 1774 годъ, памятный въ исторіи Кавказской линіи. Самое начало его было тревожное. Пошли по городамъ и селамъ Русской земли слухи, что гдѣ-то въ степяхъ появился Императоръ Петръ Ѳедоровичъ, котораго считали умершимъ, но который при государственномъ переворотѣ спасся какимъ то чудомъ изъ рукъ заговорщиковъ. Многіе придавали этому полную вѣру; другіе видѣли въ немъ только самозванца, мутившаго народъ призракомъ полной свободы и воли, истребленіемъ бояръ, купцовъ и духовенства, но это было меньшинство, которое не могло сопротивляться громадной массѣ темнаго люда, представлявшаго собою какую-то стихійную силу. Не безъ удивленія и горечи узнали Терцы, что этотъ самозванецъ, сильный въ народѣ царскимъ именемъ, былъ никто иной, какъ Емельянъ Пугачевъ, тотъ самый казакъ, который приписался къ ихъ войску, а потомъ, какъ колодникъ, бѣжалъ изъ Моздока. Только теперь поняли они, какую змѣю отогрѣли за пазухой и какого преступника такъ оплошно выпустили они изъ рукъ, интересуясь въ то время болѣе бѣжавшимъ солдатомъ, чѣмъ Пугачевымъ. Лаптевъ былъ простой дезертиръ, какіе сотнями бѣжали тогда изъ полковъ, а Пугачевъ и тогда уже являлся достаточно крупною фигурой, котораго не умѣли разгадать своевременно. Это былъ человѣкъ грубый, не умѣющій даже читать, но сильный духомъ и крѣпкій волей, къ сожалѣнію, направленными только на дурные и кровожадные инстинкты. Онъ поднялъ все Яицкое войско и, присоединивъ къ нему тысячи заводскихъ крестьянъ, башкиръ и киргизъ-кайсаковъ, сдѣлался полнымъ хозяиномъ обширнаго Оренбургскаго края. Всѣ наши лучшія войска были стянуты въ то время къ западнымъ границамъ, и на окраинахъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ центра Россіи, оставлены были по крѣпостямъ только слабые гарнизоны, въ большинствѣ изъ инвалидныхъ командъ, представлявшихъ собою, какъ выразился Бибиковъ въ донесеніи своемъ Государынѣ, такую негодницу, которую нельзя было назвать даже войскомъ. Этимъ объясняются первые успѣхи Пугачева, имѣвшіе дѣйствительно нѣчто таинственное и необъяснимое. Оренбургъ и Уфа, два главные центра края, были въ осадѣ и бились въ послѣдней агоніи. Маленькія крѣпости падали одна за другой, гарнизоны

сдавались и увеличивали собою шайки мятежниковъ. Молва о Пугачевѣ росла и смущала народъ. Со дня на день ожидали появленія его за Волгой, гдѣ—въ Астрахани, Царицынѣ и Саратовѣ, въ этихъ вѣчныхъ очагахъ возмущенія,—народъ начиналъ уже волноваться. Губернаторомъ въ Астрахани былъ въ то время генералъ Кречетниковъ, который, «желая установить тишину и отвратить людей отъ сообщества съ извѣстнымъ злодѣемъ Пугачевымъ», обнародовалъ прокламацію, читавшуюся во всѣхъ казачьихъ городкахъ и станицахъ, на площадяхъ и въ церквахъ при собраніи всѣхъ казаковъ, «дабы», какъ говорилось, въ ней, «всякій помнилъ свою вѣрноподданническую присягу и пребылъ въ непоколебимой вѣрности Государынѣ, не слушая никакихъ обольщеній, разглашаемыхъ злодѣемъ Пугачевымъ, дерзнувшимъ нагло и безъ всякаго подобія правдѣ назваться именемъ Императора Петра Третьяго». Нѣсколько ранѣе Моздокскій комендантъ далъ предписаніе полковнику Савельеву «о примѣчаніи и о поимкѣ извѣстнаго злодѣя, самозванца Пугачева, въ случаѣ появленія его вблизи казачьихъ городковъ и о томъ кому слѣдуетъ подтвердить и нынѣ и впредь чинить сіе исполненіемъ» (1). Предписаніе, надо сказать, нѣсколько странное, потому что какія же средства имѣлъ Савельевъ схватить Пугачева, противъ котораго безуспѣшно высылались значительные отряды регулярныхъ войскъ.

Въ самомъ началѣ февраля изъ Астрахани дали наконецъ знать, что изъ за Волги на ея нагорную сторону перешла многочисленная партія киргизъ-кайсаковъ, и казакамъ приказано было выставить къ сторонѣ Астраханскихъ степей сильные кордоны, чтобы не пропустить ее на Терекъ. Сначала полагали, что эти киргизы составляютъ передовыя шайки, такъ сказать, авангардъ Пугачева, но скоро убѣдились, что они не имѣли съ нимъ ничего общаго, а просто кинулись на русскія деревни, сожгли и разграбли нѣсколько хуторовъ, разбили станицы Волжскихъ казаковъ, захватили множество плѣнныхъ, угнали весь скотъ и ушли восвояси (2). Едва улеглась эта тревога, какъ пришло новое извѣстіе отъ Астраханскаго губернатора, что мятежники, покушавшіеся напасть на городъ Самару, встрѣчены были нашими войсками и разбиты наголову; у нихъ взято шесть пушекъ и 200 плѣнныхъ, и что Самарскій губернаторъ надѣется, «что и вся тамошняя страна отъ тѣхъ злодѣевъ скоро очищена будетъ» (3). Сообщеніе Кречетникова читалось опять во всѣхъ казачьихъ станицахъ. Но, къ сожалѣнію, все это было далеко отъ истины. Разбита была одна изъ шаекъ Пугачева, но довольно было самому самозванцу, осаждавшему тогда Яицкій городокъ, вернуться назадъ, какъ мятежъ разгорѣлся съ новою силой. Едва Пугачевъ со всѣми силами перешелъ черезъ Волгу, какъ въ краѣ произошло всеобщее смятеніе. Вся нагорная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне

взбунтовались, инородцы и новокрещеные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и приводила къ Пугачеву, который тутъ же казнилъ или миловалъ, смотря по тому, признавали они или не признавали въ лицѣ его своего природнаго государя и самодержца. Бунтъ охватилъ не только Поволжье, но разлился потокомъ по всей Нижегородской губерніи, и тамошній губернаторъ писалъ въ Петербургъ, что участь Нижняго подлежитъ крайнему сомнѣнію и что онъ не ручается даже за самую Москву. Прискорбнѣе всего было то, что Волжское войско, отъ котораго еще такъ недавно отдѣлился Моздокскій полкъ, измѣнило намъ поголовно и, кромѣ старшинъ, едва-едва успѣвшихъ бѣжать въ Саратовъ, стало въ ряды пугачевскихъ шаекъ. Обстоятельство это было тѣмъ болѣе печально, что тѣнь сомнѣнья легко могла упасть и на Моздокскихъ казаковъ, находившихся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ своими сородичами. Но въ Моздокѣ лучше, чѣмъ гдѣ нибудь, знали, что такое Пугачевъ, и потому въ полку не нашлось никого, кто бы согласился быть его сообщникомъ. А Пугачевъ между тѣмъ сжегъ Казань, овладѣлъ Саратовомъ и, спускаясь внизъ по теченію, дошелъ до Царицына, гдѣ былъ наконецъ положенъ предѣлъ его успѣхамъ. Настигнутый войсками, подоспѣвшими съ западной границы, онъ былъ разбитъ, бросился опять въ заволжскія степи, но былъ захваченъ и выданъ въ руки правительства самими казаками, потерявшими надежду на успѣхъ своего мятежа. Бунтъ былъ потушенъ, но чтобы истребить въ народѣ и самую память объ этой кровавой эпохѣ, Императрица уничтожила древнее названіе рѣки, берега которой были первыми свидѣтелями возмущенія, и повелѣло именовать Яикъ Ураломъ, а Яицкое войско войскомъ Уральскимъ. На Дону казаки Зимовейской станицы просили Императрицу переселить ихъ на другое, хотя бы менѣе выгодное, мѣсто. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачное воспоминаніе о мятежникѣ славой имени новаго, восходившаго тогда свѣтила. Домъ Пугачева, находившійся въ той же станицѣ, былъ уже проданъ и перенесенъ на чужой дворъ; его перевезли на прежнее мѣсто и въ присутствіи духовенства и всѣхъ казаковъ сожгли, а палачъ развѣялъ пепелъ на вѣтеръ, затѣмъ дворъ окопали и оставили навѣки въ запустѣніи, какъ мѣсто проклятое Богомъ.

Всѣ эти происшествія случились однако нѣсколько позднѣе описаннаго нами времени, уже лѣтомъ, въ самый острый моментъ турецкой войны, когда Кавказской линіи, стоявшей въ огнѣ отъ края до края, было уже не до Пугачева. Приходилось отстаивать отъ многочисленныхъ враговъ собственное свое существованіе и потому извѣстія, приходившія съ Волги, уже не имѣли въ глазахъ правителей края того значенія, какое имъ

придавалось прежде. Все вниманіе, всѣ силы ихъ были устремлены на то, чтобы удержать за собою Моздокъ и охранить линію. Къ этимъ событіямъ мы теперь и обратимся.

А тѣмъ временемъ Девлетъ-Гирей, покинувъ Закубанье, передвинулся ближе къ Крыму и занялъ Тамань, очищенную русскими по тому же корсунскому договору. Очевидно, гроза собиралась большая, и только не было еще извѣстно, гдѣ она разразится —надъ Дономъ или надъ Моздокомъ. Медемъ держалъ войска наготовѣ, но жаловался на ихъ недостаточность ([4]). «Ногайцы не надежны», писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ, «казакамъ дай Богъ хотя бы свои станицы отстоять. Мнѣ надо идти въ Кабарду, а средствъ у меня нѣту. Въ тылу Кизляръ окруженъ варварскими народами, которые, въ случаѣ нападенія, не только не будутъ защищаться, но еще соединятся съ непріятелемъ». Обстоятельство это, добавляетъ онъ, даетъ особую цѣну вѣрно служащимъ охоченцамъ и другимъ казакамъ изъ инородцевъ. Какія мѣры приняты были имъ въ Гребенскомъ и Терскомъ казачьихъ войскахъ для подготовки къ походу, свѣдѣній не имѣется, но относительно Моздокскаго полка сохранились нѣкоторыя распоряженія Моздокскаго коменданта ([5]). Такъ прежде всего онъ приказалъ приготовить Моздокскій полкъ къ походу въ полномъ составѣ и никакихъ командировокъ изъ него не производить. Наурскую станицу привести въ оборонительное положеніе и поспѣшно строить въ ней укрѣпленіе, куда, при появленіи въ окрестностяхъ сильныхъ скопищъ, должны были собираться жители всѣхъ остальныхъ станицъ и вмѣстѣ со сказочными казаками чинить оборону. Начальство надъ ними приказано поручить такому человѣку, «который бы могъ тѣ семейства и не меньше ихъ, сказочныхъ казаковъ, содержать въ послушаніи и въ добромъ порядкѣ, а отъ непріятеля въ недремотной предосторожности». Всѣ орудія, находившіяся въ казачьихъ городкахъ, также перевести въ Науръ, за исключеніемъ четырехъ мѣдныхъ трехфунтовыхъ пушекъ, которыя передать въ отрядъ генерала Медема, стоявшій на Малкѣ. На обязанность Савельева возложено было также осмотрѣть въ полку лошадей, конскую сбрую, исправность оружія и годность патроновъ. Весь полкъ велѣно собрать въ Наурскую станицу и держать въ совершенной готовности къ походу въ полномъ пятисотенномъ составѣ. При этомъ комендантъ замѣтилъ, что въ полку много малолѣтковъ, недостигшихъ даже 17-лѣтняго возраста, «кои при нынѣшнихъ обстоятельствахъ противъ своей братіи нести службу въ полѣ, а тѣмъ паче противъ непріятеля, не могутъ». Поэтому комендантъ рекомендовалъ полковнику Савельеву немедленно исключить ихъ изъ строя и замѣнить годными и способными, но не менѣе 20 лѣтъ отъ роду ([6]). Замѣнить малолѣтковъ однако было нечѣмъ. Изъ рапорта полковника Савельева мы видимъ, что полкъ и на Терекъ прибылъ не въ полномъ числѣ рядовъ. Два сотника

и 21 казакъ самовольно продолжали жить на прежнихъ мѣстахъ, а другіе хотя и прибыли, но оставили семьи свои на Волгѣ, что и служило главнымъ поводомъ къ частымъ побѣгамъ казаковъ. Съ самаго начала 1774 года бѣжало изъ полка и даже съ форпостовъ еще 15 человѣкъ, и теперь до штата недоставало 39-ти. О высылкѣ ихъ въ полкъ писано было и Астраханскому губернатору, и въ Военную коллегію, но они и до сихъ поръ не были розысканы. «Да если бы ихъ и прислали», писалъ Савельевъ, «то употреблять такихъ казаковъ на форпостную службу ненадежно и крайне опасно». Главное зло, по мнѣнію его, заключалось именно въ семьяхъ, которыя необходимо собрать и выслать въ Моздокъ, иначе побѣги умножатся, а предупреждать ихъ никакъ невозможно ([7]).

А военныя событія тѣмъ временемъ продолжали принимать все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Девлетъ-Гирей, покинувъ Закубанье, подвинулся ближе къ Крыму и занялъ Тамань, очищенную русскими по тому же корсунскому договору. Не имѣя, однако, возможности проникнуть отсюда въ Крымъ черезъ Перекопъ, онъ, съ наступленіемъ весны, двинулся къ Дону черезъ ногайскія степи, гдѣ прежде кочевали калмыки. Это было въ то время, когда Пугачевъ находился уже на Волгѣ и шелъ къ Казани. Страшный самозванецъ успѣлъ поднять за собою всѣ низовыя губерніи до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Донского войска. Но расчеты его въ этомъ случаѣ не оправдались: Донцы сохранили безусловную вѣрность, и ни одинъ изъ нихъ не присоединился къ буйнымъ шайкамъ Яицкихъ и Волжскихъ казаковъ. Такимъ образомъ, Девлетъ-Гирей явился какъ бы его союзникомъ, грозившимъ тому же Дону, но съ противоположной стороны его, отъ южной границы. Положеніе дѣлъ было крайне опасно. Девлетъ велъ за собою 25-тысячное скопище турокъ, татаръ и закубанцевъ, а между тѣмъ Донское войско почти поголовно находилось въ походѣ въ дѣйствующей арміи, и для охраны станицъ оставлены были только три слабые полка, которые вмѣстѣ съ эскадрономъ Ахтырскихъ гусаръ, ротой драгунъ и двумя орудіями подъ общимъ начальствомъ подполковника Бухвостова одновременно наблюдали и за нимъ, и за ногайскими кочевьями. Вотъ этотъ то ничтожный по численности отрядъ встрѣтилъ Девлетъ-Гирея на Черкасскомъ трактѣ и въ памятной битвѣ 3-го апрѣля у рѣчки Калалы разбилъ его на голову. Это была побѣда чисто легендарная, едва ли когда встрѣчавшаяся въ военныхъ лѣтописяхъ: тысяча нашихъ всадниковъ гнали и рубили 25-тысячную армію, объятую непостижимой паникой ([8]). Первымъ и главнымъ результатомъ такого пораженія было отпаденіе отъ крымцевъ закубанскихъ народовъ. По всей вѣроятности, этимъ бы и кончилось, если бы не подоспѣли въ то время новыя просьбы кабардинцевъ, приглашавшихъ Девлетъ-Гирея идти на Моздокъ. Это былъ для него якорь спасенія. Въ Кабарду немедленно былъ

отправленъ нѣкто Шаринъ-кай, родственникъ Крымскаго хана, который, въ сопровожденіи трехъ ассистентовъ, повезъ съ собою значительную сумму денегъ для поддержанія начавшагося движенія.

Медемъ, получившій объ этомъ извѣстіе черезъ лазутчиковъ Таганова, съ своей стороны приказалъ маіору Криднеру въ ту же ночь взять взводъ драгунъ да сотню доброконныхъ Моздокскихъ казаковъ и захватить турецкаго посланника, остановившагося на Басканѣ, въ аулѣ кабардинскаго владѣльца Атажука Хамурзина, верстахъ въ семидесяти отъ нашего лагеря. Это былъ также одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ихъ набѣговъ. Въ одну ночь казаки пронеслись 70 верстъ среди враждебныхъ намъ кабардинскихъ ауловъ, не возбудивъ нигдѣ ни малѣйшей тревоги, и съ разсвѣтомъ, окруживъ аулъ, захватили не только Шаринъ-кая съ его ассистентами, но и самого Атажуку. На возвратномъ пути имъ пришлось выдержать горячую перестрѣлку, но они сохранили плѣнныхъ и благополучно доставили ихъ въ лагерь (9). Между тѣмъ Медемъ передвинулъ свои войска къ Пятигорью и сталъ лагеремъ у горы Бештау. Съ нимъ не было только однихъ Гребенцовъ,—обстоятельство, невольно обращавшее на себя всеобщее вниманіе. Ходили разные толки, но потомъ узнали, «что Гребенское войско», какъ доносилъ Медемъ Военной коллегіи, «навлекло на себя подозрѣніе по приверженности своей къ расколу, въ готовности измѣнить отечеству и бѣжать за Кубань къ Некрасовцамъ». Слухи эти пошли изъ Кабарды, отъ тамошняго пристава Таганова, который сообщилъ Медему, что бывшій Гребенской атаманъ Ивановъ ведетъ секретную переписку съ Некрасовскими казаками, что онъ отправилъ уже нарочныхъ къ Казы-Гирей султану для выбора удобныхъ мѣстъ для поселеній, и что Некрасовцы съ своей стороны послали въ Гребенскіе городки ученаго старца, по имени Арсенія, пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди раскольниковъ и даже татаръ, чтобы склонить къ побѣгу цѣлое войско. Во всемъ этомъ не было и слова правды; но въ первыя минуты Медемъ, быть можетъ, даже подъ впечатлѣніемъ недавней измѣны Волжскаго войска, передавшагося Пугачеву, далъ полную вѣру доносу и рѣшилъ «употреблять Гребенцовъ на службу съ крайней осторожностью». Онъ даже не счелъ возможнымъ взять ихъ съ собою въ лагерь и оставилъ въ домахъ подъ предлогомъ защиты своихъ городковъ. За Гребенцами учрежденъ былъ секретный надзоръ, но самое строгое слѣдствіе показало только, что никакой переписки и пересылокъ не было, никакого старца въ казачьихъ городкахъ не появлялось, и Медемъ, благородно сознавшись въ своей ошибкѣ, донесъ 20 іюня военной коллегіи, что «всѣ возведенные на Гребенцовъ извѣты оказались злостною клеветою» (10).

Нѣсколько дней не было никакихъ извѣстій, какъ вдругъ 28 апрѣля одинъ армянинъ, по имени Аганесъ Назаровъ, не задолго передъ тѣмъ бѣ-

жавшій изъ Моздока, явился въ лагерь и сообщилъ, что двѣ тысячи кабардинцевъ идутъ съ тѣмъ, чтобы напасть на казачьи станицы, или, по крайней мѣрѣ, захватить то, что встрѣтится имъ на поляхъ и пашняхъ. Онъ самъ ѣхалъ съ этою партіей, но съ дороги бѣжалъ, чтобы предупредить русскихъ и заслужить прощеніе. По его расчетамъ, кабардинцы къ разсвѣу могли быть уже у Моздока. Высланный на развѣдки небольшой отрядъ изъ гусаръ и части Моздокскихъ казаковъ подъ начальствомъ маіора Криднера дѣйствительно встрѣтилъ ихъ въ ту же ночь на Малкѣ, у нашего карантина. Тамъ уже ихъ ожидали: гарнизонъ стоялъ вружье, а все, что находилось въ карантинѣ, вмѣстѣ съ легкой полевой командой, оставленной здѣсь Медемомъ, перевезено было въ редутъ, встрѣтившій непріятеля пушечными выстрѣлами. Кабардинцы зажгли карантинъ, но не рѣшались штурмовать редута. Двѣ ночи подходили они къ нему то съ той, то съ другой стороны, но, видя повсюду готовность къ отпору и поражаемые картечью и ядрами, отказались наконецъ отъ своего намѣренія и съ разсвѣтомъ 1-го мая ушли обратно за Малку. Отрядъ Криднера также возвратился въ лагерь.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ того не было никакихъ происшествій. Казалось, все успокоилось. Но Медемъ понималъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ подобное затишье могло быть только затишьемъ передъ новой бурей. И дѣйствительно, 8-го іюня прискакалъ уздень отъ князя Таусултана, владѣльца Малой Кабарды, съ извѣстіемъ, что сильный Турецкій корпусъ идетъ на Малку, приглашая кабардинскихъ владѣльцевъ присоединиться къ нему со своими подвластными, чтобы одновременно уничтожить всѣ русскія поселенія по Тереку. Самого Девлетъ-Гирея съ ними не было, онъ уѣхалъ въ Крымъ и поручилъ войска своему помощнику Калгѣ Шабазъ-Гирею-султану. Близость непріятеля не замедлила сказаться и въ появленіи какихъ то развѣдочныхъ партій, дерзко подъѣзжавшихъ подъ самыя стѣны Моздока. Городскіе жители, озабоченные собственной обороной, сами образовали дружину охотниковъ, вызвавшихся служить волонтерами. Но въ первую же ночь четыре человѣка, отправившихся изъ нихъ на развѣдки, не вернулись назадъ, а къ утру оказалось, что трое изъ нихъ были убиты, а четвертый пропалъ безъ вѣсти. Немногіе кабардинскіе владѣльцы, сохранившіе намъ вѣрность, просили у Медема защиты противъ своихъ же кабардинцевъ, которые массами переходили на сторону турокъ. Медемъ немедленно отправилъ на Малку небольшой отрядъ маіора Криднера, приказавъ ему стать у Бештамакскаго редута, гдѣ нынѣ находится Екатериноградская станица. Тамъ присоединились къ нему еще 80 кабардинцевъ, прибывшихъ съ своимъ владѣтелемъ Гиреемъ Касаевымъ, но болѣе никто не явился. Небольшой отрядъ Криднера естественно не могъ помѣшать соединенію Шабаза съ кабардинцами и при появ-

леніи на Малкѣ главнаго скопища отошелъ къ Моздоку.. Теперь надо было ожидать появленія непріятеля съ минуты на минуту. Моздокскій гарнизонъ приготовился къ бою; въ составъ его вошла между прочимъ и команда изъ двадцати Гребенскихъ казаковъ, державшихъ здѣсь почтовую гоньбу, отъ которой на это тревожное время избавлены были Моздокцы. Весь Моздокскій полкъ, подъ командой самого полковника Савельева, собранъ былъ въ Науръ, куда перевели и жителей прочихъ станицъ со всѣми семьями и имуществомъ, которыя можно было только забрать. Вся линія готовилась къ оборонѣ. Сомнѣнія относительно Гребенского войска совершенно разсѣялись. Гребенцы, вѣрные долгу, отказались принять прокламаціи Некрасовцевъ, да и сами Некрасовцы, какъ оказалось впослѣдствіи, разсылали ихъ только для вида подъ давленіемъ Кубанскаго сераскира, не имѣя никакого намѣренія серьезно возмущать казаковъ. Они дѣйствительно участвовали въ походѣ, но отказались сражаться противъ русскихъ. И вотъ, 11 іюня огромное скопище появилось въ виду Моздока. Впереди всѣхъ гарцовали измѣнившіе намъ кабардинцы. Они проходили такъ близко отъ крѣпости, что по нимъ открыли пушечный огонь. Горцы обошли, однако, Моздокъ и со всѣми силами вдругъ бросились на новыя, только недавно отстроенныя станицы Моздокскихъ казаковъ. Но городки, къ удивленію ихъ, оказались пустыми. Тогда они устремились къ Науру, а вслѣдъ за ними широкое зарево разлилось по всему небосклону: то горѣли зажженные ими казачьи городки, въ которыхъ разграблено было все, что только въ нихъ оставалось ([11]). На оборонѣ Наура мы должны остановиться потому, что она составляетъ не только одинъ изъ блестящихъ эпизодовъ боевой жизни Кавказа, но и ярко рисуетъ бытовую сторону казачества, среди котораго женщина, вѣчная труженица въ мирное время, въ минуты опасности являлась такимъ же бойцомъ, какъ ея отецъ, мужъ или сынъ.

Былъ духовъ день. Казаки съ своими семьями, разодѣтыми попраздничному, находились въ церкви, когда на пикетахъ вдругъ раздались ружейные выстрѣлы, и прискакавшій во весь опоръ казакъ крикнулъ магическое «идутъ». Все бросилось къ оружію. Черезъ часъ, 11-го іюня 1774 года, станица была уже обложена восьмитысячнымъ скопищемъ. Горцы, очевидно, расчитывали захватить ее врасплохъ и вовсе не знали объ ея укрѣпленіи. А между тѣмъ станица была обнесена высокимъ валомъ съ колючимъ терновникомъ, оборона рвовъ была усилена рогатками; на валу стояли четыре орудія, а въ срединѣ возвышался сильный редюитъ.

Начался отчаянный приступъ. Некрасовцы въ немъ, однако, не участвовали; они стояли въ сторонѣ и своими криками даже ободряли защитниковъ. Савельевъ лично распоряжался всею обороной. Разряженныя въ пухъ, Моздокскія казачки, не успѣвшія сбросить свои нарядные сара-

фаны, высыпали также на валъ, вооружившись серпами, вилами и косами; на нихъ Савельевъ возложилъ обязанность поддерживать горящіе костры, разогрѣвать смолу и лить кипятокъ на головы штурмующихъ. Сохранилось преданіе, что даже праздничные щи, готовившіеся въ тотъ день къ обѣду, пошли у нихъ на дѣло защиты. Моздокскія казачки не пугались ни свиста пуль, ни стрѣлъ, ни дикаго рева и гика нападающихъ. Спокойно, рядомъ со старыми волжскими бойцами, встрѣчали они яростныя атаки татаръ, обливали ихъ кипящей смолой, защищались серпами и косили ихъ косами; онѣ же перетаскивали на рукахъ чугунныя пушки съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ усиливался приступъ. Въ рапортѣ Моздокскаго коменданта, описывавшаго это дѣло въ донесеніи начальнику Кизляра, говорится: «Нѣкоторыя не точію казачьи жены, но и дѣвки, иныя съ ружьями, а прочія съ косами къ отраженію непріятеля такъ вспомоществовали, что изъ бабъ оказались такія, кои изъ ружей стрѣляли зарядовъ до двадцати, а одна изъ нихъ, будучи съ косою, у непріятеля, при устремленіи его на валу къ рогаткѣ, срѣзала голову и завладѣла его ружьемъ (12).

12-ть часовъ длилась кровавая борьба за обладаніе Науромъ, и цѣлый день истомленные боемъ наурцы ожидали выручки; но выручка не появлялась. Медемъ, зная, что на помощь къ Шабазу идутъ значительныя силы чеченцевъ и кумыковъ, сталъ у Моздока, охраняя эту важную для цѣлаго края крѣпость. Дать знать въ Кизляръ также было невозможно; сухопутныя сообщенія были прерваны, а нѣсколько казаковъ, вызвавшихся отправиться въ каюкѣ водою, попали подъ сильный перекрестный огонь съ обоихъ береговъ Терека и вынуждены были возвратиться назадъ. Изрѣшетченный пулями каюкъ пошелъ ко дну, а казаки, спасаясь въ прибрежныхъ камышахъ и заросляхъ лѣса, едва-едва добрались до Моздока. Къ вечеру бой сталъ затихать. Непріятель, видимо, истощился въ безплодныхъ усиліяхъ овладѣть Науромъ и временно затихъ. Преданіе говоритъ, что въ эту то минуту казакъ, по фамиліи Перепорхъ, направилъ орудіе на Курганъ, гдѣ была ставка Шабаза, и удачнымъ выстрѣломъ разнесъ палатку Калги и вмѣстѣ съ тѣмъ убилъ любимаго его племянника. Въ этой случайности Калга увидѣлъ дурное предзнаменованіе и, снявъ осаду, ночью потянулся обратно. 12 іюня разбитое скопище опять прошло мимо Моздока и опять, встрѣченное пушечными выстрѣлами, потеряло, по словамъ выбѣжавшаго изъ плѣна казака, нѣсколько лошадей и двухъ человѣкъ убитыми. За Моздокомъ Калга переправился черезъ Терекъ и остановился въ Большой Кабардѣ на р. Чегемѣ.

Полагаютъ вообще, что потеря непріятеля простиралась до 800 человѣкъ и что большая часть ея пала на кабардинцевъ. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ изъ знатнѣйшихъ владѣльцевъ князь Коргока Татархановъ,—

тотъ самый, который ѣздилъ депутатомъ въ Петербургъ, былъ награжденъ чиномъ капитана съ приличнымъ жалованьемъ, а теперь измѣнившій намъ и командовавшій въ бою кабардинцами. Тѣло его осталось на полѣ сраженія и было захвачено казаками. Уже одно обстоятельство показываетъ, какъ сильно было смятеніе татаръ, считающихъ священнымъ долгомъ выносить изъ боя убитыхъ товарищей, а тѣмъ болѣе вождей и предводителей. Много увезено было ими тѣлъ съ собою, но еще большее число ихъ было зарыто по дорогѣ въ камышахъ и на пашняхъ. Увезено ли было тѣло убитаго Гирея, племянника Калги, или погребено было на томъ самомъ курганѣ, гдѣ стояла гирейская ставка, точныхъ свѣдѣній не имѣется.

Спустя много лѣтъ послѣ этого событія, въ 1838 году, разрывая однажды этотъ курганъ, на которомъ, по разсказамъ ихъ дѣдовъ, стояла ставка крымскаго хана, нашли въ землѣ человѣческія кости, серебряный кувшинъ и золотыя украшенія съ пояса и сѣдельнаго убора. Кто знаетъ, быть можетъ, это и были останки того человѣка, случайная смерть котораго рѣшила, по преданіямъ, участь Наурской осады. Хотя разсказъ о казакѣ Перепорхѣ и его удачномъ выстрѣлѣ и довольно популяренъ среди жителей Наурской станицы, но большинство казаковъ, по словамъ одного путешественника, ([13]) и донынѣ приписываютъ снятіе осады и бѣгство непріятеля только особому Божьему покровительству. Говорятъ, что 11-го іюня, въ день памяти святыхъ апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, два всадника на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлой одеждѣ въ разгаръ самаго боя проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ паническій ужасъ. Въ ознаменованіе этого событія въ Наурской церкви устроенъ особый придѣлъ во имя апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, и день 11-го іюня празднуется въ Моздокскомъ полку до настоящаго времени.

«Это бабій праздникъ», говорятъ о немъ казаки, вспоминая славное участіе, которое приняло въ бою женское населеніе станицы. Многія изъ представительницъ этого подвига дожили до позднѣйшаго времени; посѣтители Наура часто встрѣчали старыхъ героинь, украшенныхъ медалями, учрежденными Императрицей Екатериной II за турецкую войну 1769—1774 годовъ. Видная роль, выпавшая на долю женщинъ при защитѣ Наура, была особенною причиною, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего пораженія. Даже мирные изъ нихъ старались не встрѣчаться съ Моздокскимъ казакомъ, боясь насмѣшекъ на счетъ того, «какъ Кабарда пошла воевать, да не управилась съ казацкими бабами». Когда же приходилось встрѣчать кого-нибудь изъ нихъ съ обожженнымъ лицомъ, то казакъ и казачка уже навѣрное не пропустятъ, бывало, случая позубоскалить надъ злополучнымъ джигитомъ.

«А что, досъ (пріятель), не щи-ли въ Наурѣ хлѣбалъ?» спроситъ, бы-

вало, казакъ и провожаетъ добродушнымъ смѣхомъ угрюмо молчащаго кабардинца ([14]).

Геройскую оборону Наура Медемъ всецѣло приписывалъ храбрости и распоряженіямъ полковника Савельева, который, «подавая собою примѣръ неустрашимаго и ревностнаго въ долгу обрученномъ ему обществѣ начальника, столь разилъ того непріятеля, что оный съ превеликой потерей бѣжалъ отъ станицы» ([15]).

Празднуя побѣду, Моздокскому полку приходилось, однако, подумать и о полномъ своемъ разореніи. «Кромѣ убитыхъ и забранныхъ въ полонъ людей», какъ доносилъ Моздокскій комендантъ, «претензіи однихъ наурцевъ за убытки, причиненные непріятелемъ, исчисляются въ 16120 руб. 15 коп., а елико касается до таковыхъ же убытковъ въ другихъ Моздокскихъ станицахъ, то оное простирается до 34497 руб. 14 коп., черезъ что казаки пришли въ такое разореніе, что и службы даже исполнять не могутъ» ([16]). Дѣйствительно, четыре станицы были разорены до основанія. Всѣ жизненныя заготовленія казаковъ, которые по переселенію съ Волги только что стали заводиться домами и хозяйствомъ, были истреблены, посѣянныя поля вытоптали, хлѣбъ, сложенный въ скирды, стога соломы и сѣна—все было предано пламени, а скотъ, который не могъ помѣститься за станичной оградой, остался въ рукахъ непріятеля. Моздокскій комендантъ ходатайствовалъ, чтобы Моздокскому полку дать нѣкоторое льготное время, дабы построить избы и обзавестись наново хоть маленькимъ хозяйствомъ.

Но не то было время, чтобы думать о льготахъ. Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ отбитаго штурма, какъ передъ Науромъ, по ту сторону Терека появилась трехтысячная партія чеченцевъ и кумыковъ. Она, очевидно, стремилась соединиться съ Калгою, но опоздала и, узнавъ о его пораженіи, бросилась вверхъ по Тереку, расчитывая найти его еще въ Кабардѣ. Тогда Савельевъ со всѣмъ Моздокскимъ полкомъ и поручикъ Зиминъ съ гусарами переправились на правый берегъ рѣки и 18 іюня успѣли пересѣчь имъ путь. Савельевъ устроилъ засаду. Встрѣченные внезапнымъ картечнымъ огнемъ изъ орудій, искусно скрытыхъ въ густыхъ кустахъ, чеченцы смѣшались, а ударъ казаковъ и гусаръ довершилъ ихъ пораженіе. Вся партія разсѣялась. Около 76 человѣкъ были изрублены, и казаки привезли съ собою въ Моздокъ три знамя, 20 тѣлъ и 12 татарскихъ головъ ([17]).

Успокоившись теперь на счетъ чеченцевъ и давъ казакамъ отдохнуть цѣлый мѣсяцъ, Медемъ со всѣмъ отрядомъ самъ вступилъ въ Кабарду, гдѣ Шабазъ-Гирей продолжалъ стоять въ Чегемскихъ горахъ. На этотъ разъ Гребенцы помимо боевого отряда выставили изъ своихъ город-

ковъ для перевозки провіанта за войсками 24 вьючныхъ лошади при отставныхъ и неслужащихъ казакахъ. Бой произошелъ 27 августа на рѣкѣ Гунделенѣ, и разбитые на голову остатки крымскихъ татаръ отброшены были за Кубань. Этимъ окончились военныя дѣйствія, такъ какъ получено было извѣстіе о заключеніи 10-го іюля 1774 года Кучукъ-кайнарджикскаго мира, по которому Большая и Малая Кабарда признаны подвластными Россіи.

Глава XII.

Окончилась турецкая война, но не окончились тревоги на Терекѣ. То чеченцы собирали значительныя силы на Сунжѣ, тревожа тѣмъ сосѣдніе народы, то бунтовали кумыки, то ингуши вторгались въ Кабарду, или кабардинцы громили ингушей,—и горсть нашихъ казаковъ должна была поспѣвать повсюду, чтобы разгонять однихъ и недопускать другихъ до междоусобицъ, всегда тяжело отзывавшихся на Линіи. Тревоги были явленіемъ обычнымъ и ежедневнымъ. А какъ только сумерки спускались на землю, абреки и одиночные хищники—этотъ страшный бичъ казачьей жизни на Кавказѣ—скрытно перебирались за Терекъ и рыскали, какъ дикіе звѣри, по казачьимъ полямъ, вокругъ городковъ, выслѣживая добычу. Они хватали оплошныхъ людей, угоняли скотъ и, по словамъ тогдашнихъ донесеній, «чинили смертоубійство». Истребляли однихъ, появлялись другіе, потому что не одна добыча, а слава наѣздника толкала ихъ на эти опасныя экскурсіи. При такихъ условіяхъ ни одинъ казакъ не ложился спать безъ ружья наготовѣ, не выходилъ изъ хаты на собственный дворъ безъ кинжала на поясѣ. Абрекъ встрѣчался лицомъ къ лицу всегда неожиданно, и никакіе запоры и предосторожности не спасали казака отъ дерзкаго противника. А тутъ подоспѣлъ еще походъ въ Дагестанъ, гдѣ русскіе не бывали со временъ Анны Іоанновны.

Поводомъ къ этому послужилъ Уцмій Каракатайтахскій, вѣроломно захватившій въ плѣнъ академика Гмелина, возвращавшагося черезъ его владѣнія послѣ своихъ научныхъ экскурсій въ Персіи. Уцмій самъ просилъ его въ гости, но едва довѣрчивый Гмелинъ переступилъ порогъ его, какъ былъ измѣннически схваченъ и объявленъ плѣнникомъ. Съ нимъ вмѣстѣ захвачено было нѣсколько человѣкъ, сопровождавшихъ его въ научныхъ экскурсіяхъ, и въ томъ числѣ два Гребенскихъ казака, находившихся въ качествѣ препараторовъ для выдѣлки чучелъ изъ мѣстныхъ птицъ и звѣрей. По возникшей перепискѣ, гребенцы были отпущены, но за остальныхъ Уцмій потребовалъ выкупъ въ 30 тысячъ рублей серебромъ. Пока велись переговоры, Гмелинъ испилъ до конца горькую чашу страданій и въ глубокой тоскѣ по родинѣ умеръ 27-го іюня 1774 года. Вмѣстѣ съ нимъ погибли и всѣ его труды, которые могли бы обогатить науку, но не доставили горцамъ ни малѣйшей наживы (1).

Когда Императрица получила извѣстіе о плѣненіи и смерти Гмелина, она была возмущена вѣроломствомъ Уцмія и приказала Медему разорить его владѣнія. Но Медемъ могъ собраться въ походъ только въ мартѣ 1775 года. Онъ возложилъ охрану Линіи на Терскія казачьи войска и, взявъ съ собою Гребенской и Моздокскій полки ([2]), тысячу калмыковъ, легкую полевую команду и двѣ сотни казаковъ, высланныхъ къ нему изъ Астрахани, всего до 3000 человѣкъ, вступилъ въ Дагестанъ. Уцмій въ это время осаждалъ Дербентъ. Уже девять мѣсяцевъ тянулась осада, и Дербентъ, томимый голодомъ, былъ близокъ къ сдачѣ, когда извѣстіе о приближеніи русскихъ заставило Уцмія отступить отъ города. Въ битвѣ при Иранъ-Харабѣ (погибель Персіи), Уцмій былъ разбитъ, и наши войска произвели страшныя опустошенія въ его владѣніяхъ. Особенно упорный бой произошелъ 23 іюля при усмиреніи Горячевцевъ, (вѣроятно Исти-су на Качкалыковскомъ хребтѣ), гдѣ участвовали Моздокскія сотни съ двумя трехфунтовыми орудіями, подъ командой есаула Агафонова. Изъ его рапорта видно, что выпущено было 120 пушечныхъ снарядовъ, а порохъ, выданный казакамъ по фунту на человѣка, израсходованъ весь безъ остатка ([3]). Имя «глухого генерала» (Медемъ не слышалъ на одно ухо) долго оставалось въ преданіяхъ горскихъ племенъ, но, къ сожалѣнію, онъ превысилъ свои полномочія и, не довольствуясь разбитіемъ Уцмія, занялъ Дербентъ, принадлежащій персидскому шаху. Городскіе ключи, поднесенные Медему самимъ Фетали-Ханомъ Дербентскимъ, немедленно отправлены были къ Императрицѣ. Не ограничиваясь даже и этимъ, Медемъ, вздумалъ принять участіе въ войнѣ Дербентскаго владѣтеля съ Кавказскими горцами и выслалъ небольшой отрядъ подъ командой маіора Криднера въ Табасаранскія горы; участвовали въ ней и наши Моздокскіе казаки. Но экспедиція была неудачна. Способный и храбрый офицеръ, Криднеръ былъ не знакомъ съ тамошнею мѣстностью, далъ возможность непріятелю окружить себя въ горныхъ ущельяхъ, потерялъ два знамени и едва успѣлъ отступить къ Дербенту. Медемъ выкупилъ эти знамена за 170 руб.—пріемъ, немыслимый нынѣ, но въ ту эпоху не разъ практиковавшійся съ горцами, не имѣвшими представленія о значеніи подобныхъ трофеевъ въ европейскихъ войскахъ.

По возвращеніи Криднера Медемъ въ началѣ 1776 года оставилъ его въ Дербентѣ съ отрядомъ въ 1500 человѣкъ, вызвавъ сюда еще сотню Терско-Семейныхъ казаковъ, а самъ съ остальными войсками и въ томъ числѣ съ Моздокскимъ полкомъ поспѣшилъ возвратиться на Линію, гдѣ въ его отсутствіе возникли новыя волненія въ Чечнѣ и Кабардѣ. Причиною ихъ было то, что Девлетъ-Гирей, воспользовавшись удаленіемъ русскихъ войскъ отъ Перекопа, вслѣдствіе заключеннаго мира между Россіей и Турціею, вторгнулся въ Крымъ, низложилъ Сагибъ-Гирея, занялъ всѣ крѣпости ту-

рецкими гарнизонами и объявилъ Кабарду принадлежащею Крыму. Это явное нарушеніе послѣдняго мирнаго договора, однако, не вызвало особыхъ осложненій. Суворовъ быстро водворилъ порядокъ въ Крыму, а внезапное появленіе Медема съ отрядомъ на Малкѣ побудило кабардинцевъ вновь присягнуть России и выдать аманатовъ. Труднѣе управиться было съ чеченцами, которые, пользуясь смятеніемъ въ Кабардѣ, держали положительно въ осадѣ казачьи городки на Терекѣ, Медемъ засталъ сильное скопище передъ Старогладковскою станицей Гребенского войска, разбилъ его и, преслѣдуя за Терекъ, сжегъ нѣсколько чеченскихъ ауловъ, истребилъ хлѣба и огромные запасы сѣна. Чеченцы смирились. Но это были и послѣднія дѣйствія Медема. Занятіе Дербента, создавшее намъ въ лицѣ Персіи новыхъ враговъ на нашихъ окраинахъ, вовсе не входило въ расчеты русскаго правительства, а потому Императрица приказала отправить Дербентскіе ключи обратно Фетали-хану, а русскій отрядъ немедленно возвратить на Терекъ. Вслѣдъ затѣмъ и самъ Медемъ весною 1777 года отозванъ былъ съ Кавказа, и на его мѣсто назначенъ генералъ-маіоръ Якоби.

Еще по окончаніи первой турецкой войны, 23 ноября 1775 года, намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ Новороссійскимъ, Азовскимъ и Астраханскимъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Григорій Александровичъ Потемкинъ. Ему же подчинены были и всѣ казачьи войска, находившіяся въ этомъ намѣстничествѣ. Самому Потемкину, навсегда оставившему по себѣ память государственнаго человѣка, отличавшагося рѣдкими дарованіями администратора и организатора,—не довелось быть ни на Волгѣ, ни въ Астрахани; онъ имѣлъ ясное представленіе о казачьихъ войскахъ тамошняго края изъ подробнаго и весьма обстоятельнаго доклада Астраханскаго губернатора Кречетникова, умѣло и ярко обрисовавшаго какъ внутренній строй, такъ и духовныя силы каждаго казачьяго войска. Вотъ что онъ писалъ Потемкину ([1]): 1) Волжское войско состоитъ изъ 540 человѣкъ и имѣетъ у себя войскового атамана Персидскаго. Поселены казаки въ пяти станицахъ по Волгѣ, имѣютъ довольныя и способныя къ хлѣбопашеству земли, изобильныя рыбныя ловли, а также и свободную винную продажу, черезъ что старшины ихъ весьма изобилуютъ, но сами казаки вообще занимаютъ только имя казачье, а дѣлъ казачьихъ по должности ихъ не видно. Въ декабрѣ 1773 года киргизы сдѣлали набѣгъ на ихъ станицы, и они оказались столь слабыми въ защитѣ, что истинно онъ, губернаторъ, не могъ чаять того отъ нашихъ казаковъ, потерявшихъ при этомъ случаѣ много женъ, дѣтей и имущества. Въ проѣздъ свой изъ Саратова въ Астрахань онъ самъ видѣлъ войско и не нашелъ въ немъ ни казаковъ исправныхъ и ни единаго порядочнаго станичнаго атамана; когда же онъ прибылъ въ Дубовку, гдѣ живетъ самъ

войсковой атаманъ Персидскій, то всѣхъ ихъ первѣйшихъ старшинъ засталъ живущими въ полномъ довольствѣ и изобиліи и упражняющимися въ своихъ промыслахъ, но весьма мало кто изъ нихъ имѣлъ видъ добраго казачьяго начальника, а большинство обращалось въ пьянствѣ. Когда онъ, губернаторъ, порицалъ ихъ за потерю собственныхъ женъ и дѣтей, то они извинялись только нечаянностью нападенія, хотя имъ не одинъ разъ предписывалась строгость въ исполненіи по присягѣ своей казачьей должности. При приближеніи злодѣя (Пугачева) всѣ они не только въ толпу его предались, но Балыклейская станица еще до прихода злодѣя не впустила къ себѣ посланную имъ, губернаторомъ, легкую команду и, встрѣтивъ ее стрѣльбою изъ пушекъ, заставила отойти, а злодѣя пустила. И хотя самъ атаманъ Персидскій со старшинами ушелъ въ Царицынъ и пребывалъ, въ вѣрности, однако, если бъ онъ порядочно смотрѣлъ за своею командою, то такого бунта и неустройства въ войскѣ быть не могло бы. Въ отвращеніи сего зла и дабы въ нихъ не укоренился и не сдѣлалъ бы ихъ готовыми на вѣчное злодѣяніе, то онъ, губернаторъ, признаетъ за полезное по малочисленности переселить его въ три станицы, и при каждой изъ нихъ отвести земли для нѣсколькихъ отставныхъ солдатъ, прочія же двѣ станицы съ землями отдать въ поселеніе солдатамъ, гдѣ и можно помѣстить ихъ по цѣлому батальону. Затѣмъ все Волжское войско подчинить Царицынскому коменданту, который долженъ быть свѣдущъ въ военной службѣ, и держать ихъ въ исправности и въ эволюціяхъ, приличныхъ казакамъ. Правда, что сіе подчиненіе регулярнымъ начальникамъ будетъ имъ на первый случай не безъ тягости, однако же имъ и по самой справедливости сіе должно учинить за ихъ невѣрность и нарушеніе присяги предательствомъ себя къ злодѣю, и должны они важную вину сію заслужить, а когда приведены будутъ въ исправность, тогда по усмотрѣнію и перемѣнить будетъ можно или же они и совсѣмъ къ тому привыкнутъ. 2) Астраханскій казачій полкъ состоитъ изъ 540 человѣкъ, изъ которыхъ 280 поселены вверхъ по Волгѣ до Чернаго Яра въ пяти станицахъ, на весьма худыхъ земляхъ, гдѣ хлѣбопашества нѣтъ никакого, да и быть не можетъ по крайне худой и песчаной землѣ, такъ что по всей степи никакой травы не растетъ, кромѣ верблюжьей, называемой дикой крапивой, или колючекъ и полыни, а оттого и казаки живутъ недостаточно. Однако должно имъ отдать справедливость, что во время злодѣйскаго нашествія всѣ они пребыли въ вѣрности, такъ что изъ всего общества одинъ только депутатъ Горской, проживающій въ Дубовкѣ бездѣльникомъ, былъ у злодѣя, но и тотъ на послѣдокъ пойманъ и присланъ къ должному наказанію.

Никакихъ привольностей при оныхъ станицахъ нѣтъ, кромѣ однихъ сѣнныхъ луговъ, кои только все продовольствіе ихъ составляютъ. Между

тѣмъ по указу правительствующаго сената имъ должны быть отведены рѣчныя воды изъ числа купеческихъ по пяти верстъ на каждую станицу. Но таковыя воды отведены только одной ближайшей къ Астрахани Лебяженской станицѣ, а прочія ихъ не имѣютъ и потому губернаторъ приказалъ отвести ихъ теперь же. Остальные Астраханскіе казаки живутъ въ Царицынѣ и въ Дмитріевскѣ по сто человѣкъ, въ Красномъ Яру 50 человѣкъ и въ Енотаевскѣ, гдѣ была ставка калмыцкаго хана, 26. Всѣ они поселены тамъ съ давнихъ временъ, съ начала заведенія сихъ городковъ живутъ въ нихъ своими домами и пользуются угодьями въ городскихъ дачахъ вмѣстѣ съ обывателями. Астраханскій полкъ имѣетъ у себя полковникомъ Смирнова, человѣка стараго, безграмотнаго, весьма слабаго и неспособнаго къ приведенію полка въ доброе состояніе, а паче потому, что старшины, у него находящіеся, также во всемъ подобны ему. Въ самомъ полку число казаковъ такъ мало, что онъ только числится полкомъ, а на самомъ дѣлѣ его почти нѣтъ. Посему губернаторъ полагалъ, что Астраханскій казачій полкъ крайне необходимо усилить до полнаго комплекта, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ отражать нападенія киргизовъ, а для сего нужно переселить сюда по нѣсколько семей съ Дона, Яика и даже изъ числа малороссійскихъ казаковъ. Надзоръ за полкомъ поручить губернатору, который тогда по своему усмотрѣнію и Красный Яръ, и другіе вышепомянутые города могъ бы снабжать казаками изъ ихъ же казачьихъ дѣтей малолѣтковъ, коихъ и нынѣ найдется довольно. А какъ старшины казачьи во всѣхъ сихъ городахъ слабы и къ приведенію казаковъ въ должный порядокъ безнадежны, то онъ, губернаторъ, будучи извѣстенъ по своему опыту и не малой службѣ въ арміи, что лучшій изъ всѣхъ легкихъ войскъ есть Чугуевскій казачій полкъ, но что общество его до того умножилось, что въ Чугуевѣ и жить стало негдѣ и къ содержанію казаковъ нѣтъ уже и земли, ни угодій, то полагалъ бы изъ онаго полка заслуженныхъ и добраго поведенія старшинъ опредѣлить въ здѣшнія войска полковниками, а урядниковъ и старыхъ казаковъ сотниками и есаулами, а тогда-бъ и здѣшніе казаки не чувствительно въ Чугуевскій обрядъ пришли и были бы въ лучшемъ состояніи, нежели нынѣ. 3) въ Кизлярскомъ краѣ въ станицахъ, поселенныхъ по Тереку, казаковъ считается въ самомъ Кизлярѣ 90, да при нихъ новокрещенныхъ горцевъ 24 и охоченскихъ магометанскаго исповѣданія 17, въ Терско-Семейномъ войскѣ 452 человѣка, въ Гребенскомъ 500 и въ Моздокскомъ казачьемъ полку 767, окромя охоченцевъ и новокрещенныхъ, которыхъ 104 человѣка. Всѣ казаки по Тереку имѣютъ земли, удобныя для хлѣбопашества, но сѣютъ несказанно мало, занимаясь болѣе выдѣлкою изъ своихъ виноградныхъ садовъ вина, которое подъ здѣшнимъ названіемъ чихирь расходится по всей Астраханской губерніи и почитается лучшимъ. Луговыя мѣста также

нарочито хорошія для скотоводства, отчего всѣ и казаки доброконны. Затѣмъ жены ихъ дѣлаютъ шолкъ, но оный употребляется больше для домашняго обиходу, а въ продажу по малой добротѣ своей идетъ мало. Здѣся, какъ и въ другихъ шелковыхъ заводахъ по Тереку, шелкъ не имѣетъ такой чистоты и глянца, какъ, напримѣръ, въ Ахтубѣ, для того, что мотаютъ его не съ ледяной воды, ибо во всемъ Кизлярскомъ краѣ льду не бываетъ. Что касается лѣса, то всѣ станицы имъ не весьма изобилуютъ, однакожъ на дрова при доброй бережѣ безъ нужды хватаетъ, кромѣ Кизляра, гдѣ лѣсу совсѣмъ нѣтъ, а доставляютъ его изъ дальнихъ станицъ или отъ горцевъ, черезъ что въ городѣ дрова восходятъ до пяти рублей сажень. По службѣ Ея Императорскаго Величества всѣ сіи казаки отличные и находятся во всей казачьей исправности, какъ лошадьми, такъ оружіемъ и снаряженіемъ, состоящіе при нихъ старшины—люди достойные, и онъ, губернаторъ, достовѣрно свидѣтельствуетъ, что никакъ не ожидалъ встрѣтить такихъ хорошихъ старшинъ и казаковъ, каковыми они есть на самомъ дѣлѣ, какъ по храбрости, такъ и расторопности и ревности въ службѣ, за что ихъ весьма похваляетъ генералъ Де-Медемъ. Но и здѣсь губернаторъ указываетъ на необходимость удвоить комплектъ казаковъ, кромѣ Моздокскаго полка, который недавно переселенъ и еще не обстроился. На первый разъ средствомъ къ этому, по мнѣнію его, могли бы послужить ихъ же казачьи дѣти, коихъ они называютъ малолѣтками, а при недостаткѣ ихъ можно бы дозволить переселяться сюда казакамъ съ Дона и Яика, а также крещенымъ калмыкамъ и горцамъ, кои сами добровольно станутъ являться или пожелаютъ отдать въ казачью службу своихъ сыновей. А такъ какъ горскіе народы весьма склонны къ казачьей службы, то должно ожидать немалаго числа ихъ, черезъ что и та польза будетъ, что, поселяясь въ казачьихъ станицахъ, они сдѣлаются нашими подданными.

Въ бытность свою въ Кизлярѣ губернаторъ собиралъ старшинъ и говорилъ съ ними о желательномъ приведеніи казаковъ въ нѣкоторую регулярность, поставляя въ примѣръ Чугуевскій казачій полкъ, который носитъ платье казачьяго покроя, но одинаковаго цвѣта, а ружья имѣютъ однокалиберныя и на перевязяхъ, черезъ что самое заряжаніе скорѣе, а возка ружья удобнѣе; во время похода Чугуевцы ѣздятъ не въ разбродъ или толпою, а по четыре и по два и становятся фронтомъ, отчего видъ пріобрѣтаютъ порядочный и дѣйствуютъ храбрѣе, имѣя поддержку другъ въ другѣ. Старшины изъявили къ тому полную склонность; и если сдѣлать казачью экзерцецію движеніемъ ихъ и самой атакѣ (по казачьи ударъ), то тѣмъ бы исподволь можно бы было пріучить ихъ къ нѣкоторому регулярству, не касаясь однако же ихъ бородъ и платья, которое казакамъ въ Кизлярской сторонѣ имѣть одинаковое неудобно, ибо они

и на войну, и въ посылкѣ въ горы ѣздятъ обыкновенно въ черкесской одеждѣ, которая здѣсь по многимъ причинамъ необходима. Въ заключенiе губернаторъ говоритъ, что ввѣренная ему губернiя подвержена опасностямъ со всѣхъ сторонъ. Отъ Гурьева городка къ Астрахани и къ Царицыну нападаютъ киргизъ-кайсаки и еще въ минувшемъ въ 1774 году въ октябрѣ мѣсяцѣ они два раза набѣгали на наши иностранныя колонiи, поселенныя на луговой сторонѣ Волги, и уже разоренныя и безъ того злодѣемъ Пугачевымъ. Въ первое нападенiе ихъ убито иностранцевъ мужскаго и женскаго пола 19 и безъ вѣсти пропало 110; а во второе—убито двое, въ плѣнъ взято 273 человѣка и угнано лошадей 186, да коровъ 224. Какъ на причину этого губернаторъ указывалъ на слабое отправленiе форпостной службы Яицкими казаками, на глазахъ коихъ киргизы совсѣмъ полономъ перешли Яикъ и ушли въ степь. Самъ Нурзали, киргизскiй ханъ, писалъ коменданту Царицына, что тѣ же воры, кои угнали колонистовъ, паки собираются для злодѣянiй на нашей сторонѣ и его, ханскаго, воспрещенiя не слушаютъ.

Вторая опасность угрожаетъ отъ Кубани къ Моздоку и даже до Царицына и южныхъ границъ Воронежской губернiи. На всемъ этомъ пространствѣ тянутся открытыя степи, на коихъ кочуютъ только калмыки и по которымъ безнаказанно рыскаютъ значительныя разбойничьи шайки закубанскихъ народовъ, ногайцевъ и тѣхъ же калмыковъ. Съ этой стороны наши предѣлы ничѣмъ не ограждены.

Наконецъ на всемъ протяженiи Кизлярской линiи отъ самаго Кизляра до Моздока безпрерывно нападаютъ многочисленные горскiе народы—кумыки, чеченцы и кабардинцы, противъ которыхъ надо имѣть недреманную предосторожность. Въ ноябрѣ минувшаго года такая партiя въ 600 человѣкъ, переправившись черезъ Терекъ, внезапно напала на Донской казачiй полкъ Сулина, изрубила 30 человѣкъ и угнала весь полковой казачiй табунъ въ 1000 лошадей, такъ что казакамъ и преслѣдовать ихъ было не на чемъ. Въ другой разъ такое же нападенiе сдѣлано было въ лѣсу на команду солдатъ, причемъ сожженъ форпостъ и увезено нѣкоторое число аммуницiи. Въ самыхъ станицахъ продолжаются безпрестанное воровство и пожары мельницъ и снятаго хлѣба. И хотя казаки Кизлярскаго края, какъ уже объяснено, держатъ пограничную линiю исправно и всегда имѣютъ коня и оружiе въ готовности, но отъ такихъ тайныхъ злодѣйствъ имъ уберечься трудно.

По мнѣнiю губернатора, для лучшей охраны нужно было укрѣпить и снабдить лучшими въ исправности казаками Яицкую линiю, коя принадлежитъ Оренбургскому краю, и если Астраханскiй казачiй полкъ снабдить полнымъ комплектомъ, а Волгское войско привести въ желаемое состоя-

ніе, то киргизскіе набѣги весьма предотвращаемы быть могутъ. Что же касается береженія съ кабардинской стороны и со стороны закубанскихъ народовъ. то все сіе представляется губернаторомъ на разсмотрѣніе его высокопревосходительства.

Изъ этого доклада Потемкинъ могъ вынести только убѣжденіе, что Астраханскій край находится въ безотрадномъ положеніи и что казачьи войска, кромѣ переселенныхъ по Тереку, требуютъ коренныхъ реформъ, безъ которыхъ охрана, а слѣдовательно и благосостояніе страны были немыслимы. Онъ обратилъ серьезное вниманіе на эту богатую, отдаленную Астраханскую губернію, не имѣвшую до него для Россіи никакого самостоятельнаго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наши дѣла на Сѣверномъ Кавказѣ принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ, и правительство ясно намѣчаетъ цѣль, къ которой намѣрено стремиться. Цѣль эта прежде всего заключалась въ огражденіи нашихъ южныхъ границъ отъ прорыва хищныхъ народовъ, которые вносили опустошеніе не только на Донъ, но даже въ предѣлы нынѣшней Воронежской губерніи. Слабая Терская линія, опиравшаяся только на двѣ крѣпости, Кизляръ и Моздокъ, хотя и представляла собою надежный оплотъ, будучи населена стойкими и неустрашимыми Терскими, Гребенскими и Моздокскими казаками, но она прикрывала лишь незначительную часть русской границы, а все остальное пространство до Чернаго моря оставалось совершенно открытымъ. Никакой мирный трудъ, никакая осѣдлая жизнь не могли развиваться въ краѣ подъ угрозою вѣчныхъ погромовъ, и Потемкинъ рѣшилъ заложить рядъ новыхъ укрѣпленій, которыя, простираясь отъ Терека до самаго Дона, оградили бы наши земли и послужили бы началомъ русской колонизаціи на Сѣверномъ Кавказѣ. Въ своихъ грандіозныхъ замыслахъ Потемкинъ уже видѣлъ возможность разведенія здѣсь виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, шелковыхъ и бумажныхъ плантацій, устройство заводовъ, умноженіе скотоводства и конскихъ табуновъ, и наконецъ развитія хлѣбопашества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Исполненіе этого важнаго дѣла въ смыслѣ государственнаго значенія онъ возложилъ на Астраханскаго военнаго губернатора генерала Якоби, «какъ человѣка, въ пограничныхъ дѣлахъ опытнаго» (5).

Боевой генералъ, получившій за турецкую войну въ числѣ немногихъ лицъ орденъ св. Георгія 3-й степени, Якоби вмѣстѣ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Германомъ (*) осенью 1776 года произвелъ подробную рекогносцировку мѣстности отъ Моздока въ сѣверо-западномъ направленіи къ Азовскому морю и затѣмъ представилъ Потемкину всѣ свои соображенія о проложеніи новой линіи, названной имъ Азовско-Моздок-

(*) Впослѣдствіи знаменитый побѣдитель турецкаго сераскира Баталъ-паши на Кубани.

скою. Эта линія по его проекту должна была заключать въ себѣ десять крѣпостей или—правильнѣе—укрѣпленныхъ селеній, съ промежуточными между ними редутами и пройти отъ Моздока, стоявшаго на Терекѣ, по рѣкамъ: Малкѣ, Курѣ, Золкѣ, Подкумку, Саблѣ (Карамыку) и Калаусу до границы Донского войска, а оттуда черезъ крѣпость св. Димитрія (нынѣшній Ростовъ) до Азова. Изслѣдованія, составленныя Якоби и Германомъ, дали Потемкину обширный матеріалъ для всеподданнѣйшаго доклада, и Императрица утвердила проектъ 24-го апрѣля 1777 года.

Теперь оставалось только сдѣлать послѣднія распоряженія. Потемкинъ еще въ минувшемъ 1776 году уже рѣшилъ перевести на новыя мѣста Хоперскихъ и Волжскихъ казаковъ, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что хоперскіе городки находились всего въ 27 верстахъ отъ донскихъ станицъ и, слѣдовательно, въ оборонѣ края не имѣли существеннаго значенія, а охрану Волги отъ нападенія киргизъ-кайсаковъ всецѣло должны принять на себя Яицкіе и Астраханскіе казаки, тѣмъ болѣе, что въ помощь къ нимъ ежегодно наряжались три Донскихъ полка, занимавшихъ Царицынъ. Что же касается до Волжскаго войска, то оно въ нынѣшнемъ своемъ расположеніи безполезно занимаетъ внутреннія границы съ другими губерніями и, пользуясь исключительными привиллегіями, вовсе не несетъ настоящей военной службы. Кромѣ этихъ двухъ войскъ сюда же на новую линію направлены были два регулярные полка—Владимирскій драгунскій и Кабардинскій пѣхотный, которые вмѣстѣ съ казаками и гарнизонными баталіонами, расположенными въ Моздокѣ и Кизлярѣ, образовали такъ называемый Астраханскій корпусъ, усиленный еще двумя егерскими баталіонами (Горскій и Кабардинскій) и двумя Донскими полками, предназначавшимися на первыхъ порахъ для содержанія форпостовъ. Начальство надъ этимъ корпусомъ Потемкинъ возложилъ на генерала Якоби, который въ маѣ 1777 года, по отозваніи Медема въ Россію, соединилъ въ своихъ рукахъ военное и гражданское управленіе краемъ и, такимъ образомъ, является первымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ ряду нашихъ Кавказскихъ правителей.

Генералъ Якоби началъ съ того, что, осмотрѣвъ на Дону назначенныхъ къ переселенію Хоперскихъ да въ Дубовкѣ Волжскихъ казаковъ, приказалъ имъ къ началу августа мѣсяца прибыть въ Царицынъ, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній (6). Казаки прибыли въ боевомъ составѣ, безъ семей, оставленныхъ на мѣстѣ до будущаго года, и по прибытіи въ Царицынъ поступили подъ команду полковника Шульца, который привелъ изъ Саратовской губерніи Владимірскій драгунскій полкъ. Изъ Царицына вся колонна выступила 6-го августа и направилась прямо на югъ къ Моздоку. Мѣстность, по которой предстояло движеніе, была обширная степь, тянувшаяся вдоль Ергеней,—ряда возвышенныхъ холмовъ, составляющихъ

водораздѣлъ Чернаго и Каспійскаго морей и идущихъ отъ приволжскихъ горъ къ возвышенностямъ нынѣшней Ставропольской губерніи. Западный склонъ Ергеней изобилуетъ прекрасными пастбищами и прѣсною водою; восточный же, наоборотъ, представляетъ необозримыя солончаковыя степи съ горько-соленою водою, и встрѣчается растительность тамъ лишь рѣдкими оазисами, а въ ту пору года (конецъ лѣта) и она подъ дѣйствіемъ южнаго солнца почти совершенно выгорѣла. Никто изъ казаковъ, а тѣмъ болѣе драгунъ, не зналъ предстоящаго пути, а потому проводниками были взяты четыре калмыка, которые повели колонну сначала по западному склону, но затѣмъ, не желая истоптать пастбищъ своихъ родичей, кочевавшихъ на этихъ лугахъ, перешли незамѣтно на восточный и поставили этимъ отрядъ въ крайне бѣдственное положеніе: ни воды, ни кормовъ, и кони, не привыкшіе къ тяжелымъ условіямъ степного похода, начали падать. Только на двадцатый день пути, сдѣлавъ 267 верстъ, колонна достигла р. Гурбуръ-Харъ-Сала, обильной водою и окруженной хорошими лугами. Здѣсь полковникъ Шульцъ простоялъ два дня, чтобы дать возможность хоть нѣсколько оправиться измученнымъ конямъ. Оставалось еще пять переходовъ, но самыхъ тяжелыхъ. Первый изъ нихъ былъ еще въ 15 верстъ, но второй уже въ 35, третій въ 70, четвертый въ 60 и пятый въ 70 верстъ, при полномъ безводіи и безкормицѣ.

Наконецъ 31 августа отрядъ достигъ урочища Маджаръ на Кумѣ и здѣсь простоялъ двѣ недѣли лагеремъ. Отсюда генералъ Якоби приказалъ Волжскимъ казакамъ двинуться прямо къ урочищу Бештамаку, при сліяніи Малки и Терека, гдѣ уже поджидалъ ихъ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Хоперцы и драгуны перешли въ Моздокъ, и затѣмъ въ концѣ сентября оба отряда были направлены въ пункты, намѣченные подъ ихъ поселенія.

Глава XIII.

Работы закипѣли, и въ теченіе 1777 и 1778 годовъ поставлены были всѣ десять крѣпостей. 1) Екатерининская, на урочищѣ Бештамакъ, при сліяніи Малки и Терека, имѣла важное стратегическое значеніе, какъ пунктъ, удерживавшій спокойствіе въ Малой Кабардѣ. 2) Павловская, на рѣкѣ Курѣ, прикрывала главную дорогу изъ Кабарды къ нашимъ солянымъ озерамъ и въ Астрахань. 3) Марьевская на Золкѣ служила промежуточнымъ пунктомъ между крѣпостями Павловской и Георгіевской. 4) Георгіевская, считавшаяся самою важною крѣпостью, такъ какъ, выдвинувъ свои форпосты на Куму и Подкумокъ, она имѣла обсерваціонное значеніе надъ всѣми племенами, живущими въ верховьяхъ Кумы, Кубани, Малки и Баксана. Впослѣдствіи сюда и перенесено было центральное управленіе Сѣвернымъ Кавказомъ, и 5) Андреевская на Карамыкѣ (Саблѣ).

Эти первыя пять крѣпостей Якоби назначилъ райономъ для разселенія Волжскаго полка, который являлся, такимъ образомъ, ближайшимъ сосѣдомъ своихъ же Волжскихъ земляковъ-Моздокцевъ. Въ каждой изъ этихъ станицъ поселено было по сто казаковъ, что составило Волжскій пятисотенный полкъ; штабъ-квартирою котораго была назначена Екатерининская станица. Одновременно съ разселеніемъ Волжцевъ для прикрытія работъ по возведенію станицъ регулярныя войска были расположены слѣдующимъ образомъ: Въ Екатериноградской крѣпости—Кабардинскій егерскій баталіонъ. Въ Павловской—двѣ роты Кабардинскаго полка и Горскій егерскій баталіонъ. Въ Марьинской—двѣ роты Кабардинскаго полка. Въ Георгіевской—рота Кабардинскаго полка. Въ Андреевской—три роты Кабардинскаго и три роты Ладожскаго полковъ. Для содерженія же форпостовъ сюда назначены были три Донскихъ казачьихъ полка. Остальныя пять крѣпостей, расположенныя по новой линіи, какъ то: Александровская, Сѣверная, Ставропольская, Московская и Донская отошли къ Хоперскому полку, также приблизившемуся къ своимъ же родичамъ, Донскимъ казакамъ. Нельзя не отмѣтить однако, что, оставаясь въ то же время и сосѣдями Волжскихъ казаковъ, Хоперцы долгое время не могли ужиться съ ними въ ладу, попрекая ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ измѣной и переходомъ на сторону пугачевскихъ шаекъ.

Надо сказать, что Хоперцы очень гордились тѣмъ, что вмѣстѣ съ Донцами не поддались обольщеніямъ смутьяновъ и не только не пускали къ себѣ воровскихъ людей, но бились съ ними на смерть во все продолженіе бунта. «Мы стояли противъ злодѣя», говорили они, «за свою законную царицу, а вы то что дѣлали въ это время! Гуляли по матушкѣ по Волгѣ, да грабили своихъ же? Эхъ, вы, Пугачевцы!» Волжцы угрюмо отмалчивались, но въ душѣ сознавали, что причиною ихъ шатанія были не они сами, а тѣ непорядки и неустройства въ войскѣ, которые довели его до паденія въ боевомъ и нравственномъ отношеніи. Но то, что было, уже прошло. Теперь они поняли истинный смыслъ дисциплины и, какъ увидимъ, сторицею заслужили свою вину, составивъ себѣ на Кавказѣ почетное и громкое имя.

При переселеніи на новую линію войску обѣщано было сохраненіе стараго внутренняго уряда и тѣхъ привиллегій, какими оно пользовалось на Волгѣ. Но стараго наименованія своего оно не удержало и было названо Волжскимъ казачьимъ полкомъ, штатъ котораго опредѣленъ былъ слѣдующій: *) командиръ полка полковникъ 1, пять станичныхъ атамановъ и въ каждой станицѣ по одному есаулу, сотнику и хорунжему; квартермейстеръ 1, полковой писарь 1 и казаковъ 514. Вмѣстѣ съ строевымъ составомъ полка переселилось тогда же 25 отставныхъ старшинъ, 368 внутренно-служащихъ казаковъ и 416 стариковъ и неспособныхъ; малолѣтковъ 3917. Численный составъ полка былъ бы еще больше, но 200 казаковъ уклонились отъ перехода на Кавказскую Линію и остались на прежнихъ мѣстахъ, подъ видомъ немощныхъ старцевъ. Раскрыто это было только впослѣдствіи, и всѣ эти казаки, собранные въ особую команду, причислены къ Астраханскому войску.

Начиная новую службу, Волжцы принесли съ собою и всѣ свои войсковыя регаліи. Это были двѣ старыя пушки, пожалованныя еще въ 1738 году, **) грамоты Императрицы Анны Ивановны съ государственною печатью, въ серебряной вызолоченной рамѣ, прикрѣпленной золотымъ шнуромъ съ кистями, атаманская насѣка въ серебряной оправѣ, съ вензелемъ Екатерины второй и 22 знамени, въ числѣ которыхъ 16 (изъ нихъ 5 переданы были въ Моздокскій полкъ) отличаются такими оригинальными особенностями, что мы должны на нихъ нѣсколько остановиться.

Во первыхъ, всѣ они украшены вензелями Императора Петра третьяго, тогда какъ извѣстно, что этотъ Государь въ свое кратковременное, шестимѣсячное царствованіе никому никакихъ знаменъ не жаловалъ, а

*) Окончательно штатъ утвержденъ только 2 іюня 1781 года.

**) Пушки эти долго хранились на полковомъ дворѣ въ станицѣ Ессентукской, а нынѣ стоятъ во Владикавказѣ передъ домомъ наказнаго атамана Терскаго войска.

во вторыхъ на полотнищахъ знаменъ, подъ правымъ распростертымъ крыломъ двуглаваго орла, изображенъ корабль, идущій на всѣхъ парусахъ, а подъ другимъ—горящій приморскій городъ. Наверху надпись: «Никого не устрашусь». Такихъ изображеній и надписей нѣтъ ни на одномъ русскомъ знамени. Откуда, когда и какъ появились эти знамена на Волгѣ, никто не помнитъ, а на всѣ вопросы получите одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «Приняли мы ихъ отъ нашихъ отцовъ и хранимъ, какъ святыню; а кѣмъ они жалованы, того не вѣдаемъ». Грамотъ на нихъ нѣтъ и вообще никакихъ свѣдѣній о нихъ въ войсковыхъ архивахъ не имѣется, такъ что разгадать эту проблему въ настоящее время уже невозможно. Лица, серьезно интересующіяся этимъ вопросомъ, приходятъ къ убѣжденію, что эти знамена даны Пугачевымъ въ то время, когда Волжское войско приняло сторону самозванца, любившаго украшать инициалами Петра III-го не только знамена, но даже и орудія. *) Если остановиться на этомъ предположеніи, такъ какъ другихъ объясненій этимъ загадочнымъ знаменамъ не подыскивается, то будутъ, пожалуй, понятны и аллегорическія изображенія на полотнищахъ корабля и горящаго города—эмблемы движенія Пугачева по Волгѣ и истребленія имъ приволжскихъ городовъ. По усмиреніи бунта объ этихъ знаменахъ забыли, они не были конфискованы, остались въ войскѣ и съ нимъ перешли на новую линію.

Но пусть это будетъ и такъ. Не въ духѣ русскаго человѣка рубить повинную голову. Эти знамена около полутораста лѣтъ водили Волжскій

*) Подобныя пушки съ вензелями Петра Третьяго, отбитыя у Пугачева, имѣются въ Петербургѣ, въ артиллерійскомъ музеѣ.

Примѣчаніе редактора. Оставляя на отвѣтственности автора его предположеніе о происхожденіи знаменъ Волжскаго войска, считаю необходимымъ привести имѣющіяся въ моемъ распоряженіи слѣдующія свѣдѣнія о знаменахъ, заимствованныя изъ оффиціальныхъ документовъ (Дѣло войскового правленія Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, по архивной описи № 1, листы 154, 155):

«29 мая 1769 года Государственною Военною Коллегіей заслушано дѣло по отпискѣ Волжскаго войска о томъ, что въ 736 и 750 годахъ для войсковыхъ походовъ знамена и значки всѣ, кромѣ трехъ, въ 1750 году вновь построенныхъ, отпущено было отборныхъ (т. е. отобранныхъ) отъ полковъ, ветхія и будучи немалое время и во всегдашнихъ походахъ, пришли въ крайнюю ветхость, что и ни одного исправнаго нѣтъ, кои всѣ тѣ ветхія знамена 10, значковъ 20 при той отпискѣ въ коллегію отправлены съ посланной зимовой станицы есауломъ Григоріемъ Персидскимъ, и проситъ оное войско, дабы повелѣно было вмѣсто тѣхъ посланныхъ 30 и оставшихъ при войскѣ 3, да въ командированіяхъ состоящихъ 20, кои потому жъ весьма, какъ и посланныя въ коллегію, самыя ветхія и впредь къ походамъ ни менѣе неспособныя по самой крайней неминуемости, а всего 45, построить казеннымъ коштомъ другія или на построеніе оныхъ войску сумму отпустить—не какъ впредь сего въ разныхъ годахъ въ это войско знамена и значки отпускаемы были». По требованію Военной Коллегіи главный комиссаріатъ доноситъ, что въ его распоряженіи «отборныхъ отъ полковъ, по прежнимъ штатамъ приготовленныхъ знаменъ съ древками и безъ древокъ имѣется новыхъ», раз-

полкъ уже на новомъ мѣстѣ его поселенія и вѣрной службѣ государевой къ побѣдамъ; они окроплялись въ войсковомъ кругу святою водою; они увѣнчаны лаврами, окроплены честною казацкою кровью, пролитою въ бояхъ за родину и за своихъ Государей. Такимъ образомъ, всѣ эти знамена въ теченіе долгихъ лѣтъ завоевали себѣ право занять почетное мѣсто въ ряду другихъ войсковыхъ регалій.

Теперь возвратимся къ нашей исторіи.

Тяжело вначалѣ жилось казакамъ на новой линіи, особенно безъ бабъ, которыя по стародавнимъ обычаямъ вѣдали всѣмъ казачьимъ хозяйствомъ. Только лѣтомъ 1780 г. прибыли наконецъ послѣднія семьи съ Дона и Волги, а казаки къ этому времени успѣли уже совсѣмъ разориться. Посѣвовъ у нихъ не было, а между тѣмъ довольствіе, выдававшееся имъ во время похода, прекратилось съ разсѣяніемъ ихъ по Линіи. Въ денежномъ пособіи по 20 руб. на каждую семью также было отказано, а взамѣнъ казакамъ предоставлено право пользоваться землею и лѣсами на первый разъ безъ ограниченія въ количествѣ. Но привиллегія эта оказа-

---

ныхъ цвѣтовъ—бѣлыхъ, темнозеленыхъ, синихъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ 92; «причемъ оный комиссаріатъ представляетъ, что помянутыя знамена къ отпускамъ въ полки не подлежащія за несходствіемъ въ цвѣтахъ и за протчими обстоятельствами». Несмотря, однако, на признаніе комиссаріата имѣющихся у него въ запасѣ знаменъ непригодными къ отпуску войскамъ, Военная Коллегія указомъ предписала главному комиссаріату: требуемое число—45 знаменъ «изъ показанныхъ отборныхъ, а для службы способныхъ въ то войско отпустить». По этому распоряженію въ 1769 году даны Волжскому войску новыя знамена, въ числѣ которыхъ было: кавалерійскихъ—бѣлое одно, красныхъ на камкѣ два, желтыхъ два, голубыхъ два; пѣхотныхъ—голубыхъ десять (въ томъ числѣ на гарнитурѣ 4, на тафтѣ 3), бѣлыхъ четыре, зеленыхъ девять, алыхъ на гарнитурѣ шесть, желтыхъ девять, итого 45.

Такимъ образомъ мы видимъ, что за четыре года до Пугачевскаго бунта Волжское войско имѣло уже знамена, притомъ въ большемъ, чѣмъ нужно, числѣ. Такъ какъ казачьимъ войскамъ въ то время нерѣдко выдавались знамена изъ числа старыхъ, изъятыхъ изъ употребленія отъ регулярныхъ частей, то неудивительно, что Волжцамъ могли именно попасть знамена съ инициалами П. III. Это подтверждается тѣмъ, что у переведеннаго въ 1770 году съ Волги Моздокскаго полка, т. е. пришедшаго на Терекъ раньше Пугачевскаго бунта, было пять знаменъ также съ инициалами П. III и совершенно тождественныхъ по рисунку съ Волжскими знаменами. Причемъ надо добавить, что ни на одномъ Волжскомъ или Моздокскомъ знамени при тщательномъ осмотрѣ ихъ и снятыхъ съ нихъ фотографическихъ снимковъ, не обнаружено ни горящаго города, ни корабля съ распущенными парусами.

Въ числѣ 17 знаменъ, принесенныхъ Волжцами на Кавказъ и сохранившихся до нашего времени, съ инициаломъ П. III имѣется девять.

Генералъ-маіоръ Чернозубовъ.

лась, однако, за недостаткомъ рабочихъ, мертвымъ капиталомъ въ рукахъ казаковъ и нисколько не уменьшила ихъ бѣдствій. А бѣдствія эти были велики, судя по рапорту Якоби, который, ходатайствуя о назначеніи казакамъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, прибавлялъ, что, не ожидая дальнѣйшихъ распоряженій, приказалъ выдавать имъ провіантъ наравнѣ съ солдатами, опасаясь, дабы казаки не впали въ совершенную нужду и оскудѣніе; а черезъ это не бросили бы Линію и не разбѣжались. Потемкинъ утвердилъ это распоряженіе, но вопросъ о жалованьи затянулся на нѣсколько лѣтъ и былъ наконецъ рѣшенъ, когда Якоби уже не было на Линіи ([5]). Что же касается относительно льготы, освобождавшей казаковъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ всякой службы, нечего было и думать, когда они очутились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Кабардинцы чаще всего и направляли свои удары на волжскія станицы, считая ихъ захватчиками лучшихъ своихъ земель. Отсюда выходило то, что, кромѣ строевого состава полка, все мужское населеніе находилось безсмѣнно подъ ружьемъ съ тою разницей, что не пользовалось отъ казны никакимъ содержаніемъ. При такихъ условіяхъ строилъ ли казакъ свою хату среди неогороженной еще мѣстности, велъ ли коня на водопой или выѣзжалъ въ поле, ему приходилось имѣть всегда ружье за спиной и пистолетъ за поясомъ. Войска Астраханскаго корпуса, назначенныя собственно для прикрытія работъ, сами вынуждены были работать наравнѣ съ казаками, иначе послѣдніе не успѣли бы отстроиться до самой зимы, хотя имъ помогали еще кизлярскіе татары и ногаи, возившіе строительный матеріалъ на своихъ арбахъ. Но какъ ни бѣдствовали казаки, а въ концѣ концовъ все-таки обстроились, засѣмянили кое-какъ землю и оглядѣлись въ новой для нихъ обстановкѣ. Нѣкоторые изъ ихъ станицъ—Екатерининская, Георгіевская и Павловская—имѣли значительныя по тому времени профили и размѣры своихъ укрѣпленій, но Марьевская и Андреевская довольствовались турлучною оградой съ присыпаннымъ валомъ и вырытымъ рвомъ. Для входа имѣлись ворота, надъ которыми устраивались вышки. Приступая къ постройкѣ своихъ селеній, казаки прежде всего отводили мѣсто подъ церковь и обносили его каменной оградой съ продѣланными въ ней бойницами. Жилыя строенія располагались кругомъ, но не ближе ружейнаго выстрѣла отъ этой ограды, а улицы планировались правильными кварталами. Вырывъ себѣ землянку или сколотивъ кое-какъ хату, казакъ употреблялъ всѣ свои силы на постройку Божьяго храма, и въ этомъ отношеніи станицы щеголяли одна передъ другой. Красота церкви, высота ея колокольни, густота звона, блескъ купола и золоченнаго креста служили признакомъ большаго или меньшаго достатка станицы. Медленные удары колокола сзывали станичныхъ жителей на повседневную молитву, а частые—«набатъ»—возвѣщали тревогу. Заслышавъ этотъ зловѣщій звонъ,

служилые казаки бросались на валъ, а старцы, женщины и дѣти спѣшили въ церковную ограду. Если одолѣвалъ непріятель, то казаки, отбиваясь и отстаивая шагъ за шагомъ родную станицу, отходили къ той же церковной оградѣ, какъ къ редюиту,—и Господній храмъ служилъ, такимъ образомъ, какъ бы знаменемъ, вокругъ котораго собиралось все населеніе и черпало въ немъ силы для послѣдней защиты.

Къ достоинству нашихъ казаковъ надо отнести умѣнье ихъ прежде всего присмотрѣться хорошенько къ своимъ противникамъ и, не гоняясь за завѣтами своей старины, заимствовать отъ нихъ же все, что было въ нихъ хорошаго. Такъ поступали ихъ предки, такъ поступили теперь и наши Волжскіе казаки. Тяжелыя сабли и длинныя неуклюжія пики были ими брошены, кинжалъ и шашка въ тонкихъ сафьянныхъ ножнахъ, не производившіе ни звона, ни шума, сдѣлались ихъ любимымъ оружіемъ. Даже казацкіе жупаны,—и тѣ отошли въ область преданія, замѣняясь мало-помалу черкесками, которыя казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя ([6]). Но, измѣняя внѣшность, казакъ оставался тѣмъ же русскимъ человѣкомъ и только къ своей природной сметкѣ прибавилъ нѣкоторую долю азіатской хитрости, позволявшей ему изворачиваться въ трудныхъ обстоятельствахъ. Все это было нужно и все это принесло обильные плоды, когда казаку пришлось состязаться съ врагомъ, ставившимъ цѣлью своей жизни разбой,—но разбой, возведенный имъ уже на степень культа.

Сначала военныя дѣйствія горцевъ носили характеръ мелкихъ нападеній на одиночныхъ людей или на небольшія команды; они, очевидно, еще не сознавали значенія вновь возводимой линіи и только тогда, когда убѣдились, что здѣсь идетъ не постройка редутовъ, а предпринимается цѣлая система заселенія края, грозящая ихъ самобытности, они дали клятву уничтожить новую линію, хотя бы цѣною тысячи жизней и цѣлыми потоками крови. Горцы превосходно понимали разницу между занятіемъ страны военной силой и истиннымъ завоеваніемъ ея, т. е. заселеніемъ. «Укрѣпленіе», говорили они, «это камень, брошенный въ полѣ: дождь и вѣтеръ снесутъ его; станица—это растеніе, которое впивается въ землю корнями и понемногу застилаетъ и схватываетъ все поле».

Уже въ январѣ 1778 года кабардинцы думали сдѣлать внезапное нападеніе на Павловскую крѣпость и даже подошли къ ней въ числѣ 4-хъ тысячъ, но своевременное прибытіе туда Якоби съ егерскими баталіонами и драгунскимъ полкомъ заставило ихъ отступить. Сознавая свою слабость и въ то же время не желая подчиниться русскому владычеству въ краѣ, кабардинцы рѣшили эмигрировать въ Грузію, куда ихъ призывалъ Ираклій II-й, желавшій воспользоваться воинственностью этого народа для

защиты своихъ южныхъ предѣловъ. Почему генералъ Якоби воспротивился этому переселенію, такъ легко, повидимому, разрѣшавшему вопросъ о безопасности нашей границы,—неизвѣстно; но агенты царя Ираклія были арестованы, и кабардинцы были вынуждены остаться на своихъ мѣстахъ. Якоби заставилъ ихъ дать заложниковъ и новую присягу на вѣрность. Неудовольствіе однако же тлѣло и, вспыхнувъ весною 1779 года, разразилось надъ Линіей страшной бурею.

Раннею весною шесть тысячъ кабардинцевъ перешли черезъ Малку и, расположившись въ 7 верстахъ отъ Марьевской крѣпости на рѣчкѣ Золкѣ, послали къ Якоби грозное требованіе снести всѣ возведенныя имъ укрѣпленія. Въ ожиданіи отвѣта они прервали сообщенія между крѣпостями и въ короткое время успѣли вырѣзать 85 человѣкъ и угнать до 5 тысячъ головъ скота.

Всѣ эти нападенія застали нашу Линію и самаго генерала Якоби врасплохъ. Войска были разбиты на части и распредѣлены по крѣпостямъ для работъ. Кромѣ того безпечность, свойственная русскому человѣку, была причиной ослабленія первоначально принятыхъ мѣръ предосторожности. Подъ рукой у генерала Якоби, стоявшаго лагеремъ возлѣ Павловской крѣпости, было всего 2 тысячи человѣкъ. Онъ не могъ дробить свой небольшой отрядъ для погони за отдѣльными партіями и принужденъ былъ временно бездѣйствовать, въ ожиданіи прибытія генерала Фабриціана, спѣшившаго на Линію съ новыми войсками. Пока онъ ограничился тѣмъ, что вызвалъ съ Терской линіи Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ, а за калмыками на Куму послалъ гонцовъ ([7]). Моздокскому же полку, какъ ближайшему къ театру военныхъ дѣйствій, приказано было стоять въ полной боевой готовности, на случай, если бы кабардинцы бросились на его станицы. Вмѣстѣ съ этимъ Якоби прибѣгъ къ крайней мѣрѣ, приказавъ арестовать въ Моздокѣ всѣхъ находившихся тамъ кабардинцевъ, и вмѣстѣ съ аманатами, закованными въ цѣпи, употребить на самыя тяжкія работы; впослѣдствіи ихъ всѣхъ отправили въ Астрахань и засадили въ казематы.

Но пока шли переговоры, три тысячи черкесовъ, подъ предводительствомъ Дулакъ-Султана, перейдя Кубань, внезапно бросились на русскія крѣпости. Бой, такъ сказать, загорѣлся разомъ по всему протяженію Моздокской линіи. Но горцы ошиблись, предполагая найти въ новыхъ переселенцахъ людей не приготовленныхъ къ военному дѣлу: казаки вездѣ защищались мужественно, и стойкость ихъ превзошла самую отчаянную отвагу нападающихъ.

Небольшой Алексѣевскій редутъ (между укрѣпленіями Сѣвернымъ и Ставрополемъ) былъ атакованъ врасплохъ и горцы, захвативъ казачій

табунъ изъ Донского полка Устинова, обступили это маленькое укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Но когда они готовились къ штурму, изъ воротъ редута вынеслась Хоперская сотня съ есауломъ Михѣевымъ и бросилась въ шашки. Въ одно мгновеніе она была окружена черкесами, потеряла 18 казаковъ убитыми и, будучи отброшена въ лѣсъ, спѣшилась, засѣла въ кусты и продолжала защищаться. Послѣ жаркой перестрѣлки, горцы вынуждены были оставить ее въ покоѣ и, бросившись опять на укрѣпленіе, ворвались въ форштадтъ, убили нѣсколько жителей, но редута взять не могли и отступили съ большою потерею.

Другая крѣпость—Андреевская, защищаемая Волжскими казаками, отбилась еще при худшихъ условіяхъ, такъ какъ одинъ армянинъ, подкупленный черкесами, произвелъ пожаръ въ то самое время, когда начался приступъ. Пока одни казаки тушили пожаръ, другіе сражались на валу, и нападеніе было отбито. Отсюда черкесы бросились на Ставрополь, но и тамъ, встрѣченные Донскимъ полкомъ, понесли полное пораженіе. Одновременно съ черкесами шесть тысячъ кабардинцевъ атаковали лагерь Якоби у Павловской крѣпости, а въ то же время отдѣльная толпа ихъ въ нѣсколько тысячъ ударила на небольшой отрядъ Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ, шедшихъ изъ Моздока на соединеніе съ Якоби ([8]). Отбитые на обоихъ пунктахъ съ громаднымъ урономъ, кабардинцы соединились опять и бросились на Марьевскую крѣпость, гдѣ двѣсти Волжскихъ казаковъ, подъ командой капитана Баса, едва успѣли запереть передъ ними ворота.

Обложивъ крѣпость и наскоро построивъ громадные щиты-мантилеты для прикрытія отъ казацкихъ выстрѣловъ, кабардинцы приступили къ правильной осадѣ и повели траншеи. Шесть сутокъ казаки терпѣливо сносили и голодъ, и жажду, рѣшившись лучше умереть, чѣмъ быть въ плѣну и потерять, какъ они выражались, свободу и казачье званіе. Одушевленіе было общее. Казачки, только за нѣсколько дней прибывшія съ Волги, надѣвали мужскую одежду и становились въ ряды казаковъ, замѣняя собою убитыхъ и раненыхъ. Одинъ этотъ эпизодъ изъ боевой казачьей жизни на Терекѣ уже ярко рисуетъ передъ нами бытовую сторону Линейнаго казачества, среди котораго женщина, вѣчная труженица въ мирное время, въ минуты опасности являлась такимъ же отважнымъ бойцомъ, какъ ея отецъ, мужъ или сынъ; такъ было въ Наурѣ, такъ повторилось и въ Марьевской станицѣ.

Между тѣмъ кабардинцы, работая и дни, и ночи руками и кинжалами, дошли уже до крѣпостного рва, какъ вдругъ утромъ 10 іюня въ тылу у нихъ появился отрядъ Якоби. Въ станицѣ тотчасъ же ударили «сполохъ», и казаки, вскочивъ на коней, сами нагрянули на скопище съ той сторо-

ны, откуда оно не могло ожидать опасности. Марьевцы приняли горячее участіе въ кровавомъ бою и немало содѣйствовали Якоби въ рѣшительномъ пораженіи горцевъ, бѣжавшихъ за Малку. По окончаніи боя тѣла убитыхъ кабардинцевъ были собраны и похоронены въ одной общей могилѣ, а комендантъ Марьевской крѣпости (имя его не сохранилось, но по всей вѣроятности это и былъ капитанъ Басъ) велѣлъ насыпать надъ ней высокій курганъ, который существуетъ и нынѣ, влѣво отъ дороги, если ѣхать изъ Георгіевска въ Павловскую станицу, тамъ, гдѣ видны еще остатки Марьевскаго укрѣпленія (9).

Разбитые на голову подъ Марьевскою крѣпостью кабардинцы тотчасъ же пустили въ ходъ всѣ извороты и тонкости азіатской политики, чтобы добиться своихъ затаенныхъ цѣлей иными путями. Они давали аманатовъ, предлагали двойное вознагражденіе за причиненные убытки, но упорно стояли на требованіи, чтобы были уничтожены крѣпости. Получивъ отказъ, они снова нахлынули на Линію въ августѣ мѣсяцѣ и на этотъ разъ ареной своихъ дѣйствій сдѣлали окрестности Георгіевска. Здѣсь они выжгли на корню весь хлѣбъ, истребили сѣнокосы, угнали много скота, пробовали даже штурмовать самый Георгіевскъ, имъ удалось даже разбить небольшой русскій отрядъ, высланный изъ крѣпости въ числѣ 80-ти человѣкъ при одномъ орудіи. По всей вѣроятности, они напали на него врасплохъ, такъ какъ только этимъ и можно объяснить себѣ послѣдовавшую затѣмъ рѣзню, въ которой офицеръ и сорокъ нижнихъ чиновъ были изрублены, а остальные бѣжали, оставивъ пушку въ рукахъ кабардинцевъ (10). Это прискорбное происшествіе случилось 27 сентября въ тотъ самый день, когда на Линію прибыли новыя войска изъ Россіи—Томскій, Ладожскій и Селенгинскій пѣхотные полки подъ командой генералъ-маіора Фабриціана, также одного изъ выдающихся героевъ турецкой войны, получившаго Георгіевскій крестъ на шею еще въ подполковничьемъ чинѣ за штурмъ Галаца. Располагая теперь такими значительными силами, Якоби вызвалъ съ Линіи еще Моздокскій казачій полкъ и рѣшилъ самъ перейти въ наступленіе. 29 сентября онъ съ частью войскъ подступилъ къ главному кабардинскому стану, расположенному на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Малкою. Въ то же время генералъ Фабриціанъ съ остальными войсками, двигаясь кружнымъ путемъ, обошелъ его съ тыла, а Моздокскій казачій полкъ и 10 эскадроновъ Владимирскихъ драгунъ отрѣзали путь отступленія къ югу. Окруженные со всѣхъ сторонъ кабардинцы на предложеніе сдаться отвѣчали ружейнымъ огнемъ,— и войска начали атаку. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ Моздокскаго архива можно заключить, что Гребенскіе и Терскіе казаки находились въ колоннѣ самого Якоби, а Донцы и калмыки у Фабриціана. Пять часовъ длилась упорная битва. Пушка, захваченная кабардинцами за два дня передъ тѣмъ,

была отбита обратно, лагерь взятъ приступомъ и все, что было на островѣ, за невозможностью бѣжать, легло подъ штыками солдатъ и шашками казаковъ.

«Бывъ зрителемъ отмѣнныхъ подвиговъ командовавшаго деташаментомъ въ предшедшемъ сраженіи генералъ-маіора Фабриціана и всѣхъ бывшихъ какъ подъ моимъ начальствомъ, такъ и подъ его предводительствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, не могу умолчать, чтобы не засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ войскомъ неутомимые труды ихъ и неустрашимость. Не могу я самъ собою достойно возблагодарить за экспедицію, но долгомъ поставляю повергнуть храбрыя дѣла ихъ на разсмотрѣніе высшаго начальства для удостоенія ихъ Высочайшимъ Государыни Императрицы благоволеніемъ. Всѣмъ нижнимъ чинамъ и всѣмъ казакамъ, отдавая должную справедливость въ усердіи ихъ и храбрости, объявляю свою признательность и остаюсь обнадеженнымъ, что они при будущихъ случаяхъ еще болѣе покажутъ себя въ пораженіи злодѣйскихъ скопищъ дерзкаго непріятеля». Таковъ былъ приказъ Якоби, отданный имъ 3-го октября 1779 г. ([11]). Замѣчательно, что въ этомъ бою сражались противъ насъ только одни князья съ своими вассалами, уорками и узденями. Простой народъ почти не участвовалъ въ битвѣ, толпы его стояли особымъ лагеремъ, верстахъ въ шести или семи и при первыхъ выстрѣлахъ бѣжали за горы. Вся тяжесть потери легла такимъ образомъ на однихъ князей и дворянъ, благородныхъ представителей кабардинскиго народа. Погромъ былъ жестокій, но такимъ погромомъ только и можно было добиться покорности кабардинцевъ. Лишенные лучшихъ своихъ представителей, не надѣясь уже больше на поддержку простого народа, кабардинскіе князья и дворяне явились въ русскій лагерь и просили пощады и мира. Якоби перечислилъ всѣ учиненныя ими до этого времени клятвы (ихъ было четырнадцать), столько же измѣнъ и столько же монаршихъ прощеній. «Какое же ручательство вы представите въ томъ, что не нарушите и нынѣшней клятвы, какъ нарушили и прежнія»? Спросилъ ихъ Якоби. Кабардинцы отвѣтили, что они вполнѣ предаются великодушію побѣдителей. Тогда Якоби предписалъ имъ слѣдующія условія: кабардинцы признаютъ себя рабами и подданными русской Императрицы, покоренными силою оружія и въ случаѣ измѣны, возмущеній и нарушенія клятвы кѣмъ-либо изъ владѣльцевъ, подданные его тотчасъ получаютъ свободу и дѣлаются вольными; за причиненные убытки кабардинцы должны заплатить 10 тысячъ рублей и 12.150 головъ скота и сверхъ того они не имѣютъ права ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ вести войны безъ дозволенія русскаго правительства, которое, въ свою очередь, будетъ защищать ихъ отъ нападеній сосѣднихъ съ ними народовъ. Когда условія эти были объявлены, обѣ стороны скрѣпили ихъ своей клятвой, и кабардинцы, от-

казавшись отъ всякихъ притязаній на земли, занятыя подъ наши укрѣпленія, торжественно признали Малку границей россійскихъ владѣній.

Проведеніе этой новой границы включило въ русскіе предѣлы мѣстность, богатую минеральными источниками и издавна извѣстную у насъ подъ названіемъ Пятигорья. ([12]).

Первыя свѣдѣнія о существованіи цѣлебныхъ водъ близъ горы Бештау обнародованы въ 1717 году лейбъ-медикомъ Петра Великаго Готлибомъ Шаберомъ, который основывался только на разсказахъ и слухахъ. Въ 1773 году академикъ Гольденштедтъ, возвращаясь изъ Грузіи, посѣтилъ и описалъ горячіе сѣрные ключи, вытекающіе на поверхность земли у подошвы горы Машука. Русское населеніе Кавказской Линіи получило возможность пользоваться ими только черезъ 7 лѣтъ, когда въ 1780 г., въ пяти верстахъ отъ нынѣшняго города Пятигорска, на р. Подкумкѣ была поставлена Константиноградская крѣпость. Пріѣзжіе больные помѣщались или въ самой крѣпости, или въ образовавшейся при ней слободкѣ и ежедневно отправлялись къ источникамъ, гдѣ на время курса учреждался военный постъ для защиты отъ нападеній горскихъ хищниковъ.

Знаменитый углекислый источникъ Нарзанъ остался за предѣлами Моздокско-Азовской Линіи и былъ присоединенъ къ намъ уже впослѣдствіи въ 1803 году.

Заложеніемъ Азовско-Моздокской Линіи и покореніемъ Кабарды Якоби положилъ начало русской колонизаціи на Сѣверномъ Кавказѣ. Здѣсь первымъ піонеромъ, первымъ колонизаторомъ является казакъ—вѣрнѣйшій слуга Русскаго Государства, и казачьи станицы, а равно и слободки, образовавшіяся при крѣпостяхъ, послужили основаніемъ къ развитію русскаго владычества въ краѣ.

Неизмѣримыя дѣвственныя степи, дававшія полную возможность подъ охраною казачьихъ линій дѣлать обширныя запашки и содержать большое количество скота, мало-помалу стали привлекать сюда переселенцевъ, которые, благодаря обилію земли и приволью пастбищъ, въ короткое время достигли высокаго благосостоянія. Не таково было экономическое положеніе самихъ защитниковъ ихъ, значительно стѣсняемыхъ въ своихъ земельныхъ угодьяхъ, по мѣрѣ прилива сюда переселенцевъ; но это была уже старая пѣсня, исконная доля русскаго казачества.

Ближайшимъ или, такъ сказать, подручнымъ колонизаціонымъ матеріаломъ на первый разъ были конечно отставные нижніе чины, и Якоби поселилъ ихъ, въ числѣ 586 человѣкъ, въ трехъ слободахъ: Сергіевской (по другимъ источникамъ Благодарной), Саблѣ и Малкѣ, а изъ внутреннихъ

губерній были высланы сюда же ихъ жены и семьи. Затѣмъ возникли: село Вѣстославское на Малкѣ и слободы Александрія и Григорьевская на Кумѣ. Въ послѣднихъ двухъ значилось 617 однодворцевъ и 755 казенныхъ или государственныхъ крестьянъ. Но этимъ и ограничилась первая колонизаторская дѣятельность Якоби ([13]).

Съ новымъ административнымъ дѣленіемъ Россіи въ 1781 году, онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Иркутской и Калыванской губерній и, по его отъѣздѣ, Кавказскій край оставался безъ самостоятельнаго правителя болѣе года. Въ Астрахань на мѣсто Якоби назначенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ д. с. с. Жуковскій, который по своему званію могъ только распоряжаться въ краѣ одними гражданскими дѣлами, не касаясь военнаго устройства. Такимъ образомъ въ первый разъ Астрахань перестала вѣдать военными дѣлами на Кавказѣ, и Кавказскою линіею временно командовалъ генералъ Фабриціанъ, сподвижникъ Якоби. Вскорѣ, въ сентябрѣ 1782 года, онъ неожиданно скончался, и начальникомъ Кавказскихъ войскъ назначенъ былъ генералъ поручикъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, двоюродный братъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго.

Глава XIV.

Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ прибылъ на Кавказъ 8 ноября 1782 года, въ эпоху крупныхъ историческихъ событій, когда началась колонизація обширныхъ степей русскимъ осѣдлымъ элементомъ, когда завершилось покореніе Крыма, и грозное нѣкогда ханство, висѣвшее черною бѣдой надъ русскою землею, превратилось въ простую русскую область; когда, наконецъ, жгучій вопросъ о вассальной подчиненности Россіи Грузинскаго царства уже выдвигался на первую очередь.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ войска на Кавказѣ значительно были усилены, и Потемкинъ, по пріѣздѣ въ Кизляръ, нашелъ въ Астрахани корпусъ уже въ 23 баталіона пѣхоты, при 30 полевыхъ орудіяхъ, 20 эскадроновъ драгунъ, шесть поселенныхъ на линіи казачьихъ войскъ и пять полковъ, вызванныхъ съ Дона и Урала. Вслѣдъ затѣмъ самый корпусъ переименованъ былъ изъ Астраханскаго сначала въ Новолинейный, а потомъ въ Кавказскій, какъ бы въ ознаменованіе того, что центръ тяжести нашихъ дѣлъ на юго-востокѣ долженъ былъ отнынѣ перемѣститься изъ Астрахани на самый Кавказъ ([1]).

На ряду съ этимъ Потемкину пришлось обратить вниманіе на сосѣдніе къ намъ горскіе народы, чтобы, при дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности, быть обезпеченнымъ по крайней мѣрѣ отъ сильныхъ нападеній съ фронта. Побѣды Якоби были еще въ свѣжей памяти горцевъ, и наша Линія пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ, которое нарушалось одними атагинцами, народомъ чеченскаго племени, славившимся съ давнихъ временъ превосходною выдѣлкой холоднаго оружія. Самый промыселъ этотъ, составлявшій предметъ ихъ справедливой гордости, уже развилъ въ жителяхъ военныя склонности и до нѣкоторой степени ручался за ихъ боевыя достоинства. Они одни изъ всѣхъ чеченскихъ племенъ не хотѣли дать аманатовъ и собрали значительную партію для нападенія на казачьи городки или на мирныхъ чеченцевъ.

Потемкинъ рѣшился предупредить ихъ и 3 марта 1783 года въ Наурѣ собраны были три баталіона пѣхоты и 12 орудій подъ командою полковника Кека, а къ нимъ присоединились еще 1150 Линейныхъ казаковъ, вызван-

ныхъ изъ Моздокскихъ, Гребенскихъ и Терско-Семейныхъ станицъ. Казаки въ одинъ переходъ сдѣлали болѣе 50 верстъ и 4 марта появились на Сунжѣ. Рѣка была въ разливѣ. Это не остановило нашихъ Линейцевъ, которые переправились вплавь, а потомъ на своихъ лошадяхъ перевезли пѣхоту, и перетащили орудія. Оставивъ затѣмъ въ Ханкальскомъ ущельи, на случай своего отступленія, одинъ баталіонъ съ четырьмя орудіями, Кекъ двинулся дальше, встрѣчая повсюду лишь слабое сопротивленіе, взялъ Атаги штурмомъ и предалъ ихъ пламени. Но пока русскіе войска истребляли имущество атагинцевъ, послѣдніе, кинувшись въ Ханкальское ущелье, со всѣми силами ударили на баталіонъ, расчитывая истребить его прежде, чѣмъ подойдутъ подкрѣпленія. Но баталіонъ держался стойко; а между тѣмъ выстрѣлы были услышаны въ атагинскомъ отрядѣ, и тысяча Линейныхъ казаковъ, предводимыхъ отважнымъ Савельевымъ, во всѣ повода понеслись на выручку. Стремительный ударъ смѣшалъ непріятеля, а тутъ подоспѣла пѣхота, и чеченцы понесли рѣшительное пораженіе. Четыреста тѣлъ, покинутыхъ на полѣ сраженія, остались въ нашихъ рукахъ, и атагинцы вынуждены были выкупить ихъ цѣною своей свободы: они присягнули на подданство и дали аманатовъ ([2]). Нельзя не отнести значительную часть успѣха этой экспедиціи къ нашимъ Линейнымъ казакамъ, не потерявшимъ ни одной минуты, чтобы дать помощь атакованному баталіону. Если бы чеченцы успѣли захватить Ханкальское ущелье, отрядъ, отрѣзанный отъ Линіи, могъ бы очутиться въ опасномъ положеніи.

Водворивъ спокойствіе въ Чечнѣ, Потемкинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Иверіей и привелъ это важное государственное дѣло къ желаемому концу: Грузинскій царь Ираклій самъ просилъ о принятіи его въ русское подданство, и торжественный актъ, впервые установившій фактически вассальныя отношенія Грузіи къ Россійской Имперіи, подписанъ былъ въ Георгіевской крѣпости 24 іюля 1783 года. Подробности этого событія не входятъ въ рамки нашего описанія, но для полноты картины слѣдуетъ прибавить, что самый протекторатъ, обязывавшій насъ защищать Грузинское царство отъ внѣшнихъ враговъ, естественно заставлялъ подумать и объ устройствѣ правильнаго сообщенія съ этой страною. Единственный путь, по которому ходили караваны, пролегалъ черезъ персидскія владѣнія по берегу Каспійскаго моря мимо Дербента, и потому былъ для насъ недоступенъ. Существовала еще другая дорога, черезъ Кабарду, но она заканчивалась у самаго подножія Главнаго Кавказскаго хребта, перевалъ черезъ который, на высотѣ свыше 12 тысячъ футовъ, былъ невозможенъ для артиллеріи и обозовъ. Тамъ были пробиты каменныя тропы, едва доступныя для пѣшихъ людей или одиночныхъ всадниковъ и то лишь опытныхъ и

смѣлыхъ духомъ. Весь этотъ путь хорошо былъ знакомъ нашимъ Семейнымъ и Гребенскимъ казакамъ, неоднократно командировавшихся въ Грузію съ различными порученіями. Въ чемъ заключались эти порученія, архивы не даютъ отвѣта, но изъ командировочной вѣдомости за 1781 годъ, подписанной генераломъ Якоби, видно, что отъ Гребенского войска находились въ Грузіи одинъ старшина и 12 казаковъ (3). Изъ другого документа мы узнаемъ (4), что еще раньше, именно въ 1773 году, старшина Терско-Семейнаго войска Кузьминъ съ командою казаковъ былъ посланъ въ Грузію для вывода оттуда русскихъ дезертировъ, а за два года передъ тѣмъ 68 Гребенскихъ казаковъ, подъ начальствомъ Гребенского казака Андрея Макѣева ходили туда для отвода какихъ то лошадей; но на возвратномъ пути, когда поздняя осень застала ихъ въ Кавказскихъ горахъ, 40 казаковъ потеряли своихъ лошадей, частію сорвавшихся въ кручи, частію брошенныхъ за полнымъ изнуреніемъ, и вернулись пѣшими (5).

Потемкинъ не сталъ считаться съ этими затрудненіями. По его распоряженію 800 солдатъ дружно принялись за работу и, не смотря на всѣ преграды, воздвигаемыя грозною природою, къ октябрю мѣсяцу 1783 года, Кавказскій снѣговой хребетъ,—тамъ, гдѣ, по выраженію поэта, . . . «носились лишь туманы да цари орлы», прорѣзанъ былъ дорогой, на столько удобной, что два баталіона егерей съ четырьмя орудіями и колеснымъ обозомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ свободно прошли въ Тифлисъ для защиты царя Ираклія. Вслѣдъ за ними и самъ Потемкинъ безъ затрудненій проѣхалъ въ Грузію восмирькомъ въ коляскѣ. Въ его конвоѣ находились и команды отъ всѣхъ линейныхъ казачьихъ полковъ (6). Это былъ первый путь, проложенный черезъ Кавказскія громады трудами русскаго солдата путь,—не смотря на гигантскія сооруженія, не стоившій правительству ничего, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ мясныхъ и винныхъ порцій.

Покореніе Крыма и принятіе Грузіи подъ протекторатъ русской Императрицы, эти два важныя событія, задѣвавшіе насущные интересы Персіи и Турціи, подняли противъ насъ обѣ магометанскія державы, ожидившія съ трепетомъ, что мы направимся противъ нихъ съ двухъ сторонъ изъ Крыма и Грузіи. Персія, терявшая въ лицѣ грузинскаго царя своего давнишняго вассала, протестовала открыто и даже собирала войска, но Турція, не имѣвшая повода явно вмѣшиваться въ наши отношенія съ Грузіей, прибѣгла къ своему обычному способу—поднять противъ насъ Кавказскіе народы. Кабардинцы, недавно испытавшіе на себѣ силу русскаго оружія, не приняли турецкихъ эмиссаровъ, но чеченцы востали почти поголовно. Во главѣ движенія стали опять атагинцы, а къ нимъ

примкнула вся Малая Чечня. Потемкинъ увидѣлъ необходимость снова прибѣгнуть къ оружію, и два сильные отряда, собранные имъ въ Моздокѣ и Наурѣ, въ исходѣ сентября 1783 года, двинулись за Сунжу. Пока одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Самойлова, проходилъ дремучіе лѣса, и битвы гремѣли на берегахъ Валерика, Гойты, Рошни и Гехи, самъ Потемкинъ съ другимъ отрядомъ, въ составъ котораго вошло 900 Гребенскихъ, Терскихъ и Моздокскихъ казаковъ, бросился къ Ханкальскому ущелью и 6 октября взялъ его приступомъ. Триста Линейцевъ, поддержанныхъ частью пѣхоты, тотчасъ открыли сообщеніе съ колонной Самойлова, стоявшей уже въ Атагахъ, и оба отряда, послѣ кровавыхъ битвъ наконецъ соединились. Надъ всею Чечнею стояло одно сплошное зарево пожара; Атаги, едва начинавшія оправляться отъ лѣтняго погрома, были истреблены окончательно; потери чеченцевъ были огромны, и невозможность дальнѣйшаго сопротивленія заставила ихъ просить пощады. Отрядъ взялъ аманатовъ и возвратился на Линію (7). Цѣлый годъ прошелъ послѣ того довольно спокойно. Но это, какъ увидимъ, было затишье передъ новою бурей, разразившейся надъ Сѣвернымъ Кавказомъ. Потемкинъ это какъ бы предвидѣлъ. «Чеченцы», писалъ онъ князю Таврическому, «такой народъ, который по звѣрскимъ своимъ наклонностямъ никогда не бываетъ въ покоѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ возобновляетъ наглыя противности, не взирая даже на своихъ аманатовъ. Унять ихъ отъ сихъ поступковъ не остается иныхъ средствъ, какъ только или истребить ихъ совершенно, жертвуя немалую часть своихъ войскъ, либо отнять у нихъ всѣ плоскія мѣста, толико нужныя имъ для скотоводства и хлѣбопашества» (8).

Но такъ какъ ни того, ни другого исполнить было нельзя, то Потемкинъ спѣшилъ воспользоваться временнымъ затишьемъ по крайней мѣрѣ для того, чтобы какъ можно скорѣе докончить сооруженіе новой укрѣпленной линіи между Моздокомъ и подошвою главнаго Кавказскаго хребта. Линія эта, обезпечивая сообщеніе съ Грузіей, имѣла еще и другое не менѣе важное значеніе: она отдѣляла Большую Кабарду отъ Малой и затрудняла возможность совмѣстнаго дѣйствія ихъ противъ насъ вмѣстѣ съ чеченцами или ингушами. Три изъ этихъ укрѣпленій, или—вѣрнѣе—редутовъ: Григоріополисское въ Малой Кабардѣ, Кумбелеевское на рѣкѣ того же названія и Потемкинское на Терекѣ у Татартуба были окончены и снабжены гарнизонами въ томъ же году, но постройку четвертаго, самаго сильнаго, запиравшаго входъ въ Дарьяльское ущелье, пришлось отложить до весны 1784 года.

29 апрѣля Селенгинскій пѣхотный полкъ и два егерскихъ баталіона съ артиллеріей, подъ общимъ начальствомъ полковника Нагеля выступили изъ Моздока къ Григоріополисскому редуту. Къ нему присоединились еще

70 Гребенскихъ и 70 Семейныхъ казаковъ, находившихся въ Моздокѣ для содержанія форпостовъ. Казаки пошли въ авангардѣ и держали боковыя цѣпи, дабы оградить отрядъ отъ возможнаго нападенія со стороны Чечни или кабардинцевъ ([9]). Кругомъ царило однако полное спокойствіе, и отрядъ, дойдя до осетинскаго селенія Заурова, остановился у входа въ Кавказскія тѣснины. Здѣсь, 6 мая 1784 года, послѣ торжественнаго молебствія съ водоосвященіемъ, при громѣ русскихъ пушекъ заложено четвертое, послѣднее укрѣпленіе, названное Владикавказомъ въ знакъ нашего владычества надъ Кавказскими горами. Крѣпость сравнительно была большая, вооруженная 12 орудіями, и по повелѣнію Императрицы Екатерины II въ ней воздвигнута первая православная церковь ([10]).

Нѣсколько ранѣе основанія Владикавказа, именно 2-го февраля 1784 года Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ для единообразнаго управленія Кавказскими дѣлами назначенъ былъ Кавказскимъ и Саратовскивъ генералъ-губернаторомъ, съ подчиненіемъ ему и Кубанскаго корпуса, т. е. всѣхъ войскъ, расположенныхъ между тремя морями: Каспійскимъ, Азовскимъ и Чернымъ. Такое сосредоточеніе административной власти являлось необходимымъ и пріобрѣтало особое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ рѣшено было за нашими казачьими линіями водворять деревни мирныхъ хлѣбопашцевъ. Такимъ образомъ вопросъ о колонизаціи края русскимъ элементомъ выдвигается въ этотъ моментъ на первый планъ, и ему главнѣйшимъ образомъ Потемкинъ посвящаетъ свою дѣятельность. Продолжая дѣло, начатое Якоби, онъ прежде всего обратился во внутреннія губерніи съ возваніемъ къ однодворцамъ и казеннымъ крестьянамъ, приглашая ихъ на новыя мѣста, находившіяся подъ прикрытіемъ нашихъ укрѣпленій. Вызовъ увѣнчался успѣхомъ. Записалось къ переселенію свыше 23 тысячъ душъ одного мужскаго пола, но въ теченіи 1783 и 1784 годовъ явилось меньше половины—12.500 душъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ. Они основали за Линіей десять новыхъ селеній, изъ которыхъ четыре существуютъ понынѣ, обращенныя въ станицы Терскаго казачьяго войска. Это —Прохладная на Малкѣ, Незлобная—на Золкѣ, Курская и Государственная на р. Кумѣ. Появились затѣмъ и крестьяне помѣщичьи. Самъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ перевелъ сюда 420 душъ своихъ крестьянъ, основавшихъ село Привольное (нынѣ Масловъ Кутъ), а затѣмъ стали высылать своихъ крѣпостныхъ и русскіе именитые вельможи, какъ напримѣръ князь Вяземскій, князь Безбородко, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и другіе. Но въ сложности всѣ эти крестьяне, вмѣстѣ съ Потемкинскими, не превышали тысячъ трехъ сотъ душъ обоего пола. Очевидно, что дѣлалось это лишь въ угоду всесильному Потемкину, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы заняться устройствомъ своихъ имѣній на такой далекой окраинѣ, куда одно пересе-

леніе крѣпостныхъ требовало такихъ значительныхъ затратъ со стороны помѣщиковъ, что на возмѣщеніе ихъ изъ будущихъ гадательныхъ доходовъ нечего было и думать.

Тѣмъ не менѣе 14 тысячъ русскихъ людей, принявшихся за плуга въ пустынныхъ до толѣ земляхъ, не могли не послужить достаточнымъ основаніемъ къ будущему гражданскому развитію края, и сенатъ призналъ своевременнымъ учредить Кавказское намѣстничество изъ двухъ губерній Кавказской и Астраханской. Высочайшамъ указомъ 5 мая 1785 года Кавказская область, образованная по губернскимъ учрежденіямъ, раздѣлена была на шесть уѣздовъ: Екатериноградскій, съ переименованіемъ Екатериненской станицы Волжскаго казачьяго полка въ главный намѣстническій городъ Екатериноградъ, а затѣмъ слѣдовали уѣзды: Моздокскій, Кизлярскій, Георгіевскій, Александровскій и Ставропольскій, административные центры которыхъ были возведены на степень уѣздныхъ городовъ съ примѣненіемъ къ нимъ общихъ городовыхъ положеній. Тѣмъ же указомъ намѣстникомъ Кавказа назначенъ былъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Онъ находился тогда въ Петербургѣ, а потому по возвращеніи въ Георгіевскъ 30 сентября былъ принятъ на Линіи уже не только какъ генералъ-губернаторъ и командиръ Кавказскихъ корпусовъ, но какъ настоящій правитель Кавказа, Государевъ намѣстникъ, которому подчинялись всѣ военныя и гражданскія власти. Обстоятельства не дозволили однако приступить немедленно къ открытію намѣстничества, такъ какъ Потемкинъ по возвращеніи изъ Петербурга нашелъ мѣстныя дѣла на Кавказѣ въ крайнемъ замѣшательствѣ. Вся наша Линія, которую онъ оставилъ въ совершенномъ спокойствіи, теперь стояла въ огнѣ. Чеченцы, кумыки, кабардинцы—всѣ соединились вмѣстѣ, чтобы разорвать оковы, наложенныя на нихъ русскою властью, и возвратить утраченную свободу, понимаемую ими въ смыслѣ только свободныхъ грабежей и разбоевъ. Ближайшіе сосѣди Кабарды—закубанцы, понимая отлично, что рано или поздно очередь дойдетъ и до нихъ, охотно пристали къ союзу; лезгины также обѣщали выслать свои партіи. Войскъ на Кавказѣ было достаточно; одной пѣхоты считалось свыше 23 тысячъ, но она была разбросана на огромномъ пространствѣ, не успѣвала сосредоточиваться на томъ или другомъ пунктѣ быстро мѣнявшихся театровъ военныхъ дѣйствій, а горцы, въ случаѣ общаго возстанія, могли выставить, по исчисленію П. С. Потемкина, до 250000 отборной конницы ([11]). Положеніе дѣлъ было опасное; но, къ счастью для насъ, у горцевъ, не смотря на высокій подъемъ ихъ духа, не было единодушія, а главное, среди нихъ не замедлила оказаться та племенная рознь и вражда, которыя обращали въ ничто всѣ ихъ огромныя силы. Разскажемъ теперь, что произошло въ кратковременное отсутствіе Потемкина.

Ненависть горцевъ къ намъ, какъ къ пришельцамъ, вторгавшимся въ ихъ внутренній міръ, ни для кого ни была секретомъ; она и выражалась частыми вспышками, подавляемыми только силою оружія. Передъ этою силою приходилось смиряться, но надежда такъ или иначе избавиться отъ русской опеки никогда ихъ не покидала. «Аллахъ великъ»,—говорили они, «не можетъ же быть, что бы невѣрные одолѣли мусульманскія царства и сдѣлались ихъ владыками...»! А пока они такъ говорили, невѣрные все подвигались и подвигались впередъ. Рядъ укрѣпленій, заложенныхъ ими по дорогѣ въ Грузію, былъ, кажется, послѣднею каплей, переполнившей ихъ терпѣніе. Всѣ эти редуты являлись въ сущности лишь новою боевою линіею, заложеніе которой уже въ самой землѣ кабардинцевъ не могло не вызвать затаеннаго озлобленія горцевъ. И не только кабардинцы, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, но даже чеченцы и кумыки рѣшили соединенными силами положить наконецъ предѣлъ распространенію русскаго владычества. Ждали только благопріятнаго случая. Весь Сѣверный Кавказъ похожъ былъ на пороховой погребъ, стоявшій съ открытыми настежъ дверями, случайная искра могла произвести въ немъ страшный, потрясающій взрывъ... И искра эта была брошена.

Въ 1785 году въ Чечнѣ появилось загадочное лицо, положившее начало новому религіозно-политическому ученію, развившемуся впослѣдствіи въ то, что названо было нами кавказскимъ мюридизмомъ. Въ исторіи человѣкъ этотъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ пророка или имама Шихъ-Мансура, но настоящее имя его было Ушурма. Ничего таинственнаго или загадачнаго въ этомъ лицѣ въ сущности не было. Онъ былъ уроженецъ чеченскаго селенія Алды, гдѣ жили его братья, въ молодости изучилъ коранъ подъ руководствомъ одного изъ ученѣйшихъ муллъ Дагестана, а затѣмъ, возвратившись на родину, встрѣтилъ въ своей семьѣ такую нищету, что вынужденъ былъ приняться за пастьбу чужого скота ([12]). Обладая пылкимъ и властнымъ характеромъ, онъ не хотѣлъ примириться съ своимъ приниженнымъ положеніемъ и рѣшилъ проложить себѣ путь къ почестямъ и славѣ путемъ религіозной пропаганды. Почва для этого была уже подготовлена, и онъ искусно этимъ воспользовался. «Однажды, въ сонномъ видѣніи», такъ разсказывалъ онъ своимъ братьямъ, «ко мнѣ явились два таинственныхъ всадника въ бѣлыхъ одеждахъ и именемъ Бога велѣли идти проповѣдывать народу исламъ. Я сталъ уклоняться отъ этого, ссылаясь на свое убожество, но одинъ изъ всадниковъ сказалъ мнѣ: Иди. Аллахъ будетъ вѣщать твоими устами, и народъ повѣритъ всему, что ты ему скажешь».

Молва объ этомъ чудѣ быстро разнеслась по аулу и взволновала народъ, а между тѣмъ Ушурма, запершись въ своей саклѣ, три дня провелъ

въ постѣ и молитвѣ. Только по истеченіи этого срока онъ вышелъ на крышу своей сакли и сталъ созывать къ себѣ односельцевъ. Когда народъ собрался, Ушурма, зная враждебное настроеніе чеченцевъ къ русскимъ, сталъ проповѣдывать о томъ, что истины корана забыты и попраны чеченцами и что владычество иноплеменныхъ есть именно Божія кара за ихъ небреженіе къ вѣрѣ отцовъ. Его одушевленная, страстная рѣчь, льстившая народнымъ инстиктамъ, поразила слушателей и сразу привлекла къ нему толпу послѣдователей. Народъ увидѣлъ въ бѣдномъ пастухѣ дѣйствительно избранника, ниспосланнаго Богомъ для его спасенія, и съ этихъ поръ за нимъ утвердилось имя Шихъ-Мансура, т. е. святого пророка-проповѣдника. Молва о немъ быстро разнеслась по Сѣверному Кавказу, и Мансуръ, воспользовавшись такимъ настроеніемъ умовъ, провозгласилъ «Газаватъ», священную войну противъ невѣрныхъ. У насъ сознали необходимость подавить зло въ самомъ зародышѣ, и генералъ Леонтьевъ, командовавшій войсками за отсутствіемъ Потемкина, поручилъ полковнику Пьери быстрымъ движеніемъ въ Алды схватить Мансура и доставить его на Линію.

Къ сожалѣнію, первая попытка въ этомъ направленіи была весьма неудачна.

Въ ночь съ 5 на 6 іюля отрядъ, составленный изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ орудій и сотни Терско-Семейныхъ казаковъ внезапно, напалъ на Алды, но Мансуръ при первыхъ выстрѣлахъ успѣлъ бѣжать изъ селенія, и главная цѣль экспедиціи не была достигнута. Пьери сжегъ Алды, и, не придавая особаго значенія бѣгству пророка, двинулся обратно на Линію. Но путь отступленія уже былъ отрѣзанъ. Едва войска втянулись въ лѣсъ, лежавшій между Алдами и Сунжей, какъ на нихъ со всѣхъ сторонъ посыпались пули. Невидимый врагъ поражалъ на выборъ. Полковникъ Пьери былъ убитъ, смѣнившій его маіоръ Комарскій смертельно раненъ; большинство офицеровъ выбыло изъ строя. Съ потерею начальниковъ люди разстроились и дрогнули. Тогда чеченцы, предводимые Мансуромъ, съ гикомъ ударили въ кинжалы и шашки. Началось буквальное истребленіе отряда. Обѣ пушки были захвачены непріятелемъ, 8 офицеровъ и 414 нижнихъ чиновъ убиты, 162 человѣка взяты въ плѣнъ, остальные, почти всѣ перераненые, едва спаслись отъ разъяренныхъ чеченцевъ. Реляція, составленная въ общихъ чертахъ, не даетъ намъ свѣдѣній, какую роль играла въ бою сотня Терскихъ казаковъ и какъ велика была понесенная ею потеря; извѣстно только, что по первому извѣстію о катастрофѣ въ Алдынскомъ лѣсу весь Моздокскій полкъ съ полковникомъ Савельевымъ понесся на выручку, но было уже поздно; бой окончился, и казакамъ пришлось подобрать лишь убитыхъ да вывезти покинутыхъ нами раненыхъ ([13]).

Несчастное пораженіе русскаго отряда имѣло для края гибельныя послѣдствія. Какъ только молва о немъ разнеслась по горамъ, отъ всѣхъ Кавказскихъ племенъ подъ знамя пророка устремились новыя толпы приверженцевъ. Мансуръ торжественно отпраздновалъ побѣду и, не давая остыть общему одушевленію, двинулся къ Кизляру. На пути верстахъ въ пяти отъ крѣпости, на правомъ берегу р. Терека, тамъ, гдѣ была переправа, стоялъ Каргинскій редутъ и съ него-то Мансуръ долженъ былъ начать свои дѣйствія.

На Линіи совсѣмъ не ожидали столь быстраго наступленія непріятеля, и войска ни гдѣ сосредоточены не были. Волжскія станицы были слишкомъ далеко, а Моздокцы, Гребенцы и Терцы держали по Тереку усиленные форпосты, охраняя свои родные очаги; пѣхота стояла по квартирамъ. Все это отлично зналъ Мансуръ и расчитывалъ захватить редутъ въ совершенномъ расплохѣ. Но вышло не такъ.

Два Терско-Кизлярскіе казака, бывшіе въ тотъ день на охотѣ, случайно наткнулись на массу горцевъ, двигавшихся къ переправѣ, и успѣли предупредить и редутъ, и крѣпость. Когда Мансуръ передъ вечеромъ подошелъ къ редуту, онъ былъ уже готовъ къ оборонѣ. Начался отчаянный приступъ. Но небольшой гарнизонъ оказалъ такое мужественное сопротивленіе, что горцы, не смотря на свое огромное численное превосходство, не могли ворваться въ укрѣпленіе. Тогда они зажгли прилегавшія къ нему деревянныя строенія, и пламя быстро охватило камышевыя крыши мазанокъ. Всѣ усилія остановить пожаръ были тщетны, и пламя быстро достигло порохового погреба. Грянулъ страшный взрывъ, и укрѣпленіе взлетѣло на воздухъ, похоронивъ подъ своими развалинами геройскихъ защитниковъ. Нельзя не пожалѣть опять, что документы, имѣвшіеся у насъ въ рукахъ, ничего не говорятъ, изъ какихъ частей составленъ былъ гарнизонъ и были ли въ числѣ его наши Линейные казаки ([14]).

Мансуръ торжествовалъ вторую побѣду, но она же была и послѣднею.

Ночью чеченцы перешли черезъ Терекъ, чтобы передъ свѣтомъ напасть на Кизляръ. Но тутъ случилось нѣчто фатальное, какой-то фатумъ, разстроившій все ихъ предпріятіе. Сбились ли горцы съ прямого пути, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, имъ измѣнили мирные кабардинцы, служившіе у нихъ проводниками, только цѣлое скопище попало въ невылазныя болота съ огромными трясинными окнами. Начался безпорядокъ. Кони, почуявъ опасность, начали фыркать, биться и сбрасывать всадниковъ; всадники, тѣсня другъ друга, спѣшили выбраться изъ этихъ трясинъ и десятками гибли въ бездонныхъ пучинахъ. Въ довершеніе ужаса, пушечные выстрѣлы разнесли тревогу по линіи и со всѣхъ сторонъ, съ ближнихъ и

дальнихъ форпостовъ, десятками и цѣлыми сотнями скакали Терско-Семейные казаки и поспѣли во время. Сразу сообразили они, въ чемъ дѣло и, обогнувъ хорошо знакомыя имъ болота, поставили горцевъ подъ перекрестный огонь. Теперь Мансуру надо было думать только уже о собственномъ спасеніи. Часть скопища, выбившись изъ трясинъ, дѣйствительно успѣла прорваться и, бросившись черезъ Терекъ вплавь, разсыпалась по Кумыкской равнинѣ; но остальные погибли частью въ трясинахъ, а частью въ рѣкѣ, поражаемые на плаву мѣткими пулями казаковъ ([15]).

Какъ ни быстро разнеслась по горамъ, еще не задолго передъ тѣмъ, вѣсть о пораженіи отряда Пьери, но еще быстрѣе распространилось по ауламъ печальное извѣстіе о гибели нѣсколькихъ сотъ правовѣрныхъ наѣздниковъ Кизлярскаго края.

Слава пророка померкла. Но Мансуръ былъ не изъ такихъ людей, которые бросаютъ предпріятія при первой неудачѣ. Благодарною почвой для новыхъ возмущеній могла послужить Кабарда, и дѣйствительно, появленіе тамъ Мансура вызвало такой энтузіазмъ, что не только князья, уорки и уздени, но и простой народъ толпами стали переходить подъ его знамена. Скоро силы Шихъ-Мансура удвоились и даже утроились противъ прежняго. Но надо было прежде всего сдѣлать что-либо для самихъ кабардинцевъ, и Мансуръ рѣшилъ напасть на наше Григоріополисское укрѣпленіе, чтобы стереть его съ лица земли и открыть свободное сообщеніе между Большой и Малой Кабардой ([16]). Гридоріополисъ былъ занятъ въ это время баталіономъ пѣхоты и сотней Моздокскихъ казаковъ, подъ командою храбраго полковника Вреде. 29 іюля многочисленныя толпы непріятеля со всѣхъ сторонъ обложили редутъ и открыли по немъ сильный ружейный огонь, на который осажденные почти не могли отвѣчать, такъ какъ горцы искусно воспользовались для своего прикрытія кустами и оврагами. Обстоятельство это заставило Вреде придумать весьма остроумный способъ для нанесенія имъ урона. Разсказываютъ, что желая выманить ихъ на болѣе открытую мѣстность, онъ сталъ выпускать изъ укрѣпленія по нѣсколько штукъ скота, и въ ту минуту, какъ жадные кабардинцы бросались за этой добычей, онъ поражалъ ихъ картечью. Такой маневръ удавался довольно удачно, и 30 головъ скота, разновременно выпускаемаго изъ редута, дорого обошлись кабардинцамъ. Перестрѣлка длилась до самыхъ сумерокъ. Вечеромъ непріятель зажогъ деревянныя постройки, находившіяся вблизи отъ редута, и подъ прикрытіемъ густого дыма двинулся на приступъ. Тогда Вреде рѣшился на отчаянную вылазку. Вызваны были охотники. Изъ пѣхоты вышло 80 человѣкъ, а Моздокская сотня выдвинулась впередъ вся поголовно. «Помните, братцы», напутствовалъ ихъ Вреде, «ни одного выстрѣла, работать только штыками и кинжалами». И

вотъ, выждавъ время, когда непріятель, подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій, подошелъ уже къ валу, охотники вдругъ съ разныхъ сторонъ выскочили изъ укрѣпленія и съ ужасающимъ крикомъ бросились въ рукопашную схватку. Нападеніе было такъ неожиданно, что растерявшіеся кабардинцы обратились въ бѣгство, и къ утру въ окрестностяхъ Григоріополиса не было уже ни одного всадника ([17]).

Новая неудача на этотъ разъ не особенно повліяла на умы правовѣрныхъ, сознавшихъ, что причиною несчастья были они сами, и ихъ пустой, ничѣмъ не оправдываемый страхъ передъ горстью внезапно наскочившихъ на нихъ солдатъ и казаковъ. Всѣ видѣли, какъ Мансуръ при наступленіи ѣхалъ впереди всѣхъ, сопровождаемый своимъ зеленымъ знаменемъ, а при общемъ бѣгствѣ покинулъ поле сраженія послѣднимъ. Надо было загладить собственную свою вину передъ пророкомъ, и кабардинцы сами просили вести ихъ противъ гяуровъ. Мансуръ сказалъ имъ: «Вы еще не утвердились въ вѣрѣ и не можете вести газаватъ. Молитесь! Укрѣпляйтесь духомъ. Я скоро поведу васъ опять на Кизляръ, который должна постигнуть участь Каргинскаго редута». Обѣщаніе было заманчиво. Богатый городъ съ его хуторами и армянскими лавками представлялъ собою привлекательную цѣль для набѣга, и къ кабардинцамъ быстро присоединились новыя полчища. Сила собралась внушительная. Въ Кизлярѣ находилось въ это время до 2500 войскъ и въ томъ числѣ весь Гребенской казачій полкъ съ войсковымъ атаманомъ Сехинымъ. Кромѣ того внѣ ретрашамента расположенъ былъ лагеремъ Томскій пѣхотный полкъ въ числѣ 720 человѣкъ, подъ командой полковника Лунина. Но не смотря на достаточную охрану, вѣсть о намѣреніи горцевъ всполошила всѣхъ жителей. Въ ихъ памяти свѣжи были недавніе погромы Кизляра Аджи-Сакуромъ, а потомъ кистинами во время генерала Медема, а тутъ еще новые разсказы о пораженіи Пьери, о гибели Каргинскаго редута, о страшно-таинственной личности, Богъ вѣсть откуда появившагося пророка... Очевидно Шихъ-Мансуръ поразилъ воображеніе не однихъ только горцевъ.

Кизлярцы впали въ уныніе. Одинъ изъ очевидцевъ той эпохи говоритъ, что картина была дѣйствительно печальнаго свойства. Дѣти, напуганныя общей суматохой, неистово кричали, женщины плакали и, теряя голову, не знали, за что приняться; сѣдые старики сумрачно глядѣли на семьи и торопливо прятали и убирали то, что было поцѣннѣе. Многіе бѣжали въ Астраханскія степи, рискуя быть ограбленными калмыками или ногайцами. Гребенскіе казаки, съ вечера отправленные за Терекъ для наблюденія за непріятелемъ, заклинали другъ друга стоять за русскую землю и «падать спиною въ Терекъ», если уже не сдолѣютъ «пастуха-волка», какъ они называли Мансура. Ночь прошла однако же благополучно, но подъ самое утро, когда послѣ всей дневной суматохи жители стали уже

забываться тяжелымъ предрасвѣтнымъ сномъ, прискакалъ казачій разъѣздъ съ извѣстіемъ, что горцы подходятъ уже къ Тереку и что ихъ не менѣе, какъ 10 или 12 тысячъ. Роковое слово: «идутъ»! мгновенно пронеслось по крѣпости, и городъ вздрогнулъ, какъ отъ удара грома. Казакамъ велѣно выслѣдить, гдѣ будетъ переправа, и затѣмъ какъ можно скорѣе отступить въ Кизляръ для защиты крѣпости. Чтобы ободрить народъ, русскіе и армянскіе священники ходили по улицамъ города, пѣли молебны и кропили христіанъ святою водою. Суета, шумъ и тревога были повсюду, и только русскіе солдаты, опершись на ружья, молча стояли на площади. Всѣ Гребенскіе и Терскіе казаки отправлены были въ форштадтъ и заняли его укрѣпленія. Форштадтъ и долженъ былъ принять на себя первый ударъ непріятеля.

Былъ уже полдень 19 августа, когда непріятель, переправившійся черезъ Терекъ верстахъ въ пятнадцати ниже крѣпости, подошелъ къ Кизляру. Но какъ только алчныя толпы добрались до садовъ, окружавшихъ городъ, то, не внимая больше голосу своего предводителя, бросились грабить разсыпанные въ нихъ хутора. Весь день непріятель опустошалъ сады и только уже подъ вечеръ двинулся наконецъ на штурмъ крѣпостной ограды, возведенной вокругъ форштадта. Здѣсь встрѣтили его Гребенскіе и Терско-Кизлярскіе казаки. Пять разъ толпы непріятеля бросались на приступъ и всякій разъ были отбрасываемы съ огромнымъ урономъ. Гребенцы съ атаманомъ Сехинымъ и Терское войско съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, оборонявшіе валъ, покрыли себя въ этотъ день блистательною славой.

Значительныя потери заставили Мансура отказаться отъ намѣренія овладѣть форштадтомъ открытою силой. Зато на слѣдующій день, 20 августа, онъ всѣми силами ударилъ на Томскій полкъ, стоявшій внѣ укрѣпленій, расчитывая, что въ случаѣ отступленія Томцевъ, онъ можетъ ворваться на ихъ плечахъ въ самую крѣпость. Но и этотъ маневръ не удался. Томцы дѣйствительно отступили въ редутъ, но горцы, устремившіеся за ними, встрѣчены были такимъ перекрестнымъ огнемъ со всѣхъ батарей, что въ безпорядкѣ повернули назадъ ([18]).

Немалую услугу оказалъ въ эти дни полковникъ Савельевъ, который, узнавъ объ опасномъ положеніи Кизляра, со всѣмъ Моздокскимъ полкомъ прискалъ на помощь и, занявъ аулы осѣдлыхъ ногайцевъ, не допустилъ ихъ соединиться съ Мансуромъ ([19]); это былъ послѣдній ударъ, нанесенный горцамъ. Лишенные помощи, на которую такъ много расчитывали, они сочли дальнѣйшую борьбу безполезной и, бросившись за Терекъ, разошлись по домамъ.

Партія Мансура казалась окончательно проигранной. Чеченцы, не до-

вольные ничтожною добычею, захваченной ими въ пустыхъ хуторахъ, первые отъ него отложились. Кумыки скрывали его въ своихъ аулахъ, но не обнаруживали ни малѣйшаго желанія стать подъ его знамена. Звѣзда Мансура, однако же, еще не потухла. Съ одной стороны призывали его къ себѣ кабардинцы, готовившіеся идти на Малку,—съ другой—Закубанскіе горцы спѣшили выразить ему сочувствіе его ученію и на горячую рѣчь, обращенную къ нимъ проповѣдникомъ, немедленно отвѣтили грознымъ набѣгомъ на Моздокскую линію. Это случилось осенью 1785 года. Двѣ или три тысячи Закубанцевъ внезапно бросились на Ставропольскую крѣпость и на селенія Михайловку и Палагіаду. Этотъ набѣгъ сопровождался кровавыми схватками горцевъ съ нашими Волжскими казаками и серьезными потерями съ обѣихъ сторонъ; особенно памятенъ жестокій бой въ виду пылавшихъ селеній, когда Хоперцы и Волжцы разбили горцевъ на голову и отстояли другія деревни, не испытывшія, такимъ образомъ, горькой участи Михайловки и Палагіады ([20]).

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Потемкинъ возвратился на Линію. Первыя извѣстія, полученныя имъ, заключались въ томъ, что Мансуръ, усилившись въ кумыцкихъ владѣніяхъ новыми толпами изъ разныхъ бездомниковъ, абрѣковъ, искателей приключеній, вообще изъ людей, которымъ терять было нечего,—намѣренъ идти въ Кабарду, гдѣ уже шли большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ пророка. Послѣднее обстоятельство устыдило тѣхъ, кто малодушно отпалъ отъ Мансура, и скоро къ его услугамъ явились опять вооруженныя скопища лезгинъ, кумыковъ и чеченцевъ. Потемкинъ увидѣлъ необходимость остановить Мансура и не допустить соединенія его съ кабардинцами. Съ этою цѣлью весь Моздокскій полкъ Савельева, четыре баталіона пѣхоты и рота артиллеріи выдвинуты были за Терекъ; къ нимъ подошли еще съ ближайшихъ постовъ 150 Гребенскихъ и 150 Терско-Семейныхъ казаковъ. Начальство надъ всѣмъ отрядомъ поручено было храброму и распорядительному полковнику Нагелю; пѣхотою командовалъ бригадиръ Апраксинъ, кавалеріею полковникъ Савельевъ ([21]). Противники встрѣтились у Татартуба, одного изъ наиболѣе значительныхъ въ то время кабардинскихъ ауловъ. На мѣстѣ его долго, почти до нашихъ дней, стоялъ въ окрестностяхъ Змѣйской станицы, на старой военно-грузинской дорогѣ, высокій красивый минаретъ, привлекавшій вниманіе всѣхъ путешественниковъ; но теперь упалъ и этотъ минаретъ, напоминая о своемъ существованіи лишь грудами разсыпанныхъ камней. Вотъ здѣсь-то, въ виду этого историческаго памятника, на зарѣ 2-го ноября 1785 года, огромное 20-тысячное скопище горцевъ со всѣхъ сторонъ облегло отрядъ полковника Нагеля. Съ фронта наступали чеченцы, слѣва—лезгины; а справа шла кабардинская конница, предводимая извѣстнымъ наѣздникомъ Дола. Въ то же самое время кумыки,

среди которыхъ развѣвалось большое священное знамя пророка, какъ туча, заходили въ тылъ, чтобы отрѣзать намъ отступленіе. Яростный бой загорѣлся разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ. Наиболѣе опасными для насъ противниками являлись кумыки, приближавшіеся къ нашей позиціи подъ прикрытіемъ особыхъ подвижныхъ щитовъ, легко катившихся на колесахъ. Эти щиты, сколоченные изъ двухъ рядовъ толстыхъ бревенъ, съ насыпанною между ними землею, представляли собою грозную стѣну, противъ которой безсильно было дѣйствіе полевой артиллеріи, и кумыки подходили къ намъ все ближе и ближе, не неся никакой потери. Ударъ этой массы могъ быть опасенъ, и полковникъ Нагель рѣшился прибѣгнуть къ слѣдующему маневру: онъ приказалъ Савельеву со всѣми казаками—Моздокскими, Гребенскими и Терскими во весь опоръ обскакать мантелеты и ударить на кумыковъ съ тыла. Въ тоже время часть пѣхоты съ премьеръ-маіоромъ Мансуровымъ бросилась съ фронта и, отнявъ подвижные щиты, поставила кумыковъ можду двумя огнями. Пошла работа исключительно холоднымъ оружіемъ. Съ одной стороны ихъ поражали штыками, съ другой—кинжалами и шашками. Среди этой сумятицы Мансуръ, бросивъ свое священное знамя, успѣлъ ускакать, а кумыки были совершенно разсѣяны ([22]).

Съ остальными противниками справиться уже было нетрудно, и скоро все скопище обратилось въ такое поспѣшное бѣгство, что имущество, оставленное имъ въ горномъ ущельи, было брошено и досталось въ добычу нашимъ казакамъ. Трофеевъ взято было также немало, но Потемкинъ распорядился съ ними по своему. «Знамена ихъ, доносилъ онъ князю Таврическому, не нашелъ я достойнымъ поднести вашей свѣтлости, а обругавъ ихъ при собраніи тѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ, кои у меня находились въ стану, приказалъ сжечь черезъ профоса» ([23]).

Такъ окончился послѣдній, роковой для Мансура татартубскій бой. Деморализація въ разбитыхъ шайкахъ была такъ велика, что горцы возстали другъ противъ друга: лезгины рѣзали чеченцевъ, чеченцы и кумыки хватали лезгинъ и, какъ рабовъ, продавали въ Турцію. Шихъ-Мансуръ бѣжалъ за Кубань и тамъ отдался подъ покровительство турокъ, занимавшихъ приморскія крѣпости. Мюридизмъ, стремившійся объединить всѣ Кавказскія народности и племена подъ одною духовною властью, угасъ; но не угасла въ народѣ идея его, и черезъ 44 года онъ вспыхнулъ снова страшнымъ пожаромъ въ горахъ Дагестана. Тамъ основателемъ его явился Кази-Мулла, а затѣмъ Шамиль развилъ его уже въ полную политическую систему, стоившую намъ тридцатилѣтней кровавой борьбы.

Императрица Екатерина II, получивъ донесеніе о татартубскомъ боѣ, почтила свѣтлѣйшаго князя Потемкина слѣдующимъ рескриптомъ ([24]): «На-

шему генералъ-фельдмаршалу, Военной коллегіи президенту, Екатеринославскому и Таврическому намѣстнику, князю Григорію Александровичу Потемкину».

«Пораженіе у Татартуба извѣстнаго обманщика Мансура съ многочисленными приставшими къ нему толпами, совершенное храбрымъ войскомъ Нашимъ, относя къ благоразумнымъ распоряженіямъ Вашимъ и къ точности выполненія оныхъ со стороны Нашего генералъ-поручика Потемкина и другихъ военныхъ начальниковъ Кавказскаго корпуса, поручаемъ Вамъ объявить всѣмъ имъ Наше особливое удовольствіе и Монаршую милость».

«Отличившихся въ семъ происшествіи мужествомъ и расторопностью охотно соизволяемъ, по удостоенію Вашему, почтить отмѣнными знаками Нашего благоволенія, вслѣдствіе чего Всемилостивѣйше пожаловали Мы бригадира Апраксина и полковника Нагеля кавалерами ордена Нашего св. Владиміра 3-й степени; полковника Савельева и премьеръ-маіора Мансурова кавалерами того же ордена 4-й степени, а сверхъ того всѣмъ нижнимъ чинамъ и казакамъ, бывшимъ въ сраженіи, повелѣваемъ выдать въ награжденіе—гренедерамъ по два рубля, прочимъ же по одному рублю на человѣка».

«По одержаніи столь знаменитыхъ успѣховъ надъ возмутившимися своевольными народами, Мы твердо надѣемся, что Вы дѣла тамошнія учредите такимъ образомъ, что генералъ-поручикъ Потемкинъ вскорѣ достигнетъ совершеннаго успокоенія края и приложитъ стараніе, чтобы поимкою лже-пророка пресѣчь самый корень зла».

Копія съ этого рескрипта получена была Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ 37 января 1786 года, когда Мансуръ давно уже былъ за Кубанью, и на нашей линіи водворилось полнѣйшее спокойствіе.

Глава XV.

Пользуясь наступившимъ на Линіи затишьемъ, Потемкинъ поспѣшилъ перейти отъ военныхъ къ гражданскимъ дѣламъ. 13 января 1787 года объявленъ былъ имъ слѣдующій приказъ по краю (1):

«По Высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію сего января въ 18-й день, т. е. въ воскресенье, послѣдуетъ открытіе Кавказскаго намѣстничества. А какое по случаю сего будетъ происшествіе, прилагаю сдѣланный мною обрядъ».

Такимъ образомъ съ 18 января 1786 года Кавказскій край получаетъ самостоятельное гражданское управленіе, и Астрахань на первый разъ передаетъ свои права Екатеринограду, куда Потемкинъ перенесъ свою резиденцію. Екатериноградъ, стоявшій при сліяніи двухъ рѣкъ Терека и Малки, заключалъ въ себѣ въ то время станицу Волжскихъ казаковъ, солдатскую слободу и небольшую крѣпостцу, въ которой собственно и находился домъ, или вѣрнѣе дворецъ намѣстника, выстроенный съ необычайною для Кавказа роскошью. Памятникомъ этого минувшаго величія города и нынѣ остаются поставленные тогда Потемкинымъ каменные тріумфальныя ворота съ надписью на нихъ: «Дорога въ Грузію», нынѣ уже стертой и замѣненной другою. Самъ Потемкинъ служилъ олицетвореніемъ стариннаго русскаго барства и не жалѣлъ издержекъ тамъ, гдѣ нужно было поддержать свое представительство: такъ онъ окружилъ себя большою блестящею свитой и выѣзжалъ не иначе, какъ въ превосходной коляскѣ, окруженной отрядомъ линейныхъ казаковъ, адъютантами и молодыми дворянами, которые подъ его руководствомъ должны были образовать себя къ полезной службѣ отечеству.

Въ частной жизни онъ давалъ роскошные праздники, и горскіе князья лучшихъ фамилій всегда толпились около него съ своими уорками и узденями. Потемкинъ ласкалъ этихъ представителей черкесской аристократіи, дарилъ и покупалъ ихъ золотомъ. При легкомысліи и жадности горцевъ онъ этимъ путемъ узнавалъ отъ нихъ обо всѣхъ враждебныхъ предпріятіяхъ и успѣвалъ разрушать ихъ во время; но главною системою его политики римское правило «devide et impera»—поддерживать между горцами

постоянныя распри и, помогая слабымъ, не давать усиливаться тѣмъ, которые могли быть для насъ опасными.

Установленіе мирныхъ отношеній на Линіи не замедлило отразиться и на нашихъ сношеніяхъ съ болѣе крупными сосѣдними владѣтелями. Сильнѣйшій изъ нихъ былъ Шамхалъ Тарковскій, носившій титулъ валія и заявлявшій права на первенствующее значеніе въ Дагестанѣ. Съ учрежденіемъ намѣстничества, слыша о принятіи Грузинскаго царства подъ высокій протекторатъ Россіи, съ такою же просьбою обратился къ Потемкину и Тарковскій Шамхалъ Баматъ, поставившій единственнымъ условіемъ, чтобы онъ не былъ униженъ царемъ Грузіи, «ибо», какъ выражался Шамхалъ, «я не могу поставить его выше себя, имѣя равное съ нимъ достоинство вали». Потемкинъ обнадежилъ Бамата монаршими милостями, и послы его прибыли въ Екатериноградъ 25 мая 1786 года. Пріемъ ихъ обставленъ былъ самымъ торжественнымъ образомъ. Въ богатыхъ каретахъ, сопровождаемые блестящимъ эскортомъ изъ Линейныхъ казаковъ, послы проѣхали прямо во дворецъ, гдѣ было уже приготовлено все, чтобы ослѣпить ихъ пышностью, окружавшей намѣстника. Шествіе ихъ открывалъ церемоніймейстеръ съ своими ассистентами, за нимъ слѣдовалъ маршалъ и наконецъ послы, которыхъ почтительно поддерживали подъ руки наши офицеры.

Миновавъ длинную анфиладу комнатъ, процессія вступила въ залъ, посреди котораго величественно возвышался Императорскій тронъ. При ступеняхъ трона въ богатомъ креслѣ сидѣлъ намѣстникъ. Онъ, сидя, выслушалъ привѣтственную рѣчь пословъ и затѣмъ, поднявшись съ своего мѣста, указалъ рукой на большой портретъ Императрицы. Послы преклонили передъ нимъ колѣна и потомъ у ступеней трона громко и внятно произнесли присягу отъ лица Бамата и его народа. 50 пушечныхъ выстрѣловъ, музыка и грохотъ барабановъ возвѣстили городу о принятіи Шамхала въ русское подданство. Самому Шамхалу пожалованы были брилліантовое перо на шапку, соболья шуба, драгоцѣнная сабля и шесть тысячъ рублей ежегодно, какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ «для содержанія войскъ на службу Намъ и оборону собственнаго края» (2).

На ряду съ мирными сношеніями и заботами о насажденіи въ полудикомъ краѣ первыхъ сѣмянъ гражданственности, Потемкину приходилось не оставлять и военныхъ вопросовъ. Надо сказать, что послѣ бѣгства Шихъ-Мансура, одни кабардинцы явились съ повинной головой и просили о забвеніи прошлыхъ поступковъ, вызванныхъ у нихъ религіозной пропагандой. Потемкинъ именемъ Императрицы объявилъ имъ прощеніе, но назначилъ къ нимъ приставомъ русскаго офицера маіора князя Уракова. Здѣсь все успокоилось. Но установленіе мирныхъ отношеній съ хищными

чеченцами представляло собою большія затрудненія. Распадаясь на множество родовыхъ союзовъ, не имѣя у себя высшихъ сословій, они управлялись сами собою, и русскому начальству приходилось вести переговоры не съ цѣлымъ народомъ или его представителями, а съ каждымъ селеніемъ отдѣльно. Никто не отвѣчалъ другъ за друга, круговой поруки не было, а слѣдовательно не было и отвѣтственныхъ лицъ. Хищничество продолжалось попрежнему. Въ то время, какъ Потемкинъ велъ переговоры съ Шамхаломъ, одна изъ чеченскихъ партій ворвалась въ Кабарду, схватила самого Уракова и увезла въ плѣнъ. Пришлось выкупить его за 500 рублей. Правда, кабардинскіе князья заставили чеченцевъ возвратить деньги обратно, но чеченцы быстро наверстали свою потерю новыми разбоями на Линіи ([3]).

Однажды почта, отправленная изъ Новогладковской станицы, была внезапно атакована партіей, сидѣвшей въ засадѣ; почта была разбита, а изъ сопровождавшаго ее конвоя одинъ сержантъ и семь Гребенскихъ казаковъ, (быть можетъ ѣхавшихъ слишкомъ оплошно, можетъ быть и израненыхъ въ неравной схваткѣ,—точныхъ указаній на это не имѣется) были захвачены въ плѣнъ. Чеченцы дали знать однако, что будутъ держать плѣнныхъ десять дней, и если въ теченіе этого времени ихъ не выкупятъ, то продадутъ ихъ въ дальнія горы. Тогда Гребенцы сложились и просили позволенія выкупить ихъ на собственныя средства. Имъ разрѣщили, и плѣнные были возвращены обратно ([4]).

Если подобныя происшествія могли случаться въ пространствѣ между Моздокомъ и Кизляромъ, гдѣ сгруппированы были значительныя силы, то отдаленная Азовско-Моздокская линія, особенно районъ Хоперскаго полка и далѣе къ Черному морю были подвержены еще сильнѣйшимъ нападеніямъ Закубанскихъ народовъ, съ разгромомъ уже цѣлыхъ селъ и деревень русскихъ переселенцевъ. Причиною этого былъ тотъ же Шихъ-Мансуръ, успѣвшій при помощи турецкихъ властей распространить свое вліяніе на всѣ черкесскія племена и увлечь ихъ въ общій потокъ возстанія. Турція, уже готовившаяся тогда къ новой войнѣ съ Россіей, всѣми мѣрами способствовала этимъ набѣгамъ и даже самъ султанъ, вопреки повелѣніямъ корана, далъ ему право носить священное имя имама ([5]).

Первый набѣгъ, какъ мы уже сказали, сдѣланъ былъ осенью 1785 года, жертвой котораго сдѣлались селенія Михайловка и Палагіада, а въ слѣдующемъ 1786 году дерзость горцевъ достигаетъ уже крайнихъ предѣловъ, и самые набѣги принимаютъ чисто эпидемическій характеръ. Такъ, въ апрѣлѣ сильная партія Закубанцевъ прорвалась до самаго Александровскаго города, гдѣ была станица Волжскихъ казаковъ, сожгла на пути село Новосильцево, убила 13 человѣкъ, захватила въ плѣнъ 180 душъ обо-

его пола и отогнала девять тысячъ головъ лошадей, рогатаго скота и овецъ. Происшествіе это сильно встревожило Потемкина, и на границу, къ сторонѣ Закубанскихъ народовъ, тотчасъ выдвинуты были два отряда. Одинъ подъ командою полковника Нагеля, въ составъ котораго вошелъ Моздокскій полкъ, образовавшій вмѣстѣ съ Уральскимъ казачьимъ полкомъ бригаду полковника Савельева, занялъ позицію за Терекомъ; другой—полковника Муфеля—расположился на самой Кубани, имѣя при себѣ двѣ сотни Хоперцевъ и весь Волжскій казачій полкъ. Только благодаря этимъ мѣрамъ вторичный набѣгъ, предпринятый Мансуромъ въ іюлѣ, не удался, и горцы, встрѣченные Муфелемъ на самой переправѣ, были разбиты и прогнаны. Но зато, едва наступили темныя осеннія ночи, какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ черкесы снова перешли Кубань, сорвали постъ «Безопасный», защищаемый Хоперскими казаками, прорвались на почтовый трактъ къ Дону и даже бросились на Донскую крѣпость. Хоперцы отразили ихъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, но тѣмъ не менѣе горцы успѣли убить въ окрестностяхъ пять человѣкъ, 23 взяли въ плѣнъ да отогнали табунъ лошадей и цѣлый гуртъ рогатаго скота ([6]).

Не успѣли у насъ, что называется, наговориться объ этомъ происшествіи, какъ черкесы 2-го ноября появились уже у Болдыревскаго редута, на рѣчкѣ Еѣ, гдѣ стояли три Донскихъ полка—Бузина, Денисова и Грекова. Что произошло тутъ, неизвѣстно; оффиціальные документы говорятъ только, что казаки разбиты были на голову, самъ полковникъ Грековъ былъ взятъ въ плѣнъ и съ нимъ 150 казаковъ, которыхъ черкесы тутъ же перерѣзали. Не къ этому ли событію относится слѣдующая поэтическая пѣсня, которую намъ въ старые годы не разъ доводилось слышать и среди Линейныхъ казаковъ:

Какъ на Линіи было на Линеюшкѣ,
На славной было на сторонушкѣ,
Тамъ построилась новая редуточка;
Въ той редуточкѣ стояла командушка,
Что Донская команда казацкая.
А ужъ въ той командушкѣ
Приказный былъ Агурѣевъ сынъ.
За недѣлюшку у Агурѣева сердечушко не чуяло,
За другую стало сказывать,
Какъ за третью за недѣлюшку вѣщевать стало.
Наѣхали гости незванные, не прошенные,
Стали бить и палить по редуточку,
И повыбили всю командушку казацкую.

Агурѣевъ сынъ ходитъ-похаживаетъ,
Свои бѣлыя руки поламываетъ,
Буйною головушкою покачиваетъ,
Вы сами, ребятушки, худо сдѣлали,
Не поставили караула, сами спать легли;
Не бывать вамъ, ребятушки, на тихомъ Дону,
Не видать вамъ, ребятушки, своихъ женъ,
дѣтей,
Не слыхать вамъ, казачушки, звона коло-
кольнаго.

Но бѣдствія Линіи на этомъ еще не окончились. Въ Моздокскомъ архивѣ встрѣчается короткое свѣдѣніе, что въ январѣ 1787 года черкесы вновь имѣли сраженіе съ русскимъ отрядомъ, потерявшимъ 23 человѣка убитыми и 40 ранеными, но гдѣ произошло сраженіе, какія войска участвовали въ немъ и почему съ нашей стороны произошла такая, сравнительно, большая потеря, дальнѣйшихъ разъясненій не встрѣчается. Затѣмъ въ апрѣлѣ они атаковали отрядъ подполковника Фринка, стоявшаго на Кубани у Темижъ-Бека, а въ іюнѣ покушались взять Сѣверную крѣпость, но на обоихъ пунктахъ были отражены.

Всѣ эти набѣги оставались совершенно безнаказанными, такъ какъ черкесы, достигнувъ Кубани, находились уже въ полной безопасности отъ нашихъ войскъ, которымъ, а тѣмъ болѣе казакамъ, строго воспрещено было переходить границу. Создавалось то же, что было при Минихѣ, о чемъ мы уже говорили. Шансы войны, такимъ образомъ, были неравные, и русское населеніе всегда оставалось въ проигрышѣ. Чтобы какъ-нибудь усилить охрану пограничной черты, тянувшейся на сотни верстъ, для чего казаковъ было слишкомъ мало,—Потемкину пришла идея обратить весь кабардинскій народъ, осетинъ и ингушей въ поселенное войско, вродѣ казачьяго. «Теперь настало время», писалъ онъ въ своей прокламаціи къ этимъ народамъ, «доказать вамъ свою вѣрноподанность точнымъ исполненіемъ монаршаго желанія». Отъ Большой Кабарды требовалось держать на постоянной службѣ шесть конныхъ сотенъ и при нихъ 12 князей и 24 узденя. Малая Кабарда должна была выставлять три сотни, осетины 500, а ингуши 300 всадниковъ. Каждая изъ этихъ народностей имѣла для охраны свой районъ, причемъ на долю Большой Кабарды выпадали дѣйствія къ сторонѣ Закубанья, а на долю Малой, ингушей и осетинъ—дѣйствія противъ чеченцевъ. Кромѣ того, въ случаѣ Европейской войны, кабардинцы обязывались высылать въ дѣйствующую армію 200 охотниковъ изъ числа своихъ наилучшихъ наѣздниковъ (7). Мысль, положенная въ основаніе этихъ предположеній, была совершенно правильная: охранная служба давала выгодное для насъ примѣненіе воинственности кавказ-

скихъ народовъ, подчиняла ихъ нѣкоторой дисциплинѣ и надзору и, наконецъ, льстила честолюбію высшихъ сословій обѣщаніемъ разныхъ привиллегій, чиновъ и наградъ.

И тѣмъ не менѣе осетины и ингуши наотрѣзъ уклонились отъ принятія на себя этихъ обязанностей; но кабардинцы, собранные въ маѣ 1787 года на Малкѣ, спокойно выслушали обращенную къ нимъ прокламацію и присягнули въ томъ, что будутъ исполнять свои обязанности въ точности.

Кабардинская милиція начинала уже собираться, когда 7 сентября 1787 года послѣдовалъ манифестъ Императрицы Екатерины Второй о войнѣ съ Оттоманскою Портою. Теперь у Потемкина руки были развязаны. Оставивъ кабардинцевъ до времени въ домахъ, чтобы дать имъ возможность устроить и организовать свои сотни, Потемкинъ двинулъ за Кубань четыре колонны; одной изъ нихъ онъ командовалъ самъ, другою—полковникъ Ребиндеръ, третьею—генералъ-маіоръ князь Ратіевъ и четвертою—генералъ-маіоръ Елагинъ. Входили ли въ составъ этихъ колоннъ наши Линейные казаки, свѣдѣній не имѣется, но и самая экспедиція была кратковременна. 20 сентября Потемкинъ перешелъ Кубань у Прочнаго-Окопа, причемъ одна колонна Елагина, дѣйствуя въ верховьяхъ Урупа, положила на мѣстѣ до двухъ тысячъ черкесъ, сожгла много ауловъ, отбила громадное количество скота, но и сама потеряла до 150 человѣкъ убитыми и ранеными. Такія же упорныя битвы шли между Урупомъ и Лабою въ колоннахъ Ребиндера и князя Ратіева, противъ которыхъ дѣйствовалъ самъ Шихъ-Мансуръ. Но скопища его были разбиты, окрестные аулы преданы пламени, и въ одномъ изъ нихъ сгорѣлъ и домъ самого Мансура со всѣмъ имуществомъ. Экспедиція была окончена въ шесть дней, и 25 сентября войска возвратились обратно за Кубань ([8]).

Самъ Потемкинъ былъ вызванъ въ главную дѣйствующую армію и выѣхалъ на Дунай, сохранивъ за собою званіе Кавказскаго намѣстника. Управленіе краемъ по гражданской части было передано Кавказскому губернатору, статскому совѣтнику Алексѣеву, а въ командованіе Кавказскимъ корпусомъ вступилъ генералъ-поручикъ Текелли.

Такъ окончилось пребываніе Потемкина на Кавказѣ, куда онъ болѣе уже не возвращался. Но его военная дѣятельность и труды по водворенію гражданственности въ краѣ во всякомъ случаѣ заслуживаютъ благодарной памяти потомства. Правительственная колонизація Сѣвернаго Кавказа при немъ получила такіе обширные размѣры, что ко времени его отъѣзда водворено было уже 34 деревни, заключавшихъ въ себѣ свыше 30 тысячъ душъ, и при немъ же впервые была высказана мысль, что для прочнаго утвержденія здѣсь русскаго вліянія нужно не одно оружіе, но

также развитіе земледѣлія, промышленности и торговли. Съ этою цѣлью, именно, чтобы дать сельскому хозяйству русскаго крестьянина лучшіе образцы производства, онъ выписалъ нѣмецкихъ колонистовъ, шелководовъ и винодѣловъ. И вотъ, въ пустынныхъ степяхъ, гдѣ еще недавно бродили только кочевники со своими стадами, рыскали стаями алчные волки да проносились конныя партіи хищниковъ, прошелъ плугъ земледѣльца, появились пашни, заколосились хлѣба, зазеленѣли сады, и благовѣстъ православныхъ храмовъ разносилъ повсюду призывъ къ мирному труду, подъ сѣнію русской законности и силы. Конечно, всѣ эти вопросы, поднятые Потемкинымъ, были вопросами государственной важности. Но каждая медаль имѣетъ оборотную сторону, и историку Терскаго войска нельзя обойти молчаніемъ, насколько проводимые въ жизнь всѣ эти въ сущности благія предначертанія коснулись домашняго быта и матеріальго благосостоянія тѣхъ казаковъ, подъ защитой которыхъ только и могли развиваться начала гражданственности.

Съ учрежденіемъ намѣстничества явилась впервые двойственная подчиненность казаковъ военной и гражданской власти. До этихъ поръ войсковые атаманы или полковые командиры были полными хозяевами своихъ частей, а теперь все, что относилось къ внутреннему быту станицъ, всѣ отставные или неслужащіе казаки, женщины и малолѣтки изъяты были изъ ихъ подчиненности и вѣдались уже общими губернскими или уѣздными учрежденіями. За войсковыми атаманами остался только служилый составъ полка, то, что сидѣло на коняхъ, очередные наряды на службу да военныя дѣйствія. О всѣхъ происшествіяхъ въ станицахъ, о смертныхъ случаяхъ, пожарахъ, падежѣ скота, посѣвахъ и урожаяхъ, о заводимыхъ вновь запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ и т. п. станичные атаманы доносили уже прямо земской полиціи, и полиція сама назначала и руководила слѣдствіями. Сами войсковые атаманы очутились въ нѣкоторой зависимости отъ гражданскихъ властей, и губернское правленіе давало имъ предписанія, а они относились къ нему рапортами и донесеніями.

При такихъ условіяхъ защищать общіе казачьи интересы уже было некому, а что ихъ нужно было защищать и отстаивать отъ посягательства гражданскихъ властей на ихъ права и привиллегіи, можетъ служить доказательствомъ слѣдующій весьма характерный и не лишенный интереса случай.

Надо сказать, что съ самаго поселенія въ Кизлярскомъ краѣ Гребенцы и Терскіе казаки, а потомъ Моздокцы, Волжцы и Хоперцы отбывали почтовую повинность по Астраханскому тракту натурою; они выставляли посты, конвоировали почту и даже отдавали своихъ верховыхъ лошадей въ упряжь подъ проѣздъ курьеровъ и чиновниковъ. Наблюдалось только

правило, чтобы проѣзжавшіе не брали болѣе трехъ лошадей, такъ какъ иначе и охранную службу на постахъ отправлять было бы некому. Повинность эта была весьма тяжелой уже потому, что лошади, отдаваемыя въ упряжь, не всегда возвращались къ хозяину, а если и возвращались, то иногда до того искалѣченными, что больше не годились для службы. Почтовая повинность осталась за казаками и по учрежденіи Кавказской губерніи; но помимо ея, губернское правленіе, для устройства и содержанія почтъ въ предѣлахъ всего намѣстничества, обложило тѣ же казачьи войска, въ лицѣ ихъ отставныхъ казаковъ, не служащихъ за тяжкими ранами или увѣчьями, и даже дѣтей ихъ мужскаго пола, еще особою подушною податью по 1 рублю 90 коп. съ души, наравнѣ съ податными крестьянами. Такимъ образомъ выходило то, что крестьянинъ вноситъ за почтовую гоньбу только деньги, а казаки платили деньги и отбывали еще ту же повинность натурою. При этомъ губернское начальство вовсе не хотѣло принять во вниманіе, что казакъ какъ родится, такъ и умираетъ казакомъ, т. е. прирожденнымъ воиномъ, что нѣтъ у нихъ въ сущности ни отставныхъ, ни неслужащихъ людей, что дѣти ихъ съ самаго малаго возраста готовятся уже къ опасной службѣ, что въ трудную минуту, когда служилые казаки находятся въ походѣ, все населеніе станицы — и старый, и малый выходятъ на ея защиту и несутъ обычную казачью службу: держатъ посты и заставы, посылаютъ разъѣзды, преслѣдуютъ хищниковъ. Служба казака кончалась только тогда, когда гробъ его опускали въ могилу, и священникъ произносилъ надъ ней послѣднія слова молитвы: «Душа его во благихъ водворится, и память его въ роды родовъ».

Очевидно, что обложеніе подушною податью такого населенія, которое уплачивало подати своею кровью, обильно расточаемою имъ для защиты отечества, являлась мѣрою, въ высшей степени не справедливою. Это сознавали всѣ. Но такъ какъ бумага губернскаго правленія начиналась крупно напечатанными словами: По указу Ея Императорскаго Величества, то простодушные казаки сочли это за прямое выраженіе монаршей воли и, какъ всегда, покорились ей безусловно. Не покорился одинъ только Волжскій полкъ, который постановленіе губернскаго правленія и опротестовалъ передъ Военною Коллегіею. Въ Петербургѣ нашли жалобу казаковъ вполнѣ основательной и дали дѣлу законный ходъ. Но гражданское начальство, заботясь о собственныхъ интересахъ и вовсе не заботясь объ интересахъ казачества, съумѣло настолько затормозить это дѣло, что окончательное рѣшеніе по немъ послѣдовало только черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1816 году, когда общее присутствіе инспекторскаго департамента главнаго штаба Его Величества положило свою резолюцію, выраженную въ слѣдующей формѣ:

«Всякое обремененіе отставныхъ казаковъ, прослужившихъ съ усер-

діемъ и славой государю и отечеству, пришедшихъ въ глубокую старость и требующихъ по всей справедливости всевозможнаго успокоенія, можетъ легко породить крайнее ослабленіе и уныніе духа въ тѣхъ молодыхъ воинахъ, ихъ дѣтяхъ и внукахъ, которые съ самыхъ юныхъ лѣтъ подвергаютъ свою жизнь всевозможнымъ опасностямъ и даже самой смерти, охраняя отъ хищническихъ набѣговъ сопредѣльныя съ нимъ деревни мирныхъ пахарей. Эти пахари подъ ихъ защитой покоятся въ безопасности и свободно отправляютъ свои работы за чертою войсковыхъ земель, а ихъ защитники, вмѣсто воздаянія за свои достохвальные подвиги, будутъ имѣть въ виду лишь то, что какъ отцы ихъ, запечатлѣвшіе свое усердіе кровью, такъ сами они и ихъ дѣти, приходя въ старость или будучи изувѣчены въ бояхъ, при послѣднихъ дняхъ своей жизни подвергнутся еще и общественнымъ земскимъ повинностямъ, наравнѣ съ тѣми, кого они защищали во все время своей службы».

Въ виду такихъ соображеній главный штабъ постановилъ: «неправильно приписанныхъ Кавказскимъ губернскимъ начальствомъ отставныхъ и неслужащихъ Волжскихъ казаковъ къ исправленію земскихъ повинностей отъ оныхъ освободить, съ уничтоженіемъ всей могущей числиться за ними недоимки, и впредь безъ указа никакихъ общественныхъ тягостей на нихъ не налагать и не взыскивать». Такимъ образомъ недоимки дѣйствительно были сложены, но деньги, которыя болѣе аккуратные плательщики вносили въ казну тридцать лѣтъ, возвращены не были. Во всякомъ случаѣ Волжцамъ, хотя и нескоро, но все таки удалось избавиться отъ ненавистной повинности, но на всѣхъ остальныхъ Линейныхъ казакахъ она продолжала тяготѣть еще тридцать лѣтъ и была снята съ нихъ только въ царствованіе Императора Николая I.

Еще оригинальнѣе представляются другіе земскіе налоги, какъ напримѣръ обложеніе Гребенского войска податью по 10 копеекъ съ души на содержаніе сторожа при Кизлярскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, а остальныя казачьи войска платили такую же дань за наемъ прислуги для другихъ гражданскихъ учрежденій. Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ теперь страннымъ можетъ показаться лишь то, что никому изъ тогдашнихъ властей это не казалось страннымъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что въ этотъ періодъ времени не казачество жило на счетъ правительства, а само правительство, не желая расходовать казны, жило на счетъ казачества, безцеремонно распоряжаясь его достояніемъ. Рельефнѣе всего это выразилось въ томъ, что помимо квартирной повинности, переполнявшей постояльцами казачьи хаты и дворы до того; что казаку съ его семьею буквально негдѣ было повернуться, каждая станица должна была отводить квартирующимъ войскамъ

безвозмездно еще и значительную часть своихъ пастбищъ и сѣнокосныхъ земель. А до какой степени это было разорительно для домашняго хозяйства казака, можно судить по тому, что съ однихъ только съ гребенскихъ юртовъ войска снимали въ одно лѣто до тысячи и болѣе стоговъ сѣна.

Къ этому надо прибавить, что по мѣрѣ развитія колонизаціи на Сѣверномъ Кавказѣ, земельныя, лѣсныя и рѣчныя угодья, принадлежавшія дотолѣ Волжскимъ и Моздокскимъ казакамъ, мало-помалу стали отходить подъ новыя слободы и въ концѣ концовъ казакамъ жить стало тѣсно. Въ Петербургѣ обратили на это вниманіе, но переписка, начавшаяся въ 1786 году, съ легкой руки губернскаго правленія, длилась 34 года, а казаки все это время пользовались только лишь тѣмъ, что предоставлялось имъ гражданскимъ начальствомъ.

Еще хуже обстояло дѣло въ Гребенскомъ полку.

До 1783 года Гребенцы считались хозяевами обоихъ береговъ Линейной рѣки и удерживали въ своемъ владѣніи тѣ угодья, которыя оставлены были ими на Сунжѣ. Право владѣнія этими угодьями никогда не оспаривалось у нихъ ни кумыками, ни кабардинцами, а тѣмъ болѣе чеченцами, которые почти до конца XVIII столѣтія арендовали у нихъ затеречныя земли по особымъ контрактамъ или условіямъ, закрѣпляемымъ всегда постановленіями войскового круга. Это была одна изъ крупныхъ доходныхъ статей Гребенского войска, вполнѣ замѣнявшая ему недостатокъ земли и отсутствіе пастбищъ на Терекѣ. Такъ продолжалось почти 75 лѣтъ, до 1783 года, когда чеченцы, жившіе въ вассальной зависимости отъ кумыкскихъ князей, сбросили съ себя это тяжкое иго и просили позволенія начальства селиться вольными аулами на плоскости между Сунжей и Терекомъ, обѣщая содержать передовые посты для Терской линіи. Потемкинъ счелъ возможнымъ повѣрить этимъ обѣщаніямъ и, желая привлечь на нашу сторону чеченцевъ ласками и даже нѣкоторою угодливостью, отвелъ для ихъ поселенія земли, издавна принадлежавшія нашимъ казакамъ. Объ интересахъ послѣднихъ онъ, какъ видно, заботился мало. Контракты были нарушены, и тамъ, гдѣ прежде дозволялось имѣть только кутаны, теперь появились аулы, и мало-помалу всѣ затеречныя земли и воды, добытыя казаками своею кровью, перешли во владѣніе чеченцевъ. Даже самый Терекъ подѣленъ былъ на два участка, и за казаками остались рыбныя ловли лишь только вдоль одного лѣваго берега, а правый былъ предоставленъ въ пользу чеченцевъ. Что касается до соображеній чисто военныхъ, то и въ этомъ отношеніи близость чеченскихъ поселеній не только не улучшила, но еще значительно ухудшила положеніе Кавказской линіи. Прежде, когда затеречныя земли принадлежали еще

гребенцамъ, разъѣзды ходили до самой Сунжи и ни одинъ разъ успѣвали предупреждать и разстраивать намѣренія непріятеля. Теперь же, когда Потемкинъ запретилъ казакамъ переходить за Терекъ и возложилъ охрану ихъ станицъ на самихъ чеченцевъ,—случаи захвата въ плѣнъ людей, убійства, грабежи и разбои по Линіи утроились. Не въ интересахъ чеченцевъ было предупреждать казаковъ о готовящихся нападеніяхъ; напротивъ, пользуясь близостью своихъ жилищъ къ станицамъ, они сами подводили хищническія шайки, укрывали ихъ въ своихъ аулахъ и даже служили проводниками. «Только равнодушіе многихъ начальниковъ на Линіи», писалъ по этому поводу Ермоловъ Государю([9]), «допустило чеченцевъ поселиться на Терекъ, гдѣ земли издавна принадлежали первымъ основавшимся здѣсь казачьимъ войскамъ. Приведя къ окончанію Сунженскую линію, предложу я живущимъ между Терекомъ и Сунжей злодѣямъ, мирными именующимися, правила для жизни и нѣкоторыя повинности, кои истолкуютъ имъ, что они подданные Вашего Императорскаго Величества, а не союзники, какъ они до сихъ поръ мечтаютъ. Если по надлежащему они будутъ повиноваться, назначу по числу ихъ нужное количество земли, раздѣливъ остальную между казаками; если же нѣтъ, предложу имъ удалиться къ прочимъ разбойникамъ, отъ которыхъ различествуютъ они однимъ только названіемъ, и въ семъ случаѣ всѣ земли останутся въ распоряженіи нашемъ». Ермоловъ не успѣлъ довести этого дѣла до конца, а затѣмъ его постигла таже участь, какъ и всѣ благія начинанія Ермолова—они были забыты. Но для историка важно не это,—важенъ самый фактъ признанія Ермоловымъ той несправедливости, которая была допущена по отношенію къ казакамъ при учрежденіи Кавказскаго намѣстничества.

Дѣйствительно, за отчужденіемъ праваго берега, за Гребенцами осталась только узкая прибрежная полоса земли, мало пригодная для хлѣбопашества, за которою тотчасъ же начинались уже песчаные буруны моздокскихъ и астраханскихъ степей, не производившихъ ничего кромѣ полыни и колючихъ растеній. Источникомъ благосостоянія казаковъ остались только ихъ огороды, сады и виноградники. Но и этими благостынями казаки пользовались не долго. Изыскивая всевозможныя средства для увеличенія доходовъ казны, нужныхъ для содержанія намѣстничества, Потемкинъ воспретилъ казакамъ вольную продажу вина, куреніе спирта, даже рыбную ловлю внѣ строго очерченныхъ предѣловъ, и все это отдалъ въ руки откупщиковъ, которые, правда, платили казнѣ большія деньги, но и сами наживали милліоны. Къ этому надо прибавить, что жалованья и провіанта казаки не получали по цѣлымъ годамъ и что, какъ видно изъ остатковъ Георгіевскаго архива, одинъ Хоперскій полкъ числилъ за казною свыше 15 тысячъ рублей ([10]).

Таковы были удары, нанесенные казачьему хозяйству, которое скоро пришло въ такой упадокъ, что славное и нѣкогда богатое Гребенское войско вынуждено было для поддержанія своего существованія посылать на заработки своихъ женъ и дочерей. Далѣе этого идти было уже некуда.

Нельзя не удивляться, что при такихъ невзгодахъ, при такой нуждѣ Кавказскій казакъ не пошатнулся духомъ, не потерялъ мужества, и сумѣлъ сохранить у себя тѣ блестящія боевыя качества, которыя унаслѣдовалъ отъ дѣдовъ.

«Его спартанская бѣдность», справедливо замѣчаетъ Попко, «была, можно сказать, позолочена лучами военной славы, прекраснѣе всѣхъ другихъ видовъ славы, какъ покупаемой кровью и страданіями».

Глава XVI.

Съ отѣздомъ Потемкина въ дѣйствующую армію управленіе гражданскою частью Кавказскаго намѣстничества перешло въ руки губернатора Кавказской губерніи, статскаго совѣтника Алексѣева, а для командованія Кавказскимъ корпусомъ былъ присланъ генералъ-аншефъ Петръ Абрамовичъ Текелли, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ екатерининской арміи, имя котораго тѣсно связано въ русской исторіи съ паденіемъ Сѣчи и уничтоженіемъ Запорожскаго войска. Только благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ Текелли, Сѣчь, гордившаяся тѣмъ, что никогда никому не покорялась, пала на этотъ разъ безъ борьбы и сопротивленія. Одни изъ запорожцевъ разошлись по своимъ зимовникамъ, другіе ушли за синій Дунай «до турка»,—и тамъ, гдѣ стояла Сѣчь, остались лишь степныя могилы, что чернѣютъ,

Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся о волѣ...

На Кавказъ Текелли прибылъ 4-го октября 1787 года и опытнымъ взглядомъ тотчасъ замѣтилъ, что Кавказскій корпусъ, бодрый и крѣпкій духомъ, находится въ крайне разстроенномъ состояніи,—результатъ малой заботливости о войскахъ Потемкина, дѣятельность котораго всецѣло поглощалась гражданскимъ устройствомъ и развитіемъ края. Положеніе казаковъ мы уже видѣли; но и регулярныя войска по нѣсколько мѣсяцевъ не получали жалованья, магазины стояли пустыми, нижнихъ чиновъ кормить было нечѣмъ, лошади падали не поодиночкѣ, а цѣлыми сотнями, и кавалерію можно было считать кавалеріею только по имени; дисциплина во многихъ частяхъ была подорвана; большинство офицеровъ, покинувъ строй, жило въ Москвѣ (1). Поэтому первыя распоряженія Текелли носятъ характеръ суровый, но полный заботливости о возможно скорѣйшемъ исправленіи, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ замѣченныхъ имъ недостатковъ. Въ Георгіевскомъ архивѣ имѣется ссылка на одинъ отзывъ Текелли къ исправляющему должность намѣстника Алексѣеву, въ которомъ заключается много указаній, клонящихся къ лучшему устройству положенія казаковъ и къ обезпеченію ихъ интересовъ. Когда гене-

ралъ-маіоръ Горичъ, завѣдывавшій всѣми аульными татарами отъ Моздока до Каспійскаго моря, просилъ Текелли подчинить ему Гребенское и Терское войско, послѣдній отвѣчалъ, что бригадиру Нагелю, командующему лѣвымъ флангомъ Линіи, приказано давать ему, въ случаѣ надобности, команды отъ этихъ войскъ, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы граница не была обнажаема, и казаки не отягощались излишними нарядами (2). Онъ также отказалъ самому Алексѣеву въ усиленіи нѣкоторыхъ крѣпостей казаками, говоря, что казаки должны быть сбережены для полевой службы и охраны своихъ домовъ (3).

Онъ лучше своихъ предмѣстниковъ понималъ характеръ азіатскихъ народовъ, не вѣрилъ ихъ клятвамъ и видѣлъ, что только силою оружія можно добиться отъ нихъ по крайней мѣрѣ наружной покорности. Поэтому, пользуясь тѣмъ, что войска, ходившія въ экспедицію съ Потемкинымъ, не были распущены, онъ рѣшилъ, не теряя времени, еще разъ сходить за Кубань и страхомъ разоренія черкесскихъ жилищъ обезпечить себѣ спокойствіе зимовыхъ квартиръ (4).

13-го октября 1787 года, т. е. на девятый день послѣ пріѣзда Текелли, 12 тысячъ русскаго войска уже перешли Кубань, и главный отрядъ принялся истреблять все непріязненное намъ населеніе, гнѣздившееся между Лабой и Кубанью; одновременно съ этимъ, по ту сторону Лабы дѣйствовали войска Кубанскаго корпуса, предводимые барономъ Розеномъ и Донскимъ атаманомъ Иловайскимъ, а особая колонна генералъ-маіора князя Ратіева, въ составъ которой вошелъ и весь Волжскій казачій полкъ въ полномъ составѣ, отдѣлившись отъ корпуса Текелли, прошла всѣ Черныя горы до самаго подножья снѣгового хребта, громя абазиновъ и ногайскихъ татаръ. Отсюда Волжцы, вмѣстѣ съ колонной Ратіева, повернули къ верховьямъ Урупа, гдѣ находился самъ Шихъ-Мансуръ, и однимъ ударомъ отбросили его вглубь снѣжныхъ горъ. Въ то же время особый отрядъ генерала Евлагина отрѣзалъ Мансура отъ Лабы, и сюда же съ верховій Зеленчука двигался теперь весь корпусъ Текелли. Поставленный въ безвыходное положеніе Мансуръ бросилъ скопище на жертву русскимъ войскамъ, а самъ, пробравшись горными тропами въ сопровожденіи лишь немногихъ лицъ, бѣжалъ за хребетъ—сначала въ Суджукъ, а потомъ въ Анапу. Скопища, повсюду преслѣдуемыя нашими войсками, разсѣялись, но семьи, загнанныя въ горы и запертыя въ снѣжныхъ сугробахъ безъ пищи и крова, обречены были на гибель. Смертность среди нихъ росла съ каждымъ днемъ, и горныя ущелья заваливались ихъ мертвецами: гибли старики, женщины и дѣти, не имѣвшія силъ выносить голода и стужи. Выхода изъ этого положенія не было, и абазинцы, ногайскіе татары, башилбаи и другіе, составлявшіе главный контингентъ разбойничьихъ шаекъ Мансура, вынуждены были явиться съ повинной головою и просить по-

щады. Она была дарована съ тѣмъ, чтобы они тотчасъ же выселились въ наши предѣлы. Они повиновались, и Волжскому полку пришлось конвоировать болѣе 4-хъ тысячъ душъ на мѣста, указанныя для нихъ Текелли между Кумъ-горою и слободой Александровской.

Такъ окончилась эта экспедиція, чрезвычайно важная по своимъ результатамъ: мы освободили сто человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, разорили и сожгли болѣе трехсотъ деревень, истребили всѣ ихъ хлѣба и посѣвы, а главное—самъ Шихъ-Мансуръ былъ прогнанъ съ Кубани, и его послѣдователи, тревожившіе Линію своими разбоями, теперь, по крайней мѣрѣ на цѣлую зиму, были для насъ не опасны. Лишенная своихъ жилищъ и имущества часть ихъ совершенно разсѣялась по чужимъ племенамъ, а часть, какъ мы сказали, переселена была въ наши предѣлы. Императрица Екатерина по достоинству оцѣнила дѣятельность генерала Текелли, и въ рескриптѣ на имя свѣтлѣйшаго князя Потемкина 16 декабря 1787 года было выражено:

«Поискъ надъ закубанскими народами, произведенный генераломъ Текелли съ столь добрыми успѣхами, Мы приняли съ особеннымъ удовольствіемъ. Удовлетворяя Вашему одобренію и уважая заслуги помянутаго генерала, пожаловали Мы его кавалеромъ ордена св. Владиміра большого креста первой степени, знаки котораго доставляются ему при семъ съ Нашею грамотою. Прочимъ же, въ семъ дѣлѣ участвовавшимъ, и наипаче по свидѣтельству начальства храбростью и расторопностью отличившимся, поручаемъ Вамъ отъ имени Нашего объявить похвалу и къ подвигамъ ихъ благопризнаніе». Сообщая объ этомъ Текелли, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ предписалъ ему объявить Монаршее Ея Императорскаго Величества благоволеніе всѣмъ войскамъ, участвовавшимъ въ дѣйствіахъ за Кубанью (5).

Волжскій полкъ съ гордостью занесетъ на страницы своей лѣтописи эту блестящую экспедицію, въ которой не пришлось участвовать ни Гребенскимъ, ни Моздокскимъ, ни Терскимъ казакамъ, занятымъ въ то время усиленною службой по охранѣ границъ противъ Чечни и кумыковъ. Но экспедиція этимъ еще не окончилась. Какъ только наши войска вернулись изъ-за Кубани, въ походъ двинулись кабардинцы, впервые призванные тогда подъ русскія знамена. Надо сказать, что они должны были примкнуть къ отряду еще до открытія военныхъ дѣйствій, но сборы ихъ почему-то замедлились, и они опоздали. Не имѣя въ нихъ особенной надобности, Текелли не сталъ ожидать кабардинцевъ и приказалъ имъ оставаться въ своихъ предѣлахъ, чтобы беречь границу отъ «недоброхотныхъ сопредѣльниковъ». При той замѣчательной способности горскихъ народовъ къ быстрому подъему въ минуту необходимости, медленность эта

естественно вызвала въ отрядѣ различные толки: одни относили это къ внутреннимъ смутамъ, вѣчно царившимъ въ странѣ, другіе видѣли въ этомъ явное нежеланіе подчиниться русскимъ начальникамъ. Послѣдніе, можетъ быть, и были правы. Какъ только на Кавказскую линію прибыли два брата Горичи,—одинъ, имѣвшій чинъ бригадира, другой генералъ-маіора польской службы,—оба природные кабардинцы,—и Текелли поручилъ первому изъ нихъ управленіе Большой Кабарды, а Малую подчинилъ другому брату его, какъ кабардинцы въ нѣсколько дней выставили огромное ополченіе, простиравшееся, по словамъ Буткова, до пяти тысячъ всадниковъ съ сорока шестью владѣтельными князьями и сами просили позволенія Текелли присоединиться къ его отряду. Но отрядъ въ это время уже возвращался изъ экспедиціи, а потому Текелли разрѣшилъ кабардинцамъ сдѣлать самостоятельный поискъ съ тѣмъ, чтобы они не расчитывали уже на помощь или поддержку со стороны русскихъ войскъ. Кабардинцы охотно согласились, и 29 октября Горичъ повелъ ихъ за Кубань. Особыхъ разгромовъ они не произвели, но привели въ покорность остальныхъ абазинцевъ, башилбаевъ, бесленеевцевъ, темиргоевъ и кипчакскихъ татаръ, а 500 человѣкъ кабардинскихъ панцырниковъ, предводимыхъ самимъ Горичемъ, прошли горами даже до Суджукъ-Кале и, разсѣявъ тамъ 24 декабря 1787 года турецкій отрядъ, отбили двѣ мѣдныхъ пушки, которыя, въ качествѣ трофеевъ, и привезли въ Георгіевскъ. Но главная заслуга ихъ заключалась въ томъ, что они повсюду освобождали русскихъ плѣнныхъ и брали въ аманаты почетныхъ узденей и даже горскихъ владѣльцевъ.(6).

Одновременно съ этимъ младшій Горичъ съ ополченіемъ, собраннымъ въ Малой Кабардѣ, напалъ на чеченцевъ, возвращавшихся изъ набѣга на Линію, нанесъ имъ пораженіе и отбилъ весь русскій полонъ (7).

Такимъ образомъ первая служба кабардинцевъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; подвиги ихъ были замѣчены, о нихъ заговорили, и свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, всегда благоволившій къ гордой черкесской аристократіи, взялся даже быть ходатаемъ за нихъ передъ Императрицею. Онъ писалъ ей, что кабардинцы въ послѣднее время сдѣлались достойными монаршаго вниманія и что насталъ благопріятный случай согласиться на ихъ постоянныя просьбы о возвращеніи имъ занятыхъ нами земель, подъ предлогомъ награды за ихъ службу. Но посреди всѣхъ этихъ увлеченій одинъ Текелли, суровый и всегда осмотрительный, не спѣшилъ расточать похвалъ кабардинцамъ. Онъ не довѣрялъ ихъ безкорыстной службѣ Россіи и въ свою очередь писалъ, «что это воровское грабительское племя боится одной только силы». Такого же взгляда, повидимому, держалась и Екатерина, которая, не взирая на авторитетное ходатайство князя По-

темкина, ограничилась однимъ изъявленіемъ кабардинцамъ монаршаго благоволенія, объявленнаго 28 февраля 1788 года.

И Текелли, и Императрица были правы въ своихъ заключеніяхъ о кабардинцахъ. Едва имъ объявили отказъ въ домогательствахъ ихъ получить обратно земли, отошедшія подъ русскія укрѣпленія, какъ ревность ихъ охладѣла, и въ этомъ году они не только не приняли участія въ походѣ Текелли, но даже опять принялись тревожить своими набѣгами Линію. Къ сожалѣнію, старшаго Горича въ это время уже не было на Кавказѣ; онъ уѣхалъ въ главную армію и вскорѣ палъ геройскою смертью подъ стѣнами Очакова. Младшій Горичъ оставался еще на Кавказѣ и хотя до нѣкоторой степени сдерживалъ своимъ присутствіемъ порывы своихъ расходившихся родичей, но нерѣдко и его вліяніе оказывалось слабымъ. Въ короткое время Текелли получилъ извѣстіе, что вооруженныя кабардинскія партіи сдѣлали нападеніе на казачьи посты Волжскаго полка близъ Екатеринограда и у Лысой горы, гдѣ захватили восемь казачьихъ лошадей; при крѣпости Павловской зарѣзали бабу и одного человѣка, а затѣмъ у Марьевской крѣпости едва не захватили въ плѣнъ курьера, посланнаго Текелли. Онъ спасся, но пара почтовыхъ лошадей, на которыхъ онъ ѣхалъ, была уведена кабардинцами.

Считая этотъ народъ по крайней мѣрѣ покорнымъ и дружественнымъ, Текелли находилъ невозможнымъ наказывать цѣлыя общества за проступки отдѣльныхъ лицъ и писалъ старшему кабардинскому владѣльцу Мисосту Атажукину, прося его унять своихъ кабардинцевъ и не позволять имъ подъѣзжать вооруженными къ русскимъ селеніямъ, «ибо», какъ выражался онъ, «оружіе не нужно, когда находишься среди пріятелей». Но разбои не унимались, а чеченцы, пользуясь этимъ, спѣшили подливать масла въ огонь, упрекая кабардинцевъ въ нападеніи на ихъ партію, что нарушало долгъ единовѣрія и правила корана. Кабардинцы отговаривались тѣмъ, что вынуждены были это сдѣлать, повинуясь Горичу, но что, если русскіе не возвратятъ ихъ плѣнниковъ, то они въ возмездіе захватятъ русскаго офицера и передадутъ его въ руки чеченцевъ ([3]).

Обѣщанія своего они не исполнили, и чеченцы сами, не ожидая ихъ содѣйствія, произвели на Линію цѣлый рядъ набѣговъ, въ которыхъ кабардинцы имъ не препятствовали. Объ одномъ изъ такихъ набѣговъ въ Моздокскомъ архивѣ сохранились не безъ интересныя и довольно подробныя свѣдѣнія ([4]).

Верстахъ въ пяти отъ Новогладковской станицы Гребенского войска, на берегу Терека, стоялъ Планшетный заводъ, охраняемый, въ виду частыхъ нападеній чеченцевъ, командой отъ 2-го Кавказскаго егерскаго баталіона, въ числѣ 70 человѣкъ, подъ начальствомъ поручика Гагарина.

Не вдалекѣ отсюда, на другомъ заводѣ, занимавшемся выдѣлкой шелка, стояла цѣлая рота Кабардинскаго полка, а въ Щедринской и Новогладковской станицахъ—по двѣ роты въ каждой и при нихъ по одному легкому орудію. Всѣ перелазы черезъ Терекъ были заняты постами Гребенскихъ казаковъ. Казалось, всѣ мѣры предосторожности были приняты, а между тѣмъ, въ ночь съ 15 на 16-е января 1788 года, конная партія чеченцевъ въ 600 человѣкъ скрытно прошла между Щедринской и Новогладковской станицами и внезапно кинулась на Планшетный заводъ. Застать егерей врасплохъ однако не удалось, и горцы, отбитые послѣ жестокаго штурма, бросились въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ находилась небольшая гарнизонная команда, заготовлявшая лѣсъ.

Опасаясь, чтобы команда не сдѣлалась жертвой нападенія, Гагаринъ оставилъ въ заводѣ только 20 егерей съ унтеръ-офицеромъ и, приказавъ раздать рабочимъ ружья и пистолеты, съ остальными людьми пустился преслѣдовать чеченцевъ. Видя за собою погоню, чеченцы не рѣшились на новое нападеніе и направились къ Тереку. Гагаринъ преслѣдовалъ ихъ съ перестрѣлкой до тѣхъ поръ, пока они не ушли изъ подъ выстрѣловъ. Тогда онъ остановился и повернулъ назадъ. Но не отошли егеря съ полверсты, какъ перестрѣлка послышалась вновь къ сторонѣ Щедринской станицы. Гагаринъ, забывъ усталость людей, опять поспѣшилъ съ ними на выстрѣлы. На пути онъ получилъ извѣстіе, что это Гребенцы напали на чеченцевъ и нанесли имъ чувствительное пораженіе. Одинъ изъ казачьихъ постовъ замѣтилъ уходившую партію и поднялъ тревогу. Изъ Щедринской станицы прискакалъ самъ войсковой атаманъ Сехинъ съ казачьимъ резервомъ, и горцы, отбитые отъ бродовъ, очутились на тонкомъ льду, который не выдержалъ тяжести значительной массы конныхъ людей, и до 50 всадниковъ вмѣстѣ съ лошадьми были поглощены рѣкою; остальные, осыпаемые выстрѣлами Гребенцовъ, едва-едва добрались до противоположнаго берега и нашли спасеніе въ мирныхъ аулахъ, запретныхъ для казаковъ еще со времени Потемкина. Какъ велика была потеря чеченцевъ при штурмѣ завода, въ перестрѣлкахъ съ Гагаринымъ и на переправѣ, точныхъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что Гагаринъ на обратномъ пути собралъ 22 тѣла, которыхъ чеченцы не успѣли увезти съ собою, да на переправѣ, кромѣ утонувшихъ, въ рукахъ казаковъ остался трупъ убитаго чеченца, валявшійся на льду, и захвачено около 10 лошадей, бѣгавшихъ безъ всадниковъ, три ружья и 39 бурокъ.

Текелли былъ крайне недоволенъ этимъ происшествіемъ. «Его Высокопревосходительство», писалъ по этому поводу князь Ратіевъ бригадиру Нагелю, завѣдывавшему кордоннымъ участкомъ, «относитъ сіе обстоятельство ничему иному, какъ токмо оплошности и нерадивости по должности тѣхъ начальниковъ, кои стояли съ войсками въ означенномъ участкѣ.

Майоръ Буксгевденъ, квартировавшій съ тремя ротами въ Новогладковской станицѣ, находясь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Планшетнаго завода, даже не распорядился сдѣлать сигнальный пушечный выстрѣлъ, чтобы поднять тревогу; рота, стоявшая въ Шелковомъ заводѣ, и войска, расположенныя въ Щедринской станицѣ съ маіоромъ Скарзинымъ, также остались безучастными зрителями, а послѣдній не выступилъ даже тогда, когда казаки поскакали на тревогу. Дѣйствовали только поручикъ Гагаринъ съ 70 стрѣлками да часть Гребенскихъ казаковъ съ своимъ атаманомъ Сехинымъ, послѣдствіемъ чего и было, что чеченцы ушли съ маловажной потерей, тогда какъ, при расторопныхъ и усердныхъ начальникахъ, партія могла быть окружена и истреблена поголовно». Буксгевденъ и Скарзинъ были отстранены отъ должности, а относительно прорыва чеченцевъ между Щедринской и Новогладковской станицами Текелли приказалъ произвести наистрожайшее слѣдствіе и, что окажется, ему донести для наказанія виновныхъ. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла свѣдѣній не имѣется.

Такъ шли дѣла на старой Терско-Кизлярской линіи, между Кизляромъ и Моздокомъ, но отъ Моздока вплоть до Азова царило полное спокойствіе, если не считать мелкихъ разбоевъ, или, какъ тогда выражались, «шалостей» кабардинцевъ, не нарушавшихъ впрочемъ общей картины затишья и не вызывавшихъ въ краѣ военныхъ тревогъ, какъ бывало прежде. Обезсиленные черкесы не имѣли уже возможности производить опустошительные набѣги: часть самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ находилась въ нашихъ предѣлахъ подъ надзоромъ войскъ, а другая, лишенная на зиму куска насущнаго хлѣба, скиталась по чужимъ землямъ и надо было не мало времени, чтобы они оправились. Спокойствіе зимовыхъ квартиръ со стороны Закубанья въ полномъ смыслѣ слова было обезпечено.

Пользуясь этимъ, Текелли спѣшилъ подготовить войска къ будущей кампаніи и пополнить тѣ недочеты, которые въ нихъ еще замѣчались. Съ этою цѣлью онъ даже покинулъ Екатериноградъ съ пышнымъ Потемкинскимъ дворцомъ и перенесъ свою резиденцію вмѣстѣ съ корпуснымъ штабомъ въ Георгіевскъ, откуда, какъ изъ центральнаго пункта, онъ могъ удобнѣе распоряжаться своими войсками. Георгіевскъ, величаемый тогда уѣзднымъ городомъ, представлялъ собою бѣдную казачью станицу Волжскаго войска, въ которой, кромѣ казаковъ, жило 20 купцовъ третій гильдіи да 54 мѣщанина, занимавшихся также мелкою торговлей или ремеслами [10]. Въ цѣломъ городѣ не было и десяти домовъ подъ тесовыми крышами; всѣ остальные были просто казачьи или крестьянскія мазанки безъ половъ, крытые камышемъ или соломою. Даже лучшій домъ, отведенный для Текелли, состоялъ всего изъ четырехъ небольшихъ комнатъ съ двумя кладовыми. Единственнымъ украшеніемъ Георгіевска служила дере-

вянная церковь, стоявшая среди огромнаго пустыря, носившаго названіе площади, и обнесенная, какъ всѣ станичныя церкви, каменной оградою съ бойницами; остальныя постройки разбросаны были безъ всякаго порядка; улицы утопали въ грязи, и жители ко всей бѣдности не въ состояніи были отбывать какія бы то ни было повинности для улучшенія города (11).

Такъ наступила весна 1788 года. Турецкая война разгоралась. Получены были извѣстія, что турки хотятъ овладѣть Тавридою, и князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, озабоченный этимъ обстоятельствомъ, предписалъ Текелли, какъ можно скорѣе начать военныя дѣйствія противъ Суджукъ-Кале или Анапы, съ тѣмъ, чтобы отвлечь часть непріятельскихъ силъ.

Необычайный разливъ Кубани и горныхъ рѣчекъ въ этомъ году не допустилъ однако открыть кампаніи ранѣе осени. Лѣтомъ для наблюденія за непріятелемъ, впрочемъ, выставлены были на Кубани нѣсколько летучихъ отрядовъ, производившихъ даже поиски, но о составѣ и силѣ ихъ подробныхъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что часть Волжскаго полка находилась въ колоннѣ Гротенгельма, у Песчаннаго брода, да Терско-Семейные казаки стояли съ отрядомъ князя Ратіева да рѣкѣ Невинкѣ (12). Самъ Текелли выступилъ позже, и 5 сентября весь Кавказскій корпусъ соединился у Темижбека. Въ составъ его входило 8 тысячъ пѣхоты съ 17 орудіями, 1400 человѣкъ регулярной конницы и двѣ тысячи казаковъ, въ числѣ которыхъ находились Волжцы, Моздокцы, Гребенцы и Терцы, но о численности каждаго войска въ отдѣльности Текелли въ своихъ донесеніяхъ не упоминаетъ. Отсюда весь корпусъ двинулся внизъ по Кубани и 19 сентября, переправившись на лѣвый берегъ ея близь нынѣшней Усть-Лабинской крѣпости, гдѣ стоялъ тогда Петровскій редутъ, продолжалъ движеніе къ Суджуку. Непріятель нигдѣ не показывался; только 21-го числа произошла небольшая стычка, въ которой убитъ Донской полковникъ Барабанщиковъ и ранено 4 казака. Такъ дошли до Убина. Здѣсь также не было никакихъ извѣстій о сборищахъ закубанскихъ горцевъ, а между тѣмъ густой дымъ сигнальныхъ костровъ, подымавшійся кругомъ по вершинамъ горъ, указывалъ на близкое присутствіе ихъ. Тогда Текелли выслалъ на развѣдки небольшой отрядъ подполковника Мансурова въ составѣ двухъ баталіоновъ егерей, дивизіона драгунъ и трехъ сотенъ Хоперскихъ, Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ. Но не сдѣлалъ отрядъ одного перехода, какъ 26-го сентября неожиданно наткнулся на турецкій лагерь, занятый восьми-тысячнымъ корпусомъ Аджи-Мустафы, а кругомъ его располагались безчисленные таборы Закубанцевъ. Тревога въ мигъ подняла на ноги весь непріятельскій станъ, и вслѣдъ за бѣшеной атакой черкесъ подошла турецкая пѣхота съ восмью орудіями. Отрядъ нашъ былъ окруженъ. Пять часовъ отбивались егеря отъ непріятеля, пять

часовъ на флангахъ у нихъ кипѣли горячія кавалерійскія схватки, но отрядъ изнемогалъ уже въ неравной борьбѣ, когда на помощь къ нему подоспѣли передовыя колонны Германа и князя Ратіева, а вслѣдъ за ними подошли и главныя силы Текелли. Появленіе ихъ рѣшило участь боя,—и непріятель бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе тысячи тѣлъ; наша потеря была также значительна: убито и ранено 254 человѣка.

Замѣчательно, между прочимъ, то обстоятельство, что Гребенскими и Терскими казаками въ этомъ бою предводительствовалъ присланный Потемкинымъ въ Кавказскій корпусъ отважный подполковникъ Султанъ Селимъ-Гирей, родной племянникъ послѣдняго Крымскаго хана, а турецкой конницей командовалъ отецъ Селима, Батый-Гирей, нѣкогда мечтавшій при русской помощи самъ овладѣть крымскимъ престоломъ. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ Россіи, и теперь отцу и сыну не разъ приходилось встрѣчаться въ рукопашныхъ схваткахъ. Сынъ побѣдилъ отца и заставилъ его бѣжать съ поля сраженія. Особенно отличились въ этомъ бою Гребенскіе казаки: они отбили большое турецкое знамя и собрали 400 черкесскихъ панцырей, снятыхъ ими съ убитыхъ ([13]).

Послѣ этого сраженія Текелли вошелъ въ непреступныя горныя ущелья и, произведя страшныя опустошенія въ жилищахъ закубанскихъ народовъ, повернулъ къ Анапѣ. И вотъ, 14-го октября, какъ только вдали засинѣло море и стали обрисовываться въ туманѣ высокія стѣны крѣпости, Текелли приказалъ полковнику Герману произвести усиленную рекогносцировку и, если возможно, высмотрѣть силы непріятеля. Съ Германомъ пошли два баталіона егерей и бригада драгунъ изъ войскъ Кубанскаго корпуса, а изъ Кавказскаго—отряженъ былъ весь Волжскій казачій полкъ. Волжцы пошли въ авангардѣ, а за ними стройно двинулись два драгунскихъ полка. Непріятель, притаившійся за крѣпостными стѣнами, нигдѣ не показывался; но лишь только наша кавалерія, далеко опередившая пѣхоту, приблизилась на пушечный выстрѣлъ, какъ турки открыли огонь изо всѣхъ орудій. Въ ту же минуту вся турецкая пѣхота высыпала на валъ, а на главной батареѣ показался самъ Баталъ-Бей, начальникъ гарнизона, окруженный своею свитой, въ числѣ которой въ бинокль можно было различить аскетическую фигуру Шихъ-Мансура въ бѣлой одеждѣ. По его сигналу турки разомъ развернули множество знаменъ и бунчуковъ. То былъ какъ бы условный сигналъ, по которому черкесы, скрывавшіеся дотолѣ въ лѣсистыхъ ущельяхъ, вдругъ выдвинули противъ насъ одиннадцать орудій и, подъ прикрытіемъ жестокаго огня, охватили насъ съ фланга; въ то же время изъ крѣпостныхъ воротъ вынеслись стройные ряды янычаръ съ видимымъ намѣреніемъ отрѣзать намъ отступленіе. Два эскадрона драгунъ, отдѣлившіеся далеко въ сторону, были моментально окружены, и гибель ихъ казалась неизбѣжной. Къ счастью, подоспѣвшіе

егеря приняли на себя ударъ и дали возможность имъ отступить въ порядкѣ. За то егеря сами очутились въ критическомъ положеніи. Засѣвъ въ д. Кучугурахъ, они отважно отбивали атаки янычаръ и горцевъ, но въ это время турки сдѣлали вылазку изъ Анапы,—и подъ двойнымъ ударомъ егеря устоять не могли. Но помощь была уже не далеко: драгуны изъ отряда Германа и Волжскій казачій полкъ вмѣстѣ съ колонной Ратіева, подоспѣвшей изъ главной колонны, остановили турокъ и открыли егерямъ путь къ отступленію. Между тѣмъ смерклось, и ночь прекратила сраженіе, продолжавшееся болѣе семи часовъ къ ряду. Потери въ нашей конницѣ, благодаря торопливой стрѣльбѣ турецкой артиллеріи, заботившейся только о томъ, чтобы какъ можно болѣе выпустить снарядовъ, оказались ничтожными; по крайней мѣрѣ въ Волжскомъ полку—убитъ одинъ сотникъ, раненъ урядникъ, выбыло до 20 лошадей ([14]).

Число турокъ и горцевъ, защищавшихъ Анапу, оказалось значительнымъ, и Текелли, понимая трудность, при господствѣ турецкаго флота на Черномъ морѣ, овладѣть Анапой, рѣшилъ отступить. Въ журналѣ своемъ онъ отмѣчаетъ: «Анапу покорить можно было только штурмомъ; но, взявъ ее, удержать въ своихъ рукахъ было нельзя, а по сему терять людей для одной лишь славы безъ всякаго другого вида пользы казалось мнѣ не простительнымъ». Этотъ мотивъ совершенно оправдываетъ Текелли, тѣмъ болѣе, что цѣль экспедиціи была вполнѣ достигнута, и турки, занятые обороною Анапы, ничего не предпринимали противъ Крыма. Истребивъ на обратномъ пути еще множество черкесскихъ деревень со всѣмъ имуществомъ и запасами хлѣба, Кавказскій корпусъ 12 ноября прибылъ наконецъ въ Григоріополисъ на Кубани и былъ распущенъ на зимовыя квартиры. Гребенцы и Терцы вернулись въ свои станицы, сдѣлавъ въ оба пути около 1780 верстъ.

Но экспедиція Текелли, надо сказать, имѣла и свою отрицательную сторону. Отступленіе нашихъ войскъ отъ Анапы праздновалось турками какъ полная побѣда, и фирманъ Султана призывалъ всѣ горскіе народы подняться для окончательнаго изгнанія русскихъ изъ края. Мансуръ началъ опять свои зажигательныя проповѣди. Надо было ожидать на Кубани крупныхъ событій. Но расчетамъ турокъ помѣшала такая суровая зима, какой никогда еще не бывало въ краѣ. Съ января мѣсяца начались повсемѣстно такіе бураны, что цѣлыя селенія заносились снѣговыми сугробами; люди, застигнутые метелью въ полѣ, погибали, табуны и стада истреблялись почти поголовно. Довольно сказать, что въ эти бѣдственные дни въ двухъ Донскихъ полкахъ, расположенныхъ пикетами на Линіи, и не имѣвшихъ средствъ укрыть своихъ лошадей, погибло около тысячи строевыхъ и вьючныхъ коней. Весьма возможно, что эта снѣжная буря, разразившаяся широкой полосою надъ Сѣвернымъ Кавказомъ и при-

чинившая закубанцамъ еще большія бѣдствія, чѣмъ намъ, удержала турокъ на нѣкоторое время отъ ихъ предпріятія. Но зато едва наступила весна, какъ они обнаружили энергичную дѣятельность. Бывшій комендантъ Анапы Баталъ-Бей, возведенный теперь въ званіе паши, назначенъ былъ сераскиромъ надъ всею Кубанью и главноначальствующимъ въ Суджукѣ и Анапѣ. Онъ самъ прибылъ въ землю черкесъ бесленеевцевъ, а вслѣдъ за нимъ туда же ожидалось турецкое войско, которое должно было занять и исправить старый турецкій окопъ Аджи-Кала, близъ устья рѣки Большой Зеленчукъ, и отсюда вести дальнѣйшія военныя дѣйствія. Нафанатизированные рѣчами Мансура черкесы не стали ожидать турецкихъ войскъ, а сами вторглись въ наши предѣлы и кинулись на Черкасскій трактъ къ деревнѣ Вѣстославской. Встрѣченные огнемъ изъ редута, они проскакали подъ нашими выстрѣлами и, отхвативъ казачій табунъ, угнали его вмѣстѣ со стадами жителей за Лабу. Не прошло послѣ того и мѣсяца, какъ то же Вѣстославское селеніе подверглось вторичному нападенію. Это случилось 8-го апрѣля 1789 года въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія. На этотъ разъ горцы разграбили селеніе, но не успѣли сжечь его и увезли съ собой только шесть человѣкъ плѣнныхъ. Дерзость закубанцевъ заставила Текелли двинуть противъ нихъ небольшой отрядъ генерала Булгакова, въ составъ котораго назначена была и сотня Волжскаго казачьяго полка, подъ командой подпоручика Терентія Страшнова. Отрядъ, перейдя Лабу, разгромилъ Темиргоевскіе аулы, причемъ жаркое дѣло произошло 16 мая въ дер. Микасъ, гдѣ жилъ старѣйшій темиргоевскій владѣлецъ Самадъ-Гирей, и потомъ при обратной переправѣ черезъ Лабу, гдѣ Волжская и Хоперская сотни стремительнымъ ударомъ, опрокинувъ горцевъ, заставили ихъ открыть переправу. Въ числѣ особенно отличившихся храбростью Булгаковъ упоминаетъ въ своей реляціи Волжскаго полка Терентія Страшнова ([15]).

Такъ шли дѣла на правомъ флангѣ Кавказской линіи, на лѣвомъ — продолжали разбойничать кабардинцы, сдѣлавшіе, какъ доносилъ Текелли князю Потемкину, проѣздъ по дорогамъ къ Екатеринограду невозможнымъ». Разбои эти усилились до нельзя съ той митуты, какъ наши войска выведены были изъ Грузіи и всѣ укрѣпленія на сообщеніяхъ съ нею были упразднены. Упразднена была и Владикавкязская крѣпость. Въ Георгіевскомъ архивѣ есть донесеніе генералъ-лейтенанта Левашова отъ 15 октября 1788 года, что «секундъ-маіоръ Штетеръ, испортивъ укрѣпленія Владикавказа и сжегши всѣ строенія, прибылъ съ войсками и тягостями въ Моздокъ». Тогда же осетины, образовавшіе подъ стѣнами Владикавказскаго укрѣпленія особую слободку, удалились въ горы, и такимъ образомъ уничтожена была послѣдняя преграда, отдѣлявшая Кабарду отъ ущелій нынѣшней Военно-Грузинской дороги.

Но не одни кабардинцы, много безпокойствъ причиняли Текелли чеченцы и дагестанцы, готовые уже къ возстанію и ожидавшіе только сигнала, чтобы, очертя голову, броситься въ кровавый потокъ газавата. Повторялись опять времена Ушурмы, только еще въ болѣе грандіозныхъ и опасныхъ размѣрахъ. Мелкія шайки, подобно буревѣстникамъ, носились по краю и предвѣщали надвигавшуюся на насъ грозу.

Текелли такъ характеризуетъ эти шайки въ одномъ изъ своихъ донесеній Потемкину: «пробравшись черезъ линію, онѣ иногда по нѣскольку дней скрывались въ кустахъ или въ балкахъ, высматривая одиночныхъ людей; если при встрѣчѣ съ нашими разъѣздами наши смѣло, не съ робкимъ духомъ, вступали въ перестрѣлку, хищники тотчасъ же стремительно убѣгали, но кто бѣжалъ отъ нихъ, тотъ неизбѣжно становился ихъ добычею».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 10-тысячный турецкій корпусъ высадился наконецъ въ Анапѣ, что, въ связи съ сношеніями турокъ со всѣми Кавказскими народами, указывало на существованіе широко задуманнаго плана военныхъ дѣйствій и во всякомъ случаѣ намѣренія паши дѣйствовать, при помощи кабардинцевъ, на наши сообщенія съ Грузіей. Текелли тотчасъ же выдвинулъ Кубанскій корпусъ, приказавъ ему занять Тамань, чтобы прикрыть дорогу къ Перекопу и угрожать Анапѣ, а Кавказскій корпусъ расположилъ нѣсколькими отрядами по Кубани у устья Лабы, у Темижбека, на рѣкѣ Невинкѣ и у Песчанаго брода; главный резервъ, въ составъ котораго входила большая часть Волжскаго казачьяго полка, сталъ у Бештовыхъ горъ, близъ нынѣшняго Пятигорска. На лѣвомъ флангѣ Моздокскій казачій полкъ подъ командой полковника Савельева сосредоточенъ былъ при Наурѣ, а Гребенцы и Терцы держали сильный кордонъ противъ Чечни и Дагестана ([16]).

Но это были и послѣднія распоряженія Текелли.

Израненный въ бояхъ, окончательно разстроившій свое здоровье въ Анапскомъ походѣ, онъ еще 4 мая подалъ въ отставку и, сдавъ командованіе войсками генералъ-лейтенанту барону Розену, выѣхалъ въ Россію, гдѣ вскорѣ скончался.

Глава XVII.

На мѣсто Текелли назначенъ былъ генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, съ званіемъ главнокомандующаго Кубанскою арміею, составленной попрежнему изъ двухъ корпусовъ Кавказскаго и Кубанскаго. Онъ прибылъ лѣтомъ и, объѣхавъ войска, прикрывавшія границу, рѣшилъ держаться той же выжидательной системы дѣйствій, какой держался и его предмѣстникъ. Иниціатива наступленія предоставлена была непріятелю. Но Баталъ-паша считалъ себя все еще слишкомъ слабымъ, чтобы прорвать пограничный русскій кордонъ, и отложилъ свои операціи до будущаго года. Войска простояли на занятыхъ ими позиціяхъ до наступленія зимы и были распущены, а вслѣдъ за тѣмъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ и графъ Салтыковъ отозванъ былъ съ Кавказа на постъ главнокомандующаго русскою арміею, дѣйствовавшей въ Финляндіи противъ шведовъ.

Такъ наступилъ 1790-й годъ, ознаменованный на Кавказѣ двумя важными событіями –бѣдственнымъ походомъ Бибикова подъ Анапу и блистательною побѣдой генерала Германа надъ Баталъ-пашею, подготовившей паденіе Анапы въ слѣдующемъ году. Въ обоихъ экспедиціяхъ изъ числа Линейныхъ казаковъ участвовали только Волжскій и Хоперскій полки, вынесшіе и тяжкую страду Бибиковскаго похода, и раздѣлившіе съ Германомъ славу побѣды, о которой память не умираетъ и до настоящаго времени. Роль остальныхъ Линейныхъ казаковъ- Моздокскихъ, Гребенскихъ и Терскихъ сводилась въ этомъ году къ охранѣ лѣваго фланга,—роль менѣе видная, лишенная, пожалуй, внѣшняго блеска, но не менѣе важная въ общемъ ходѣ тогдашнихъ событій. Оставленные въ своихъ домахъ казаки не допустили кабардинцевъ въ самый острый моментъ соединиться съ Баталъ-пашею, удержали Чечню отъ поголовнаго возстанія и тѣмъ облегчили дѣйствія малочисленнаго отряда Германа. Слава, озарившая тогда русское оружіе, совершенно изгладила изъ памяти горцевъ неудачу Бибиковскаго похода, значительно подорвавшаго въ первыя минуты престижъ русскаго имени и грозившаго намъ большими осложненіями.

Надо сказать, что по отъѣздѣ графа Салтыкова Кавказскія войска на нѣкоторое время остались безъ общаго начальника, и каждый изъ двухъ корпусовъ дѣйствовалъ самостоятельно. Баронъ Розенъ, исполняя прика-

заніе главнокомандующаго, отвелъ Кубанскій корпусъ на Донъ и расположилъ его на зимовыя квартиры. Напротивъ, командиръ Кавказскаго корпуса генералъ-поручикъ Бибиковъ, пользуясь исключительностью своего положенія, рѣшилъ продолжать военныя дѣйствія и цѣлью ихъ сдѣлалъ покореніе Анапы, не постигая, очевидно, глубокихъ соображеній, заставившихъ Текелли отказаться отъ ея завоеванія. Спѣшно исполнить свое намѣреніе до назначенія новаго начальника, чтобы связать съ этимъ подвигомъ свое собственное имя, онъ отважился идти за Кубань съ однимъ Кавказскимъ корпусомъ, налегкѣ, безъ обозовъ, расчитывая довольствовать войска реквизаціями. Онъ даже не предупредилъ объ этомъ барона Розена, чтобы быть вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ.

Время для похода выбрано было имъ самое неудобное. Войска стали собираться въ январѣ 1790 года, когда глубокіе снѣга лежали на равнинахъ и не было нигдѣ подножнаго корма. Морозы стояли сильные, а потому Бибиковъ распорядился со всѣхъ казачьихъ станицъ и крестьянскихъ селеній собрать реквизиціоннымъ способомъ всѣ шубы и полушубки, какіе только имѣлись, чтобы снабдить ими свою пѣхоту, не имѣвшую теплой одежды. Все это было собрано и перевезено въ Прочно-окопскій редутъ, гдѣ въ началѣ февраля мѣсяца сосредоточено было наконецъ 14 баталіоновъ пѣхоты, шесть эскадроновъ кавалеріи, двѣ пѣшія батареи и десять сотенъ Донскихъ и Уральскихъ казаковъ. Къ нимъ вскорѣ присоединились еще двѣ сотни Волжскихъ и двѣ сотни Хоперскихъ казаковъ, каждая при трехъ оберъ-офицерахъ. Кубань перешли по льду, но ледъ уже былъ некрѣпокъ, и въ воздухѣ чуялась близость весны, вмѣстѣ съ которою должны были начаться для отряда неминуемыя бѣдствія.

Первые дни похода прошли довольно спокойно; но чѣмъ дальше подвигались войска, тѣмъ сопротивленіе непріятеля становилось упорнѣе: въ каждой долинѣ происходилъ конный бой, изъ за каждаго куста, оврага и перелѣска русскихъ осыпали пулями. А погода между тѣмъ становилась все хуже и хуже: въ долинахъ наступила весна, а горы завалены еще были снѣгомъ. Войска то цѣлый день брели по колѣна въ студенной водѣ, то останавливались, вслѣдствіе горныхъ мятелей и вьюгъ, бушевавшихъ по нѣсколько дней сряду; то сильная оттепель превращала ничтожные ручьи въ бурныя рѣки, то снова ударитъ морозъ, и наша конница на некованныхъ коняхъ не можетъ двинуться съ мѣста. Черкесы видѣли бѣдственное положеніе отряда, и старались еще болѣе утомлять его безпрерывными нападеніями. Но побѣждая непріятеля и самую природу, войска не могли побѣдить другого противника—голода. Попутные аулы были пусты, и довольствовать войска реквизаціями было невозможно. Сухари между тѣмъ вышли, дровъ не было, и люди питались только травою, кореньями или сырою кониной, а лошадей давно кормили старыми рубле-

ными рогожами. Болѣзненность въ войскахъ усиливалась съ каждымъ днемъ, лошади падали десятками. Наконецъ, 24 марта, послѣ сорока двухъдневного марша, въ страстную субботу русскіе вышли изъ горъ и увидѣли передъ собою Анапу. Ночью въ войскахъ отслужили заутреню, и радостный гимнъ «Христосъ Воскресе» торжественно прозвучалъ подъ чужимъ, мрачнымъ и покрытымъ свинцовыми тучами небомъ. Эти тучи разразились къ свѣту новою бурею: снѣгъ повалилъ хлопьями, закрутила мятель и ударилъ такой морозъ, что въ лагерѣ замерзло до двухсотъ лошадей. Съ первымъ проблескомъ дня, въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, войска, построенныя въ колонны, молча двинулись къ крѣпости и въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ стѣнъ ея разбили свой лагерь. День прошелъ спокойно, но на слѣдующее утро турки сдѣлали вылазку и бѣшено атаковали русскій лагерь, а въ тоже время горцы двинулись съ тыла. «Мы были поставлены между двухъ огней, и, надо сказать правду», говоритъ участникъ этого боя, «непостижимо. какъ мы уцѣлѣли и не только уцѣлѣли, но остались еще побѣдителями». Непріятель былъ отбитъ, и наши казаки преслѣдовали бѣгущихъ до самыхъ воротъ Анапы.

Къ сожалѣнію, Бибиковъ не удовольствовался этимъ успѣхомъ и тотчасъ же двинулъ пѣхоту на приступъ. Солдаты, смѣшавшись съ толпами бѣгущихъ, быстро достигли крѣпости, но турки, не заботясь уже о своихъ бѣглецахъ, заперли ворота и встрѣтили русскихъ убійственнымъ огнемъ. Будь у пѣхоты лѣстницы, Анапа, быть можетъ, и была бы взята; но лѣстницъ не оказалось: ни спуститься въ ровъ, ни подняться на стѣны было нельзя. Пришлось отступить, и наша пѣхота, поражаемая картечью, оставила въ полѣ до 600 человѣкъ убитыми.

Собранный затѣмъ военный совѣтъ рѣшилъ единогласно начать отступленіе, такъ какъ голодъ и недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ не позволяли и думать о новомъ приступѣ. Но отступленіе сопровождалось еще большими бѣдствіями, такою борьбою съ природой, что о ней съ трепетомъ вспоминали впослѣдствіи самые безстрашные люди. Довольно сказать, что въ одномъ мѣстѣ войскамъ пришлось сдѣлать цѣлый переходъ въ 14 верстъ въ водѣ по самое горло; солдаты коченѣли отъ холода, нѣкоторые теряли сознаніе, падали и погибали прежде чѣмъ имъ успѣвали подать какую либо помощь. Тогда Бибиковъ вздумалъ перейти на другую горную дорогу, которая была удобнѣе, но зато и вдвое длиннѣе прежней. Противъ этого возстали всѣ офицеры, говоря, что солдаты, обезсиленные голодомъ, не вынесутъ этого пути и сдѣлаются жертвами черкесовъ. Болѣе всѣхъ противился перемѣнѣ дороги батарейный командиръ Офросимовъ, у котораго не осталось и по пяти зарядовъ на орудіе. Бибиковъ арестовалъ Офросимова и даже приковалъ его къ пушкѣ. Тогда взбунто-

вались солдаты. Они вышли изъ повиновенія, освободили Офросимова и заявили, что на новую дорогу не пойдутъ. Собрался новый военный совѣтъ, и Бибиковъ вынужденъ былъ наконецъ подчиниться общему рѣшенію. Отрядъ двинулся дальше, опять къ высокому нагорному берегу Кубани, который въ туманной дали уже маячилъ на горизонтѣ. Но отряду пришлось и тутъ испытать горькое разочарованіе: глубокая рѣка, разлившись на необозримое пространство, бѣшено катила пѣнящіяся волны, ворочая громадные камни и унося, какъ щепы, вырванные съ корнями дубы и чинары,—переправы не было.

Между тѣмъ горцы опять настигали отрядъ и опять начались ежедневныя схватки, кончавшіяся не всегда для насъ благополучно. Такъ въ одной изъ нихъ Уральская казачья сотня потеряла всѣхъ своихъ лошадей и осталась пѣшею. Положеніе отряда, прижатаго къ Кубани, было безвыходное, но, къ счастью, люди не потеряли ни бодрости, ни присутствія духа. Днемъ они сражались, а по ночамъ съ чисто русскою сметкой мастерили летучіе паромы изъ камыша, въ которомъ недостатка не было. Скоро паромы были готовы, и на этихъ то утлыхъ плотахъ отрядъ совершилъ невѣроятную переправу. Правда, нѣкоторые изъ этихъ плотовъ опрокинулись, и люди, бывшіе на нихъ, потонули, нѣкоторые унесены были въ Черное море, гдѣ пропали безвѣсти, но большинство добралось таки до русскаго берега. Орудія спасены были всѣ, и отрядъ не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, общая потеря его не превышала 1100 человѣкъ убитыми и пропавшими безвѣсти да 1200 человѣкъ больныхъ, изъ которыхъ большая часть умерла. Нельзя не удивляться при этомъ выносливости Волжскихъ казаковъ, перенесшихъ съ замѣчательною бодростью тяжелый искусъ похода; изъ 199 человѣкъ двое были убиты, два утонули, а остальные 195 человѣкъ вернулись на родину, хотя истощенные, но совершенно здоровые—больныхъ среди нихъ не было. Лошадей въ обѣихъ сотняхъ Волжскаго полка погибло: строевыхъ 77 и вьючныхъ 31; изъ остальныхъ почти половина была переранена, такъ что большая часть казаковъ прибыли пѣшими *) (1).

Слухъ о бѣдственномъ положеніи Бибикова за Кубанью слишкомъ поздно дошелъ до барона Розена. Онъ тотчасъ же выступилъ съ частью Кубанскаго корпуса къ нему на помощь, но встрѣтилъ отрядъ на правомъ берегу Кубани, внѣ всякой опасности. Вотъ что доносилъ онъ объ этомъ Потемкину: «Кавказскій корпусъ я нашелъ въ совершенномъ разстройствѣ. Офицеры и нижніе чины находятся въ такомъ жалкомъ видѣ, ко-

*) Кавказскій сборникъ т. XIX. Вѣдомость, представленная барономъ Розеномъ о состояніи Кавказскаго корпуса по возвращеніи его изъ-за Кубани. Воен журн. 1818 г. кн. 8.

торый выше всякаго воображенія; всѣ они опухли отъ голода и истомлены маршами, стужею и непогодами. Солдаты и офицеры лишились всего своего имущества и остались босые, въ рубищахъ и даже безъ рубахъ, которыя погнили на людяхъ».

Получивъ объ этомъ донесеніе, Императрица писала князю Потемкину: «Экспедиція Бибикова для меня весьма странна и ни на что не похожа. Я думаю, что онъ съ ума сошелъ, держа людей сорокъ дней въ водѣ, почти безъ хлѣба; удивительно, какъ единый остался живъ. Я почитаю, что не много съ нимъ возвратилось; дай знать, сколько пропало, о чемъ я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а болѣе надо дивиться сорокадневному ихъ терпѣнію».

Бибиковъ по сентенціи военнаго суда былъ отставленъ отъ службы, но отрядъ, отличившійся мужествомъ въ битвахъ и перенесеніемъ тяжкихъ трудовъ и лишеній въ походѣ, награжденъ былъ особенною серебряною медалью на голубой лентѣ съ надписью «за вѣрность» (²).

На мѣсто Бибикова командиромъ Кавказскаго корпуса назначенъ былъ генералъ-поручикъ графъ Де-Бальменъ, человѣкъ просвѣщенный, мужественный и полный энергіи. Онъ прибылъ въ Георгіевскъ 21 мая 1790 года въ то время, когда неудачная экспедиція къ Анапѣ вызвала усиленную дѣятельность со стороны турокъ, а Баталъ-паша, назначенный уже сераскиромъ, мечталъ поднять противъ насъ все населеніе Кавказа. Опираясь главнымъ образомъ на кабардинцевъ, какъ на болѣе сильный и воинственный народъ, занимавшій на Кавказѣ центральное положеніе, Баталъ-паша разсчитывалъ легко уничтожить наши слабыя линіи, а затѣмъ, поднявъ всѣхъ мусульманъ, живуцихъ въ Россіи, возстановить древнія татарскія ханства и распространить мятежъ по Волгѣ и Уралу до самой Сибири. Дѣла принимали дѣйствительно тревожный характеръ. Шихъ-Мансуръ уже стоялъ на Сунжѣ и ждалъ только приказанія, чтобы съ 50-тысячнымъ скопищемъ броситься на Терскую линію и уничтожить Кизляръ, эту важную продовольственную базу Кавказскаго корпуса. Весь Дагестанъ вооружался, и турецкіе агенты проникли даже въ Персію, гдѣ ахалцихскій паша Сулейманъ (братъ Баталъ-бея) употреблялъ всѣ средства, чтобы привлечь къ походу на Кизляръ адербейджанскихъ хановъ. А корабли между тѣмъ все подвозили новые и новые десанты въ Суджукъ и Анапу, гдѣ образовалась уже 25-тысячная армія.

Обстоятельства были серьезныя. Наступалъ важный критическій моментъ въ исторіи нашего владычества на Сѣверномъ Кавказѣ, когда все, что исповѣдывало исламъ, не смотря на крайнее племенное различіе, готово было объединиться подъ однимъ знаменемъ Мансура.

Къ несчастью, графъ Де-Бальменъ, объѣзжая въ то время войска,

простудился, и смертельный недугъ приковалъ его къ постели. Но по мѣрѣ того, какъ гасли его физическія силы, душевная бодрость и умственная дѣятельность его не только не ослабѣвала, а, напротивъ, казалось, возрастала все болѣе и болѣе; распоряженія шли за риспоряженіями, и въ концѣ концовъ Кавказскій корпусъ, принятый имъ въ совершенномъ разстройствѣ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль приведенъ былъ въ полный порядокъ, укомплектованъ, чѣмъ было можно, снабженъ оружіемъ и къ началу іюля мѣсяца находился въ полной боевой готовности (¹). Но корпусъ этотъ былъ слишкомъ малочисленъ, чтобы выдержать напоръ всей массы горцевъ, готовыхъ наброситься прежде всего на Кизляръ, а на содѣйствіе другого, Кубанскаго, корпуса расчитывать было нельзя, такъ какъ онъ получилъ спеціальное назначеніе защищать Тамань и дорогу въ Крымъ. Де-Бальменъ понималъ трудность своего положенія, но мужество и ничѣмъ не поколебимая вѣра въ своихъ сподвижниковъ и въ войска, часть которыхъ онъ видѣлъ, не покидали его ни на минуту.

Понимая, что безъ твердаго положенія въ Кабардѣ Баталъ-паша не рискнетъ двинуться дальше къ широко намѣченнымъ цѣлямъ, графъ Де-Бальменъ прежде всего обратилъ вниманіе на лѣвый флангъ Кавказской линіи и на дѣла въ Кабардѣ, отъ направленія которыхъ въ значительной мѣрѣ зависѣли успѣхи турокъ. Войсками на лѣвомъ флангѣ командовалъ тогда командиръ Моздокскаго казачьяго полка генералъ Савельевъ, который и расположилъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Весь Моздокскій казачій полкъ былъ собранъ въ Наурѣ противъ Кабарды, а за нимъ въ резервѣ стоялъ Моздокскій гарнизонъ и легіонная команда. Гребенскіе, Семейные и Терскіе казаки, вызванные на службу поголовно, занимали свои городки, оберегая нашу границу со стороны Чечни и Дагестана. Гарнизонъ Кизляра былъ усиленъ цѣлымъ Московскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а другой полкъ, Кабардинскій, расположенный въ Червленной, долженъ былъ дѣйствовать, какъ подвижной резервъ, служа опорою всѣхъ казачьихъ частей между Моздокомъ и Кизляромъ. Остальные войска Кавказскаго корпуса образовали общій резервъ, готовый дѣйствовать тамъ, гдѣ укажетъ надобность.

«Конечно», доносилъ графъ Де-Бальменъ, «силы, съ которыми мы готовимся встрѣтить ударъ 50-тысячнаго скопища горцевъ, собранныхъ Мансуромъ, несоразмѣрно малы, но тамъ командуетъ генералъ Савельевъ, которому я вполнѣ довѣряю» (²).

Савельевъ дѣйствительно оправдалъ мнѣніе о немъ Де-Бальмена. Отлично зная характеръ горцевъ, онъ былъ убѣжденъ, что если кабардинцы останутся спокойными, то намъ нечего опасаться другихъ Кавказскихъ народовъ, которые безъ нихъ не двинутся съ мѣста.

Имѣя разрѣшеніе Бальмена употребить въ данномъ случаѣ открытую силу, если другія мѣры окажутся недѣйствительными, Савельевъ самъ отправился въ Кабарду и выполнилъ свою задачу, не прибѣгая къ оружію. Съ помощью подарковъ и обѣщаній различныхъ милостей, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ часть кабардинскихъ владѣльцевъ, а къ остальнымъ примѣнилъ старую потемкинскую систему, успѣвъ перессорить владѣльцевъ съ ихъ узденями, которые стали даже грозить уйти совсѣмъ на Куму, за русскія линіи. Эта внутреняя смута, принявшая для кабардинцевъ довольно опасный характеръ, отвлекла на долго вниманіе ихъ отъ турокъ и заставила пріостановиться съ открытымъ возстаніемъ, выжидая, что скажутъ дальнѣйшія событія. Одно дѣло было сдѣлано; оставалось другое—удержать Мансура отъ нашествія на Линію, которое если и не угрожало окончательнымъ паденіемъ русскаго владычества въ краѣ, то неизбѣжно повело бы за собою полный разгромъ Гребенскихъ и Терскихъ, а можетъ быть и Моздокскихъ станицъ; но тутъ помогала самая медлительность турокъ. Опасаясь дробить свои силы на части, чтобы не подвергнуть каждую изъ нихъ отдѣльному пораженію, Баталъ-паша задумалъ произвести ударъ одновременный, а потому всѣ силы, собранныя Шихъ-Мансуромъ на Сунжѣ, и тѣ, которыя ожидались съ дагестанскими владѣльцами и закавказскими ханами, обречены были на продолжительное бездѣйствіе во время длиннаго пути самаго паши отъ Чернаго къ Каспійскому морю. Съ другой стороны и Шихъ-Мансуръ, видя внутренніе раздоры и колебанія среди кабардинцевъ, не хотѣлъ открывать военныхъ дѣйствій прежде,чѣмъ турки, перейдя Кубань, не займутъ Кабарды Только тогда всѣ силы горцевъ должны были ударить на Кизляръ, чтобы отвлечь сюда часть русскихъ войскъ и дать сильный толчекъ къ возстанію кабардинцевъ. Но, какъ извѣстно, Баталъ-пашѣ удалось перейти Кубань, но не удалось близко подойти къ кабардинскимъ границамъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, какъ только получилось извѣстіе, что турецкій корпусъ вышелъ изъ Анапы и приближается уже къ Кубани, графъ Де-Бальменъ выдвинулъ весь Кавказскій корпусъ (за исключеніемъ лѣваго фланга) къ Кубани и расположилъ его тремя отрядами: первый, генерала Булгакова, сталъ въ Темижбекѣ; второй, бригадира Беервица—у Невиннаго мыса и третій, генералъ-маіора Германа—у Кумского редута. Въ составъ послѣдняго вошли двѣ сотни Волжскаго полка, а остальныя оставлены въ своихъ домахъ для охраны Азовско-Моздокской линіи отъ Екатеринограда до рѣки Карамыка, гдѣ начинался раіонъ Хоперскаго полка.

«Къ сожалѣнію», писалъ де-Бальменъ свѣтлѣйшему князю Потемкину, «болѣзнь препятствуетъ мнѣ лично принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, но завѣряю Вашу свѣтлость, что господа генералы, коимъ ввѣрено командованіе частными отрядами, сдѣлаютъ то же, что я» ([4]).

Чтобы лучше слѣдить за непріятелемъ, Германъ 22 сентября передвинулся къ берегамъ Кубани, гдѣ сталъ на крѣпкой и возвышенной позиціи у Кубанскаго редута. Здѣсь въ первый разъ услышаны были далеко за рѣкою пушечные сигнальные выстрѣлы изъ большихъ орудій. Волжскіе и Донскіе казаки, державшіе разъѣзды за Кубанью, доходили до самаго Зеленчука, но далѣе проникнуть не могли, потому что вездѣ встрѣчали сильныя непріятельскія партіи. Они видѣли только большую пыль въ долинѣ между Большимъ и Малымъ Зеленчукомъ и дымъ сигнальныхъ костровъ, свѣтившихся яркими звѣздочками по вершинамъ горъ. Очевидно было, что непріятель приближается, и скоро выяснилось, что онъ взялъ направленіе на Каменный бродъ. Тогда, опасаясь за свои сообщенія съ Георгіевскомъ, Германъ отошелъ верстъ 15 назадъ и сталъ на рѣчкѣ Подбаклеѣ. Здѣсь соединилась съ нимъ колонна Беервица, прибывшая отъ Невиннаго мыса, и боевая сила отряда возрасла до трехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ пѣхоты и конницы. Теперь въ распоряженіи Германа находилось девять баталіоновъ пѣхоты, три регулярныхъ кавалерійскихъ полка, два полка Донскихъ казаковъ Поздѣева и Луковкина и двѣ сотни Волжцевъ, при шести полевыхъ орудіяхъ. Это было все, что мы могли противопоставить сорокапятитысячной арміи турокъ и закубанскихъ горцевъ. Правда, сюда же форсированнымъ маршемъ шелъ отрядъ Булгакова, но онъ находился еще въ 80 верстахъ у Прочнаго-Окопа, а обстоятельства мѣнялись такъ быстро, что на содѣйствіе его расчитывать было нельзя.

Къ вечеру 29 сентября вся непріятельская армія двинулась отъ Каменнаго брода къ Бѣлой мечети, составляющей узелъ дорогъ, расходившихся оттуда на Кабарду и на Георгіевскъ. Положеніе наше становилось опаснымъ. Германъ собралъ къ себѣ начальниковъ частей и, сравнивъ свои силы съ силами Баталъ-паши, заявилъ, что только одна быстрота можетъ доставить намъ побѣду и что онъ завтра же съ разсвѣтомъ самъ аттакуетъ турокъ. Рѣшеніе это принято было единогласно.

30 сентября въ шесть часовъ утра небольшой авангардъ, въ составъ котораго вошли и обѣ Волжскія сотни, выступилъ изъ лагеря, подъ командой «испытаннаго въ храбрости» маіора князя Орбеліани. Ему приказано было занять Тохтамышскія горы, черезъ которыя пролегалъ путь въ Кабарду, и удерживать ихъ во что бы то ни стало до прибытія отряда. Турки, замѣтивъ наше движеніе, двинули свои войска къ тѣмъ же высотамъ; но князь Орбеліани, поддержанный всею кавалеріею, успѣлъ уже на нихъ утвердиться. Въ это самое время пришло извѣстіе отъ генерала Булгакова, что онъ къ ночи будетъ у Кубанскаго редута. Но жребій былъ уже брошенъ; нашъ авангардъ стоялъ въ сильнѣйшемъ огнѣ и вырвать его оттуда не было возможности. Между тѣмъ подошла наша пѣхота и стала въ боевой порядокъ; кавалерія размѣстилась на флангахъ: на лѣ-

вомъ—полковникъ Буткевичъ съ своей артиллерійской бригадой и Донскимъ полкомъ Поздѣева, на правомъ—полковникъ Мухановъ, Астраханскій драгунскій полкъ, Донцы Луковкина и двѣ сотни Волжскаго полка. Турецкая армія подоспѣла почти одновременно съ нами, но, не успѣвъ занять командующія высоты, вынуждена была растянуть свою боевую линію по правому берегу рѣчки Тахтамышки. 30 турецкихъ орудій открыли огонь по нашимъ войскамъ; имъ отвѣчала шести-орудійная батарея Офросимова. Два часа гремѣла кононада, но наконецъ огонь турецкой батареи сталъ ослабѣвать, а въ то же время конница, пытавшаяся обскакать насъ съ тылу, встрѣчена была кавалерійской бригадой Буткевича и разсѣяна по полю. Этимъ моментомъ воспользовался Германъ, чтобы перейти въ наступленіе. Ударъ направленъ былъ на лѣвый непріятельскій флангъ. Кавалерія Муханова—Астраханскій драгунскій полкъ, Волжцы и Донцы Луковкина—первые понеслись въ атаку, опрокинули на пути черкесскую конницу и врѣзались въ турецкую пѣхоту; пушки были взяты, и весь лѣвый флангъ непріятеля обратился въ бѣгство. Подоспѣвшая кавалерія Буткевича и егеря Беервица довершили пораженіе. Послѣ этого центръ и правое крыло не могли уже держаться—и сорокъ тысячъ турокъ и закубанскихъ черкесъ въ паническомъ страхѣ бѣжали передъ тремя тысячами русскихъ. Разгромъ былъ полный: всѣ 30 орудій, знамя, бунчукъ и булава самого сераскира, лагерь, обозы, вьюки и имущество—все осталось въ нашихъ рукахъ. Самъ Баталъ-паша, настигнутый Донцами Луковкина, былъ взятъ въ плѣнъ, и политическая роль его окончилась навсегда.

Остатки турецкаго войска, бѣжавшія отъ Каменнаго брода, были добиты окончательно Кубанскимъ корпусомъ барона Розена, встрѣтившимъ ихъ на лѣвомъ берегу Кубани. Онъ также розыскалъ и сжегъ всѣ магазины и провіантскіе склады, заготовленные въ аулахъ для турецкой арміи, и, такимъ образомъ, на долго лишилъ ее способности дѣйствовать наступательно ([5]).

Умирающій графъ Де-Бальменъ имѣлъ утѣшеніе получить извѣстіе объ этихъ успѣхахъ за нѣсколько дней до своей кончины, и 4-го октября 1790 года скончался въ Георгіевскѣ.

Въ числѣ особенно отличившихся въ этотъ памятный день реляція называетъ Волжскаго казачьяго полка подпоручика Стрѣшнева и прапорщика Тимоѳеева, вѣроятно командовавшихъ въ бою Волжскими сотнями ([6]).

Блистательная побѣда надъ сорока-тысячною арміею, которую турки собирали два года для нанесенія намъ рѣшительнаго удара, имѣла громадныя послѣдствія для края. Она не только разсѣяла страшную тучу, собиравшуюся надъ нами, но и подготовила намъ въ свою очередь близ-

кое паденіе Анапы. Съ пораженіемъ турокъ, Шихъ-Мансуру нечего было уже дѣлать на Сунжѣ и онъ, распустивъ свои скопища, удалился обратно въ Анапу. Съ этихъ поръ спокойствіе на Кавказской линіи до самаго окончанія турецкой войны болѣе уже не нарушалось.

Императрица по достоинству оцѣнила значеніе этой побѣды, и Герману, въ чинѣ генералъ-маіора, пожалованъ былъ прямо орденъ св. Георгія 2 класса Большого Креста.

Глава XVIII.

Въ 1790 году, вскорѣ послѣ смерти графа Де-Бальмена, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, продолжавшій до сихъ поръ номинально носить званіе Кавказскаго намѣстника, былъ наконецъ уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей, и на мѣсто его намѣстникомъ и командиромъ обоихъ корпусовъ назначенъ генералъ-поручикъ Гудовичъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, смѣлый и энергичный полководецъ.

Онъ прибылъ въ резиденцію намѣстничества- въ городъ Георгіевскъ 28 января 1791 года уже съ готовымъ предписаніемъ князя Потемкина-Таврическаго овладѣть во что бы то ни стало Анапою и истребить это гнѣздо, откуда разливалась религіозная пропаганда по всему Закубанью. Турки, въ предвидѣніи этого, спѣшили возводить укрѣпленія, а въ то же время Шихъ-Мансуръ не прекращалъ своей политической дѣятельности, и его прокламаціи ходили по всей Кабардѣ, Чечнѣ и Дагестану. «Не бойтесь угрозъ русскихъ», писалъ онъ въ одной изъ нихъ, «я вижу, что конецъ ихъ близокъ, что наступило время торжества мусульманъ».

Но на этотъ разъ расчетамъ его на содѣйствіе горцевъ Восточнаго Кавказа не суждено было осуществиться. Пораженіе Баталъ-паши, погромъ, нанесенный закубанцамъ во время послѣдней экспедиціи барона Розена, и, наконецъ, бѣгство самого Ушурмы съ береговъ Сунжи научили ихъ быть осторожными и не слишкомъ-то полагаться на краснорѣчивыя обѣщанія святого пророка. Среди кабардинцевъ происходило еще нѣкоторое броженіе, но Гудовичъ не придавалъ ему большого значенія, понимая, что съ паденіемъ Анапы сами собою разрушатся и всѣ не сбыточныя мечты кабардинцевъ о возстановленіи прежней независимости.

Принимая всѣ мѣры, чтобы обезпечить успѣхъ экспедиціи, Гудовичъ поручилъ командованіе всѣми войсками на Кавказской линіи генералъ-маіору Савельеву и приказалъ Моздокскому полку оставаться въ своихъ домахъ для наблюденія за кабардинцами, а Волжскій и Хоперскій полки, вмѣстѣ съ Гребенскими и Терско-Семейными казаками, вызваны въ составъ дѣйствующаго отряда.

Сборнымъ пунктомъ назначенъ Темижбекъ на Кубани, куда съ на-

ступленіемъ весны и начали сходиться войска Кавказскаго корпуса. 3-го мая прибылъ Волжскій казачій полкъ въ составѣ трехъ съ половиною сотенъ, подъ командой поручика Лысенкова, а на слѣдующій день явились 350 Гребенцовъ съ войсковымь атаманомъ Сехинымъ и 150 Терско-Семейныхъ казаковъ. Самъ Гудовичъ съ послѣдними войсками подошелъ 5 мая, и черезъ четыре дня весь корпусъ въ полномъ составѣ двинулся къ Анапѣ. На пути, у Талызинской переправы черезъ Кубань, къ нему присоединился Кубанскій корпусъ генерала Загряжскаго, а затѣмъ еще небольшой отрядъ, высланный изъ Крыма подъ начальствомъ генералъ-маіора Шица. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Гудовича находилось теперь 12 тысячъ пѣхоты и конницы при 35 орудіяхъ. Походъ совершался, впрочемъ, безпрепятственно, и 9 іюня войска увидѣли передъ собою Анапу. Рекогносцировка, произведенная 10 іюня, показала, что послѣ похода Бибикова крѣпостныя верки были значительно усилены: широкій ровъ съ каменнымъ эскарпомъ, отчасти высѣченнымъ даже въ каменистомъ грунтѣ, былъ углубленъ, а валъ, охватывавшій крѣпость полукругомъ и упиравшійся концами въ море, увѣнчанъ былъ крѣпкимъ полисадомъ; на вооруженіи крѣпости стояло 83 орудія и 12 мортиръ большею частью крѣпостного колибра. Гарнизонъ состоялъ изъ 10 тысячъ турокъ и 15 тысячъ закубанскихъ татаръ и черкесъ подъ начальствомъ трехбунчужнаго Мустафы-паши; помощникомъ у него былъ сынъ Баталъ-бея, и, тутъ же, въ крѣпости, находился самъ Шихъ-Мансуръ, имѣвшій сильное нравственное вліяніе на защитниковъ и окрестное населеніе. Крѣпость въ изобиліи была снобжена продовольствіемъ и боевыми запасами.

Взять такую крѣпость, не рискуя огромными потерями, можно было только правильною осадой, и Гудовичъ прежде, чѣмъ приступить къ устройству осадныхъ батарей, расположилъ свой корпусъ по обѣ стороны рѣки Бугура, отрѣзавъ такимъ образомъ Анапу отъ горъ, занятыхъ многочисленными толпами черкесовъ. Правда, мы сами очутились между двумя огнями и должны были биться лицомъ на двѣ стороны, но зато и крѣпость лишилась помощи извнѣ и могла сноситься съ горцами только условными сигналами или же моремъ на утлыхъ лодкахъ; но этотъ путь былъ кружный и далеко не безопасный, несмотря даже на отсутствіе у насъ флотиліи. Черкесы не хотѣли однако примириться съ такимъ положеніемъ и на слѣдующій же день, 11 іюня, сдѣлали отчаянную попытку прорваться въ крѣпость мимо нашего лагеря. Ихъ встрѣтили прежде всѣхъ Гребенскіе и Волжскіе казаки, въ первый разъ сражавшіеся на глазахъ Гудовича; эта горсть безумно смѣлыхъ людей задержала напоръ нѣсколькихъ тысячъ такихъ же смѣлыхъ всадниковъ, а тутъ на помощь къ нимъ подоспѣли: Хоперскій полкъ, два полка драгунъ и баталіонъ егерей. Черкесы разбиты были на голову и унеслись въ свои горы.

Въ то же время турки, сдѣлавшіе сильную вылазку и старавшіеся пушечными выстрѣлами ободрить черкесъ, были отражены и прогнаны обратно въ крѣпость. Въ рукахъ Гребенцовъ осталось нѣсколько тѣлъ панцырниковъ, «которые», какъ доносилъ Гудовичъ, «находятся здѣсь въ особливомъ уваженіи», и ихъ дорогіе кольчуги вмѣстѣ съ оружіемъ сдѣлались законною добычею нашихъ казаковъ. Наши потери были ничтожны: въ Волжскомъ полку раненъ казакъ вмѣстѣ съ лошадью да въ Гребенскихъ сотняхъ ранена одна казачья лошадь ([1]).

Черезъ два дня, 13 іюня, черкесы снова показались на горахъ, еще въ большемъ числѣ, и при нихъ замѣчены были четыре турецкія пушки. Гудовичъ выслалъ противъ нихъ отрядъ бригадира Поликарпова—три баталіона пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ и всѣхъ Линейныхъ казаковъ—Гребенскихъ, Терскихъ и Волжскихъ. Подробности этого дѣла неизвѣстны. Гудовичъ пишетъ просто, что отрядъ сбилъ горцевъ съ высотъ, но, замѣтивъ, что они въ числѣ четырехъ тысячъ пѣхоты и конницы снова собираются въ лощинѣ, атаковалъ ихъ вторично, разбилъ и загналъ въ такія ущелья, гдѣ преслѣдовать ихъ было невозможно. Черкесы при этомъ едва не потеряли одну подбитую пушку, которую однако успѣли подхватить и увезти съ собою. Въ этомъ бою у Волжцевъ одинъ казакъ былъ убитъ, трое ранены и ранена лошадь; у Гребенцовъ четыре казака были ранены, а у Терцевъ—два.

Осадныя работы между тѣмъ продолжались. Гудовичъ устроилъ пять батарей, вооруженныхъ сорока двумя полевыми орудіями, и 18 іюня съ утра принялся громить крѣпостныя верки. Два дня не умолкала кононада съ обѣихъ сторонъ. У насъ потери сравнительно были небольшія, но въ крѣпости брандскугели и бомбы произвели страшный пожаръ и разрушеніе. Всю ночь съ 19 на 20 число надъ городомъ стояло громадное зарево: горѣлъ пашинскій домъ, провіантскіе магазины и частныя зданія. Турецкая артиллерія смолкла. Гудовичъ воспользовался этой минутой и послалъ парламентера съ предложеніемъ сдать крѣпость, обѣщая гарнизону и жителямъ свободный выходъ изъ города. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ, что съ Анапой будетъ поступлено такъ же, какъ съ Измаиломъ,—городъ и крѣпость будутъ уничтожены, гарнизонъ и жители истреблены. Разсказывали потомъ, что Мустафа-паша готовъ былъ принять предложеніе, но Шихъ-Мансуръ настоялъ на упорномъ сопротивленіи. Вмѣсто отвѣта турки открыли по нашимъ парламентерамъ огонь и заставили ихъ удалиться. «Такое невѣжество непріятеля», пишетъ Гудовичъ къ князю Потемкину, «показало мнѣ, что крѣпость можетъ быть покорена только штурмомъ».

Вечеромъ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ Гудовичъ выяснилъ, что наше положеніе съ каждымъ днемъ становится затруднитель-

нѣе. Съ 12-тысячнымъ корпусомъ мы должны блокировать крѣпость, защищаемую 25-тысячнымъ гарнизономъ, имѣя въ тылу и на флангахъ массу черкесовъ, которые безпокоятъ войска и затрудняютъ фуражировки. Для правильной осады у насъ не было ни инженеровъ, ни осадныхъ орудій, а въ довершеніе всего сильный турецкій флотъ показался противъ устьевъ Днѣстра и что черезъ день или два онъ будетъ подъ Анапой. Выслушавъ это заявленіе, военный совѣтъ постановилъ единогласно— взять крѣпость открытою силой.

Весь день 21-го числа прошелъ въ приготовленіяхъ къ штурму. Войска раздѣлены были на пять колоннъ, изъ которыхъ четыре предназначались для атаки юго-восточнаго фаса крѣпости, представлявшаго самую слабую часть оборонительной линіи, гдѣ валъ и ровъ имѣли наименьшую профиль; пятая полковника Апраксина, вмѣстѣ съ своимъ частнымъ резервомъ, подъ общею командой генералъ-маіора Шица, должна была двигаться берегомъ моря и затѣмъ, овладѣвъ сѣверо-восточнымъ бастіономъ, проникнуть въ городъ на соединеніе съ другими войсками. Въ составъ этой колонны назначены были 200 спѣшенныхъ казаковъ Волжскаго полка, подъ командой поручика Лысенкова, 200 Хоперцевъ, сотня Донскихъ казаковъ и двѣ роты Брянскаго мушкатерскаго полка; за ними непосредственно слѣдовалъ резервъ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора Шица—двѣ роты того же Брянскаго полка, эскадронъ Кинбурнскихъ драгунъ, 200 пѣшихъ и 100 конныхъ егерей Таврическаго корпуса,—всего вмѣстѣ съ штурмовою колонною 1300 человѣкъ. Всѣ остальные Линейные казаки: Хоперскіе, Гребенскіе, Терскіе и сотня Волжскаго полка поступили въ особый отрядъ генералъ-маіора Загряжскаго, который, расположившись на лѣвомъ берегу Бугура, тыломъ къ Анапѣ, охранялъ штурмующія колонны отъ нападенія черкесовъ. Понимая рискованность такого шага, какъ приступъ, Гудовичъ самъ объѣзжалъ войска и ободрялъ ихъ разсказами о грозномъ Измаильскомъ штурмѣ. «Я надѣюсь», говорилъ онъ солдатамъ, «на милость Божію, на искусство, храбрость и усердіе вашихъ генераловъ и офицеровъ, на ваше мужество, на то, что каждый изъ васъ, помня присягу и храня любовь къ отечеству, не остановится передъ тѣмъ, чтобы своею кровью и даже жизнью проложить дорогу къ побѣдѣ».

Въ глухую полночь съ 21 на 22 числа іюня со всѣхъ русскихъ батарей началась жестокая кононада. Турки отвѣчали не менѣе сильнымъ огнемъ. И русскія колонны при громѣ пушекъ и шумѣ морского прибоя двинулись къ Анапѣ. Мы не будемъ описывать всѣхъ подробностей кроваваго штурма и остановимся только на тѣхъ пунктахъ, гдѣ дѣйствовали наши Линейцы.

Въ то время, какъ первые четыре колонны, перейдя черезъ ровъ и поднявшись на валъ, ворвались въ городъ, пятая колонна полковника

Апраксина, попавъ подъ сильный перекрестный огонь, была отброшена назадъ съ значительнымъ урономъ. Генералъ Шицъ, подоспѣвшій съ резервомъ, быстро привелъ въ порядокъ разстроенныя части и снова повелъ ихъ на приступъ. Ударъ направленъ былъ на средніе ворота. Часть спѣшенныхъ казаковъ устремилась въ крѣпость по опущенному мосту, другая полѣзла прямо на стѣны. Полковникъ Апраксинъ, командовавшій колонной, взойдя на валъ изъ первыхъ, получилъ тяжелую рану и былъ смѣненъ подполковникомъ Нелидовымъ; Нелидовъ въ свою очередь получилъ двѣ контузіи, и начальство принялъ подполковникъ Штемпель. Волжцы дрались отчаянно и заслужили особую благодарность Гудовича. Въ числѣ наиболѣе отличившихся, кромѣ подпоручика Лысенкова, раненаго во главѣ полка, но оставшагося во фронтѣ, реляція отмѣчаетъ еще: подпоручика Страшнова, прапорщика Тимофеева, сотниковъ Попова и Венеровскаго, хорунжихъ Ускова и Корсунскаго,—«всѣ на штурмѣ раненые» (²). Всѣ они, говоритъ въ своемъ донесеніи Гудовичъ, показали опытъ отличной храбрости и не устрашимости, лѣзли прямо на стѣны и поражали непріятеля. Утвердившись наконецъ на валу, Волжцы вмѣстѣ съ остальною колонной спустились внизъ и приняли участіе въ упорной битвѣ въ городѣ. На валахъ Анапы, во время двухкратнаго приступа, кромѣ вышепоименованныхъ офицеровъ, 7 казаковъ Волжскаго полка были убиты и 15 ранены.

Еще побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, какъ 8 тысячъ черкесовъ съ нѣсколькими орудіями вынеслись изъ горъ и стремительно ударили «*на храбрыхъ* и *отмѣнныхъ*», какъ выражается Гудовичъ (³), Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ, предводимыхъ Гребенскимъ атаманомъ Сехинымъ. Казаки стойко выдержали ударъ, а тутъ на помощь къ нимъ подоспѣли драгунскій полкъ, сотня Волжскихъ и двѣ сотни Хоперскихъ казаковъ. Драгуны съ налета врѣзались во флангъ непріятеля; Сехинъ со всѣми Линейцами атаковалъ его съ фронта. Отброшенные назадъ, черкесы нѣсколько разъ возобновляли нападенія, пытались даже обскакать отрядъ Загряжскаго, но всюду были встрѣчаемы драгунами и казаками Сехина. Атаки шли за атаками. «Но сколько черкесы ни метались», говоритъ Гудовичъ въ своемъ донесеніи, «они нигдѣ не могли прорваться къ атакованной крѣпости и, наконецъ, потерпѣвъ рѣшительное пораженіе, скрылись въ горахъ». Наши потери въ этихъ кавалерійскихъ схваткахъ не показаны, но онѣ должны были быть значительными, такъ какъ бой шелъ рукопашный—на шашкахъ и кинжалахъ. Въ числѣ отличившихся реляція называетъ Гребенского войска: комиссара Мальниченкова, сотника Борисова, хорунжихъ Грузинова, Семенкина, Ергушева и Мельникова; Семейнаго войска—старшину Попова и хорунжаго Ефимова; особенно же передъ всѣми Гудовичъ рекомендовалъ атамана Сехина,

«оказавшаго во многихъ мѣстахъ необычайную храбрость и распорядительность» ([4]).

Анапа между тѣмъ была взята. Очевидцы говорятъ, что первыя минуты, послѣдовавшія за паденіемъ крѣпости, по истинѣ были ужасны. Побѣдители, раздраженные долгимъ сопротивленіемъ и понесенными потерями, никому не давали пощады: болѣе восьми тысячъ турокъ были убиты, почти двѣ тысячи, загнанные въ море, потоплены и изъ всего 10-тысячнаго гарнизона спаслось на лодкахъ не болѣе полутораста человѣкъ. Плѣнныхъ взято было немного, но въ числѣ ихъ находились: самъ комендантъ трехбунчужный Мустафа-паша, помощникъ его—сынъ извѣстнаго Баталъ-бея, плѣненнаго въ минувшемъ году генераломъ Германомъ, и наконецъ Шихъ-Мансуръ, глава религіозной пропаганды на Кавказѣ. Послѣдній хотѣлъ защищаться даже тогда, когда Анапа уже пала. Онъ заперся одинъ въ крѣпкомъ каменномъ погребѣ и только угроза, что убѣжище его будетъ разбито пушками, заставила его сдаться. Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ и кончилъ жизнь въ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ. Взятый приступомъ городъ былъ отданъ на разграбленіе; наши казаки вернулись домой съ богатою добычей.

Но побѣда досталась однако и намъ дорогою цѣною. Не считая отрядовъ Шица и Загряжскаго ([5]), изъ строя въ двухъ штурмовыхъ колоннахъ и главномъ резервѣ выбыло убитыми и ранеными 3300 человѣкъ, иначе—изъ четырехъ участвовавшихъ въ штурмѣ вернулся невредимымъ только одинъ.

Спустя два дня послѣ паденія Анапы, въ морѣ показался сильный турецкій флотъ, но, узнавъ, что участь ея уже рѣшена, повернулъ назадъ и скрылся изъ виду. Такимъ образомъ, промедли Гудовичъ только нѣсколько дней, и успѣхъ экспедиціи былъ бы крайне сомнителенъ, такъ какъ штурмовать Анапу подъ огнемъ многочисленной морской артиллеріи едва ли бы представлялось возможнымъ. Вообще нельзя не отмѣтить, что Анапскій штурмъ, совершенный годомъ позже Измаильскаго, хотя и не получилъ такой же громкой и всеобщей извѣстности, но по справедливости стоилъ Гудовичу едва ли ни большихъ усилій, чѣмъ Измаильскій Суворову. Измаилъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ русскими войсками, тогда какъ Гудовичъ могъ обложить Анапу только съ сухого пути, а съ моря она имѣла возможность всегда получать подкрѣпленія. Суворовъ зналъ одного непріятеля, бывшаго въ крѣпостныхъ стѣнахъ, Гудовичъ поставленъ былъ между двумя огнями. Имѣя передъ собою грозную твердыню, уже два раза отразившую русскія силы, онъ былъ охваченъ съ тыла и съ фланговъ многочисленными полчищами горцевъ. Суворовъ при неудачѣ могъ всегда отступить; Гудовичъ былъ окруженъ и въ случаѣ отступленія неминуемо погибъ бы со всѣмъ отрядомъ.

Рѣшимость Гудовича доставила ему орденъ св. Георгія 2-го класса, золотую, богато украшенную бриллiантовыми лаврами, шпагу, а нѣсколько позднѣе и орденъ Андрея Первозваннаго. Въ то же время Императрица, препровождая къ нему роспись назначеннымъ наградамъ, писала: «Вы не оставите разсмотрѣть подробно подвиги прочихъ чиновъ, въ семъ дѣлѣ бывшихъ, но коихъ имена въ росписи не означены, и о тѣхъ, кои изъ нихъ, по вашему мнѣнію, заслуживаютъ повышеніе чинами, представьте нашей Военной Коллегіи для награжденія оными. Изъ сего не исключаются и тѣ, коимъ назначено дать одобрительные листы, если они своею отличностью равномѣрно награжденія чинами достойны. Всѣмъ же вообще, какъ высшимъ, такъ и нисшимъ, въ семъ знаменитомъ дѣлѣ подвизавшимся, объявите Наше Монаршее благоволеніе за ихъ усердіе и неустрашимость».

На основаніи этого рескрипта, по представленіи Гудовича, войсковой атаманъ Гребенскаго войска капитанъ Сехинъ произведенъ въ секундъ-маіоры; Гребенскимъ старшинамъ: Максиму Фролову пожалованъ чинъ капитана арміи, а Мальниченковъ, Грузиновъ, Мельниковъ, Ергушовъ, Семенкинъ и Борисовъ произведены въ прапорщики ([6]). О наградахъ офицеровъ и старшинъ Волжскаго полка и Терско-Семейнаго войска свѣдѣній не имѣется.

Со взятіемъ Анапы военныя дѣйствія еще не окончились. 30-го іюня получено было свѣдѣніе, что и другая турецкая крѣпость на берегу Чернаго моря—Суджукъ-кале (нынѣшній Новороссійскъ), покинута турками. Волжскій казачій полкъ въ составѣ небольшого отряда подполковника Сенненберга ([7]) въ тотъ же день отправленъ былъ изъ Анапы съ приказаніемъ занять Суджукскую крѣпость—все равно, есть ли тамъ или нѣтъ непріятель. Сенненбергъ не засталъ уже турокъ, но нашелъ на валахъ крѣпости 28 орудій и двѣ мортиры; ихъ заклепали и сбросили въ море, а затѣмъ отрядъ, взорвавъ крѣпостные бастіоны и пороховые погреба, возвратился обратно.

Походъ окончился, и 11 іюля началось обратное движеніе войскъ изъ подъ Анапы на Линію. Крѣпость была уничтожена, всѣ ея верки, батареи, пороховые погреба взорваны, полисады обрыты и сожжены, рвы засыпаны, колодцы испорчены и заметаны землею и «всѣмъ чѣмъ можно хуже», самый городъ истребленъ огнемъ до основанія, а жители въ числѣ 13-тысячъ мужчинъ и женщинъ отправлены въ Крымъ для поселенія ихъ въ Тавридѣ.

На Линіи Гудовичъ нашелъ полное спокойствіе, результатъ, какъ онъ говоритъ, управленія генералъ-маіора Савельева, человѣка свѣдущаго, опытнаго, знающаго край въ совершенствѣ и пользующагося общимъ ува-

женіемъ сосѣднихъ народовъ. «И я дерзаю объ отличіяхъ сего достойнаго и усерднаго генерала донести Вашему Величеству. Онъ не только сохранилъ вездѣ порядокъ, но оказалъ и войскамъ дѣйствующаго корпуса отмѣнную помощь, высылая своевременно продовольствіе, снаряды и все необходимое .

Анапскимъ походомъ закончилась на Кавказѣ вторая турецкая война, и Гудовичъ только теперь могъ заняться обозрѣніемъ и устройствомъ Кавказской Линіи. По мирному трактату, заключенному въ Яссахъ 29-го декабря 1791 года, Кубань попрежнему осталась нашей границей и закубанскія племена признаны отъ насъ независимыми. Анапа и Суджукъ-Кале отходили обратно къ Турціи, принявшей на себя отвѣтственность за всѣ дальнѣйшіе черкесскіе набѣги. Само собою разумѣется, что эта отвѣтственность была номинальная, вовсе не гарантировавшая безопасность нашихъ предѣловъ и потому Гудовичу пришлось прежде всего обратить вниманіе на русскую границу со стороны Кубани, откуда грозила наибольшая опасность. Народы лѣваго фланга озабачивали его гораздо менѣе. Вотъ какъ онъ характеризуетъ ихъ въ своемъ докладѣ Императрицѣ 7-го ноября 1791 года ([8]):

«Между колѣнами Малки и Терека лежитъ Большая Кабарда, по своему управленію, нравамъ и домашнему быту ничѣмъ не отличающаяся отъ прочихъ закубанскихъ черкесъ, съ которыми кабардинцы составляютъ одинъ и тотъ же адыгскій народъ. Кабарда съ давнихъ временъ считается въ русскомъ подданствѣ, но въ вѣрности своей постоянно колеблется; и хотя надъ нею поставленъ русскій приставъ, но никакихъ законовъ она у себя не имѣетъ, а довольствуется духовнымъ судомъ или же народными обычаями. Но какъ тотъ, такъ и другіе относятъ даже тяжелыя преступленія къ разряду легкихъ проступковъ, почитающихся иногда даже за истинную доблесть. Сюда относятся напримѣръ: измѣна присяги, данной христіанамъ, взаимные набѣги, грабежи, разбои и наконецъ куначество, обязывающее не выдавать преступниковъ и защищать въ своемъ домѣ каждаго, не исключая убійцы. Самое убійство наказуется лишь денежною пенею или влечетъ за собой кровомщеніе, переходящее нерѣдко изъ рода въ родъ и истребляющее цѣлыя поколѣнія. Дерзаю всеподданнѣйше донести», пишетъ Гудовичъ, «мое мнѣніе, что ежели въ семъ народѣ не учинить суда и порядка, то оный будетъ государству Вашего Императорскаго Величества безполезенъ, а самому себѣ во вредъ и раззореніе».

За Большою Кабардою въ горахъ живутъ осетины, изъ коихъ многіе христіане и наши подданные. Далѣе, отъ подошвы Черныхъ горъ по правую сторону Терека, противъ Екатеринограда и Моздока находится Ма-

лая Кабарда, сходная во всемъ съ Большою, но менѣе колеблемая въ вѣрности. Народъ здѣсь въ своихъ нравахъ мягче и люди болѣе намъ преданы, но и для нихъ необходимы законы, судъ и власти. И Гудовичъ останавливается на мысли ввести въ обѣихъ Кабардахъ суды съ уголовными законами, дѣйствующими въ Россійской Имперіи.

Въ сосѣдствѣ съ Малою Кабардою, въ верховьяхъ Сунжи, обитаетъ горный народъ карабулаки, а позади его—ингуши; послѣдніе представляютъ изъ себя одинъ черный народъ, не имѣющій ни князей, ни владѣльцевъ; они вообще воровиты, но болѣе другихъ трудолюбивы и менѣе хищны, нежели ихъ сосѣди.

Наконецъ отъ Карабулаковъ внизъ по Сунжѣ и далѣе въ глубь страны до Черныхъ горъ, а равно отъ Моздока по правому берегу Терека до Гребенскихъ станицъ разселены чеченцы,—народъ дикій, злой и самый хищный изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Кавказъ; отъ нѣсколькихъ деревень у насъ есть аманаты, но толку отъ этого мало. Затѣмъ отъ впаденія Сунжи въ Терекъ до самаго Каспійскаго моря живутъ кумыки; всѣ они магометане, но довольно спокойны.

Не смотря однако на близость хищныхъ чеченцевъ и безпокойныхъ, вѣчно волнующихся кабардинцевъ, народа самаго сильнаго и воинственнаго на Кавказѣ, лѣвый флангъ Линіи пользовался сравнительно болшею безопасностью, нежели правый, Кубанскій. Гудовичъ объяснялъ это обиліемъ казачьей конницы и существованіемъ станицъ, жители которыхъ, т. е. казаки, сами отстаиваютъ себя и свои жилища. Изъ числа этихъ казаковъ Гудовичъ съ особой похвалой отзывается передъ Императрицей о Гребенцахъ, «которые отмѣнно храбры, хорошо стрѣляютъ и для здѣшняго края весьма полезны, ихъ можно почитать конными егерями. Они и въ прошлогодній походъ подъ Анапой вездѣ себя особливо отличали» (9).

«Спокойнѣе былъ бы сей край», продолжаетъ онъ далѣе, «ежели бы вся граница по Кубани была бы занята такими же казачьими войсками, какъ и по Тереку. Тамъ, отъ самаго Григоріополиса вплоть до устьевъ Кубани, на протяженіи болѣе трехсотъ верстъ нѣтъ никакого жилья, а потому редуты занимались только лѣтомъ, зимою же содержать здѣсь посты было невозможно. Станицы же Волжскихъ и Хоперскихъ казаковъ слишкомъ удалены отъ Кубани и не могутъ препятствовать прорыву значительныхъ партій, нападавшихъ на деревни мирныхъ хлѣбопашцевъ».

Въ виду этого Гудовичъ проектировалъ перевести Хоперскій и Волжскій казачьи полки на новую передовую линію, которая должна была пройти по сухой границѣ отъ Малки до Кубани, а затѣмъ по самой Кубани до Григоріополиса. Изъ Волжскаго полка онъ оставлялъ на мѣстѣ

только Екатериноградскую станицу, а остальныя четыре—Павловскую, Марьевскую, Георгіевскую и Александровскую предполагалъ поселить: одну на самой Малкѣ, между урочищемъ Соленый Бродъ и Бѣлою мечетью, гдѣ сухая граница проходила въ самомъ близкомъ разстояніи отъ кабардинскихъ жилищъ; другую на Подкумкѣ, при Константиногорской крѣпости, у Бештовыхъ горъ, гдѣ нынѣ стоитъ Пятигорскъ; третью у Песчанаго Брода при Кумскомъ штерншанцѣ, прикрывающемъ селенія, лежавшія по Кумѣ и Подкумку, и четвертую на самой Кубани, у Воровсколѣсскаго редута. Здѣсь сходилось множество лѣсистыхъ балокъ, служившихъ обычными притонами для хищниковъ, отчего и самое урочище получило свое характерное названіе. За Воровсколѣсскомъ начинались уже станицы Хоперскаго полка: первая у Невиннаго мыса, вторая у Темнолѣсска, третья у Прочнаго Окопа и четвертая у Григоріополиса. Здѣсь оканчивалась Кавказская линія. Далѣе до самаго Чернаго моря шло открытое, ничѣмъ не обороненное пространство, черезъ которое однако пролегали главные пути на Донъ и къ крѣпости Св. Дмитрія (нынѣшній Ростовъ). Во время движенія къ Анапѣ Гудовичъ часть этого пространства отъ Григоріополиса до Усть-Лабы прикрылъ рядомъ укрѣпленныхъ постовъ, обезпечивавшихъ ему сообщеніе съ Георгіевскомъ; посты эти, по минованіи въ нихъ надобности, были упразднены, но теперь Гудовичъ проектировалъ поставить взамѣнъ ихъ, какъ постоянный заслонъ противъ закубанскихъ народовъ, двѣ сильныхъ крѣпости—одну Кавказскую близъ Темижбека, другую—Усть-Лабинскую, верстахъ въ двухъ ниже впаденія Лабы въ Кубань, а все пространство между ними заселить казачьими станицами, обративъ для этого въ поселенное войско одинъ изъ Донскихъ полковъ, отбывавшихъ службу на Линіи.

Что же касается до лѣваго фланга, то кромѣ нѣсколькихъ новыхъ редутовъ по Тереку Гудовичъ поставилъ еще сильную крѣпость Шелкозаводскую при самомъ устьѣ Сунжи, гдѣ нѣкогда стоялъ заводъ Сафарова. Для поддержанія же Линіи сильнымъ кавалерійскимъ резервомъ Гудовичъ считалъ необходимымъ имѣть четыре драгунскихъ полка, которые предполагалъ расположить въ Георгіевскѣ, въ Александровѣ, въ Ставрополѣ и на Черкасскомъ трактѣ. Императрица утвердила всѣ предначертанія Гудовича, но не согласилась на переселеніе Волжскихъ и Хоперскихъ казаковъ, не желая разстраивать ихъ только что установившагося хозяйства ([10]). Она предпочла поэтому всѣ 12 проектированныхъ имъ станицъ заселить Донскими полками, находившимися тогда на Сѣверномъ Кавказѣ, и въ этомъ смыслѣ дала повелѣніе Гудовичу. Въ то же время, заботясь о наилучшемъ устройствѣ вновь поселяемыхъ казаковъ, Императрица поручила ему «приложить крайнія старанія» по снабженію ихъ на новыхъ мѣстахъ всѣмъ необходимымъ для жизни, а равно озаботиться спокой-

ствіемъ и безопасностію въ пути ихъ семей. «Таковою услугою передъ Нами и передъ отечествомъ», писала Екатерина, «вы несомнѣнно пріобрѣтете монаршее благоволеніе и Нашу милость». Для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ Государыня назначила по 20 рублей на каждый дворъ и по 500 рублей на каждую станицу для построенія Божьяго храма. Самое переселеніе должно было совершиться осенью, когда станицы будутъ отстроены настолько, чтобы женщины и дѣти могли найти уже готовыя пристаница.

Не смотря однако на всѣ благія намѣренія Императрицы, поселеніе на Линіи шести Донскихъ казачьихъ полковъ встрѣтило неожиданно большія затрудненія и вызвало сначала ропотъ, а потомъ и открытый мятежъ. Дѣло въ томъ, что переселеніе на паредовыя линіи по требованію правительства всегда входило въ кругъ прямыхъ обязанностей казачьихъ войскъ и они никогда отъ нихъ не уклонялись; но самое переселеніе производилось у нихъ не иначе, какъ вызовомъ охотниковъ, или же по жеребью, если число послѣднихъ было недостаточно. Поэтому естественно, что распоряженіе оставить на пограничной чертѣ цѣлые полки, вызванные изъ домовъ лишь временно на очередную службу, поразило казаковъ своею новизной, и они рѣшились отстаивать свои старинныя привиллегіи. Нашлись коноводы, и казаки, покинувъ старшинъ, но захвативъ знамена, самовольно оставили свои посты и бѣжали на Донъ, гдѣ произвели большое смятеніе.

Одинъ изъ современниковъ этихъ событій, черкасскій священникъ Рубашинъ, разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ Черкаскъ внезапно въ маѣ 1792 года прибыло болѣе тысячи казаковъ изъ полковъ Кашкина, Поздѣева и Луковкина. Они ворвались въ домъ войскового атамана и потребовали, чтобы былъ собранъ войсковой кругъ. Кругъ собрался. Но едва началось чтеніе бумагъ, касавшихся до основанія 12 новыхъ станицъ на Кубани, какъ казаки крикнули: «отымай дѣла», «и тутъ», прибавляетъ повѣствователь, «была штурма» ([11]).

Правительство вынуждено было послать регулярныя войска для водворенія спокойствія, но только спустя два года удалось, наконецъ, отправить съ Дона тысячу семей, которыя и основали шесть новыхъ станицъ на Кубани: Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григоріополисскую, Прочно-Окопскую, Темнолѣсскую и Воровсколѣсскую; изъ этихъ то станицъ и образовался новый Кубанскій линейный казачій полкъ. Что же касается до остальныхъ шести станицъ и занятія сухой границы отъ Малки до Кубани, то отъ этихъ предположеній, вслѣдствіе недостаточнаго числа переселенцевъ, пришлось отказаться.

Самый надзоръ за устройствомъ домашняго быта казаковъ, ихъ хо-

зяйства и распорядковъ кордонной службы въ чуждой для нихъ обстановкѣ Гудовичъ возложилъ на генералъ-маіора Савельева, о которомъ писалъ Императрицѣ, какъ объ отличномъ организаторѣ. Савельевъ, говоритъ онъ, довелъ до замѣчательнаго благосостоянія не только Моздокскій полкъ, коимъ командовалъ, но съумѣлъ пріохотить и другихъ казаковъ, живущихъ по Тереку, къ правильному, раціональному хозяйству, научивъ ихъ, какъ надо жить безбѣдно. Старанія Савельева и на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Казаки скоро почувствовали выгоды привольной жизни на Кубани, и когда Императрица разрѣшила желающимъ изъ нихъ возвращаться обратно на Донъ, если только найдутъ за себя охотниковъ, то желающихъ не оказалось, а напротивъ съ Дона стали прибывать казаки и селиться въ станицахъ подъ предлогомъ родства или близкихъ связей. Число такихъ добровольцевъ скоро возрасло до того, что Гудовичъ долженъ былъ наконецъ воспретить пріемъ ихъ, какъ нарушающихъ станичную норму.

Такимъ образомъ въ 1794 году новая Кавказская линія, начинаясь отъ Екатериноградской станицы на Малкѣ, прошла черезъ Георгіевскъ на Константиногорское укрѣпленіе, оттуда на Куму къ Песчаному Броду, гдѣ находился Кумской штерншанецъ, а затѣмъ у Воровсколѣсской станицы выходила на Кубань, гдѣ и заканчивалась Усть-Лабинскою крѣпостью. Далѣе, все пространство по низовьямъ Кубани до береговъ Чернаго и Азовскаго морей попрежнему оставалось не защищеннымъ, и Императрица повелѣла переселить сюда изъ Новороссіи остатки старой Запорожской Сѣчи, которые подъ именемъ Черноморскаго казачьяго войска и заняли въ томъ же 1794 году весь правый берегъ Кубани отъ Лабы до устья ея, Фанагорійскій полуостровъ и Тамань, отдѣлявшіеся только узкимъ Керчь-Еникольскимъ проливомъ отъ Крыма. Всѣ эти земли принадлежали Таврической области, а потому и Черноморское войско было подчинено во всѣхъ отношеніяхъ уже не Гудовичу, а Херсонскому генералъ-губернатору. Гудовичъ могъ управлять ходомъ событій и военными дѣйствіями только до Усть-Лабы, а отъ Лабы до Чернаго моря всѣ распоряженія принадлежали уже Херсонскому генералъ-губернатору, резиденціею котораго служила Одесса. Такъ образовался отдѣльный совершенно самостоятельный раіонъ нашей борьбы съ Кавказскими горцами. Раіонъ этотъ не входитъ въ рамки нашего описанія, но нельзя не замѣтить, что невыгоды двойственнаго управленія въ сущности одною и тою же Линіею и противъ одного и того же непріятеля замѣчены были скоро, но только черезъ 28 лѣтъ вся Кавказская линія отъ моря до моря объединилась наконецъ подъ желѣзною властью Ермолова.

Одновременно съ устройствомъ пограничной линіи Гудовичъ дѣятельно занялся внутреннимъ управленіемъ края и началъ съ того, что ввелъ

у кабардинцевъ родовые суды и расправы, предназначавшіеся для разбора посредствомъ выборныхъ людей тяжебныхъ и гражданскихъ дѣлъ, согласно шаріата или народныхъ адатовъ. Но на эти же суды-расправы возлагались полицейскія обязанности—раскрытіе преступленій и выдача самихъ преступниковъ. Кромѣ того, въ Моздокѣ былъ учрежденъ еще особый верхній пограничный судъ, составленный также изъ выборныхъ людей, но уже съ участіемъ русскаго штабъ-офицера и подъ предсѣдательствомъ Моздокскаго коменданта. Вѣдѣнію этихъ судовъ подлежали всѣ уголовныя дѣла, какъ то: убійства, разбои, грабежи, явное неповиновеніе начальству и тому подобное, рѣшавшіяся уже на точномъ основаніи Россійскихъ законовъ, не считаясь съ народными понятіями и нравами.

Новая юрисдикція, не совсѣмъ понятная для горцевъ, вторгавшаяся въ область ихъ вѣковыхъ народныхъ обычаевъ, вызвала среди кабардинцевъ общее неудовольствіе. Турція поспѣшила этимъ воспользоваться и вмѣсто Шихъ-Мансура выслала новаго проповѣдника, какого то дервиша, распространявшаго слухъ, что султанъ требуетъ отъ Россіи, въ отмѣну договоровъ, возвращенія кабардинцамъ ихъ прежней независимости, а въ случаѣ отказа объявить ей войну. Дѣйствительно, Анапа спѣшно укрѣплялась подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ, и на валахъ ея къ 1795 году стояло уже 132 орудія. Симптомы приближающейся бури были такъ ясны, что въ Петербургѣ начали готовиться къ войнѣ, и Гудовичу повелѣно было неуклонно наблюдать за Кабардой и Кубанью. Гудовичъ приказалъ всѣмъ Линейнымъ казакамъ стоять въ своихъ станицахъ въ полной готовности къ походу въ 24 часа, а между тѣмъ ввелъ въ Кабарду часть своихъ войскъ, арестовалъ зачинщиковъ и выслалъ въ Россію двухъ наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ владѣльцевъ. Это были братья Атажукины Адель и Измаилъ-Гирей, изъ которыхъ послѣдній былъ подполковникъ русской службы и имѣлъ Георгіевскій крестъ. Въ то же время онъ объявилъ кабардинскимъ князьямъ, что если кто изъ нихъ удалится въ горы, тотъ навсегда лишится своихъ владѣній, и земли ихъ поступятъ въ непосредственное русское управленіе.

Передъ этою угрозою Кабарда притихла. Но на грани вѣчной войны спокойствіе не могло продолжаться долго, и минутное затишье прервано было вдругъ громовымъ извѣстіемъ, шедшимъ на эторъ разъ уже со стороны Персіи. Тамъ, за далекими снѣговыми горами Кавказа, на единовѣрную намъ Грузію шелъ войною кровожадный персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ, превосходившій своею жестокостью всѣхъ бывшихъ властителей Ирана. Грузинскій царь молилъ о помощи. Но пока ее собирались подать, Ага-Магометъ 11-го сентября 1795 года уже овладѣлъ Тифлисомъ и весь Востокъ дрогнулъ отъ ужасовъ, которыми сопровождалось взятіе столицы Иверіи. Въ цвѣтущемъ городѣ, превращенномъ въ груду развалинъ, не оста-

лось камня на камнѣ; большая часть жителей была вырѣзана самымъ варварскимъ образомъ, а остальные, въ числѣ 22-хъ тысячъ душъ, уведены въ рабство. Разореніе Грузіи, находившейся подъ покровительствомъ Россіи, было прямымъ оскорбленіемъ достоинства великой державы, прямымъ вызовомъ ея на войну—и война была объявлена.

Глава XIX.

Получивъ приказаніе немедленно начать военныя дѣйствія съ тѣми средствами, которыя находились у него подъ рукою, Гудовичъ въ ноябрѣ 1795 года отправилъ два отряда: одинъ, полковника Сырахнева, въ Тифлисъ на помощь къ грузинскому царю, другой, генералъ-маіора Савельева, въ Дербентъ для овладѣнія городомъ, считавшимся воротами въ Персію.

Дѣйствія Сырахнева не входятъ въ наше описаніе; что же касается до генерала Савельева, то мы не одинъ разъ говорили уже о его заслугахъ въ краѣ, стяжавшихъ ему довѣріе и уваженіе такихъ военноначальниковъ, какими были Текелли, Потемкинъ и Гудовичъ. Любопытно, однако, сопоставить ихъ отзывы съ отзывомъ о немъ одной современницы, имѣвшей случай познакомиться съ нимъ во время персидскаго похода. Характеристика эта принадлежитъ одной дамѣ, женѣ командира Владимірскаго драгунскаго полка Бакуниной, женщинѣ весьма наблюдательной, умной и сдѣлавшей весь походъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. «Савельевъ», говоритъ она, «казакъ, получившій самое простое образованіе, но онъ всегда старается казаться выше своей среды и зачастую бываетъ весьма неловокъ; онъ довольно начитанъ и о политикѣ говоритъ, какъ по писанному; ловкій интриганъ, онъ умѣетъ заслужить довѣріе начальниковъ и пользуется имъ для своихъ цѣлей; графъ Зубовъ также питалъ къ нему большое довѣріе и сдѣлалъ по его милости нѣсколько ошибокъ» ([1]). *)

*) *Примѣчаніе редактора.* Врядъ ли можно согласиться съ этой характеристикой, данной Бакуниной. Вся жизнь и дѣятельность генерала Савельева исполнена преданностью Отечеству и долгу и была оцѣнена по достоинству всѣми высшими начальниками до самой Императрицы включительно. Кромѣ приведенной самимъ авторомъ настоящаго труда характеристики генерала Савельева, какъ воина и командира воинской части (см. стр. 203), мы имѣемъ еще не использованные нашими историками архивные матеріалы, характеризующіе его, какъ отличнаго, предусмотрительнаго хозяина и администратора (см. Кизл. ком. арх св. 192-за кл. 1 и послѣдующія). Уже въ первые дни послѣ прибытія на Кавказскую линію Моздокскаго полка, командиромъ котораго еще на мѣстѣ сформированія этого полка, на Волгѣ, назначенъ былъ полковникъ Иванъ Дмитріевичъ Савельевъ,—командовавшій въ то время Кавказскимъ корпусомъ генералъ-маіоръ Иванъ Өедоровичъ Де-Медемъ между прочимъ даетъ о немъ такой отзывъ: «А какъ мнѣ случай придалъ сей полкъ видѣть,—которой стараніемъ полковника Савельева началъ приводитца въ хорошее состояніе». (Письмо Де-Медема Кизлярскому коменданту полковнику Неймчу отъ 30 октября 1770 года. См. св. 192. закл. 1).

Генералъ-маіоръ Чернозубовъ.

Въ отрядъ Савельева Гудовичъ назначилъ пять батальоновъ пѣхоты съ шестью орудіями, четыре сотни Линейныхъ казаковъ—одну Гребенскую, одну Моздокскую и двѣ сотни Терско-Семейнаго войска, эскадронъ легіонной конницы, находившейся при Моздокскомъ полку, и 250 калмыковъ. Савельевъ собралъ свой отрядъ въ Кизлярѣ, но стоявшіе на Линіи небывалые морозы и снѣговыя метели задержали переправу его черезъ Терекъ настолько, что онъ могъ выступить въ походъ только 19 декабря. Въ шамхальствѣ отрядъ нашъ встрѣченъ былъ съ большимъ почетомъ, и сынъ шамхала Мегтій изъявилъ даже желаніе слѣдовать за русскимъ отрядомъ со своею милиціею. Другіе дагестанскіе владѣльцы также спѣшили предложить свои услуги противъ Ага-Магометъ-хана, но осторожный Савельевъ видѣлъ однако, что предложенія идутъ не отъ чистаго сердца, а только потому, что Ага-Магометъ-ханъ былъ далеко, а русскія войска стояли передъ ними. Тѣмъ не менѣе отрядъ усилился еще нѣсколькими сотнями туземной милиціи.

Теперь только одинъ Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, 18-лѣтній юноша, высказывалъ явное нерасположеніе къ Россіи и, узнавъ о движеніи русскихъ войскъ, заперся въ своемъ крѣпкомъ Дербентѣ съ намѣреніемъ отстоять свою независимость. На требованіе Савельева отттворить ворота, ханъ отвѣчалъ отказомъ. «Правда», писалъ онъ Савельеву, «я просилъ денегъ для найма войскъ противъ Ага-Магометъ-хана, но я не зналъ тогда еще могущества персидскаго властителя, а теперь не рѣшаюсь впустить въ городъ столь малый отрядъ изъ опасенія, что не только мои владѣнія будутъ разорены персіянами, но и русскій отрядъ можетъ отъ нихъ пострадать» (²).

Послѣ такого отвѣта отрядъ двинулся впередъ, но едва подошелъ къ Дербенту, какъ изъ воротъ его выступила татарская конница и открыла огонь по нашимъ казакамъ. Линейцы, слѣдовавшіе впереди всѣхъ, прямо бросились въ шашки и, поддержанные еще ротой егерей, втоптали ее въ городъ. Тогда Савельевъ отправилъ въ Дербентъ для новыхъ переговоровъ маіора Ахвердова, но ханъ арестовалъ его и даже хотѣлъ отправить въ лагерь Ага-Магометъ-хана и только по совѣту болѣе благоразумныхъ стариковъ оставилъ это намѣреніе. Оставалось одно—покорить Дербентъ силою. Но отрядъ Савельева былъ слишкомъ малочисленъ для подобнаго образа дѣйствій; поэтому, не рискуя на открытый штурмъ, такъ какъ въ крѣпости сосредоточено было до 10 тысячъ войскъ, Савельевъ занялъ окрестныя высоты и, устроивъ на нихъ батареи, открылъ бомбардированіе. Легкія орудія не причиняли однако значительнаго вреда городу, гдѣ дома были каменные, покрытые землею, а жители укрывались въ подвалахъ или въ глубокихъ арыкахъ, устроенныхъ для орошенія садовъ. Дербентъ защищался. Три раза непріятель дѣлалъ отчаянныя вылазки, но,

благодаря бдительности и чуткости нашихъ Линейныхъ казаковъ, державшихъ передовую охрану, ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха, и дербентцы каждый разъ были прогоняемы съ чувствительнымъ урономъ. Погода стояла убійственная: весь февраль мѣсяцъ держалось ненастье и выпалъ глубокій снѣгъ, необычайный по тамошнему климату; въ мартѣ начались проливные дожди и сильные вѣтры, а въ отрядѣ ощущался уже недостатокъ въ провіантѣ, фуражѣ и въ особенности въ дровахъ. Потери въ бояхъ были небольшія—всего 9 убитыхъ и 15 раненыхъ, но люди начинали болѣть, и ряды уменьшались. Дагестанскія милиціи не выдержали наконецъ такихъ суровыхъ условій и разошлись по домамъ. Савельевъ продолжалъ осаду одинъ и подвинулъ батареи на ружейный выстрѣлъ къ городу, но положеніе его съ каждымъ днемъ становилось затруднительнымъ.

Въ то время, какъ Савельевъ стоялъ передъ Дербентомъ, Гудовичъ формировалъ въ Кизлярѣ сильный дѣйствующій корпусъ, въ составъ котораго назначилъ 8 баталіоновъ пѣхоты съ 20 орудіями, двѣ бригады драгунъ, два Донскихъ и пять Линейныхъ казачьихъ полковъ. Изъ числа послѣднихъ Гребенской и Моздокскій полки имѣли по триста всадниковъ, Волжскій 320, Хоперрскій 370 и Терско-Семейный 75 человѣкъ. Эскадронъ легіонной конницы явился изъ Моздока въ числѣ 120 коней. За уходомъ части казаковъ съ передовымъ отрядомъ Савельева это было все, что можно было взять по мѣстнымъ условіямъ, безъ ослабленія кордонной службы (3).

Формируя отрядъ, Гудовичъ конечно расчитывалъ, что ему поручены будутъ военныя дѣйствія, но вскорѣ полученъ былъ указъ Императрицы о назначеніи главнокомандующимъ войсками, дѣйствовавшими въ Персіи, графа Валеріана Александровича Зубова; Гудовичъ же, оставаясь на Линіи, долженъ былъ только содѣйствовать успѣху похода своевременной отправкой къ войскамъ провіанта, снарядовъ и подкрѣпленій. Обиженный Гудовичъ просилъ увольненія отъ должности и, сдавъ начальство надъ Кавказскою линіею генералъ-лейтенанту Исленьеву, покинулъ Кавказъ.

Графъ Зубовъ прибылъ въ Кизляръ 25 марта 1796 года. Ему было только 24 года отъ роду, но онъ былъ уже генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Андреевскаго ордена.

Нѣтъ сомнѣнія, что быстрымъ своимъ возвышеніемъ онъ былъ обязанъ близости къ Императрицѣ родного брата своего, князя Платона Александровича Зубова, но несомнѣнно также, что онъ оправдалъ довѣріе Императрицы и личнымъ мужествомъ, запечатлѣннымъ тяжелою раной, и государственными заслугами, оказанными имъ въ персидскомъ походѣ. На штурмѣ Измаила онъ изъ первыхъ вошелъ на стѣны и получилъ Геор-

гіевскій крестъ изъ рукъ самаго Суворова; въ польской войнѣ ядро оторвало ему ногу. Онъ ѣздилъ лечиться за границу и возвратился оттуда съ искусственной ногой, сдѣланной такъ хорошо, что онъ могъ ѣздить верхомъ и оставаться на конѣ по суткамъ. Впослѣдствіи персіяне и горцы прозвали его «Кизилъ-аягъ», т. е. генералъ съ золотою ногою. Не достатки, общіе молодымъ людямъ XVIII вѣка, не были чужды и Зубову, но они выкупались въ немъ такими симпатичными душевными качествами, которыя дѣлали его любимцемъ русскаго солдата.

Въ помощь Зубову, для командованія отдѣльными отрядами, Императрица сама назначила семь лично извѣстныхъ ей генераловъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Бенигсенъ, князь Цеціановъ, Платовъ и Булгаковъ пріобрѣли впослѣдствіи историческую извѣстность; а за ними слѣдовали Римскій-Корсаковъ, Рахманинъ и графъ Апраксинъ. Въ рядахъ Каспійскаго корпуса находились также будущіе герои 12 года — Раевскій, старшій Паленъ и А. П. Ермоловъ, командовавшій тогда батареей. Кромѣ того, вмѣстѣ съ Зубовымъ прибыло впервые нѣсколько волонтеровъ изъ числа гвардейскихъ офицеровъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Изъ нихъ Зубовъ назначилъ подполковника Чапсина командиромъ Гребенского казачьяго полка, младшаго Палена — Терско-Семейнаго и Меллера-Закомельскаго—Волжскаго (4).

Готовясь къ походу, графъ Зубовъ прежде всего предписалъ Савельеву, все еще стоявшему передъ Дербентомъ, отступить отъ крѣпости и, выбравъ крѣпкую позицію, ожидать на ней прибытія главнаго корпуса, «такъ какъ», доносилъ онъ Императрицѣ, «продолжительное бездѣйствіе подербентскихъ войскъ можетъ пріучить ихъ взирать безтрепетно на побѣдоносное русское оружіе, а отомстить за подобное оскорбленіе отрядъ Савельева самъ по себѣ не достаточенъ».

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены, и 17 апрѣля Зубовъ отправилъ впередъ Волжскій казачій полкъ съ баталіономъ егерей, приказавъ имъ по пути къ шамхальству устроить переправу черезъ рѣчку Кяззему, а 19, въ страстную субботу, туда же прибыли и главныя силы. Переправа была уже готова, и войска, перейдя рѣчку по мосту, устроенному на пантонахъ, въ тотъ же день дошли до Сулака и стали у Казіюрта. Здѣсь встрѣтили Пасху. Въ походной церкви была заутреня; подъ чужимъ небомъ пропѣли «Христосъ Воскресе» и разошлись по своимъ палаткамъ. Разговѣнья не было,—обозы отстали далеко, и всѣ—отъ графа Зубова до послѣдняго солдата—довольствовались только соленымъ лезгинскимъ сыромъ (5).

На второй день Пасхи, 22 апрѣля, тронулся впередъ авангардъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Римскаго-Корсакова и съ нимъ три казачьихъ

полка: Гребенской, Терско-Семейный и Волжскій, а на слѣдующій день по слѣдамъ его выступили и главныя силы. Они миновали Тарки и, двигаясь дальше песчанымъ Каспійскимъ побережьемъ мимо селенія Буйнаки, резиденціи наслѣдниковъ шамхала, 27 числа остановились на рѣчкѣ Урусъ-Булахъ, гдѣ соединились съ своимъ авангардомъ. Отсюда до Дербента оставалось нѣсколько переходовъ, но здѣсь же получилось тревожное извѣстіе, что Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, утративъ надежду на Агу-Магометъ-хана, обратился за помощью къ Турціи, обѣщая сдать ей Дербентъ.

«По причинѣ опустошенія Грузіи», писалъ въ своемъ прошеніи ханъ, «и плѣненія ея жителей войсками Аги-Магометъ-хана, презрѣнная русская нація отправила въ отмщеніе за Грузію нечестивую свою рать на Дербентъ, всегда служившій воротами въ Персію и крѣпкою стѣною между правовѣрными и невѣрными. Они хотятъ овладѣть городомъ, построеннымъ Александромъ Великимъ, и полонить его жителей взамѣнъ взятыхъ въ Грузіи, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ рабство въ нечестивую русскую землю и продавать ихъ тамъ на улицахъ и въ церквахъ... Вотъ уже три мѣсяца, какъ они стоятъ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости и, бросая бомбы, жгутъ городъ... Они старались подкупить меня, чтобы я покорился, но я не хотѣлъ продавать свою честь за деньги и, пока Богу угодно будетъ отдѣлить мою душу отъ тѣла, я имъ не покорюсь... И нынѣ, подобно тому, какъ древніе персы просили защиты у Александра Македонскаго противъ скифовъ, такъ и я прошу и умоляю о помощи у прибѣжища всѣхъ мусульманъ—его величества, султана турецкаго»... (6).

Подобное прошеніе могло вовлечь насъ въ столкновеніе съ Оттоманскою Портою, но скоро стало извѣстнымъ, что султанъ оставилъ это письмо безъ отвѣта, и Шихъ-Али-хану пришлось возложить всю свою надежду на дагестанскихъ союзниковъ. Тогда онъ вошелъ въ соглашеніе съ Сурхаемъ, Хамбутаемъ Казикумыкскимъ, и рѣшилъ, пройдя черезъ Табасаранское ущелье, напасть на отрядъ Савельева съ тыла. О томъ же доносилъ и самъ Савельевъ, прибавивъ, что всѣ находившіеся при немъ дагестанцы, смущенные этимъ извѣстіемъ, покинули отрядъ и разъѣхались по домамъ. Надо было торопиться на помощь Савельеву. Послѣдній на слѣдующій день самъ прибылъ въ лагерь Зубова на рѣчкѣ Гамри-Озень, и на военномъ совѣтѣ было рѣшено атаковать Дербентъ одновременно съ двухъ сторонъ: съ сѣвера, откуда приближались наши войска, и съ юга, т. е. со стороны Персіи, чтобы отрѣзать Шихъ-Али-хану всѣ сообщенія съ другими дагестанскими владѣльцами.

Съ этою цѣлью 29 апрѣля изъ лагеря выступила особая колонна генерала Булгакова, въ составъ которой назначены были два казачьихъ пол-

ка—Семейный и Хоперскій. Колонна направилась кружнымъ путемъ черезъ малодоступныя Табасаранскія тѣснины съ тѣмъ, чтобы 2 мая, одновременно съ корпусомъ графа Зубова, подойти къ Дербенту и обложить городъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Сообразуясь съ этимъ, главныя силы подвигались впередъ довольно медленно, чтобы дать время окончить обходное движеніе, и только на самой зарѣ 2 мая увидѣли наконецъ передъ собою древнія стѣны Дербента, столь же древнія, какъ древни сказанія персовъ объ Искандерѣ, завоевавшемъ вселенную. Слѣдовавшие въ авангардѣ три казачьихъ полка: Гребенской, Волжскій и Моздокскій, съ эскадрономъ легіонной конницы, первые столкнулись съ непріятелемъ. Толпы дербентскихъ наѣздниковъ, разсыпанныя съ пѣшими стрѣлками по горамъ и оврагамъ, встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Завязалась горячая перестрѣлка. Здѣсь особенно отличились Гребенцы и Волжцы. Видя безрезультатность стрѣльбы, они быстро спѣшились и съ такой отвагой бросились въ кинжалы и шашки, что выбили непріятеля изъ всѣхъ его закрытій, а подоспѣвшій баталіонъ егерей довершилъ его пораженіе. Затѣмъ войска спустились съ высотъ и разбили лагерь передъ городомъ, примыкая лѣвымъ флангомъ, гдѣ расположились казаки, къ самому городу. Ночью разразилась страшая буря. На открытыхъ морскихъ берегахъ свирѣпый вѣтеръ, ливень, удары грома и блескъ молній были несравненно грознѣе, нежели въ горахъ, и надѣлали намъ не мало хлопотъ: палатки драгунъ и казаковъ были опрокинуты и частью сброшены въ море; но о нихъ уже никто и не думалъ—держали только лошадей, которыя при каждомъ громовомъ ударѣ метались и бились, угрожая сорвать коновязи.

А въ это самое время подъ стѣнами Дербента шло кровавое дѣло. Баталіонъ Воронежскаго полка съ двумя гренадерскими ротами штурмовалъ передовую Дербентскую башню, которую Шихъ-Али-ханъ, воспользовавшись отступленіемъ Савельева, успѣлъ построить на тѣхъ самыхъ высотахъ, гдѣ стояла наша главная батарея. Башня была прочная, въ два яруса, съ бойницами и амбразурами для орудій. Гроза препятствовала дѣйствовать нашей артиллеріи, чтобы пробить брешь,—и штурмъ, не смотря на все геройство солдатъ, былъ отбитъ съ большою потерею.

Къ утру буря утихла, и войска стали устраиваться въ лагерѣ, какъ вдругъ около полудня послышалась вновь сильная перестрѣлка, но уже по ту сторону Дербента. Это подходилъ Булгаковъ. Ему пришлось пройти 80 верстъ по невообразимо трудной горной дорогѣ. Особенно тяжелъ былъ перевалъ черезъ главный Табасаранскій хребетъ по узкой тропѣ, просѣченной въ дремучемъ лѣсу, гдѣ всѣ обозы и артиллерія должны были вытянуться въ нитку. Подъемъ былъ такъ крутъ, что нашимъ казакамъ пришлось спѣшиться и отдать своихъ лошадей въ упряжку, чтобы выта-

скивать загрузнувшія въ грязи повозки и орудія. Подъемъ тянулся на три версты, но чтобы преодолѣть его, потребовалось болѣе сутокъ, обозы всѣ брошены, и отрядъ Булгакова только 3 мая налегкѣ подошелъ къ Дербенту. Высланные впередъ казачьи разъѣзды тотчасъ встрѣчены были дербентскою конницей въ числѣ 500 человѣкъ. Началась перестрѣлка. На выстрѣлы во всѣ повода принеслись изъ лагеря Хоперскій и Семейный полки, вмѣстѣ съ эскадрономъ драгунъ, а съ ними прискакалъ и самъ Булгаковъ, сдѣлавшійся личнымъ свидѣтелемъ горячей кавалерійской схватки. Казаки атаковали съ фронта, драгуны, спѣшившись, охватили флангъ, и непріятель былъ опрокинутъ. Бѣгущіе столпились, однако, у городскихъ воротъ и дали возможность сдѣлать по нимъ еще нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Одна граната попала такъ удачно, что, разорвавшись, положила на мѣстѣ разомъ шесть человѣкъ. Съ нашей стороны убитъ Хоперскаго полка капитанъ Потаповъ и раненъ саблей одинъ изъ полковыхъ старшинъ Семейнаго войска Клеменовъ; лошадей въ обоихъ полкахъ выбыло 4.

Теперь Дербентъ обложенъ былъ со всѣхъ сторонъ. Казаки, раздѣлившись на партіи, заняли всѣ пути по направленію къ Баку и держали разъѣзды по берегу моря, такъ что ни одинъ житель не могъ выйти изъ города или пробраться въ городъ съ какими-нибудь извѣстіями. Пытались было дербентцы устроить сообщеніе моремъ, пользуясь отсутствіемъ Каспійской эскадры, но не удалось и это, такъ какъ Булгаковъ захватилъ гдѣ-то персидскія лодки и, посадивъ гребцами Терскихъ и Хоперскихъ казаковъ, образовалъ такую казачью флотилію, которая ловила и перехватывала все, что появлялось на морѣ. Бдительность казаковъ поддерживалась еще надеждой захватить самого Шихъ-Али-хана, намѣревавшагося, по слухамъ, бѣжать изъ Дербента.

Графъ Зубовъ между тѣмъ приступилъ къ осадѣ; городъ опоясался батареями, и грохотъ пушекъ не перерывался ни днемъ, ни ночью. Наконецъ 7-го мая назначенъ былъ новый штурмъ передовой Дербентской башни. Это не укрылось отъ Шихъ-Али-хана, и чтобы отвлечь наши войска отъ башни, въ моментъ самаго приступа изъ города сдѣлана была сильная вылазка. Ее встрѣтили баталіонъ егерей, Гребенскіе, Волжскіе и Моздокскіе казаки, и непріятель послѣ жестокой схватки отброшенъ былъ обратно въ городъ. Башня была взята, и на мѣстѣ ея тотчасъ же устроена была брешь-батарея. Но Шихъ-Али-ханъ не терялъ еще надежды на дагестанскихъ владѣльцевъ, которые, предлагая свои услуги Зубову, въ то же время собирали войска на помощь къ дербентцамъ. Ихъ скопища то и дѣло появлялись въ разныхъ мѣстахъ, желая проникнуть въ Дербентъ, но, встрѣчая на всѣхъ путяхъ сильныя казачьи заставы, уходили назадъ. Только одна изъ такихъ партій напала на обозъ генерала

Булгакова, оставленный имъ при спускѣ съ горъ, и захватила въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ.

Между тѣмъ брешь-батарея, вооруженная только полевыми пушками, тщетно пыталась разбить массивныя городскія стѣны; ей удалось только разрушить ворота и образовать значительную брешь. Войскамъ приказано готовиться къ штурму, какъ вдругъ 10 мая надъ крѣпостью развился бѣлый флагъ, и жители, вышедшіе въ поле, преклонили колѣни въ знакъ безусловной покорности. Тутъ же поднесены были графу Зубову городскіе ключи. Вслѣдъ затѣмъ явился и самъ Шихъ-Али-ханъ въ самомъ уничиженномъ видѣ, съ повѣшенною на шеѣ саблею. Зубовъ задержалъ его въ лагерѣ; а между тѣмъ четыре баталіона и сборный казачій полкъ, подъ командою генерала Савельева, вступили въ городъ и заняли цитадель. Торжественный же въѣздъ графа Зубова послѣдовалъ только спустя нѣсколько дней, 13-го мая, и послѣ молебствія, совершеннаго въ стѣнахъ покореннаго города, Дербентъ объявленъ былъ присоединеннымъ къ Россійской Имперіи.

За взятіе Дербента Императрица пожаловала графу Зубову орденъ св. Георгія 2 класса, брилліантовое перо на шляпу и алмазные знаки Андрея Первозваннаго; генералъ Савельевъ получилъ Анненскую ленту, а всѣмъ нижнимъ чинамъ и казакамъ роздано по одному рублю.

Послѣ двухнедѣльнаго отдыха весь корпусъ двинулся далѣе. На пути къ Баку войскамъ пришлось переправляться черезъ клокочущій Самуръ, который персіяне считали въ это время года неодолимою преградою. Весь покрытый бѣлою пѣной Самуръ ревѣлъ и клокоталъ, какъ бѣшеный, и грохотъ его волнъ, разбивавшихся о прибрежныя скалы, былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Въ мутныхъ волнахъ прядали, гремѣли, мелькали огромные каменья; вѣковыя деревья, вырванныя съ корнемъ, уносились, какъ щепы. Переправа здѣсь была опасна. Одинъ неосторожный шагъ — и всадникъ, опрокинутый съ конемъ, былъ бы измолотъ каменьями, какъ жерновами мельницы. Первыми подошли Линейные казаки подъ командой Платова и, бросившись въ кипящую рѣку, къ удивленію всѣхъ благополучно достигли противоположнаго берега. Но остальныя войска остановились и начали переправу только на слѣдующій день утромъ. Во главѣ всѣхъ переѣхалъ самъ главнокомандующій со своею свитой и небольшимъ конвоемъ; за нимъ двинулась и пѣхота. Сомкнувшись тѣсно въ ряды и взявши другъ друга за руки, она двигалась въ клокочущемъ потокѣ, по грудь въ водѣ, одною густою сплоченною массой. Кавалерія переправлялась выше и до нѣкоторой степени задерживала собою стремительный напоръ воды. Нашимъ казакамъ пришлось вторично переѣзжать Самуръ ниже пѣхоты, чтобы перехватывать и спасать тѣхъ, кото-

рые, будучи сбиты съ ногъ, уносились теченіемъ. И надо сказать, что немало людей были спасены только беззавѣтнымъ самоотверженіемъ нашихъ Линейцевъ ([7]). Въ общемъ переправа окончилась благополучно. Человѣческихъ жертвъ не было, но утонуло много лошадей, верблюдовъ и скота. Горскіе пикеты, разставленные по горамъ, съ любопытствомъ слѣдили за переправой и, когда увидѣли русскихъ на противоположномъ берегу, поскакали дать знать своимъ владѣльцамъ, что и это препятствіе не остановило невѣрныхъ. Впечатлѣніе было сильное. Едва войска подошли къ Кубѣ, какъ жители вышли навстрѣчу и поднесли графу Зубову городскіе ключи. Войска прошли мимо, такъ какъ имѣлись тревожныя свѣдѣнія, что владѣльцы Баку, Шемахи, Шеки и Карабага сносятся между собою гонцами, чтобы составить союзъ и встрѣтить русскихъ соединенными силами. Зубовъ и торопился захватить Баку, чтобы разстроить ихъ планы. Вскорѣ однако выяснилось, что подойти къ городу съ цѣлымъ корпусомъ не было никакой возможности: на сто верстъ кругомъ него не было не только воды или лѣса, но даже травы. Войска вынуждены были остановиться на грани этой безплодной пустыни и расположиться лагеремъ на берегу рѣчки Аты-Чай. Скучна и печальна была эта стоянка. Налѣво, окаймляя горизонтъ, тянулся песчаный берегъ моря, такого же пустыннаго, какъ и самая степь, направо—голыя, безжизненныя горы; нигдѣ ни малѣйшаго намека на тѣнь или какую-нибудь растительность,—вездѣ сухая, глинистая, растрескавшаяся почва отъ зноя. Въ войскахъ начались болѣзни, вскорѣ уменьшившія корпусъ почти на половину. Къ счастью, прокламація, отправленная къ Бакинскимъ жителямъ, возымѣла свое дѣйствіе, и ханъ, признавшій невозможность сопротивленія, явился въ русскій лагерь съ изъявленіемъ покорности.

Здѣсь казаки опять раздѣлились: Волжскій полкъ, съ колонною генерала Рахманова, ушелъ въ Баку; Семейный и Хоперскій, въ отрядѣ Булгакова, вернулись назадъ и заняли Кубинское владѣніе; Гребенцы и Моздокцы остались въ главныхъ силахъ и вмѣстѣ съ ними двинулись противъ Шемахинскаго хана. Здѣсь въ первый разъ войскамъ пришлось переходить Большой Кавказскій хребетъ и познакомиться съ суровою природой Южнаго Дагестана. Труденъ былъ этотъ походъ, но зато едва наши войска выбрались изъ страшныхъ горныхъ тѣснинъ и стали на урочищѣ Курцъ-Булацкій-Ейлагъ, изобилующемъ прекрасными пастбищами и горными ключами, какъ Шемахинскій ханъ поспѣшилъ отклонить грозу и присягнулъ на подданство русской Императрицѣ; его примѣру послѣдовали владѣтели Шеки и Карабага.

Край, занятый нами, находился, повидимому, въ полномъ спокойствіи. Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое надѣлало намъ много хлопотъ и повело за собою цѣлый рядъ новыхъ военныхъ дѣйствій. Надо

сказать, что еще по пути къ Шемахинскому ханству изъ главнаго лагеря бѣжалъ Шихъ-Али-ханъ, воспользовавшись слабостью надзора и черезчуръ большою свободой, которая была ему предоставлена. Сначала этому не придавали особаго значенія, а Шихъ-Али-ханъ пробрался между тѣмъ въ Кубинское ханство и произвелъ въ немъ возмущеніе. Жители, доселѣ покорные намъ, бѣжали въ горы и стали формировать вооруженныя партіи. Можно было ожидать всеобщаго возстанія, и Булгаковъ, узнавъ, что Шихъ-Али находится въ деревнѣ Череке, гдѣ каждую ночь съѣзжаются къ нему заговорщики, рѣшилъ захватить его въ свои руки. Набѣгъ назначенъ былъ въ ночь со 2-го на 3-е іюля. Съ одной стороны двигались Хоперскіе и Семейные казаки съ самимъ Булгаковымъ, съ другой изъ главнаго лагеря шли Гребенцы, Моздокцы и Волжцы, успѣвшіе уже вернуться изъ Баку, подъ командою Платова. При той и другой колоннѣ находились и части регулярной кавалеріи. Но изъ этой ночной операціи ничего не вышло: проводники намъ измѣнили, и Шихъ-Али, предупрежденный, во время скрылся; мы не нашли въ деревнѣ ни хана, ни жителей. Набѣгъ такимъ образомъ не удался. Правда, мы вынудили его бѣжать изъ Кубинскихъ владѣній, но зато онъ нашелъ себѣ новаго союзника въ лицѣ сильнаго Казикумыкскаго хана Сурхая, вмѣстѣ съ которымъ и задумалъ напасть на самый отрядъ Булгакова. Горцевъ собралось тысячъ пятнадцать, и сборнымъ пунктомъ назначено было селеніе Алпаны. Булгаковъ выслалъ для наблюденія за ними баталіонъ подполковника Бакунина и сотню Хоперскихъ казаковъ. Полагаютъ, что Бакунинъ, вмѣсто наблюденія, рѣшилъ напасть на непріятеля врасплохъ и выступилъ къ Алпанамъ въ темную, безпросвѣтную ночь. Движеніе это было однако открыто, и наши войска, окруженныя въ тѣсныхъ горныхъ ущельяхъ, понесли жестокое пораженіе. Самъ Бакунинъ былъ убитъ, но остатки его отряда, укрывшись въ лѣсу за срубленными деревьями, продолжали отчаянную оборону. Ихъ выручилъ Углицкій пѣхотный полкъ, подоспѣвшій съ двумя орудіями. Непріятель отступилъ, но понесъ при этомъ такія потери, что о нападеніи на главный Кубинскій отрядъ не могло быть болѣе и рѣчи. Тѣмъ не менѣе Зубовъ предписалъ Булгакову вступить въ Казикумыкское ханство и опустошить его огнемъ и мечемъ. Но войска не дошли еще до Самура, какъ Сурхай явился съ повинной головой, и Казикумыкское ханство присягнуло на русское подданство. Теперь повсюду водворилось спокойствіе. Шихъ-Али-ханъ бѣжалъ къ лезгинамъ.

Главныя силы между тѣмъ продолжали подвигаться впередъ и въ концѣ ноября остановились у Джевата при сліяніи рѣкъ Куры и Арагвы. Здѣсь рѣшено было провести зиму, и солдаты принялись устраивать для себя землянки, а для Зубова, не смотря на полное безлѣсье, въ короткое время соорудили такой деревянный, двухэтажный домъ, «какого не было

и у владѣтелей персидскихъ». Палатки исчезли, и лагерь, какъ бы волшебствомъ, преобразился въ городокъ, въ которомъ появились торговцы не только съ жизненными припасами, но и съ предметами роскоши. Сюда пригоняли изъ Грузіи скотъ и свиней цѣлыми стадами; солдаты ловили рыбу, а продовольствіе въ изобиліи доставлялось сплавомъ по Курѣ изъ Баку и Сальянъ.

За Курою начиналась уже обширная Муганская степь. Вся иррегулярная конница и въ томъ числѣ наши Гребенцы, Волжцы и Моздокцы, переброшены были на ту сторону рѣки, и разъѣзды ихъ доходили почти до самаго Гиляна. Такъ въ короткое время покорены были Россіи ханства: Дербентское, Кубинское, Бакинское, Казикумыкское, Ширванское, Шекинское и Карабагское; весь берегъ Каспійскаго моря отъ устьевъ Терека до устьевъ Куры былъ занятъ русскими войсками, расположившимися также и на Муганской степи. Адербейджанъ лежалъ передъ нами не защищенный, дорога къ Тегерану была открыта, и передовые казачьи посты стояли у воротъ Гиляна.

Императрица пожаловала графу Зубову чинъ генералъ-аншефа съ назначеніемъ его намѣстникомъ Кавказскаго края и щедро наградила всѣхъ участниковъ похода. Такъ, въ одномъ изъ ордеровъ Платова между прочимъ упоминается о томъ, что семи старшинамъ Гребенского войска пожалованы слѣдующія награды: есаулу Федору Зачетову чинъ капитана, сотнику Гавріилу Тургеневу званіе станичнаго атамана; казакамъ Василію Вилкину, Василію Лукьянову, Герасиму Бакалдину—чины хорунжаго; а Гавріилъ Ильинъ и Василій Мурзикъ пожалованы въ станичные писаря. По всей вѣроятности, не были обойдены такими наградами и остальные казачьи полки ([8]).

Дальнѣйшія дѣйствія отложены были до весны, а между тѣмъ, чтобы закрѣпить за нами пройденное пространство, Зубовъ предположилъ заложить на мѣстѣ лагерной стоянки новый, хорошо укрѣпленный городъ, съ чисто русскимъ населеніемъ и назвать его Екатериносердомъ. Для этого рѣшено было изъ полковъ, участвовавшихъ въ походѣ, оставить двѣ тысячи молодыхъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы правительство снабдило ихъ всѣмъ необходимымъ для поселенія, а грузины и армяне дали бы имъ женъ. Сдѣланъ былъ вызовъ охотниковъ и изъ числа казачьихъ полковъ; но всѣ эти проекты, всѣ предположенія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій, всѣ результаты блестящей войны исчезли передъ однимъ роковымъ обстоятельствомъ: 6-го декабря въ лагерь прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ Императрицы и о вступленіи на престолъ Императора Павла I-го.

Глава XX.

Курьеръ привезъ каждому полковому командиру, помимо графа Зубова, именной Высочайшій указъ немедленно возвратиться съ полкомъ въ русскія границы «и сберегать людей для лучшаго ихъ употребленія». На Кавказъ снова назначенъ Гудовичъ, а Зубовъ отставленъ отъ службы.

Такъ закончился персидскій походъ, начатый блистательнымъ успѣхомъ и кончившійся возвращеніемъ персидскому шаху всѣхъ покоренныхъ нами земель.

Ага-Магометъ-ханъ былъ пораженъ такимъ внезапнымъ оборотомъ дѣлъ. Онъ отправилъ въ Грузію фирманъ, «которому должна повиноваться Вселенная».

«Россіяне», писалъ онъ, «всегда промышляли торгомъ и купечествомъ, продавали сукна и кармазинъ, но никто и никогда не видѣлъ, чтобы они могли употреблять копье или саблю. Такъ какъ они отважились нынѣ войти въ предѣлы нашей державы, то мы высочайшія мысли наши устремили въ ту сторону и обратили счастливѣйшія знамена наши на то, чтобы ихъ истребить. Они же, узнавъ о таковомъ намѣреніи нашемъ, бѣжали въ свою гнусную землю».

Еще образнѣе описываетъ этотъ походъ персидскій историкъ:

«Монархиня назначила главнокомандующимъ своими войсками военоначальника, у котораго одна нога была оторвана ядромъ, а вмѣсто нея сдѣлана золотая, почему его и прозвали кизилъ-аягъ, т. е. золотоногій. Узнавъ объ этомъ, шахъ поспѣшилъ къ Ардебилю съ безчисленною арміею, покрывшею всѣ горы и долины, и съ такимъ торжествомъ выступилъ противъ врага, что кизилъ-аягъ потерялъ всякую надежду на спасеніе. А потому, видя себя подобно воробью въ когтяхъ ястреба, или ягненку въ объятіяхъ волка, онъ совершенно потерялся, не зная, что предпринять. Вдругъ пришло извѣстіе, что солнце-шапочная монархиня скончалась, и кизилъ-аягъ, воспользовавшись этимъ, побѣжалъ въ Россію, бросивъ на произволъ судьбы весь обозъ, который сдѣлался добычею шаха».

Послѣднее заключало въ себѣ однако нѣкоторую долю истины, такъ какъ обратное движеніе, начатое въ январѣ 1797 года, въ самое неудобное для похода время, дѣйствительно, сопровождалось для насъ тяжелыми потерями. Стояла суровая зима, въ горахъ и на открытыхъ кумыкскихъ равнинахъ бушевали вьюги, а полки, не снабженные ни теплою одеждою, ни продовольствіемъ, ни фуражемъ, шли поодиночкѣ, предоставленные самимъ себѣ,— и въ результатѣ бѣдственный походъ стоилъ столькихъ человѣческихъ жертвъ и такого матеріальнаго ущерба, какихъ нельзя было ожидать при самой неудачной кампаніи. Особенно пострадала кавалерія: она лишилась большей части лошадей, да и изъ тѣхъ, которые остались въ живыхъ, немногія годились для продолженія службы. Обозы, аммуниція отъ убитыхъ людей, даже сѣдла съ полнымъ приборомъ бросались и предавались огню, такъ какъ везти ихъ было не на чемъ.

Много пострадали и наши Линейные казаки; по крайней мѣрѣ въ прошеніи, поданномъ Волжскимъ полкомъ Гудовичу, говорится, что со времени выступленія полка въ походъ въ 1795 году до возвращенія его обратно никому изъ старшинъ не были отпускаемы фуражныя деньги и имъ, приходилось на собственныя средства покупать для своихъ лошадей овесъ и сѣно по тамошнимъ дорогимъ цѣнамъ, отчего почти всѣ лишились своихъ лошадей и пришли въ разореніе и задолженность (1).

Но особенно пострадали два эскадрона Московской легіонной команды, на которыхъ лежала вся тяжесть боевыхъ разъѣздовъ, конвоированіе курьеровъ и содержаніе летучихъ почтъ. Легіонеры потеряли въ этомъ походѣ 280 лошадей и вернулись пѣшими, даже безъ аммуниціи. Зимній походъ отразился на нихъ полнымъ разстройствомъ какъ конскаго состава, такъ и матеріальной части. Казна не возвратила этихъ потерь, а сами легіонеры по бѣдности и дороговизнѣ коней пріобрѣсти ихъ вновь не могли. При Моздокскомъ полку они жили на казачьей землѣ, а своей не имѣли и въ то же время не считались въ числѣ регулярныхъ войскъ. Къ этому можно прибавить, что комплектовалась эта команда только дѣтьми тѣхъ же легіонеровъ, а такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, то, по неимѣнію подростковъ, многіе служили больше 25 лѣтъ, по два и по три брата, отцы вмѣстѣ съ сыновьями, и семьи ихъ, не имѣя рабочихъ рукъ, страшно бѣдствовали. Сообщая объ этомъ, Савельевъ предложилъ всѣхъ, могущихъ содержать себя на своемъ иждивеніи, прибавить къ Моздокскому полку, а прочихъ, не могущихъ по бѣдности нести конную службу, содержать пѣшими на гарнизонномъ жалованьи. Прослужившихъ же болѣе 25 лѣтъ отпустить на собственное пропитаніе, оставивъ въ Моздокскихъ городкахъ только тѣхъ, которые имѣютъ здѣсь свою осѣдлость (2). Проектъ былъ принятъ, и въ 1799 году легіонъ былъ упраздненъ, а вза-

мѣнъ его при Моздокскомъ полку изъ тѣхъ легіоновъ была образована особая пѣшая команда изъ трехъ офицеровъ и 335 нижнихъ чиновъ, людей также семейныхъ, какъ и казаки, а потому къ прежнимъ пяти станицамъ прибавлена шестая, Стодеревская. Они предназначались исключительно для кордоновъ по Тереку и защиты станицъ, на случай выступленія полка въ походъ въ полномъ составѣ (3).

Съ воцареніемъ Императора Павла I-го начались коренныя преобразованія въ русской арміи, и образцомъ для нихъ служили прусскія войска Фридриха Великаго. Павелъ хотѣлъ видѣть именно въ уставныхъ и внѣшнихъ формахъ тайну побѣдъ, одержанныхъ Фридрихомъ,—и всѣ наши уставы, наша одежда и внутренніе порядки явились буквальнымъ подражаніемъ прусскимъ со всею ихъ тенденціозностью. Солдата затянули въ узкій мундиръ, одѣли въ штиблеты, убрали ему голову въ косу и пукли, засыпали ее пудрой,—и «россійскій воинъ», какъ говоритъ одинъ панегиристъ того времени, «воспріялъ геройскій и наиболѣе военной службѣ приличествующій видъ». Характерный екатерининскій закалъ русскаго войска сталъ быстро измѣняться, и живой Суворовскій боецъ скоро превратился въ бездушную и мертвую машину.

Къ счастью, никакія реформы не коснулись тогда нашего казачества, сидѣвшаго на отдаленныхъ окраинахъ Россіи. Напротивъ, Императоръ Павелъ въ первый же годъ своего царствованія поспѣшилъ подтвердить всѣ старыя права и привиллегіи казаковъ, значительно умаленныя въ послѣдніе годы жизни свѣтлѣйшаго князя Потемкина. «Утверждая совершенно и безъ изъятія всѣ прежде бывшія постановленія Войска Донского», писалъ Государь въ указѣ 29 іюля 1797 года (4), «намѣренъ я сохранить ихъ въ цѣлости для продолженія того правленія, коимъ войско Донское было всегда на пользу Государю и отечеству. Что же касается до сдѣланныхъ перемѣнъ княземъ Потемкинымъ, то мнѣ принадлежитъ ихъ не опробовать, яко клонившихся всегда къ истребленію общественнаго порядка вещей».

Распоряженіе это касалось одного Донского войска; но Савельевъ не замедлилъ поднять вопросъ о распространеніи тѣхъ же льготъ и на Моздокскихъ казаковъ. Онъ писалъ, что Моздокскій полкъ переселенъ сюда съ Волги, а Волжское войско составлено всецѣло изъ Донцовъ, а потому ходатайствовалъ о переименованіи полка обратно въ войско, «съ какимъ заблагоразсудится названіемъ». Въ то же время онъ указалъ на тѣ земельныя стѣсненія, какимъ подвергся полкъ со времени учрежденія въ краѣ намѣстничества. Такъ земля, лежавшая недалеко отъ Моздока, верстахъ въ четырехъ выше урочища Ста-деревъ, отобрана была подъ населеніе слободы государственныхъ крестьянъ; а когда слобода была уничтожена, то земля, съ лѣсными и сѣнокосными угодьями оставшаяся втуне, не была

возвращена казакамъ, а передана черкессамъ, вышедшимъ изъ Малой Кабарды безо всакаго на то права.

Земля по безплодью хлѣба не родила, и казаки съ самаго начала своего поселенія вынуждены были подаваться съ каждымъ годомъ все глубже и глубже въ степь, по направленію къ рѣкѣ Кумѣ, какъ для хлѣбопашества, такъ и скотоводства и удалились уже отъ своихъ городковъ верстъ на пятьдесятъ и болѣе; ища себѣ не избытковъ, а единственно прокормленія своихъ семей, казаки не щадили при этомъ трудовъ и издержекъ. Въ совершенно безводныхъ и песчаныхъ мѣстахъ выкопали они колодези и строили въ лѣсныхъ дачахъ срубы для хатъ, а нынѣ ногайскіе татары, большею частью покоренные нашимъ оружіемъ, завладѣли тѣми мѣстами и дѣлаютъ намъ своими кочевьями препятствія и притѣсненія, пускаютъ скотъ, вытаптываютъ посѣянный хлѣбъ и вытравливаютъ корма, заготовляемые казаками на зиму по неимѣнію вблизи городковъ сѣнокосовъ (5).

Въ своихъ заботахъ о нуждахъ подданныхъ, Павелъ стремился сдѣлать много хорошаго, но передъ этими земельными вопросами и ему пришлось остановиться впредь до правильнаго размеживанія земель, котораго до тѣхъ поръ не было. Нельзя было, не нарушая справедливости, склониться на ту или другую сторону и лишить одну изъ нихъ тѣхъ правъ, которыми они уже пользовались издавна; поэтому Павелъ такъ и оставилъ эти вопросы не разрѣшенными, ограничившись только тѣмъ, что приказалъ Волжскій казачій полкъ уравнять содержаніемъ противъ Гребенского и Терскаго войскъ (6) и назначилъ всѣмъ казачьимъ офицерамъ армейское жалованье, по гусарскимъ окладамъ, но съ тѣмъ однако, чтобы они получали таковое только тогда, когда будутъ находиться на службѣ далѣе ста верстъ отъ своихъ домовъ (7). Но казачьи офицеры никакъ не могли перешагнуть этого стоверстнаго разстоянія, чтобы имѣть право на гусарскіе оклады, потому что боевая служба ихъ за рѣдкими исключеніями ограничивалась обороною мѣстныхъ линій и тутъ уже не на сто верстъ, а пожалуй и на сто сажень невозможно было отойти отъ рѣчного брода, отъ береговой вылазки, отъ воровской тропы, чтобы не впустить въ край непріятельскаго погрома (8).

Въ то же время памятникомъ о заботахъ къ развитію въ казачьемъ хозяйствѣ высшей культуры, какъ источника ихъ благосостоянія, служитъ указъ Государя, въ которомъ между прочимъ сказано:...... «А дабы искоренить сопротивленіе, встрѣчающееся еще у казаковъ на Кавказской линіи, въ насажденіи шелковицы, повелѣваемъ всѣмъ частнымъ начальникамъ дѣлать имъ всякое вспомоществованіе для поощренія ихъ къ распространенію столь обще-полезнаго дѣла» (9). Что именно сдѣлано было

начальствомъ въ этомъ направленіи, за неимѣніемъ данныхъ, мы сказать не можемъ.

Относительно военныхъ дѣйствій на Кавказской линіи надо замѣтить, что Государь, получивъ первое донесеніе Астраханскаго губернатора Аршиневскаго о частыхъ набѣгахъ горцевъ на Моздокскій уѣздъ, объ убійствахъ, грабежахъ и захватѣ въ плѣнъ людей, въ то время, когда значительная часть казаковъ отвлечена была персидскимъ походомъ, выразилъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ слѣдующемъ указѣ на имя графа Гудовича: «Повелѣваемъ вамъ для прекращенія подобныхъ набѣговъ принять должныя мѣры осторожности, учредя пограничные разъѣзды отъ ближайшихъ казачьихъ войскъ Гребенского и Семейнаго, дабы, въ случаѣ новыхъ покушеній горцевъ, оныя обращены были въ собственную ихъ награду, и дерзость ихъ достойное наказаніе получила» ([10]).

Но это было съ одной стороны, съ другой же Императоръ рекомендовалъ Гудовичу «удерживать горцевъ въ кротости и повиновеніи не страхомъ оружія, а единою ласкою, отвращая отъ нихъ все, что служитъ къ ихъ притѣсненію и отягощенію». Обязывая его, такимъ образомъ, держаться строго оборонительныхъ дѣйствій, Императоръ писалъ ему: «Наблюдайте ту осторожность, чтобы не брать ничего на свой отвѣтъ, а доносить напередъ мнѣ и ожидать моихъ повелѣній, увѣдомляя въ то же время о состояніи пограничныхъ дѣлъ о тамошнихъ происхожденіяхъ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ заключеніе нахожу нужнымъ замѣтить, что польза службы и долгъ вашъ требуютъ, дабы вы въ поведеніи своемъ противу заграничныхъ народовъ сколь можно рѣже употребляли мѣстоименіе я, но всѣ случаи, въ которыхъ вы дѣйствуете, относили ко двору Нашему, коего вы только волю и повелѣнія исполняете» ([11]). Предписаніе это, очевидно, лишало Гудовича всякой самостоятельности, столь необходимой для такого отдаленнаго края, какимъ былъ тогда Кавказъ по отношенію къ Петербургу, а потому и на Линіи все оставалось по старому. Также вдоль всей пограничной черты торчали казачьи вышки, стояли разбросанные по пустырямъ и буеракамъ различной физіономіи домики — посты и бекеты, обнесенные колючими плетневыми заборами, а позади ихъ по станицамъ и слободамъ размѣщались резервы. Оборона Линіи усиливалась еще двумя драгунскими полками, изъ которыхъ одинъ, Нижегородскій, занималъ Георгіевскъ, а другой—Владимірскій—Кизляръ. Ожидался и третій полкъ, Нарвскій, шедшій изъ Россіи въ Моздокъ, чтобы занять промежуточный пунктъ между Нижегородцами и Владимірцами.

Въ половинѣ 1798 года Гудовичъ, возведенный въ графское достоинство, отозванъ былъ съ Кавказа, а на его мѣсто явился генералъ-лейтенантъ графъ Морховъ, — тотъ знаменитый Ирринархъ Ивановичъ Морховъ,

который въ чинѣ генералъ-маіора носилъ уже Георгіевскую звѣзду и котораго Суворовъ называлъ «храбрѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ офицеромъ». Его прошлое давало увѣренность всѣмъ, что дѣйствія его на Кавказской линіи будутъ носить совершенно иной характеръ, чѣмъ то было при Гудовичѣ. Дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ вполнѣ цѣлесообразныхъ распоряженій его было перенесеніе нашей Линій отъ горъ Бештау впередъ на Малку, чтобы прикрыть ею Кисловодскіе минеральные источники, въ цѣлебныхъ свойствахъ которыхъ нуждалось значительно уже разросшееся населеніе Сѣвернаго Кавказа. Это было первое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее его распоряженіе. Не прошло и полгода со времени его назначенія, какъ, подвергшись немилости Императора Павла, онъ былъ отставленъ отъ службы, а преемники его перемѣнялись такъ часто, что никто изъ нихъ не успѣвалъ даже осмотрѣться въ новомъ своемъ положеніи. Такъ Морхова смѣнилъ генералъ Киселевъ, Киселева—Ураковъ, Уракова—Кноррингъ, и все это въ теченіе какахъ-нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Легко предвидѣть, какія послѣдствія для края и для войскъ, его охранявшихъ, могли бы произойти отъ такого безначалія, если бы не относительное спокойствіе, которымъ случайно пользовалась въ это время Кавказская линія.

Введеніе въ Кабардѣ родовыхъ судовъ, внесшихъ новую юрисдикцію въ область вѣковыхъ обычаевъ горцевъ, не замедлило отразиться на сосѣднихъ народахъ, которые, не встрѣчая уже содѣйствія среди кабардинцевъ, вынуждены были дѣйствовать гораздо осторожнѣе. Большихъ прорывовъ, грозившихъ опасностью цѣлымъ станицамъ или селеніямъ, во все время царствованія Павла І-го поэтому не было; хроника тогдашнихъ происшествій заключаетъ въ себѣ лишь перечень мелкихъ хищничествъ въ родѣ угона скота, нападенія на проѣзжающихъ, или захвата въ плѣнъ оплошныхъ казаковъ и жителей; но такіе случаи на грани вѣчной войны были неизбѣжны. Случалось, разумѣется, и не безъ курьезовъ съ нашими Линейными казаками, не вполнѣ отрѣшившимися еще тогда отъ своихъ волжскихъ привычекъ. Такъ полковникъ Лихачевъ, *) завѣдывавшій кордоннымъ участкомъ около Георгіевска, донесъ однажды командиру Нижегородскаго драгунскаго полка, что при тревогахъ онъ ставится въ крайнее затрудненіе, не зная, кого преслѣдовать — кабардинцевъ или самихъ же казаковъ, которые грабятъ не хуже кабардинцевъ. Какъ иллюстрацію къ сказанному, онъ приводитъ случай, когда хорунжій Волжскаго полка Цы-

*) Впослѣдствіи извѣстный генералъ, герой бородинскаго сраженія. Онъ защищалъ курганъ Раевскаго, получилъ 16 ранъ штыками и былъ взятъ въ плѣнъ. Наполеонъ, уважая его храбрость, возвратилъ ему шпагу. Лихачевъ не принялъ ее. «Я получилъ шпагу», сказалъ онъ, «отъ Императора Александра, моего Государя, и, потерявъ ее, могу принять обратно только изъ рукъ моего Государя».

ганковъ, посланный конвоировать какой-то купеческій обозъ, раздѣлилъ своихъ казаковъ на двѣ стороны и произвелъ цѣлый маневръ, результатомъ котораго было взятіе и разграбленіе своего же обоза (12). Были, по всей вѣроятности, и другіе подобные случаи, о которыхъ свѣдѣнія до насъ не дошли.

Изъ выдающихся эпизодовъ этого времени можно отмѣтить развѣ только набѣги извѣстнаго Махошевскаго князя Хопача, долго слывшаго грозою порубежныхъ казаковъ. Во время одного изъ набѣговъ подъ нимъ была убита лошадь, и казаки схватили его живымъ. Тогда махошевцы, узнавъ, что Хопачъ содержится въ тюрьмѣ Темижбекскаго редута, вздумали освободить его и въ зимнюю ночь, когда бушевала страшная мятель, бросились на Темижбекъ такъ неожиданно, что едва-едва не овладѣли укрѣпленіемъ. Пока гарнизонъ отбивался, Хопачъ, воспользовавшись суматохой, бѣжалъ, но не успѣлъ соединиться со своими и послѣ боя найденъ былъ въ степи съ отмороженными руками и ногами. Жалкій, изможденный калѣка не могъ уже быть опаснымъ противникомъ, и его, по ходатайству турецкаго правительства, отпустили домой.

Нельзя также обойти молчаніемъ рескрипта Императора Павла генералу Кноррингу 9-го ноября 1799 года, коимъ повелѣно: «Атаману Гребенского войска маіору Зачетову объявить Монаршее благоволеніе за баранту, сдѣланную чеченцамъ» (13). Но что это была за баранта, какими дѣйствіями отличились Гребенскіе казаки, обратившіе на себя вниманіе Государя, къ сожалѣнію, неизвѣстно,—архивы не даютъ на это указаній.

1799 годъ ознаменовался въ жизни Кавказскихъ народовъ такимъ крупнымъ историческимъ событіемъ, которое совершенно измѣнило всѣ наши виды и планы относительно Сѣвернаго Кавказа. Этимъ обстоятельствомъ является актъ добровольнаго подчиненія Грузинскаго царства Россійской Имперіи. Грузія, только что выстрадавшая жестокій погромъ Ага-Магометъ-хана, угрожаемая новымъ вторженіемъ персіянъ, раздираемая внутренними смутами, молила братскій единовѣрный народъ о помощи, и Императоръ Павелъ немедленно повелѣлъ отправить въ Тифлисъ для ея защиты 17 егерскій полкъ, подъ командой генерала И. П. Лазарева на вѣчное въ немъ пребываніе. Съ этихъ поръ русскіе уже не покидали болѣе Закавказья. А неизмѣнный ходъ событій, упразднивъ грузинскій престолъ и водворивъ порядокъ и благоденствіе въ странѣ, привелъ насъ шагъ за шагомъ и къ покоренію всего Восточнаго Кавказа. Участниками великаго событія занятія Грузіи являются вмѣстѣ съ егерями и наши Гребенскіе казаки, изъ числа которыхъ 15 отборныхъ молодцовъ назначены были въ личный конвой генерала Лазарева (15). Съ нимъ они прибыли въ Тифлисъ 26-го ноября 1799 года, неизмѣнно сопровождали его повсюду и

съ нимъ же были въ знаменитой битвѣ на Іорѣ, спасшей Грузію отъ новаго разгрома 7-го ноября 1800 года. Куда дѣвалась эта команда послѣ трагической кончины Лазарева, убитаго, какъ извѣстно, грузинской царицей Маріей, вдовствующей супругой Георгія,—отпущена ли она была обратно на Линію или продолжала оставаться въ Грузіи—неизвѣстно. Документы хранятъ объ этомъ полное молчаніе.

Рѣшительный шагъ, сдѣланный нами занятіемъ Грузіи, вызвалъ сильное негодованіе въ Персіи, но не имѣя возможности открыто бороться съ русскими войсками въ предѣлахъ самой Иверіи, она усилила агитацію среди Кавказскихъ племенъ и результатомъ явилось то, что самое начало новаго XIX вѣка, 1800 годъ, былъ годомъ, полнымъ тревогъ на Кавказской линіи. Правда, крупныхъ вторженій попрежнему не было, но мелкими происшествіями онъ былъ обиленъ болѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе годы. Разбои со стороны кабардинцевъ, кумыкъ и черкесовъ до того усилились, что не стало проѣзда по дорогѣ. Изъ множества случаевъ, на которые указываетъ Кноррингъ, приведемъ только нѣсколько, о которыхъ дошли до насъ извѣстія изъ разореннаго Моздокскаго архива.

Въ 18-ти верстахъ ниже Моздока стоялъ на Терекѣ Прорѣзный постъ, занятый командою Кабардинскаго полка подъ командой прапорщика Бодирова и 30 Моздокскими казаками. Ночью, въ началѣ апрѣля, партія Кара-булакъ тихо переправилась на нашу сторону и съ перваго налета захватила казачій табунъ, пасшійся на самомъ берегу рѣки. Маяки быстро донесли тревогу до самаго Моздока, откуда командиръ Моздокскаго полка маіоръ Лучкинъ съ тремя стами казаковъ тотчасъ пустился въ погоню и сдѣлалъ имъ, какъ говоритъ короткая реляція, «сильную репрезаль». Перескочивъ затѣмъ черезъ Терекъ, Лучкинъ неожиданно наткнулся на огромную толпу непріятеля, которая, однако, при видѣ казаковъ, безъ выстрѣла обратилась въ бѣгство. За ними поскакалъ сотникъ Суровецкій съ тридцатью казаками. Настигнутая толпа вздумала было защищаться, самъ Суровецкій былъ раненъ кинжаломъ въ рукопашной схваткѣ, но когда казаки изрубили нѣсколько человѣкъ, всѣ остальные бросили оружіе. Оказалось, что это были аксаевскіе и андреевскіе жители, препровождавшіе 57 человѣкъ плѣнныхъ грузинъ и армянъ, мужчинъ и женщинъ, взятыхъ Ага-Магометъ-ханомъ при нападеніи его на Тифлисъ. Кумыки вели ихъ въ Анапу для продажи туркамъ, но силою судебъ сами очутились вмѣсто Анапы въ Моздокѣ. Отсюда плѣнныхъ кумыковъ отправили въ Науръ для употребленія въ работы, а грузинъ и армянъ отправили подъ благонадежнымъ прикрытіемъ обратно въ Грузію ([16]).

Въ другой разъ въ іюнѣ того же года партія чеченцевъ внезапно напала на шесть солдатъ, занимавшихся близъ Шелкозаводской станицы

для заготовленія лѣса для подѣлки ружейныхъ ложъ. Двухъ изъ нихъ убили, а четырехъ взяли въ плѣнъ; отсюда партія эта, около 70 человѣкъ, быстро перенеслась къ Галюгаевской станицѣ и какъ разъ наткнулась на разъѣздъ Моздокскаго полка. Казаковъ было семь человѣкъ, ѣхавшихъ, повидимому, безъ должной осторожности. Ружейный залпъ положилъ на мѣстѣ одного изъ казаковъ, а остальные шесть, аттакованные внезапно и смятые толпой, взяты были въ плѣнъ. На этотъ разъ изъ документовъ не видно, была ли даже за ними погоня (17).

Затѣмъ, въ томъ же мѣсяцѣ чеченцы взяли въ плѣнъ отставного поручика Таганова, брата кабардинскаго пристава, жившаго въ лѣсу, на собственномъ хуторѣ, въ восьми верстахъ отъ Моздока.

Въ томъ же году случилось обстоятельство, едва не выдвинувшее нашихъ казаковъ на новый театръ военныхъ дѣйствій. Потребовалось значительное усиленіе войскъ въ Грузіи, гдѣ стоялъ одинъ только егерскій полкъ Лазарева, и Императоръ Павелъ приказалъ двинуть туда девять баталіоновъ пѣхоты и десять эскадроновъ драгунъ изъ числа стоявшихъ на Линіи. Кноррингъ вошелъ однако съ представленіемъ, чтобы въ Грузію отправить только пять эскадроновъ драгунъ, а остальные пять замѣнить казаками, которые и стоить будутъ дешевле, и пользы принесутъ больше. Кноррингъ былъ вообще противникомъ драгунъ, предпочитая имъ Линейныхъ казаковъ; онъ даже смотрѣлъ на пребываніе ихъ на Кавказской линіи только какъ на временную мѣру. «Съ самаго благополучнаго восшествія на престолъ Вашего Императорскаго Величества», писалъ онъ Государю, «драгуны ни одного раза въ дѣла съ хищниками не употреблялись, а въ случаѣ злодѣйскихъ вторженій ихъ въ наши границы служатъ къ отраженію ихъ одни Линейные казаки, и непродолжительное время, когда возмужаютъ сихъ поселенцевъ дѣти, можно будетъ обойтись и безъ драгунскихъ полковъ, которые могутъ быть тогда возвращены въ Россію» (18).

Государь не согласился однако съ заключеніемъ Кнорринга; драгуны остались на Кавказѣ, но самый отзывъ командовавшаго Линіею уже служитъ свидѣтельствомъ, какъ высоко цѣнилъ онъ службу Линейныхъ казаковъ.

Этимъ мы закончимъ описаніе Кавказскихъ дѣлъ въ царствованіе Императора Павла Петровича. 12-го марта 1801 года Государь внезапно скончался и на престолъ вступилъ Императоръ Александръ I, съ которымъ начинается и новая эра въ Кавказской войнѣ.

Конецъ II-го тома.

Примѣчанія ко второму тому.

Глава I.

1) Изъ записки, составленной въ Департаментѣ Генеральнаго Штаба и переданной по Высочайшему повелѣнію въ числѣ другихъ бумагъ графу Перовскому передъ его Хивинскою экспедиціею въ 1839 году.

2) «Исторія Россіи» Соловьева, томъ XVIII, гл. 1-я.

3) П. Соб. Зак. Томъ V, ст. 2993. Указъ князю Черкасскому отъ 14 февраля 1716 г.

4) Матеріалы Воен. Арх. Гл. Шт. Томъ I. Изд. 1871 года подъ редакціею Бычкова.

5) Ставропольскій Арх. Свѣдѣнія, собранныя въ Гребенскомъ войскѣ и представленныя при рапортѣ кол. секр. Сатвалова наказному атаману 10 февраля 1877 года № 17.

6) Изъ записки Департамента Ген. Штаба, представленной графу Перовскому въ 1839 г.

7) Кизлярскій Арх. Д. 1794 г. № 1. Рапортъ Терско-Кизлярскаго войска 13 мая № 68. О томъ же говорится въ наказахъ Кавказскихъ казаковъ, помѣщенномъ въ рукописномъ сборникѣ академика Буткова и въ Сб. Им. Русск. Ист. Общ. Томъ 115.

8) Матеріалами для описанія Хивинскаго похода служили: Обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края Жуковскаго. Степная война и путевыя замѣтки по киргизской степи. Потто. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Попко. Уральцы. Желѣзнова. Статьи, помѣщенныя въ военномъ сборникѣ и др.

9) Терскіе казаки (Гребенское войско). Попко. Глава IX.

10) Тамъ же. Глава XIV.

11) Тамъ же.

Глава II.

1) Матеріалы для новой исторіи Кавказа Буткова. Часть 1.

2) Тамъ же. Глава I.

3) «Исторія Россіи» Соловьева. Томъ XVIII. Глава 1.

4) Тамъ же.

5) Тамъ же.

6) Тамъ же.

7) Наказъ Кавказскимъ казакамъ. Рукопись академика Буткова.

8) Полн. Собр. Зак. Томъ XIV. Ст. 3694 и 3750.

9) Наказъ Кавказскимъ казакамъ. Рукопись академика Буткова.

10) Вейденбаумъ: Матеріалы для историко-географ. словаря на Кавказѣ.

Глава III.

1) Разрозненныя бумаги Кизляр. архива при воен.-истор. отд. Шт. Кавк. воен. округа.

2) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа, часть I.

[3]) Разрозненныя бум. Кизляр. арх. при воен.-истор. отд. Шт. Кавк. воен. округа. Письмо Петра генер. Кропотову 10 ноября 1724 г.

[4]) Полн. Собр. Зак. Томъ VII. Ст. 4462 и 4509.

[5]) Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Буткова ч. I и Попко. Гребенскіе казаки.

[6]) О поселеніи Аграханскаго войска смотри изслѣдованіе Г. А. Ткачева: Гдѣ было древнее Аграханское войско? (Рукопись иг. Терскаго казачьяго войска.

[7]) Бутковъ. Матеріелы для новой исторіи Кавказа, часть I.

[8]) Историческій очеркъ Кавказскихъ войскъ отъ начала ихъ до присоединенія Грузіи. Изд. воен.-историч. отд. при Шт. Кавк. воен. округа.

[9]) Тамъ же и Буткова матеріалы для новой исторіи Кавказа часть I.

[10]) Объ этихъ дѣйствіяхъ упоминается въ наказѣ Терско-Семейному войску. Рукопись.

[11]) Тамъ же.

[12]) Архивъ Шт. Кавк. воен. округа. Дѣло 1799 года № 2. «О дарованіи Линейнымъ казачьимъ полкамъ выгодъ». Рапортъ Терско-Семейнаго войска генералу Кноррингу 24 ноября 1801 года № 599.

[13]) С. Писаревъ: Трехсолѣтіе Терскаго казачьяго войска и А. Ржевускій: Терскіе казаки.

[14]) Тамъ же и Буткова: Матеріалы для новой исторіи Кавказа часть I.

[15]) Тамъ же.

Глава IV.

[1]) Историч. очеркъ Кавк. войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Воен.-истор. отд. Шт. Кавк. воен. округа. Исторія Соловьава т. XIX и Буткова: Матеріалы для новой исторіи Кавказа, часть I.

[2]) Полн. Собр. Зак. Томъ IX ст. 6334.

[3]) Протоколъ Верховнаго тайнаго совѣта. Исторія Россіи Соловьева т. XIX гл. 2.

[4]) Наказы Кавказскимъ казакамъ. Рукопись академика Буткова.

[5]) Исторія Соловьева т. XIX.

[6]) Кизлярскій архивъ. Дѣло 1734 года № 1.

Глава V.

[1]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа часть I.

[2]) Изъ дѣлъ Кизлярскаго архива. Приказъ генерала Левашова отъ 5 августа 1736 года.

[3]) Изъ дѣлъ Кизлярскаго архива.

[4]) Тоже. Копія съ постановленія Сената 26 мая 1736 года.

[5]) Ставропол. архивъ. Дѣло 1839 года № 47. Записка о Кизкярскомъ полку.

[6]) Попко: Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ Гребенское войско и разрозненныя бумаги Кизляр. архива.

[7]) Буткова: Матеріалы для новой исторіи Кавказа часть I.

[8]) Извѣстія, сообщенныя отъ правительства о военныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ въ 1736 году.

[9]) Тамъ же и Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа часть I.

Глава VI.

[1]) Извѣстія, сообщенныя отъ правительства о военныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ въ 1737 году. Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа.

[2]) Тамъ же.
[3]) Соловьевъ: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
[4]) Кизлярскій архивъ. Указъ Левашова войсковому атаману Петру Михайлову, старшинамъ и всѣмъ казакамъ Терско-Семейнаго войска 19 октября 1735 года.
[5]) Наказы Терско-Семейному войску. Рукопись академика Буткова.
[6]) Кишмишевъ. Походы Надиръ-шаха.
[7]) Тамъ же.
[8]) Полн. Собр. Зак. томъ XII ст. 9642.
[9]) Изъ дѣлъ Кизлярскаго архива и Буткова: Матеріалы для новой ист. Кавказа часть I.
[10]) Указъ помѣщенъ въ полн. собр. зак.
[11]) Изъ дѣлъ Кизлярскаго архива.
[12]) Тамъ же. Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа.
[13]) Тамъ же.
[14]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины II.

Глава VII.

[1]) Ставропольскій архивъ. Дѣло 1828—1834 годовъ № 251/7. «Объ отмежеваніи Гребенскому войску земель».
[2]) Попко: Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Изъ матеріаловъ, собранныхъ Г. Т. Синюхаевымъ.
[6]) Докторъ Григорьевъ: Медицинская часть на Кавказѣ. Рукопись воен.-истор. отдѣла.
[7]) Донесеніе Ермолова Начальнику Главнаго Штаба 26 мая 1826 года.
[8]) Григорьевъ: Медицинская часть на Кавказѣ. (Рукопись).
[9]) Тамъ же.
[10]) Попко: Терскіе казаки, глава 14.
[11]) Кизлярскій комендантскій архивъ. Донесеніе Кизлярскаго коменданта Астраханскому губернатору Бекетову 27 іюня 1767 года № 303.
[12]) Тамъ же. Предписаніе Кизлярскому коменданту губернатора Бекетова 13 августа 1767 года.
[13]) Попко: Терскіе казаки.
[14]) Тамъ же.
[15]) Тамъ же.
[16]) Полн. Собр. Зак. томъ XVIII ст. 12972.
[17]) Тоже, томъ XV ст. 11299.
[18]) Попко: Терскіе казаки.
[19]) Полн. Собр. Зак. т. XIX ст. 13620.

Глава VIII.

[1]) Вся переписка по церковнымъ дѣламъ заимствована изъ соч. Попко: Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ (Гребенское войско), а также Ставропольскій архивъ, дѣла Астраханской епархіальной консисторіи 1738—1765 годовъ.

Глава IX.

[1]) Ак. Кавк. арх. Ком. томъ II ст. 1106.
[2]) Указъ 9 октября 1762 г.

[3]) Ак. Кавк. арх. Ком. томъ I. Кабардинскія дѣла.
[4]) Тамъ же.
[5]) Буткова: Матеріалы для новой исторіи Кавказа, часть I.
[6]) Тамъ же.
[7]) Ак. Кавк. арх. Ком. томъ I. Кабардинскія дѣла.
[8]) Наказы Терско-Семейному войску. Рукопись академика Буткова.
[9]) Кизлярскій архивъ, изъ бумагъ Астраханскаго губернатора Бекетова.
[10]) Петровъ: Война Россіи съ Турціей 1769—1774 г., часть I.
[11]) Тамъ же.
[12]) Очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Изданіе воен.-истор. отд. при Штабѣ Кавк. воен. округа.
[13]) Петровъ: Война Россіи съ Турціей 1769—1774 г.
[14]) Ак. Кавк. арх. ком. томъ I. Кабардинскія дѣла.
[15]) Высочайшій указъ 3-го ноября 1769 г.
[16]) Петровъ: Война Россіи съ Турціей 1769—1774 г.
[17]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа, часть I.
[18]) Ак. Кавк. арх. Ком. Кабардинскія дѣла. Рапортъ генерала Медема 20 сент. 1769 г.
[19]) Тамъ же.
[20]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа, часть I.
[21]) Указъ Сената 12 ноября 1733 года. Ставр. арх. Записка о Волжскомъ войскѣ.
[22]) Высочайшая грамота Волжскому войску 20 ноября 1734 года.
[23]) Изъ журнала Астраханской губернской канцеляріи 12 марта 1775 года.
[24]) Полн. Собр. Зак. томъ XX ст. 14364 и 14607. Докладъ Высочайше конфирмованный 22 января 1770 года.
[25]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа.

Глава X.

[1]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа, часть I и Петровъ. Война Россіи съ Турціей 1769—1774 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Изъ разрозненныхъ дѣлъ Моздокскаго архива.
[5]) Моздокскій архивъ. Рапортъ Мозд. коменд. полк. Иванова 20 февр. 1772 г. № 99.
[6]) Моздокск. арх. Дознаніе, приложенное къ рапорту есаула Агафонова Моздок. коменданту отъ 9 февраля 1772 года.
[7]) Тамъ же. Рапортъ Моздокскаго плацъ-майора Повѣскина 13 февраля 1772 года.
[8]) Тамъ же.
[9]) Свѣдѣнія о пребываніи Пугачева на Кавказѣ помѣщены въ «Русской Старинѣ» 1883 года № 1.
[10]) Акты Кавк. арх. комис. Томъ I. Кабардинскія дѣла.
[11]) Тамъ же. Докл. ком. иностр. дѣлъ, конфирмованный Импер. 15 іюля 1771 года.
[12]) Моздок. арх. Рапортъ въ военную коллегію генер. Медема отъ 29 апрѣля 1773 года.
[13]) Акты Кавк. арх. ком. Томъ I. Кабардинскія дѣла.
[14]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа.
[15]) Тамъ же.
[16]) Донесеніе Кабардинскаго пристава Таганова генералу Медему 3 марта и рапортъ Медема военной коллегіи 15 декабря 1773 г. (Изъ разрозненныхъ дѣлъ Моздок. архива).

[17]) Изъ дѣлъ Моздокскаго архива.
[18]) Тамъ же.
[19]) Рапорты Моздокскаго коменданта генералу Медему отъ 30 января 1774 г. №26 и 27.
[20]) Донесеніе Моздокскаго коменданта 7 марта 1774 г. № 78.

Глава XI.

[1]) Моздок. арх. Предписаніе Кизл. коменд. полковнику Савельеву 13 января 1774 года № 20 и 25 января № 30.
[2]) Журн. Астрах. губерн. канцеляріи отъ 5 февраля 1774 г. № 77 и наказъ Терско-Семейн. казакамъ. Рукопись академика Буткова.
[3]) Предпис. Кизляр. коменд. полковнику Савельеву 5 февраля 1774 года № 79.
[4]) Кизляр. арх. Журн. вход. и исход. бумагъ съ 1 января 1774 г. по 1 января 1775 г.
[5]) Предп. Мозд. коменд. полковнику Савельеву 11 марта 1774 года № 158.
[6]) Тамъ же. (Дѣла Моздокскаго архива).
[7]) Кизляр. арх. Журн. исход. бумагъ за 1774 г. Рапортъ Савельева 11 апрѣля.
[8]) О подвигѣ Платова. См. «Кавк. война». Потто. Газета «Кавказъ» 1853 г. № 78 и «Сѣверн. арх.» 1823 года № 21.
[9]) Рапортъ генерала Медема Военной коллегіи 14 апрѣля 1774 года.
[10]) Рапортъ Медема 3 марта 1774 года и другое донесеніе 20 іюня того же года.
[11]) Рапортъ Медема 11 іюня 1774 года. Медемъ ошибочно доносилъ, что скопище находилось подъ личнымъ начальствомъ хана; здѣсь былъ Калга.
[12]) Моздок. арх. Рапортъ Мозд. коменд. коменданту Кизляра 21 іюня 1774 г. № 185.
[13]) Дорожн. записки Самарина. Сѣверная пчела 1862 года №№ 133, 134 и 160.
[14]) Тамъ же.
[15]) Рапортъ Медема 20 іюня 1774 года.
[16]) Рапортъ Моздок. коменд. 21 іюня № 185.
[17]) Кизлярск. арх. Отзывъ Медема Астрахан. губерн. Кречетникову 17 іюня 1774 года.

Глава XII.

[1]) Дагестанскій сборникъ Дагестанскаго областного статистич. комитета. Книга 4-я.
[2]) Ставропольск. арх. Матер. для истор. Гребенского войска, собранные и представленные при запискѣ кол. секр. Сатвалова.
[3]) Предпис. Мозд. коменд. въ Мозд. артил. цейх. о пополненіи истраченныхъ припасовъ 12 августа 1775 года № 416.
[4]) Журн. Астрах. губ. канцел. 12 марта 1775 года. Мы приводимъ его въ сокращ. видѣ.
[5]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа.
[6]) Исторія Хоперскаго казачьяго полка. Толстого.

Глава XIII.

[1]) Ставропольскій архивъ. Историч. Матеріалы о Волжскомъ казачьемъ полку (изъ бумагъ И. Д. Попко).
[2]) Исторія Хоперскаго полка. Толстого.
[3]) Изъ бумагъ Моздокскаго архива 1781 года. Ордера генерала Фабриціана.
[4]) О знаменахъ. Особая записка Г. Т. Синюхаева.
[5]) Изъ дѣлъ Моздокскаго архива. Бумаги генерала Якоби.
[6]) Историческій очеркъ Кавк. войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Издан. воен.-ист. отд. Шт. Кавк. воен. окр. и Буткова: Матеріалы для новой исторіи Кавказа.

[7]) Тамъ же и Кизляр. арх. Рапортъ войсковаго атамана Семейнаго войска Татаринцева Кизлярскому коменданту 8 іюня 1779 года.

[8]) Тамъ же.

[9]) Ставроп. архивъ: дѣла казачьи. О Волжскомъ казач. полку (изъ бумагъ И. Д. Попко).

[10]) Историч. очеркъ Кавк. войнъ. Изд. воен.-истор. отд. Шт. Кавк. воен. округа.

[11]) Изъ бумагъ Моздокскаго архива. Донесеніе Якоби 30 сентября 1779 года.

[12]) Моздокскій архивъ. Донесеніе Якоби 9 декабря 1779 года.

[13]) Бентковскій. Дѣла на Кавказѣ отъ построенія Моздока до учрежденія намѣстничества.

Глава XIV.

[1]) Составъ Астраханскаго, впослѣдствіе Кавказск. корпуса, былъ слѣдующій: пѣхотные полки—Кабардинскій, Ладожскій, Томскій, Куринскій, Астраханскій, Владимирскій, Казанскій, Селенгинскій и 2 Московскій—всѣ двухбаталіоннаго состава, затѣмъ егерскіе баталіоны—Кабардинскій, Горскій и Свіяжскій и два гарнизонные—Моздокскій и Кизлярскій.

Конница: два драгунскіе полка—Владимирскій и Астраханскій, каждый 10-ти эскадроннаго состава; одинъ Уральскій казачій и четыре Донскихъ: Дячкина, Яновскаго, Сулимы и Грекова; поселенные линейные казаки составляли войска: Гребенское, Терско-Семейное, Терско-Кизлярское и полки: Моздокскій, Волжскій и Хоперскій. (Гизетти. Хроника Кавказскихъ войскъ. Издан. воен.-истор. отд. Шт. Кавк. воен. округа).

[2]) Истор. очеркъ Кавк. войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Издан. военно-истор. отд. Буткова: Матеріалы для новой исторіи Кавказа часть 2.

[3]) Московскій архивъ. Донесеніе Якоби за 1781 годъ.

[4]) Тамъ же. Донесеніе генерала Медема за 1773 и 1774 г.

[5]) Кизляр. арх. Донес. Кизл. ком. войск. атам. Филиппа Иванова 1 декабря 1771 года.

[6]) Рапортъ Мозд. коменд. атамана Терско-Семейнаго войска Федорова 20 іюня 1787 г.

[7]) Очеркъ Кавк. войнъ отъ ихъ начала до присоед. Грузіи. Изд. воен.-истор. отд. Шт. Кавк. воен. округа.

[8]) Изъ дѣлъ Кизлярскаго архива. Бумаги П. С. Потемкина.

[9]) Мозд. арх. Бумаги полк. Нагеля. Прик. по его отряду 22 апрѣля и 6 мая 1784 г.

[10]) Тамъ же. Высочайшее повелѣніе 9 мая 1785 года.

[11]) Истор. очеркъ Кавказскихъ войнъ. Изданіе воен.-истор. отд.

[12]) Сб. Импер. Русск. Истор. Общ. Томъ 47.

[13]) В.-Уч. арх. Главн. Штаба. Рапортъ генер. Потемкина князю Потемкину 31 іюля № 36.

[14]) Кизл. архивъ. Донесеніе генерала Леонтьева П. С. Потемкину 16 августа.

[15]) Тамъ же.

[16]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа часть II.

[17]) Донесеніе генерала Вреде 31 іюля 1785 года.

[18]) Мозд. арх. Донесеніе полк. Лунина генералу Леонтьеву 27 августа.

[19]) Тамъ же. Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 2 октября № 92.

[20]) Толстовъ: Исторія Хоперскаго казачьяго полка.

[21]) Мозд. арх. Приказъ по отряду полковн. Нагеля 9 іюля 1786 г.

[22]) Тамъ же. Рапортъ Нагеля отъ 1 и 2 ноября 1786 года.

[23]) Мозд. арх. Донесеніе П. С. Потемкина князю Потемкину № 319.

[24]) Мозд. арх. Дѣло 1786 года № 38.

Глава XV.

[1]) Моздок. архивъ. Дѣло 1786 года № 241.

[2]) Дубровинъ: Ист. Кавк. войны и ист. очеркъ Кавк. войнъ. Изд. воен.-ист. отд.
[3]) Изъ дѣлъ Мозд. архива. Дѣла 1787 года.
[4]) Мозд. архивъ. Дѣла 1787 года № 275.
[5]) Бутковъ. Часть 2-я. Глава 140. Въ то же время султанъ отправилъ въ подарокъ Мансуру золотые часы и зрительную трубу.
[6]) Толстовъ. Исторія Хоперскаго казачьяго полка.
[7]) Мозд. арх. Донес. П. С. Потемкина князю Потемкину 26 августа 1786 г. № 706.
[8]) Мозд. арх. Копія со всепод. донесенія князя Потемкина 23 октября 1787 г. № 46.
[9]) Зап. Ермолова. Часть 2 я.
[10]) Кавк. Сборн. Изд. воен.-истор. отд. Кавказъ съ 1787—1889 г. Томъ XIV.

Глава XVI.

[1]) Кавк. Сборн. Томъ XIV. Кавказъ съ 1787—1789 г. Письмо Текелли П. С. Потемкину.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Моздок. архивъ. Приказъ Текелли 13 февраля 1788 года.
[6]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Глава 142.
[7]) Кавк. Сборн. Томъ XIV. Разрозненныя бумаги Георгіевскаго арх. Къ сожалѣнію нигдѣ не говорится, куда и когда былъ сдѣланъ чеченцами набѣгъ и какіе именно плѣнные были отбиты.
[8]) Тамъ же.
[9]) Мозд. арх. Предп. князя Ратіева бригадиру Нагелю 19 и 21 января 1788 г.
[10]) Бентковскій. О колонизаціи на Сѣв. Кавказѣ.
[11]) Докторъ Григорьевъ: Медицинск. часть на Кавказѣ. Рукопись воен.-истор. отдѣла.
[12]) Рѣка Невинка до этого времени носила странное и совсѣмъ нецензурное названіе. Въ Мозд. арх. имѣется дѣло за № 214—63: о переименованіи рѣчки Х.... въ Невинную по непристойности ея изрѣченія.
[13]) Кавк. сборники. Изд. воен.-истор. отд. Томъ XIV и XIX гдѣ напечатаны рукописи Буткова, хранящіяся въ Импер. академіи наукъ.
[14]) Тамъ же. Походный журн. Текелли.
[15]) Изъ не издан. рикоп. академика Буткова. Кавк. сб. Томъ XIX.

Глава XVII.

[1]) Походъ Бибикова. См. Воен. журн. 1818 года, кн. 8 и Кавк. Сборн. Томъ XIX. Вѣдом. представл. барономъ Розеномъ о сост. Кавк. корпуса по возвращеніи его изъ-за Кубани.
[2]) Не изд. документы акад. Буткова. Кавк. сб. т. XX. Всепод. донес. князя Потемкина 14 мая 1790 года. Истор. зап. о Волжскомъ полку, составл. при дежурствѣ Кавк. Линейнаго казачьяго войска Яковлевымъ (Ставроп. архивъ).
[3]) Не изд. бум. акад. Буткова. Кавк. сб. т. XX.
[4]) Тамъ же. Рапортъ графа Бальмена Потемкину 29 сентября 1790 года № 225.
[5]) Кавк. сб. т. XX. Журн. Кампаніи на Кавк. линіи 1790 года отъ 22 по 30 сентября.
[6] Рапортъ генерала Германа 4 октября 1790 года

Глава XVIII.

[1]) Кавк. сб. томъ XVII. Журн. экспед. къ Анапѣ 1791 года. Не изд. докум. ак. Буткова.
[2]) Тамъ же. Рапортъ Гудовича князю Потемкину 29 іюня 1191 года № 546, Нельзя не

отмѣтить, что въ общей вѣдомости о потеряхъ на штурмѣ Анапы изъ числа Волжскихъ офицеровъ раненымъ показанъ только одинъ. Надо полагать, что остальные шесть, какъ оставшіеся въ строю, а можетъ быть и не запасшіеся во время перевязочными свидѣтельствами въ вѣдомость эту не попали.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

[5]) Свѣдѣнія о потеряхъ въ этихъ обоихъ отрядахъ доставлены не были, а потому и не вошли въ общую реляцію.

[6]) Попко: Исторія Терскаго войска съ стар. временъ. За какія отличія произведенъ Максимъ Фроловъ въ капитаны неизвѣстно, такъ какъ въ реляціи объ Анапскомъ штурмѣ о немъ не упоминается.

[7]) Два эскадрона драгунъ и баталіонъ егерей.

[8]) Кавк. сборн. Томъ XVII.

[9]) Всепод. донесеніе Гудовича 1792 г. Кавк. сб. Томъ XVIII.

[10]) Полное собраніе законовъ. Томъ XVIII. Ст. 17025.

[11]) Кубанскій сборникъ томъ IV 1898 года.

[12]) Кавказъ съ 1787—1799 г. Кавказскій сборникъ томъ XVIII.

Глава XIX.

[1]) Русская Стар. 1887 года февр. Персидск. пох. 1796 г. Воспомин. В. И. Бакуниной.

[2]) Мат. для перс. похода. Прил. ко 2-му тому. Буткова. Мат. для ист. нов. Кавказа и Сборн. Имп. Ист. Русск. Общ. томъ 47.

[3]) Истор. войны на Кавказѣ. Дубр. томъ III.

[4]) Дневн., веденный во время персидскаго похода 1796 года. Прилож. къ 2-му тому соч. Буткова.

[5]) Тамъ же.

[6]) Дубровинъ. Томъ II.

[7]) Воспомин. Бакуниной. Рус. стар. 1887 г. февраль.

[8]) Ставр. арх. Ордеръ генерала Платова 9 сентября 1796 г. № 612. Истор. матер. къ исторіи Гребенского войска, собр. Яковлевымъ.

Глава XX.

[1]) Мозд. арх. Прошеніе команд. Волжскаго казачьяго полка поручика Страшного 2 іюня 1798 года.

[2]) Тамъ же. Рапортъ Савельева генералу Кноррингу 29 апрѣля 1799 года.

[3]) Истор. свѣдѣнія о Терск. каз. войскѣ, составленныя изъ архивныхъ дѣлъ войскового дежурства Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска Яковлевымъ.

[4]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXV. Статья 18239. Указъ на имя войскового атамана Донского войска Орлова.

[5]) Георгіевскій архивъ. Бумаги генерала Савельева.

[6]) Полное собр. зак. Томъ XXV. Ст. 18874. Указъ 26 февраля 1799 года.

[7]) Тамъ же. Ст. 19135.

[8]) Попко: Гребенскіе казаки.

[9]) Полное собраніе законовъ. Томъ 25. Ст. 18865. Указъ 9 января 1799 года.

[10]) Полное собраніе законовъ. Томъ XXIV. Ст. 18108.

[11]) Георгіевскій архивъ. Секретное предписаніе Гудовичу 9 марта 1797 года.

[12]) Рапортъ полковника Лихачева командиру Нижегородскаго драгунскаго полка. Изъ старыхъ бумагъ Нижегородскаго полка за 1798 годъ.

[13]) Бутковъ: Матеріалы для новой исторіи Кавказа. Часть 3. Стр, 316.

[14]) Ставропольск. архивъ. Матер. для исторіи Гребенского войска, собран. Яковлевымъ (Изъ бумагъ И. Д. Попко .

[15]) Архивъ Штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1801 года № 42. О смѣнѣ линейныхъ казаковъ, находящихся въ Тифлисѣ.

[16]) Моздок. архивъ и акты Кавк. археограф. ком. Томъ I. Статья 1056. Донесеніе Кнорринга 6 мая.

[17]) Тамъ же. Ст. 1061. Донесеніе Кнорринга 4 іюня.

[18]) Донесеніе Кнорринга 25 іюля 1800 года и записка его же отъ 5 августа 1801 года.

Стремясь пролить возможно болѣе свѣта на прошлое Терскаго казачества и относясь съ большимъ уваженіемъ къ каждой исторической работѣ, помѣщаемъ въ видѣ приложенія слѣдующія замѣчанія нашего историка Г. А. Ткачева на первый томъ сочиненія В. А. Потто: „Два Вѣка Терскаго Казачества".

Генералъ-Маіоръ Чернозубовъ.

Замѣчанія на книгу „Два Вѣка Терскаго Казачества" В. А. ПОТТО.

Просмотрѣвъ вышедшій I томъ книги «Два вѣка Терскаго Казачества» В. А. Потто, я нашелъ въ ней слѣдующія мѣста, нуждающіяся въ исправленіи:

Страницы.	Напечатано.	Слѣдуетъ исправить.
5	«Царь вмѣстѣ съ ними отправилъ и своего посла Андрея **Щепетова**» (ссылка 8 на Бѣлокурова).	**Щепотева**. Бѣлокуровъ стр. XLIII.
5	На той же страницѣ то же имя встрѣчается еще 2 раза.	
5	«Послѣдній Астраханскій царь **Емурчей**».	**Ямгурчей**. Бѣлок., стр. XL. То же—Перепятковичъ. Поволжье въ XV и XVI ст. Стр. 213, 214 и т. д. до 219.
5	«Емурчей бѣжалъ **въ Тюмень**, въ это полуторовое, полуразбойничье мѣстечко».	У Бѣлокурова сказано, что бѣжалъ «**въ родственные ему Черкасы**, гдѣ онъ имѣлъ прибѣжище». Стр. XL. Черкасы не были **Тюменью**.
5	«Князь Тутарыкъ **Езбузлуевъ**».	Бѣл. на стр. XLIV. На стр. же 4 **Ельбузлувъ**, что правильнѣе.
6	«Отпуская пословъ, царь положилъ на Пятигорскую землю дань, обязавъ доставлять въ Москву ежегодно по 1000 аргамаковъ, «и ходить черкасскимъ князьямъ на всякія государевы службы, и на войну вмѣстѣ со сьоими людьми, въ числѣ 20 т.». Ссылка (8) на Бѣлокурова.	У Бѣлок. же на стр. XLIV: «Сибокъ князь отъ всей земли Черкасской» билъ челомъ о царской помощи «на Турскаго городы, на Азовъ и на Крымского», а они холопи царскіе съ женами и дѣтьми во вѣки, чтобы царь,—говоритъ другой источникъ,—взялъ ихъ со всею землею за себя, положилъ на нихъ дань—доставлять ежегодно по 1000 аргамаковъ и ходить Черкасскимъ князьямъ на всякія государевы службы и на войну вмѣстѣ съ своими людьми въ количествѣ 20000».

6 Онъ (Темрюкъ) воевалъ на берегахъ Волги и Дона, громилъ старинныхъ враговъ Кабарды—**Калмыковъ** и татаръ и, наконецъ, смѣло поднялъ оружіе противъ сильнаго Крымскаго хана. Ссылка (17) на Бѣлокурова.

У Бѣлокурова о калмыкахъ нигдѣ не говорится.

Вотъ войны Темрюковы:

1563 г. Темрюкъ, взявъ въ Астрахани 500 стрѣльцовъ и 500 казаковъ, «воевалъ Шепшуковы улусы да Тацкіе земли, взялъ 3 княжьихъ Шепшуковыхъ города **Мохань, Енгирь** (Алагирь?) и **Кованъ** (Кобанъ?), завоевалъ 161 кабакъ **Мшанскихъ** и **Сонскихъ**, захватилъ 4-хъ мурзъ: **Бурнаша, Езднoура** (Азнаура?), Бурнака, Дудыля, а мурзу Темишку убилъ,—и ушелъ, положивъ на нихъ дань». Бѣлок. LXI.

1567 г. «Въ грамотѣ, которую Девлеть-Гирей прислалъ съ Аличаушемъ, писалъ: «и милосердаго Бога милостію на ихъ землю рать послалъ есми; и отъ тебя Черкасъ отлучая, всю землю Черкаскую воевали и жгли и жены и дѣти имали и животину и овцы пригнали». Бѣлок. LXVIII.

Съ тѣмъ же **Али** князь **Сулешъ** писалъ: «калга Магметъ-Гирей царевичъ въ головахъ да Адыл-Гирей царевичъ да Алпъ-Кирѣй царевичъ и уланы *) и князи со многою всею ратью ходили на Черкасъ и воевали и пришли». Бѣлок. LXIX.

Съ тѣмъ же Али **Мегметъ-Гирей** писалъ, что «ходили того мѣста смотрѣти, гдѣ на Теркѣ городъ поставили («ажно правда, что ты городъ поставилъ»), воевали Кабардинскихъ Черкасъ, взяли у нихъ въ плѣнъ больше 20000 и забрали всю животину, которая у нихъ была». Бѣлок. стр. LXVI—LXIVII.

1570 г. Извѣщали царя, что тесть его князь Темрюкъ ходилъ помогать «Баязытцкимъ Черкасомъ». «И былъ Темрюку съ царевичемъ бой, и Темрюкъ съ бою съѣхалъ раненъ; а двy сыновъ Темрюковыхъ Мамстрюка да Беберюка царевичъ Анди-Гирей (Адиль-Гирей) на бою взялъ и привелъ съ собою въ Крымъ». Бѣлок. LXXVII.

1572 г. «Шора-Ногмовъ сообщаетъ также, что Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, въ отмщеніе, около 1572 г. напалъ на Кабарду и послѣ жестокаго сраженія удалился

*) Что по-русски: «дѣти боярскіе».

8 Ссылки № 22 и 22 не имѣютъ указанія.

10 «Что было начальною причиной этой вражды, документы не объясняютъ, но, судя по тому, что царскій воевода князь Вишневецкій, находившійся тогда въ Кабардѣ, былъ немедленно отозванъ въ Москву «того для, что учалъ жити въ Черкасахъ не по государеву наказу».

10 Ссылка № 33. Источникъ не указанъ.

11 Ссылка № 36. Источникъ не указанъ.

13 «Онъ (Герберштейнъ) два раза посѣтилъ Россію и, прекрасно владѣя славянскимъ языкомъ, изученнымъ имъ съ дѣтства, **введенъ въ заблужденіе подобно тѣмъ,** которые плохо справляются съ мѣстными нарѣчіями».

16 «Переволоклись **Камышевкой** на Волгу».

18 «Къ этому прибавились еще набѣги **Чеченцевъ,** подрывавшіе въ корень хуторское хозяйство» (Гребенцовъ за Сунжей).

18 **Маіортупъ**—«Становище храбрыхъ» (убійство одного русскаго).

изъ нея, плѣнивъ двухъ князей Шихъ-Мурзу и Камбота изъ поколѣнія Идарова. Бѣлок. LXXIX.

О КАЛМЫКАХЪ. «Калмыцкая орда, въ составъ которой входило до 50000 кибитокъ, оставила Чжунгарію, подъ предводительствомъ **Хо-Урлока,** въ 1618 году. Дойдя къ сѣверу до Тобола, она въ 1630 г. **достигла береговъ Волги...** Занятіе береговъ Волги въ періодъ 1630—1632 г. было только временнымъ. Главный юртъ ихъ въ эту пору постоянно находился за Ураломъ»... Энц. Сл. т. XIV стр. 57.

Обѣ изъ Бѣлокурова; первая стр. XLVI, вторая LIII. Указанія на жалобы подданныхъ на Шевкала и о перемѣнѣ Шевкала: LXIII.

Въ этомъ предложеніи нѣтъ окончанія.

Бѣлокуровъ. Стр. LIX.

У Бѣлокурова въ относящемся сюда мѣстѣ (LXII и LXIII) князь названъ **Матловъ; Мамстрюкъ** же былъ 17 іюня 1565 года и ходилъ съ Дашковымъ.

Что-то въ этомъ предложеніи не прилажено.

Камышенкой.

До 2-й половины XVII столѣтія о чеченцахъ не было слышно. Нападали Эндерійцы и Кумыки. О Чеченцахъ русскіе акты впервые узнали въ 1708 году. Берже, Чечня и Чеченцы, стр. 140. Энц. Слов. Томъ XXXVIII, стр. 786.

Берже объясняетъ это иначе.

«Неподалеку отъ **Маіортупа** было укрѣпленіе **Али-Султанъ-Кала,** откуда чеченцы

вытѣснили калмыковъ и заняли около укрѣпленія мѣсто, которое нынѣ называется **Маіоръ-тупъ**, т. е. «**Станъ Храбрыхъ**». Берже, Чечня и Чеченцы 131.

22 «Донскіе и **Волжскіе** казаки, поляки, грузины, черкесы и другіе, пришедшіе по разнымъ обстоятельствамъ».

Волжскихъ казаковъ нѣтъ въ историческихъ свѣдѣніяхъ, которыя у насъ имѣются (см. рапортъ 26 октября 1828 года № 278 командовавшаго Кизлярскимъ Терскимъ войскомъ штабсъ-капитана Мещерякова и рапортъ командовавшаго Кизлярскимъ полкомъ подполковника Алпатова 21 іюля 1854 года № 4530). Повидимому, слово **Волжскихъ** здѣсь составителемъ прибавлено.

25 «По словамъ **Шора-Ногманъ**».

Имя историка Адыхейскаго народа: **Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ.**

25 «Но такъ какъ на Гребняхъ въ это время (1569) стояли уже два Гребенскіе городка Червленный и Щедринскъ».

На Гребняхъ никакихъ городковъ въ это врдмя не стояло. Авторъ неправильно ссылается на меня, такъ какъ я приводилъ оффиціальныя даты объ основаніи этихъ городковъ—1567 и 1569 г.г. ради курьеза, а не серьезно.

25 «Мамстрюка и **Баберюка**». Ссылка (4) на Бѣлокурова.

У Бѣлокурова на стр. LXXVII **Беберюкъ.** Да и Крымскій царевичъ былъ не **Анди-Гирей**, а **Алды-Гирей** (Адиль-Гирей) (Бѣлок. LXXXVII), впослѣдствіи проходившій мимо Терскаго городка при Новосильцевѣ. Въ исторіи, назначаемой для широкаго пользованія, нужно выправлять имена, а не ставить исковерканными.

25 «Попытка Грознаго выкупить ихъ (Мамстрюка и Беберюка) не имѣла успѣха». Ссылка № 4 на Бѣлокурова.

Ссылка неправильна; у Бѣлокурова нѣтъ данныхъ, что князья остались не выкуплены ихъ выкупили. Бѣлок. LXXVII.

26 Царь отпустилъ съ Канбулатомъ въ 1577 г. воеводу Лукьяна Новосильцева «для городового дѣла»... и съ этихъ именно поръ, т. е. съ 1577 года Высочайше повелѣно считать старшинство нынѣшняго Терскаго войска. Ссылка въ первой части (4) на Бѣлокурова.

Ссылка неправильна. У Бѣлокурова на стр. LXXIX говорится, что Канбулатъ князь пріѣзжалъ въ Москву «изъ Пятигорскихъ Черкасъ» въ 1578 г. Слѣд., не раньше того съ нимъ могъ быть отпущенъ **Новосильцевъ.** О построеніи города именно въ 1578 году сказано еще на стр. LXXXVII. Съ другой стороны видно, что и Крымскій царевичъ шолъ въ Дербентъ мимо Терки въ томъ же 1578 г., такъ что разбить остатки его войска въ 1577 г., какъ говоритъ авторъ, было невозможно. (См. «Исторія города Дербента». Козубскаго. Стр. 54. Бѣл. 5).

29 «**Шалоховыхъ** кабакахъ».

Шолоховыхъ. Шолохъ Таусултановъ считается основателемъ и родоначальникомъ

князей Малой Кабарды. (См. мою «Родословную». Также Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, стр. 93).

29 «На кражѣ **за вѣды**».

«На краже **не за вѣды**», Бѣлок. 8.

30 «Мурашкинъ привелъ рать на Донъ».

Мурашкинъ шелъ Волгою.

33 Въ началѣ главы поставлены не нужныя ковычки.

34 (Московскіе) «Послы отправились въ путь не черезъ Шамхальскія земли, берегомъ Каспійскаго моря, а **кругомъ**, черезъ владѣнія **Аварскаго** хана».

Путь черезъ Аварскаго хана былъ именно прямой, по сравненію съ путемъ по берегу Каспійскаго моря. Слѣдов., здѣсь путаница. Кромѣ того, послы вовсе не тѣмъ путемъ ходили. См. Бѣлокуровъ 33 и 34. Подробно объ этомъ позже. См. къ стр. 37.

35 «Городъ (Терки) былъ расположенъ верстахъ въ четырехъ или пяти отъ берега моря, **на лѣвой сторонѣ Терека.** Ссылка на Олеарія и Котова.

Ссылка невѣрна, такъ какъ у Олеарія городъ **Терки** поставленъ на правомъ, а не на лѣвомъ берегу Терека. (См. «Путешествіе Адама Олеарія», сост. имъ карту, прил. на стр. 512. Въ текстѣ онъ также говоритъ (стр. 423): «Черкасскіе татары живутъ по сю сторону рѣки, въ особомъ городѣ». Тоже показываетъ на стр. 424 картинка).

У Бѣлокурова тоже сказано: «городъ Терка стоитъ у моря промежъ водъ» (стр. 546). «Воды» тогда были: рѣка Быстрая, текшая отъ Терки въ 20 верстахъ, и Терекъ. Бѣлок. 545.

35 «Весною вся низменная мѣстность затоплялась водою, оставлявшею послѣ себя долго не просыхавшія болота».

Олеарій ѣхалъ изъ Тарковъ въ Терку 19—20 мая. Изъ Терки сухопутно же выѣхалъ 2 іюня. Ни о чемъ подобномъ онъ не пишетъ. Наоборотъ, удивляется большому количеству тушканчиковъ (стр. 514). Дальше онъ же пишетъ: «Мы видѣли лишь одну ровную пустынную, **сухую**, песчанную, рѣдкою травою покрытую почву» (520).

Камышами Терка была прикрыта только со стороны моря. Ясно, что въ ту эпоху русла рѣкъ, текшихъ внизу, были глубже и берега выше (см. также картинку, гдѣ нарисована Терка, на стр. 424).

37 **Индели.**

Индили. Бѣлокур. стр. 33.

37 «Биркинъ и Пивовъ шли отъ Суншина Городища на Черкаскаго князя Алкаса, а потомъ мимо горской землицы Ококи, на Индели (Андреевское). См. раньше, къ стр. 34.

Въ корнѣ неправильно. Вотъ собственная отписка пословъ Биркина и Пивова, которую авторъ упустилъ изъ виду, ограничившись упоминавшимися раньше 129 страницами предварительнаго текста: «Лѣта 7095 июля въ 20 ден по государеву и великого

князя Өедора Ивановича всеа Русіи наказу Родивон Биркин да Петръ Пивов **пошли с Суншина городища въ Грузинскую землю на Черкасы на Алкаса князя мимо Горскіе землицы—Ококи, Кумуки, Минкизы, Индили, Шибуты***); а пришли подъ Алкасов кабак июля въ 27 ден. И не доходя до Алкасова кабака за пят верст, Родивон да Петръ стали, да послали от себя к Алкасу князю толмача да черкашенина Хуршита (Бѣлок. 33)... И Алкас княз Родивону да Петру говорил: ныне ди у меня с Кабардинскими князи война. А проводити вас до Грузинскіе земли послати нелзя, пошлю ди вас проводити **до Сонскіе земли****): а дале Сонскіе земли проводити нельзя, потому что нынѣ Иристов***) княз Сонской со мною не в миру». (Бѣлок. 44).—«И пошли от Алкаса князя августа въ 1 ден. **И шли до Сонскіе земли горами** пят ден; и пришли въ Сонскую землю к Еристову князю августа в 6 ден». (Бѣл. 34). «И въ **Сонской землѣ стояли недѣлю**, покупали лошади, ѣхати было не на чем. И ис Сонскіе земли пошли от Еристова князя августа въ 13 ден. И августа въ 16 ден **пришли Родивон да Петръ на рубеж на Грузинской**» (Бѣл. 35). Статейный списокъ посольства.

37 «Отцу приказывалъ слово твое **въ головѣ держать**».

Бѣлок. стр. LXXXII, также 64: **На головѣ.**

37 «Прожить въ **Окунах** никакъ невозможно».

Въ Окунахъ. Окуки или Ококи-Аухъ. Бѣлок. во всей книгѣ: 553, 554, 555. 556, 558, 560, 561, 530 и т. д.

38, 56, 62, 79. **Санчулей.**

Сунчалей. Бѣлок. на любой стран.: 553, 585, 558, 560, 561, 530 и под.

Неправильно. См. къ стр. 37.

40 «Алкасу и Солоху и **Аварскому хану съ братомъ**, черезъ земли которыхъ лежалъ ихъ путь».

50 Ссылка № 13. У автора нѣтъ.

И я указать не могу.

53 «Въ числѣ убитыхъ находился и самъ **Салтанъ-Мутъ**, въ которомъ Даге-

Салтанъ-Мутъ не былъ убитъ и былъ долго врагомъ русскихъ. У него въ 1610 го-

---

*) **Аухъ, Кумыки, Качкалыкъ** (Мичиковцы), **Андреева, Шатой**; нѣсколько нарушенъ порядокъ—слѣдовало: Кумыки, Индили, Окухи, Минкизы, Шибуты.

**) Подъ нынѣшн. станц. Коби.

***) **Эристовъ**, Грузинскихъ царей намѣстникъ.

станъ потерялъ одного изъ своихъ выдающихся военачальниковъ».

ду русскіе отняли Андреевскую деревню, вынудивъ его съ Батаемъ бѣжать въ «Окотцкіе кабаки» въ горы. Въ 1612 году на него опять сдѣланъ походъ, «Окоцкіе кабаки пожгли» и изъ «кабаковъ его выгнали». (Бѣл. 536). Въ 1614 году «Салтан-Магмут мурза з братьею безюртные люди, кабаковъ у нихъ нету». (Бѣл. 512). Упоминается также многое число разъ на разныхъ страницахъ.

Въ 1637 году Олеарій, называя его **архи-разбойникомъ**, говоритъ, что его уже въ Андреевской деревнѣ не было и что онъ пошелъ къ гробу Мухаммеда. «Вѣроятно замаливать грѣхи свои».- иронизируетъ Адамъ Олеарій («Путешествіе въ Московію» стр. 507).

57 «Царевичъ Петръ Ѳедоровичъ и не одинъ, а два».

Невѣрно. Былъ объявленъ только одинъ, **Илейко**, царемъ, а другой, Димитрій, «Митька», братъ на себя самозванство отказался.

Костомаровъ. («Историческія монографіи» кн. 2-я, стр. 288. (Смутн. вр. т. 2).

58 **Теляковскаго.**

Телятевскаго. Кост. «Истор. мон.» Кн. 2, стр. 271.

58 «Соединился съ Болотниковымъ въ Тулѣ» (Терскій самозванецъ Петръ).

Нѣтъ. Онъ пошелъ сначала въ Путивль, а уже потомъ подошелъ къ Тулѣ.

59 «При рѣчкѣ **Восмѣ**».

Возьмѣ. Кост. «Истор. мон.» кн. 2. 295.

61 «Намъ кажется, что умалчиваніе въ грамотахъ о Гребенскихъ казакахъ можно принять именно за доказательство, что они—и только они одни—оставались въ сторонѣ отъ бурныхъ движеній того времени».

Напрасно кажется. Впервые названіе **Гребенскіе казаки** встрѣчается съ именемъ убитаго ими на перевозѣ на Сунжѣ Домануkина сына Асланбека; а когда это было, неизвѣстно. До 1610—14 г.г., словомъ, Гребенскихъ отъ Терскихъ казаковъ не отличали и они шли подъ однимъ именемъ **Терскихъ**.

Въ смутахъ участвовали даже кабардинцы, что видно изъ слѣдующей росписи войскъ, бывшихъ съ Сапѣгою подъ Троицей, если подъ **Пятигорцами** разумѣть кабардинцевъ*).

*) Что кабардинцы были съ самозванцами, видно изъ слѣдующей челобитной посла Шолохова **Кардана Индорокова** 18 сент. 1615 года: «Тому 7-ой год, прислан я из гор отъ князя Шолоха и т. д. И как он шел къ Москве, и под Тулою его переняли казаки и ограбили и грамоты, которые с нимъ были, отняли и превели его к вору в Тушино: и он был у вора в Тушине. А как вор от Москвы побѣжал в Калугу, и он с вором же был в Калуге. А как в Калуге вора убили и он ис Калуги прибѣжалъ к Прокофью Ляпунову: и Прокофей сослал его въ Казань, и былъ онъ по си мѣсты въ Казани. А как на Московском государстве учинился великій г. и в. к. ц. М. Ѳ в. р. и про то ему подлинно вѣдомо» и. т. п. Челобитная оканчивается: «Покажи милость, пожалуй меня холопа Своего, вели отпустить в свою Черкасскую землю, Государь смилуйся, пожалуй». Бѣл. 528—529.

«Два корнета, казаковъ по сту въ каждомъ.

«Хоругвь казацкая, полкъ Буіавскаго 100 конныхъ.

«Сотня пѣхоты голубой.

120 конныхъ Пятигорскихъ Дзѣвалковскаго.

«Пача Мирскаго 100 конныхъ.

«Пана Колецкаго 150 конныхъ.

«**Двѣ хоругви пѣхоты по 250 (красной).**

«Полкъ гусаровъ подъ двумя хоругвями 250 конныхъ.

«**Пятигорцевъ 200 конныхъ.** И т. п.

Костомаровъ «Истор. Мон» Кн. 2, стр. 329

Почему было не быть Гребенцамъ?

62 «Мы полагаемъ такъ потому, что какъ увидимъ изъ дальнѣйшихъ разсказовъ боевой составъ Гребенского войска къ окончанію смутъ не только не уменьшился, но еще усилился, тогда какъ составъ Терцевъ уменьшился .. съ 4 т. дошелъ до 220 ч.»

Что составъ Гребенцовъ увеличился вслѣдствіе смутъ, это было извѣстно давно. Смуты явились однимъ изъ источниковъ, пополнившихъ Гребенское войско. Еще Ригельманъ говоритъ: «Умноженіе же ихъ, т. е. Гребенцовъ,— стало отъ временъ новаго бунтовства въ Астрахани, когда Донской казакъ Ивашко Заруцкой» и т. п. Но какое же здѣсь доказательство неучастія Гребенцовъ въ смутахъ? Наоборотъ.

63 «Стрѣлецкаго **сотника** Василія Хохлова». Ссылка 14 «источникъ авторомъ не указанъ».

Этотъ источникъ Бѣлокуровъ 547. Но Хохловъ былъ не сотникъ, а голова.

63 «**Хохловъ занялъ городъ, но Заруцкой не сталъ ожидать приступа** и 12 мая ночью бѣжалъ на судахъ вмѣстѣ съ своими казаками. Ихъ было 1050 человѣкъ». **Хохловъ, однако, настигъ ихъ на Волгѣ около Астрахани** «и учинилъ съ ними бой, и милостію Божіею» и т. д. (Ссылка на Бѣлокурова, о дѣйствіяхъ Терскаго войска противъ Заруцкаго. Кабард. дѣла 1614 г. д. № 1 и 2)

Въ этихъ самыхъ дѣлахъ № 1 и 2 Хохловъ о дѣлѣ разсказываетъ совсѣмъ другое: «а подъ Астрахань,—говоритъ онъ,— пришли **на страстной недѣлѣ въ среду и подъ Астраханью стояли недѣли съ 3 и тесноту всякую Астрахани чинили.** А после велика дни **на третье неделе** с четверга на пятницу въ ночи Ивашка Заруцкой изъ Астарахани побежалъ, а для береженья Ивашко поставилъ острогъ отъ города да отъ воротъ и до реки Волги с обе стороны; а, **выбежав из Астрахани, стоял на Болдѣ выше Астрахани версты с 3 день да ночь.** А онъ Василей съ ратными людьми вшел въ город и всяких людей привел х крестному цѣлованью и поставил караулы, чтоб они ночью Астарахани протокою на низъ не

прошли. И на утренней зорѣ Ивашко со всѣми людьми, которые с ним вышли, **пошел мимо Астарахани в судѣх, а людей с ним всяких** было 1050 человѣк; «**и они с ним учинили бой.** И милостію Божіею». и т. д. Бѣлокуровъ, стр. 547. Ссылка неправильна.

63 «Какая-то **панна** Варвара **Козановская.**

Подруга Марины Мнишекъ.

Костомаровъ. «Истор. Мон.», кн. 2, стр. 189.

66 «Аулы князя **Шалоха**»

Шолоха. Бѣл. 3, 5 и под.

67 «Добрыя отношенія приволжскихъ ордынцевъ».

Столица ногаевъ, Сарайчикъ, была на Уралѣ; тамъ же и кочевали они. На Волгѣ же было царство Астраханское. **Перет. «Повожье».**

67 «Нападеніе (вольныхъ Терскихъ казаковъ) **сдѣлано было** и на самого Олеарія».

На Олеарія нападенія не было, оно только замышлялось.

69 «Муцаломъ, бывшимъ тогда войсковымъ атаманомъ Терскаго войска».

Муцалъ, какъ и отецъ его, былъ княземъ «над Окочаны надо всѣми и над Черкасы, которые государю на Терке служат», но не атаманомъ казачьимъ (Бѣл. 558).

Послѣднее видно и изъ того, что казаки, собравшіеся на Олеарія, напали было на Муцала и только войска его испугались.

72 «Разбили большой татарскій улусъ мурзы **Шатемира**».

Шантемира. См. «Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки». Стр. 33.

73 «Тогда казаки вмѣстѣ съ кабардинцами заняли **въ городѣ** нѣсколько домовъ».

Въ какомъ **городѣ?** (Таркахъ). Изъ текста не видно.

75 Эндерійскій владѣлецъ **Казаналиповъ.**

Казаналп, т. е. **Казаналипъ,** но не **Казаналиповъ.** «Греб., Терск. и Кизл. казаки», стр. 31. См. также Попко 67,68.

76 «Но Сунженскій острогъ, одинокій, затерянный въ горахъ».

Къ Сунженскому острогу была проведена вода изъ Терека, о чемъ говоритъ самъ авторъ. Слѣд., въ какихъ же **горахъ** онъ былъ **заброшенъ?**

76 «Прибывшими съ княземъ Муцаломъ».

Въ Сунженскомъ острогѣ отсиживались: **Урусканъ Янсоховъ и Шангирей Урускановъ,** но самого Муцала съ ними не было.

77 «**Обостривать** дѣло».

Вѣроятно, **обострять.**

80 Ссылка 9. Источникъ не указанъ.

87 «Какъ полагаютъ, у Стараго Юрта и нынѣшней ст. Михайловской».

Почему не у Барагунъ?

89 Турпала **Нахчхуо.**

Берже пишетъ: «Нахчууо» Головинскій: «Нохчоо». Самъ Потто раньше писалъ:

		«Начхоо». Почему теперь: «Нахчхуо». (Берже. «Чечня и чеч.» 129; Головинскій. «Сборн. свѣд. о Терск. обл.» вып. I, стр. 258; Потто «Кавказск. война», т. 2. стр. 65).
89	«И **жены** даны намъ въ то утро».	«И **имена** намъ даны». Берже 129. Говинскій 258. Самъ Потто «Кавк. в.» т. 2, стр. 65.
90	«На лѣвомъ берегу **Гехи** при самомъ впаденіи ея въ Сунжу существуютъ понынѣ остатки какихъ-то окоповъ, на которые указываютъ, какъ на мѣстопребываніе одного изъ названныхъ хановъ (калмыцкихъ).	Тамъ, гдѣ указываетъ авторъ, лежитъ нынѣшній аулъ **Кулары**. Развалины же древнихъ **Куларовъ** находятся на лѣвомъ берегу Сунжи. (Смотри Головинскій. «Чеченцы». «Сборн. свѣд. о Терск. обл.» стр. 246).
92	**Схватились** только тогда».	Вѣроятно, **спохватились.**
93	«Возможно, что эти разъясненія, **быть можетъ убѣдили бы** Гребенцовъ; но Кумскіе раскольники» и т. п.	По смыслу слѣдовало бы: «быть, можетъ, **не убѣдили бы**»
94	«За то ближайшую и сильную поддержку нашли они въ лицѣ **кабардинскаго князя Муртазали-Мисостова.**	Печальное недоразумѣніе. Муртазали былъ кумыкъ, Аксайскій владѣлецъ, зять княгини **Тауки Салтанбековны** (см. у то жеПотто стр. 101), **Мисостъ**—кабардинскій князь.
94	«**Двѣ тысячи** кабардинцевъ и 2000 азовскихъ **татаръ**».	У Бентковскаго **1000 панцырниковъ** и **2000 азовскихъ** казаковъ. Источники тѣ же. Полагаю, что, ввиду неоднократныхъ неправильностей передачи Потто, у Бентковскаго вѣрнѣе.
94	«Двинулись къ **Теркамъ**».	У Бентковскаго—**на Донъ.**
94	«Сулака и притока его **Аграхань**».	Аграхань—**рукавъ**, а не **притокъ** Сулака.
94	«Мятежники Цымлянской станицы».	Что за мятежники? О нихъ раньше въ текстѣ ничего не было.
85	«Тауксалъ Тальбековна».	Вѣрнѣе: **Таука Солтанбековна.** Бентковскій, стр. 31.
95	«Вдова двоюроднаго дѣда знаменитаго Каспулата, князя Алегука Сунчалѣевича, скончавшагося бездѣтнымъ.»	Алегука былъ родной дядя, а не двоюродный дѣдъ Каспулата (см. составленную мною «Родословную» князей кабардинскихъ).
95	Ссылка подъ вышеприведеннымъ сообщеніемъ № 12 на Бѣлокурова.	Бѣлокуровъ помѣстилъ документы по 1614 г. Ссылка относится къ событіямъ 1690 г.; слѣд., она неправильна.
104	«Эштекъ-Султанъ, Кубанскій **Наибъ**».	Въ рапортахъ Мещерякова и Алпатова (см. замѣч. къ стр. 22) **Каибъ-Султанъ.** Гдѣ-нибудь ошибка.

105	«Переселились ближе къ морю въ новый городокъ «**Редутъ**», гдѣ оставались уже 15 лѣтъ до окончательнаго переселенія ихъ Петромъ Великимъ на р. Сулакъ въ крѣпость Св. Креста.	Что такое **редутъ**, выдаваемый за казачій **городъ?** «Тогда (по упраздненіи Терокъ»), говоритъ Бутковъ, между рукавами Терека, вмѣсто упраздненной крѣпости, сдѣланъ **редутъ** на высокомъ мѣстѣ, человѣкъ на 100 или 200, въ которомъ было 1725 года 12 пушекъ и одна мортира; а въ гарнизонъ присылаема была изъ крѣпости Св. Креста рота регулярной пѣхоты. Но мѣсто сего **редута** и бывшей крѣпости Терки скоро потоплено водою». Бутковъ. Матеріалы, т. I, ст. 77.
109	Въ 1712 году Гребенцы поселены въ **пяти** городкахъ.	Невѣрно, городковъ было только **четыре**.

Примѣчанія.

Глава III

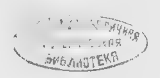
3	«**Шора-Ногманъ.**»	**Шора-Бекмурзинъ-Нгмовъ.**
17	«**Изъ матеріаловъ Синюхаева**».	Что это за матеріалы?[1])

Глава VI.

12	«**Изъ матеріаловъ Г. Т. Синюхаева**».	Тоже самое.
14	«Источникъ авторомъ не указанъ».	Этотъ **источникъ**: Бѣлок., стр. 547 и др.

И т. п.

Библіотекарь О-ва Любителей Казачьей Старины **Георгій Ткачевъ**.



1) Матеріалы, собранные г. Г. Т. Синюхаевымъ, находятся въ Войсковомъ Штабѣ и предназначены къ напечатанію. *Ред.*

K